

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2025. Том 13, № 2

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2025, vol. 13, no. 2

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index Database, National Platform of Periodical Scientific Publications (RCSI), CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./Fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нурғалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемиль, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор Гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почekaев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Университет Калгари (Калгари, Канада)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloğlu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editor: **Stephen Pow**, Ph.D. (History), University of Calgary (Calgary, Canada)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Joo-Yup Lee. The Historical Meanings of the Term <i>Tatar</i> : a Critical and Comprehensive Examination	240
Джаксон Т.Н., Литовских Е.В. «Татары» и «Государство Татар» в памятниках древнескандинавской письменности	262
Тимохин Д.М. Сведения о кара-татарах в мусульманских памятниках XIII в.	277
Margaryan G., Harutyunyan A. Ethno-Historical Perception of the Tatars in Medieval Armenian Sources: Contexts and Interpretations	295
Ганиев Р.Т., Буцык П.И., Хамзин И.Р. Сведения о «татарах» в средневековых китайских, монгольских и древнетюркских источниках (V–XIV вв.)	313
Еманов А.Г. Каталог народов татарского мира Иоанна Султановского начала XV века	346
Sayfettinova E.G. The Concept behind the Term "Tatars" in Medieval Arabic Writings of the 13th–15th centuries	367
Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. Образ «татар» в письменных источниках Древней Руси и государств «христианского мира»	375
Самигулов Г.Х. Значение понятия «татары» в документах Московского царства по Зауралью конца XVI – XVIII века	392
Фоменко И.К. «Тех, кого мы величаем Тартарами», или татарский след на европейских средневековых картах	400
Нагаминэ Х. «Татар» в тюрко-монгольской традиции позднесредневековых исторических источников	441
Ахмезер Г. Этнонимы, обозначающие татар в еврейских источниках XIII–XIX вв., и их значения в культурно-историческом контексте	460

Хроника

Гиниятуллина Л.С. VIII Международный Золотоордынский Форум, Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г.	475
---	-----

CONTENTS

Publications

Joo-Yup Lee. The Historical Meanings of the Term <i>Tatar</i> : a Critical and Comprehensive Examination	240
Jackson T.N., Litovskikh E.V. “Tatars” and the “State of Tatars” in Old Norse-Icelandic Literature	262
Timokhin D.M. Information about the Qara-Tatars in Muslim sources of the 13th century	277
Margaryan G., Harutyunyan A. Ethno-Historical Perception of the Tatars in Medieval Armenian Sources: Contexts and Interpretations	295
Ganiev R.T., Butsyk P.I., Khamzin I.R. Information about the “Tatars” in medieval Chinese, Mongolian and ancient Turkish sources (5th–14th centuries)	313
Emanov A.G. Tatar World’s peoples catalog by Iohannes of Sulthanyeh in early 15th century	346
Sayfetdinova E.G. The Concept behind the Term “Tatars” in Medieval Arabic Writings of the 13th–15th centuries	367
Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The image of the “Tatars” in the written sources of Old Russia and the States of the “Christian world”	375
Samigulov G.Kh. Meaning of the concept “Tatars” in the Moscow Kingdom documents on the Trans-Urals during the late 16th – 18th centuries	392
Fomenko I.K. “Those Whom We Call Tartars”, or the Tatar Trace on European Medieval Maps	400
Nagamine H. “Tatar” in the Turco-Mongol Tradition of the Later Jochid Historical Sources	441
Akhiezer G. Ethnonyms designating Tatars in Jewish sources of the 13th–19th centuries and their meanings in the cultural and historical context	460

Chronicle

Giniyatullina L.S. VIII International Golden Horde Forum, Bolghar–Kazan, June 9–11, 2025	475
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.240-261>

УДК 94

EDN: ASOKQC

THE HISTORICAL MEANINGS OF THE TERM *TATAR*: A CRITICAL AND COMPREHENSIVE EXAMINATION

Joo-Yup Lee

University of Toronto

Toronto, Ontario, Canada

jooyup.lee@mail.utoronto.ca

Abstract. This article is a critical and comprehensive examination of the historical meanings and uses of the term *Tatar*, drawing on a broad range of primary sources. It focuses on identifying to whom and by whom the term was applied across different historical periods. In the pre-Mongol period, *Tatar* denoted a nomadic people of eastern Mongolia, as recorded in Türk, Uyghur, and Qirghiz inscriptions, Chinese histories, and works like Maḥmūd al-Kāshgharī's *Dīwān Luġāt al-Turk*. On the eve of the Mongol conquests, the Tatars were destroyed as a collective entity by Chinggis Khan, who viewed them as his ancestral enemies. However, during the Mongol period, *Tatar* became a widespread exonym for the Mongols, used by Chinese, Western European, Rus', and Muslim writers. During the post-Mongol period, this external use continued. Writers in Ming China, the Islamic world, and Russia, among others, used *Tatar* to refer to both Mongols and their descendants. However, the heirs of the Mongol empire, namely, the Timurids, Moghuls, Uzbeks, and Kazakhs rejected it as a self-name. The notable exception were the Crimean Tatars of the western Jochid realm, who had adopted *Tatar* as a self-designation by the late 15th century or earlier. In the Russian empire, *Tatar* was more broadly used to denote not only the Mongols and their descendants, but also various Turkic-speaking subjects of the expanding empire. Similarly, Western European writers applied *Tartar* to Inner Asians, including the Manchus. Today, *Tatar* remains a self-name among the Crimean and Kazan Tatars.

Keywords: Tatar, Tatars, Mongols, Mongol empire, Ulus of Jochi, Golden Horde, Crimean and Kazan Tatars

For citation: Joo-Yup Lee. The Historical Meanings of the Term *Tatar*: a Critical and Comprehensive Examination. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 240–261. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.240-261>

© Joo-Yup Lee, 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

Before the rise of the Mongols at the turn of thirteenth century, the most powerful nomadic people in eastern Mongolia were the Tatars. The Ilkhanid historian Rashīd al-Dīn (d. 1318), who was commissioned to write a Mongol history by Ghazan Khan (r. 1295–1304), grandson of Chinggis Khan, praised their valor and prowess saying, “With their great numbers, if they had agreed with one another and not fought, neither the Chinese nor any other creature could have withstood them” in his *Jāmi‘ al-tavārīkh* [65, p. 57; 66 p. 44]. Chinggis Khan (r. 1206–27) himself viewed these Tatars as the sworn enemies of the Mongols remarking that “From old days, the Tatar people have been our mortal enemies, the people who have destroyed our fathers and forefather” [76, p. 1:56]. Ironically, the Cilician Armenian historian Het’um (d. c. 1310/1320) wrote in his history and geography of Asia, *La Flor des estoires de la terre d’Orient* [The Flower of Histories of the East], that Chinggis Khan “became Emperor by the general consent and will of all the Tatars” [26]. About three centuries after Chinggis Khan’s death, his descendant Mehmed Girāy Khan (r. 1514–23), ruler of the Crimean khanate, styled himself as “the lord of all the lands of the Qipchaq Steppe and the hereditary lord of the Tatars” in a letter he sent to a king of Poland [39, p. 642, 646].

As shown in these examples, the term *Tatar* was applied to, in different times and regions, a variety of entities, ranging from the sworn enemies of Chinggis Khan to the Chinggisid rulers of Crimea. Still, in modern literature, the term *Tatar* is often used without being clearly defined.

This article is a critical and comprehensive examination of the historical meanings of the term *Tatar*. It aims to analyze to whom and by whom the term *Tatar* was historically applied, drawing on a broad-range of primary sources. It is not concerned with the ethnicity or ethnogenesis of the groups that historically bore this name. This article will demonstrate that the term *Tatar* denoted a Mongolic nomadic people residing in and around eastern Mongolia in various sources produced during the pre-Mongol period; became an “exonym” for the Mongols in the Mongol period; continued to be used as an exonym for the Mongols and their Mongol descendants, who reserved *Tatar* for the original Tatars, who were destroyed as a corporate entity by Chinggis Khan, except for the “(Crimean) Tatars” of the western Jochid realm who adopted it as a self-name, in the post-Mongol period¹.

The Term *Tatar* in the Pre-Mongol Period

During the pre-Mongol period, the term *Tatar*, which appeared in various sources, including Turkic, Muslim, and Chinese sources, denoted a Mongolic nomadic people residing in and around eastern Mongolia².

Tatar in the Turkic Inscriptions

The term *Tatar* is first attested in the eighth-century Orkhon Inscriptions³, which were erected by the Eastern Türks who established a revived Türk state

¹ Later, the Kazan Tatars also adopted *Tatar* as a self-name. In the Russian empire, *Tatar* became a broader term that encompassed various Muslim and non-Muslim Turkic-speaking groups.

² These Tatars were in all likelihood a Mongolic-speaking nomadic people. However, in pre-modern Inner Eurasia, nomadic confederations were often made up of tribes of diverse linguistic backgrounds. Therefore, some Turkic-speaking elements may have been present among the Tatars. On this point, see Lee [42, p. 113–17].

known as the Second Türk Qaghanate (682–745 CE). The Kül Tegin and Bilge Qaghan inscriptions list “the Otuz Tatar (Thirty Tatars)” as enemies of the Türks, along with the Qirghiz, the Khitan, and other Inner Asian peoples⁴. Elsewhere, they mention that “the Otuz Tatars” sent delegations, along with the Chinese, Qirghiz, and Khitans, among others, to the funeral of the founders of the Türk Qaghanate as follows:

Then they passed away. People came from the sunrise-place in the east, including Bukli, the land of Collug, Tang China, Tibet, Apar, Purum (Rum, i.e. Byzantium), Kırkız, Uc Kurikan, Otuz Tatar, Kitan and Tatabi, to attend the funeral feast and lament⁵.

The Bilge Qaghan inscription also mentions “the Toquz Tatar (Nine Tatars)” as allies of the Oghuz [16, p. 212, 222]⁶. In the Uyghur inscriptions, the Tatars appear as “the Toquz Tatar (Nine Tatars).” For instance, the Shine-Usu inscription, erected for the Uyghur khan Moyun Chor (r. 747–59), states that the Uyghurs subdued the Sekiz Oghuz (Eight Oghuz) and the Toquz Tatars in 749⁷.

Tatar in the Chinese Sources

The Tatars mentioned in the Turkic inscriptions appeared for the first time in the Chinese sources in the ninth century CE⁸. They are mentioned as *Dada* (達怛) and *Heichezi Dada* (黑車子達怛) in the Tang Chinese writer Li Deyu (李德裕)’s *Huichang Yipinji* (會昌一品集), a collection of the edicts that Li drafted, which contains information on the Uyghurs [49]⁹. The *Jiu Wudaishi* (舊五代史) [Old

³ The Orkhon Inscriptions are two stone monuments erected in the valley of the Orkhon River in northern Mongolia by the Second Türk Qaghanate in honor of the Türk qaghan Bilge and his brother Kül Tegin. Along with the Tonyuquq inscription, which was erected by the Türk commander and statesman Tonyuquq, the Orkhon Inscriptions are considered the first native history writing produced by the Inner Asian nomads themselves.

⁴ See line 12 (east side) of the Bilge Qaghan inscription and line 14 (east side) of the Kül Tegin inscription [16, p. 182, 200, 208, 219].

⁵ Line 5 (east side) of the Bilge Qaghan inscription and line 4 (east side) of the Kül Tegin inscription. The English translation is from Chen [16, p. 180, 199, 207, 218].

⁶ The Otuz Tatars and the Toquz Tatars were two different Tatar groupings. The relationship between the two remains unclear. This article does not seek to explore their relationship.

⁷ Line 3 (east side) of the Shine-Usu inscription [52, p. 13 (text), p. 26 (trans.)]. For the Oghuz, also known as Tiele in the Chinese histories, see Lee [47, p. 12–21]. The Tatars are also mentioned in the Qirghiz inscriptions. For instance, see Kyzlasov [41, p. 22–23] and Klyashtorny [40, p. 35].

⁸ In the *Songshu* (宋書) [Book of the Song Dynasty], a fifth-century history of the short-lived Liu-Song Dynasty (420–479), which ruled in southern China, the Rourans, a nomadic people of Para-Mongolic or mixed origin, are referred to as *Datan* (大檀) and *Tantan* (檀檀) (“芮芮一號大檀，又號檀檀”). However, the connection between the fifth-century Rourans and the later Tatars remains speculative. For the *Datan* (大檀) and *Tantan* (檀檀), see Shen [82].

⁹ The “Heichezi Dada (黑車子達怛)” were a clan of the Shiwei (室韋), a Proto-Mongolic people who resided in far-eastern Mongolia and northern Manchuria. The Otuz Tatars and the Shiwei were likely the same nomadic entity. If so, one may argue that the Tatars (Shiwei) first appeared in the Chinese histories in the seventh century CE, in the

history of the Five Dynasties]¹⁰, compiled in 974, provides the following account of the Tatars:

The Tatars, remnants of the Mohe tribe¹¹, originally resided to the northeast of the Qay and Khitan tribes. As the Khitan tribe gradually gained strength, they frequently launched attacks and raids on the Tatars, causing their tribes to disperse. Some fell under the dominion of the Khitan, while others sought refuge with the Balhae/Bohai state¹². Gradually, they migrated to the Yinshan (陰山) region¹³. Due to linguistic distortions, they were henceforth known as Tatars ... They are good at horseback archery and have a lot of camels and horses¹⁴.

Wang Yande (王延德) (938–1006), a Song Chinese envoy who visited the Uyghurs of Qocho, refers to the Tatars as “the Nine Tribe Tatar (九族達靼)” in his travel report known as *Gaochang xingji* (高昌行紀). He also writes about the Tatars as follows:

The Khitans were once engaged in sheep herding for the Uyghurs, and the Tatars were once engaged in cattle herding for the Uyghurs. When the Uyghurs migrated to Ganzhou, the Khitans and the Tatars began to contend for dominance and attacked each other¹⁵.

Tatar in the Muslim Sources

The term *Tatar* in the Muslim sources produced during the pre-Mongol period also referred to the Mongolic nomadic people mentioned in the aforementioned Turkic inscriptions and the Chinese sources. Muslim writers, who used the term *Turk* as a collective name for the Inner Asian nomadic peoples, including Mongolic-speaking groups [42, p. 108–113, 118–21], often listed the Tatars, along with other Turkic and non-Turkic nomadic peoples, as being *Turks*. For instance, the Tatars are mentioned in the *Hudūd al-‘ālam*, a tenth-century concise Persian geog-

Suishu (隋書), the official dynastic history of the Sui Dynasty, which was compiled in the seventh century.

¹⁰ The term “Five Dynasties” in Chinese history denotes the five states that succeeded one another in northern China between 907 and 979 CE, that is, the period between the fall of the Tang dynasty and the rise of the Song dynasty.

¹¹ This is an incorrect statement. The Mohe were an ancient people of Manchuria, who are considered ancestors of the Tungusic Jurchens and Manchus.

¹² The Khitans were a Para-Mongolic people who founded the Liao dynasty (916–1125). They used the term *Zubu* (阻卜) for the Tatars. Balhae/Bohae (698–926) was a successor state to the northern Korean kingdom of Goguryeo.

¹³ The Yinshan Mountains (陰山) is located in modern-day Inner Mongolia.

¹⁴ “韃靼，韃靼之遺種，本在奚，契丹之東北，契丹漸盛，多為攻劫，部衆分散，或屬契丹，或依渤海，漸徙陰山，語訛謂之韃靼 ... 其俗善騎射，畜多駝馬。” This passage, which is missing in the copies of the *Jiu Wudaishi* edited in the Qing period, is included in Chapter 69 of the *Dashiji Xubian* (大事記續編) [A continuation of the great historic events] by the Ming Chinese scholar Wang Yi (王禕), who drew on both old and new *Wudaishi* histories [88]. Also, see [17]. I would like to thank Pu Xiaoping (蒲小平), Ph.D. candidate at the Renmin University of China, for offering me indispensable assistance in clarifying the source of this passage. A slightly modified passage is included in *Xin Wudaishi* (新五代史) [New History of the Five Dynasties] [60].

¹⁵ “契丹舊為回紇牧羊，達靼舊為回紇牧牛，回紇徙甘州，契丹、達靼遂各爭長攻戰。” [87].

raphy of the then known world, as a branch of the Uyghurs [27, p. 94]. The eleventh-century *Qābūs-nāma*, a famous Mirror for Princes written by Kai Kā'ūs b. Iskandar, lists the Tatars alongside the Turkic-speaking Oghuz, Qipchaq, and Chigil, and the non-Turkic-speaking Tibetans and Qay, referring to all of them as *Turks*:

Amongst them the most ill-tempered are the Ghuzz [Oghuz] and the Qipchāqs; the best-tempered and the most willing are the Khutanese, the Khallukhīs and the Tibetans; the boldest and the most courageous are the Turghay [Qay], the most inured to toil and hardship and the most active are the Tatars and the Yaghmā, whereas the laziest of all are the Chigil [34, p. 103; 35, p. 63]¹⁶.

The eleventh-century Qarakhanid lexicographer Maḥmūd al-Kāshgharī also mentions the Tatars in his *Dīwān Luġāt al-Turk*, a compendium of the Turkic dialects. He describes the Tatars as *Turks* who speak “their own language” but “also know Turkic well” [36, p. 1:85]. When mentioning the Ötükān, the sacred forest of the Türks, Kāshgharī writes that it is the “name of a place in the deserts of Tatār, near Uighur” [36, 1:159]. The mid-eleventh century Persian historian and geographer Gardīzī mentions the Tatars as the ancestral group of the Kimeks, a nomadic confederation that resided in Western Siberia at the turn of the eleventh century, as follows:

The origin of the Kimeks had been that the chief (*mihtar*) of the Tatars died and left two sons. The elder son seized the kingship and the younger son became jealous of his brother. The name of this younger brother was Shad. He made an attempt to kill his elder brother but could not and became worried about himself. There was a slave girl and she was his lover. He took that girl and ran away from his brother. He arrived at a place where there were a great river, many trees, and abundant game ... seven persons from the relative of the Tatars came near them. The first one was Īmī; the second, Īmāk; the third, Tatār; the fourth, Bayāndur; the fifth, Khifchāq; the sixth, Lanīqāz; and the seventh, Ajlād. This folk (*qaumī*) had brought the horses of their lords to pasture ... Other people who heard this news began to come. Seven hundred individuals gathered. For a long time, they stayed serving Shad. Later when they multiplied, they spread to those mountains and formed seven tribes named after these seven persons we have mentioned [2, p. 549–51]¹⁷.

The renowned Arab historian Ibn al-Athīr (d. 1233) also makes mention of the Tatars, whom he identifies with the later Mongols, in his *al-Kāmil fī al-tārīkh* as follows: “There remained some Turks who had not converted, the Tatars and the Khitay (*wa baqā min al-Atrāki man lam yaslam Tatar wa Khaṭā*)” [31, p. 520; 32, p. 56].

The Term *Tatar* in the Mongol Period

During the Mongol period, the term *Tatar*, which had come into existence with a nomadic people of eastern Mongolia, no longer primarily referred to its original bearers¹⁸. Instead, it began to be used as an exonym for the Mongols by Chinese, European, and Muslim writers, among others.

¹⁶ The word in the brackets is mine.

¹⁷ For the Russian translation of Gardīzī's account of the Kimeks, see [14, p. 43–45]; and for the English translation of this text, see [51, p. 109–217].

¹⁸ The original Tatars—namely, the direct descendants of the pre-Mongol era Tatars—were destroyed as a corporate entity by Chinggis Khan in 1202.

The Mongol View of the Tatars

It has been noted by Rashīd al-Dīn that as a consequence of the power and prestige that the Tatars commanded, their name became widely used as a self-name by other non-Tatar groups [65, p. 57; 66, p. 44]. However, the Mongols did not identify themselves as *Tatars*, whom they saw as their ancestral enemies¹⁹. Importantly, the *Secret History of the Mongols*, a thirteenth-century Mongol history of Chinggis Khan and his ancestors, and the *Jāmi‘ al-tavārīkh*, the universal history written for the Ilkhanids by Rashīd al-Dīn, both of which reflect the Mongol view of the Tatars, use the term *Tatar* only to refer to the original Tatars with whom they had a long-standing blood feud²⁰.

Tatar in the Chinese Sources

However, Chinese writers used the term *Tatar* (*Dada* 韃靼) to refer to the Mongols²¹. Notably, the Southern Song envoy Zhao Gong, who visited the Mongols in the early thirteenth century, uses, in his *Mengda beilu* (蒙鞑備錄) [A memorandum on the Mong-Tatars], the term *Tatar* (*Dada* in Chinese) to refer to the Mongols and the Turkic Önggüt, who had submitted to the former. He refers to the former as “the Tatar” or “the Black Tatar (*Hei Dada* 黑韃靼)” and the latter as “the White Tatar (*Bai Dada* 白韃靼)”²². Peng Daya and Xu Ting, two other Southern Song envoys to the Mongols, also used the term *Tatar* to refer to the Mongols. Like Zhao Gong, they call the Mongols and the Turkic Önggüt “the Black Tatar” and “the White Tatar,” respectively, in their *Heida shilüe* (黑韃事略) [A sketch of the Black Tatars]²³. These Southern Song writers make no mention of the original Tatars, who had been eradicated as a corporate entity by Chinggis Khan in 1202 and therefore remained unseen to their eyes. *Tatar* continued to be used for the Mongols during the Mongol Yuan period. For instance, in a regulation recorded in the *Yuan Dianzhang*, the compendium of Yuan administrative law written in the early fourteenth century, the Mongols are referred to as “Tatar (*Dada* 達達)”²⁴.

¹⁹ By contrast, Stephen Pow speculates that the Mongols used *Tatar* as a self-name in the first three or four decades of their expansion [62, p. 545–67].

²⁰ For instance, see [76, p. 1:10–11, 13, 16, 56–59, 76–77; 65, p. 57–71; 66, p. 43–52]. However, Vaṣṣāf, another fourteenth-century Persian historian of the Ilkhanate, uses the term *Tatar* for the Mongols unlike Rashīd al-Dīn. See [3, p. 291]. ‘Alā’ al-Dīn ‘Aṭā Malik Juvaynī also refers to the Mongols as *Tatar* occasionally. For instance, he writes, “The home of the Tartars, and their origin and birthplace, is an immense valley” [11, p. 20].

²¹ *Tatar* was written in different Chinese characters such as 韃靼 (*Dada*), and 達達 (*Dada*), among others. 達子 (*Dazi*) was a derogatory form of *Dada*.

²² Zhao Gong also uses the term “Raw Tatar (*Sheng Dada* 生韃靼)” to denote some obscure nomadic tribes of Mongolia. However, he does not necessarily use the term *Tatar* as a collective name for the Inner Asian nomadic peoples since he describes the Tatars as a specific people descending from the Shatuo, a Turkic nomadic people who established the Later Tang (923–936), Later Jin (936–943), and Later Han (947–951) in North China in the tenth century CE. See [23, p. 3–4; 12, p. 72–73]. For the Chinese text, see <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=730764> (date accessed 9.09.2024).

²³ Peng Daya and Xu Ting also does not use the term *Tatar* as a collective name for the Inner Asian nomadic peoples. The Merkit, Naiman, Qangli, and Qipchaq, among others, are called by their own name in their work [23, p. 87, 209–10; 12, p. 93–94, 127–8].

²⁴ See [90, 8.9a–b].

Muslim Usage of the Term *Tatar*

When the Mongols first appeared in the Islamic world in the early thirteenth century, Muslim writers applied the term *Tatar* to the invading Mongols in all likelihood because they identified the latter with the original Tatars²⁵. For instance, Abū Shāma (1203–67), a historian of thirteenth-century Damascus, depicts the Mamluk victory over the Mongols at ‘Ayn Jalut calling the latter “Tatars” as follows:

The Tatars conquered the lands and there came to them, from Egypt, a Turk, who was unmindful of his life. In Syria, he destroyed and scattered them (*ghalaba al-Tātār ‘alā al-bilādi fajā’ahum, min Miṣra Turkīyyun yajūdu bi-naḥsihi, bi-l-Shāmi ahlakahum wa badada shamlahum*) [8, p. 208].

Notably, the Mamluk ruler Sulṭān al-Nāṣir (r. 1293–1341, with two interruptions) referred to the Mongols as “Tatars” when explaining the relationship between the Mamluks and the Mongols to French envoys as follows:

The only thing which diverted us from (handling) you was our fighting with the Tatars. Today, however, we are, thank God, at peace (with them). We and they are of the same race (*naḥnu wa-iyyāhum min jins wāḥid*), and none of us will desert the other [13, p. 122].

The Russian and European Usage of the Term *Tatar*

The Western European writers and the Rus’ chroniclers during this period also used the term *Tatar* or *Tartar* to refer to the Mongols²⁶. For instance, the *Novgorod First Chronicle* (*Novgorodskaya pervaya letopis’*) refers to the Mongols, whom the Rus’ fought at the Battle of the Kalka River, as “Tatars (*татары*)” [57, p. 264–7]. John of Plano Carpini, the Franciscan friar sent as an envoy of Pope Innocent IV to the Mongols, refers to the latter as “Tartars” in his travel account, for instance, as follows: “The Tartars also wiped out the Kanghai [Qanqli] and now inhabit their country” [15, p. 58–59]²⁷.

The Term *Tatar* in the Post-Mongol Period

During the post-Mongol period, Ming Chinese, Muslim, and Russian writers, among others, continued to use the term *Tatar* for the Mongols as well as those whom they viewed as Mongol descendants.

Tatar in the Ming Chinese and Korean Sources

The Ming Dynasty (1368–1644), the Chinese state that ousted the Mongols from China in 1368, continued to use the term *Tatar* (*Dada* 韃靼 or 達達) to refer to the Mongols. Notably, the *Mingshi* (明史) [History of the Ming Dynasty] refers to the Northern Yuan Mongols as *Tatar* (*Dada*) as follows: “The Tatars are Mongols, descendants of the former Yuan Dynasty”²⁸. The *Ming shilu* (明實錄), the

²⁵ On the reason why the term *Tatar* became widespread before the rise of the Mongols, see [65, p. 57; 66, p. 1:44]. Muslim writers also often referred to the Mongols as *Turks*. See [42, p. 118–21; 46, p. 4–6].

²⁶ In medieval Europe, *Tatar* was distorted to “Tartar,” a name that depicts the Mongols as coming from Tartarus (hell).

²⁷ The word in the brackets is mine.

²⁸ “韃靼 即蒙古故元後也” [92, Chapter 327, p. 8463]. In the late Qing period, Chinese revolutionaries including Sun Yat-sen, who overthrew the Qing dynasty and founded the Republic of China, applied the derogatory term *Tatar* (*Dalu* 韃虜) to refer to the Manchu rulers.

imperial annals of the Ming dynasty, also applies the term *Tatar* to the Kazakhs calling them *Dada huiyi* (韃靼回夷), meaning “Tatar Muslim barbarians”²⁹.

The Koreans, who experienced Mongol rule for nearly a century, also used the term *Tatar* (*Dada* 達達 or 韃靼) as well as *Menggu* (蒙古) for the Mongols. For instance, describing the Mongol envoys sent to Korea in 1231 to demand submission, the *Goryeosa* 高麗史 [History of Goryeo], an official history of Korea’s Goryeo Dynasty (918–1392), composed in the mid-fifteenth-century Joseon Dynasty, uses both *Tatar* (*Dada* 達達) and *Menggu* (蒙古) to refer to the Mongols [22]. Elsewhere in this history, the Mongol herders stationed in the Jeju Island, which was used by the Yuan Dynasty as a grazing ground for Mongol horses, are called “Tatar herders (達達牧子 or 韃靼牧子)” [22].

Russian and European Usage of the Term *Tatar*

After the dissolution of the Ulus of Jochi, also known as the Golden Horde, into several into several states in the mid-fifteenth century, the Muscovites continued to use the term *Tatar* for the Mongols and their successors, including the Crimean Tatars and the Timurids. Notably, the sixteenth-century *Nikon Chronicle* describes Temür as belonging to “the trans-Yaik/Ural Tatars from the Samarqand(?) countries (*ot" zaits'kikh" tatar" ot" Samarkhiyskiya strany*)” [69, p. 258; 55, p. 94]. It also applies the term *Tatar* to the Crimean Tatars, depicting them and the Mongols as one and the same people [70, p. 179, 192; 56, p. 282, 296]³⁰. Later, in the Russian empire, the term *Tatar* was used as a broader designation encompassing various Muslim as well as non-Muslim Turkic-speaking groups residing in the Volga-Ural regions, Siberia, Crimea and the South Caucasus³¹.

²⁹ See [52]. The *Ming shilu* applied the term *Dada* to the Kazakhs probably because the Ming believed that the “western lands” were still being ruled by Mongol descendants. According to Nurlan Kenzheakhmet, the *Shuyu Zhouzi lu* (殊域周咨錄) [Informative records on countries far away], written by Yan Congjian (嚴從簡) in 1574, describes the Kazakh khans as being half Tatars (達子) [58, p. 137]. The relevant passage in the *Shuyu Zhouzi lu* reads as follows: “The Kazakh king (哈辛王) and others originally resided in the Uzbek (Ejibie額即兒) territory in the northern mountains of Samarqand, and they claimed to be partially Tatar (*Dazi*達子) (哈辛王等原在撒馬兒罕北山額即兒地面居住, 且言半是達子) [83]. *Dazi* (達子) was a derogatory term for the Tatars. The *Mingshi* also describes the Timurids of the fifteenth century as Mongol descendants as follows: “[Chinggis Khan] mopped up and pacified the Western Regions (西域) and appointed kings and royal son-in-laws (駙馬) as their rulers. The name *Samaerhan* (撒馬兒罕) [Samarqand] came into existence when he changed the former name of the state into a Mongolian one ... In the later years of the Yuan Dynasty, the royal son-in-law (駙馬) Temür became its king ... After the royal son-in-law of the Yuan Dynasty Temür became the ruler of Samarqand, he again sent his son Shahrukh (沙哈魯) to conquer Herat (哈烈) (元太祖蕩平西域, 盡以諸王·駙馬爲之君長。易前代國名以蒙古語, 始有撒馬兒罕之名 ... 元末爲之王者, 駙馬帖木兒也 ... 元駙馬帖木兒既君撒馬兒罕又遣其子沙哈魯據哈烈)” [92, Chapter 332, p. 8597, 8609].

³⁰ The Polish-Lithuanian chroniclers also used the same term *Tatar* to refer to the Mongols and the Crimean Tatars. For instance, Jan Dlugosz refers to the Crimean Tatars as *Tatars* mentioning their raid into Poland in 1469 [33, p. 243–44].

³¹ For instance, the Khakas, a non-Muslim Turkic group residing in South Siberia, were called “Abakan Tatars (Abakanskie Tatory)” or “Minusa Tatars (Minusinskie Tatory)”

Western European writers also continued to use the term *Tartar* for the Mongol descendants of the Ulus of Jochi. For instance, Sigismund von Herberstein (d. 1566), the envoy sent to Muscovy by Emperor Maximilian I in 1517, referred to both Temür and the Jochid nomads of the Qipchaq Steppe as “Tartars” in his work [25, p. 2:49–53]. The Castilian traveler Pero Tafur (c. 1410–c. 1484), who visited Crimea in 1437, used the name *Tartar* to refer to the Tatars of Crimea, whom he distinguished from the “Turks,” i.e., the Ottomans. He writes as follows:

[The Tartars] are commonly small in stature and broad-shouldered. Their foreheads are wide and their eyes are small. It is said that the most deformed are of the noblest birth. It is said also that when they meet the Turks they always have the better of them, and that the Turks, as a consequence, beat the Greeks, and the Greeks the Tartars [84, p. 136].

Like the Russians, Western European writers later used the term *Tartar* more broadly to denote the peoples of Inner Asia. Notably, when the Tungusic-speaking Manchus conquered China in the seventeenth century, European Catholic missionaries called them Tartars, a name they had previously applied to the Mongols proper [18, p. 83–89]³².

Muslim Usage of the Term *Tatar*

During the post-Mongol period, Muslim writers continued to apply the term *Tatar* to the Mongols and those whom they viewed as Mongol descendants, namely the Timurids, the Uzbeks, and the Crimean Tatars, among others³³. For instance, Ibn ‘Arabshāh (d. 1450), the author of a biography of Temür (r. 1370–1405), the *‘Ajā’ib al-maqdūr fī nawā’ib Tīmūr*, employs the term *Tatar* (*Tatār*) for Temür’s army [9, p. 123, 306; 73, p. 64, 169]. Similarly, Ibn Khaldūn, the greatest Arab historian, calls Temür “the sultan of the *Mughul* and *Tatar*” when describing his meeting with the latter [28, p. 366]. *Tatar* was a name Ibn Khaldūn used to refer to the Mongols. Therefore, he named his chapter on the history of the Mongols “Report on the Rule of the Tatars [who are one] of the Turkic Tribes (*al-khabar ‘an dawlat al-Tatar min shu’ūb al-Turk*)” [29, p. 5:515]³⁴. Similarly, the Ottoman historian Muṣṭafā ‘Ālī (d. 1600) used *Tatar*, in his universal history, *Künhü’l-aḥbār*, to denote the Mongols, the Timurids, and the Crimean Tatars. In the third volume of his work, he refers to the Chinggisids and Timurids (*Āl-i Timur u Āl-i Cengizī*) as “the Tatar people (*qavm-i Tatar*)” [20, p. 1:69]³⁵. Elsewhere, he refers to

by the Russians. Similarly, the latter used the name “Caucasian Tatars” for the Turkic-speaking Azeris of the South Caucasus.

³² For a detailed discussion of how Europeans (including Russians) defined “Tartary,” see [21].

³³ Muslim writers applied the term *Tatar* to these peoples regardless of the fact that they were Turkic-speakers. One should note that Muslim writers also applied the term *Turk* to the Mongols and other non-Turkic Inner Asian nomadic peoples. In short, they did not view linguistic affiliation as a primary factor in identity formation. On this point, see [42, p. 113–17].

³⁴ Mamluk chroniclers also used the term *Tatar* for the Mongols. For instance, the later Mamluk historians al-Malaṭī and Ibn Taghrībirdī referred to the ruler of the Ulus of Jochi as “the king of the Tatars in the Land of the Qipchaqs (*malik al-tatār bi-Dasht Qibjaq*)” [1, p. 2:332] and “the king of the Tatars (*ṣāhib al-Dasht wal-tatar*)” [91, p. 4:107], respectively, in their works. The English quotations are from Koby Yosef [89, p. 180, 183n221].

³⁵ On Temür’s Mongol identity, see [45, p. 200–16].

Temür's tribe as "the Tatar tribe called the Barlas *ulus* (*ulus-i Barlas nām Tatar kabīlesi*)" [20, p. 3:612]. He also uses the term *Tatar* for the rulers of the Ulus of Jochi such as Batu Khan, Urus Khan, and Toqtamış Khan, among others, [20, p. 3: 606–8] and the Crimean Tatars [20, p. 3:608–12]. Evliyā Çelebi (d. c. 1684), the celebrated Ottoman traveler, also calls both the Mongols and Temür *Tatar* in his work. Describing the Crimean city Eski Kırım, Evliyā Çelebi writes "because of Eski Kırım, the Tatars of Hülügü, the Tatars of Chinggis Khan, the Tatars of Temür, and the Tatars of Toqtamış Khan came to Crimea and left after assaulting and plundering (*bu Eski Kırım sebebiyle Hülügü Tatarı ve Cingiz Hân Tatarı ve Timur Leng Tatarı ve Tohtamış Hân Tatarları Kırım'a gelüp nehb [ü] gâretler edüp gitimişlerdir*)" [19, p. 7:251]³⁶.

The Chinggisid and Timurid Views of the Tatars

However, the Chaghatayid and Jochid *uluses* (peoples) of Central Asian oases and the Qipchaq Steppe, namely, the Timurids, the Moghuls, the (Shibanid) Uzbeks³⁷, and the Kazakhs, who identified themselves as heirs to the Mongol empire³⁸, did not use the term *Tatar* as a self-name³⁹. Various Chinggisid and Timurid histories they produced reserve the term *Tatar* for the original Tatars⁴⁰. For instance, in his Introduction (*muqaddima*) to the *Ẓafarnāma*, a Timurid history dedicated to Temür's grandson Ibrāhīm Sulṭān (r. 1415–35), Sharaf al-Dīn 'Alī Yazdī (d. 1454) reserves the term *Tatar* for the original Tatars. Yazdī describes them as the descendants of Tātār Khan, the twin brother of Mughūl Khan, whom he presents as the progenitor of the Mongols including the Chinggisids and the Timurids [81, p. 87–88]. Elsewhere in the *Ẓafarnāma*, Yazdī mentions the term *Tatar* only when referring to the original Tatars, who constantly warred against the Mongols until the time of Chinggis Khan [81, p. 99, 103, 105]. Ulugh Beg (r. 1447–49), who succeeded his father, Shāhrukh (r. 1405–1447), son of Temür, also uses the term *Tatar* in the same sense in his *Tārīkh-i arba' ulūs*, a history of the Mongol empire. The anonymous *Shajarat al-Atrāk*, which is an abridgment of the *Tārīkh-i arba' ulūs*, used the term *Tatar* for the original Tatars⁴¹ and also defines them as the descendants of Tātār, the twin brother of Mughūl [79, p. 37–38; 80, p. 29–30]. The later Timurid historian Khvāndamīr also reserves the term *Tatar* for the original Tatars, whom he depicts as the descendants of Tātār, the twin brother of Mughūl,

³⁶ Elsewhere, Evliyā argues that the Ottomans, the Muscovites, and the Persians, among others, evolved from the Tatars, making the latter "universal nomads." See [61, p. 4].

³⁷ The Shibanid Uzbeks were the Uzbeks who migrated south from the Qipchaq Steppe when Muḥammad Shībānī Khan (r. 1501–10) conquered the Timurid states of Transoxiana and Khorasan in the early sixteenth century. A number of Central Asian writers used the term "Shibanid Uzbek (*Uzbek-i Shībān* or *Uzbekān-i Shībānī*)" to refer to the Uzbeks led by Muḥammad Shībānī Khan, differentiating them from the Kazakhs, whom they called "Qazaq Uzbek (*Uzbek-i Qazāq*)." See [43, p. 97n1, 125–26].

³⁸ For studies on this topic, see [44; 46].

³⁹ Interestingly, I. L. Izmailov argues that because the Mongol invasion destroyed the ruling dynasties in the East European steppes, "all people got mixed within the new ulus structure" and, as a result, "the term *Tatar* was actively introduced into population's public mind, especially that one of military nobility" [30, p. 753].

⁴⁰ The seventeenth-century Northern Yuan Mongol Chronicles *Erdeni-yin Tobci* and *Altan Tobci* also use the term *Tatar* only for the original Tatars [71, p. 50–1; 72, p. 43, 45; 50, p. 7–8, 11].

⁴¹ For instance, see [79, p. 87–88; 80, p. 62–63].

in the *Ḥabīb al-siyar* [37, p. 6, 15–6 ; 38, p. 2–3, 8–9]. The court historian of the Timurid Mughal empire Abū al-Faḥr (d. 1602) also reiterates the Timurid account of the Tatars and use the term *Tatar* for the original Tatars [7, p. 198, 208, 238 (text), p. 199, 209, 239 (trans.)]⁴².

Likewise, Uzbek historians did not apply the term *Tatar* to the Mongols or the Uzbeks themselves and reserved it for the original Tatars. For instance, ʿÖtāmiš Ḥājī does not use the term *Tatar* to refer to the Jochid/Uzbek people in his *Tārīkh-i Dūst Sulṭān* or *Chingīz-nāma*, a history of the Ulus of Jochi he wrote in the 1550s [59]. Ḥāfiẓ Tanīsh Bukhārī also reserves the term *Tatar* for the original Tatars, whom he describes as the descendants of Tātār Khan, the twin brother of Muḡhūl Khan, whom he portrays as the ancestor of the Mongols including the Chinggisids and the Timurids in his *ʿAbdallāh-nāma*, or *Sharaf-nāma-i shāhī* [24, fol. 10b, 24b (text), p. 1:48, 72 (trans.)]. The same holds true for Abū al-Ghāzī Bahādur Khan (r. 1644–63), who describes the Tatars as the descendants of Muḡhūl’s twin brother, Tātār, and as a nomadic people who constantly warred against the Mongols until the time of Chinggis Khan in his *Shejere-i Türk*, a history of the Chinggisids up to the ʿArabshāhid Uzbek dynasty [6, p. 11–12, 17–18, 34–35, 43–45 (text), p. 10–11, 17, 33–34, 44–45 (trans.)].

Similarly, the Kazakhs did not use the term *Tatar* as a self-name or for other Jochid peoples. For instance, their oral traditions do not use *Tatar* to refer to the Crimean and Kazan Tatars and instead use the name *Nogai*⁴³. Accordingly, the late nineteenth/early twentieth-century Kazakh historian Qurbān-ʿAlī Khālīdī refers to the Crimean Tatars as “the Crimean Nogais” [64, p. 82]⁴⁴. Another Kazakh historian Qādir ʿAlī Bek Jalāyirī uses the term *Tatar* only occasionally in two different senses in his *Jāmiʿ al-tavārīkh*, a continuation of Rashīd al-Dīn’s *Jāmiʿ al-tavārīkh*: the Jochid nomadic subjects of the Russian empire and the original Tatars. Qādir ʿAlī Bek uses *Tatar* in the first sense when he writes that Boris Godunov (r. 1598–1605), to whom he dedicated his work, was the ruler of “the Russians on the plain and the Tatars in the steppe” [63, p. 30, 112 (text), p. 116, 170 (trans.)]. He uses *Tatar* in the second sense when he describes the Tatars who fought against Chinggis Khan’s Mongols [63, p. 46, 54–57 (text), p. 128, 132–33 (trans.)]. In short, Qādir ʿAlī Bek’s usage of *Tatar* reflects the traditional Mongol view of the Tatars as well as the Russian usage.

Unlike other Jochid peoples, the Crimean Tatars adopted *Tatar*, which was an exonym used by the Ottomans and the Muscovites, among others, for the Mongols and their descendants, as a self-designation by the late fifteenth century or earlier. In a *yarliq* sent to the Sigismund I (r. 1506–48), King of Poland and Grand Duke of Lithuania, the Crimean khan Meḥmed Girāy (r. 1514–23) used the term *Tatar* to refer to his *ulus* [39, p. 642, 646]. In another letter sent to Sigismund I, Meḥmed

⁴² Likewise, the *Tārīkh-i Rashīdī*, a history of the Moghul (eastern Chaghatayid) Khanate by Muḥammad Haidar Dughlāt (d. 1551), does not use the term *Tatar* as a self-name of the Moghuls. Interestingly, in mentioning a war between the Moghuls and the Qalmaqqs, it applies Tātār to the latter, most likely to differentiate between the two peoples [54, p. 1:35 (trans); p. 2:40 (text)].

⁴³ I first learned about this practice from the Kazakh historian Qanat Uskenbay.

⁴⁴ However, Qurbān-ʿAlī Khālīdī refers to Chinggis Khan’s *ulus* as “the Mongols and Tatars,” like the two eighteenth-century Crimean Tatar chroniclers who will be discussed below, and depicts them as the ancestors of the Kazakhs [64, p. 219–20].

Girāy Khan styled himself as the great khan of “all the Mongols (*barča Moğul*)” [86, p. 2; 39, p. 652, 655], which demonstrates that he identified the Tatars with the Mongols. The Crimean Tatar chronicles do not depict the Tatars as arch-enemies of the Mongols. Instead, they use the term *Tatar* in different but related meanings: the Mongols; the non-Mongol elements that joined Chinggis Khan’s *ulus*; the Jochid *ulus* (people) including the Crimean Tatars. The *Tārīḥ-i Şāhib Girāy Hān*, a history of Şāhib Girāy Khan (r. 1532–51), written by Remmāl Ḥoca in the mid-sixteenth century, writes that Şāhib Girāy Khan and his Tatar army marched in accordance with “the law of Chinggis Khan (*kanun-i Çingiz*)” [67, p. 214 (trans.), p. 75 (text)]. The *Es-Sebu’s-Seyyar fi Ahbar-ı Mulük-ü Tatar*, an early eighteenth-century Crimean chronicle written by Sayyid Muḥammad Rezā in 1737, uses *Tatar* together with *Mongol* (*Moğol*) to refer to the new *ulus* of the Mongolian steppes united by Chinggis Khan or on its own to refer to the Mongols. For instance, it refers to Chinggis Khan’s Mongol army that raided China as “Tatar Mongol troops (*asker-i Moğol-i Tatar*)” [77, p. 68; 78, p. 72] and the Mongol army led by Hülegü’s commander Kitbuqa (d. 1260), who was defeated by the Mamluks, as “Tatars” [77, p. 87; 78, p. 104]. It also refers to the Jochid people who converted to Islam during the reigns of Berke Khan and Uzbek Khan as “Tatars” [77, p. 93–94; 78, p. 118–19]. The same holds true for the *Umdat al-aḥbār*, another eighteenth-century Crimean chronicle written by ‘Abd al-Ghaffār Qırımī in Ottoman Turkish in 1744⁴⁵. For instance, it writes that the four sons of Chinggis Khan including Ögedei (r. 1229–41) were favored by “all the Tatar and Mongol tribes (*umumen kabâil-i Tatar ve Moğol*)” [4, p. 28; 5, p. 17]. It also refers to the army that Batu sent to conquer Moscow as the “Mongols and Tatars (*Moğol ve Tatar*)” [4, p. 62; 5, p. 43]. Elsewhere, it refers to Chinggis Khan’s troops that “invaded” the Rus’ and the Qipchaq Steppe as “Tatars” [4, p. 26; 5, p. 15]. Such uses of the term *Tatar* in these two Crimean Tatar chronicles reflect the Muslim practice of calling the Mongols *Tatar*, the Crimean Tatar adoption of *Tatar* as an endonym, and the Crimean Tatar reinterpretation of their ancient history.

Finally, the Kazan Tatars also adopted the term *Tatar* as their self-name. In the eighteenth and nineteenth centuries, the Kazan Tatars used the term *Tatar* to identify themselves when communicating with the Russian authority but *Tatar* (*tatarin*) was not their common endonym. Instead, “Muslim” and “Bulghar (*bulghārchā* / *Bulghārī*)” were their preferred forms of self-identification [68, p. 132]. However, according to Uli Schamiloglu, their Bulghar identity was “a pre-modern ideology inventing linkages to advocate continuity with an Islamic past” [74, p. 2]. In the pre-modern era, the Kazan Tatars self-identified primarily by “religion (Muslim) or by locality (the name of the village, town, or city of birth)” [74, p. 3; 75, p. 142, 146–47]⁴⁶.

⁴⁵ Like the *Zafarnāma*, this history relates that the Mongols and Tatars are descended from the two sons, Mongol and Tatar, of Alanja Khan, a descendant of Japheth [4, p. 21–22; 5, p. 12–13].

⁴⁶ According to Chantal Lemercier-Quelqujay, when the reformer Abdul Kayyum al-Nasyri first used *Tatar* to identify himself in the second half of the nineteenth century, he was ridiculed by other Volga Tatar intellectuals [48, p. 20].

Conclusion

This article conducted a critical and comprehensive examination of the term *Tatar* drawing on a broad-range of primary sources. It analyzed to whom and by whom the term *Tatar* was historically applied. During the pre-Mongol period, the term *Tatar* that appears in the Türk, Uyghur, and Qirghiz inscriptions, the *Jiu Wudaishi*, a history of the Five Dynasties, and Maḥmūd al-Kāshgharī's *Dīwān Luġāt al-Turk*, among others, all referred to a Mongolic-speaking nomadic people residing in and around eastern Mongolia. Their direct descendants became the archenemies of the Mongols from the mid-twelfth century and were destroyed as a corporate entity by Chinggis Khan in 1202. Ironically, the term *Tatar* came to be used as an exonym for the Mongol conquerors by various writers in China, Western Europe, the Rus', and the Islamic world, among others. The Southern Song envoys who visited the Mongols, the Rus' chroniclers who recorded the first Mongol invasion of their land, and the Muslim writers who described the Mongol defeat at the hands of the Mamluks in 1260 were among those who referred to the Mongols as "Tatars." During the post-Mongol period, Ming Chinese, Muslim, and Russian writers continued to use the term *Tatar* to refer to the Mongols as well as those whom they viewed as Mongol descendants. However, the Timurids, the Moghuls, the Uzbeks, and the Kazakhs, who identified themselves as heirs of the Mongol empire, like the Mongols, did not use the term *Tatar* as a self-name. Various Chinggisid and Timurid histories that they produced reserved the term *Tatar* for the original Tatars, with whom the Mongols were constantly at war until the time of Chinggis Khan. These histories often depicted the Tatars as the descendants of Tātār, the twin brother of Mughūl, whom they presented as the progenitor of the Mongols including the Chinggisids and the Timurids. Unlike other heirs of the Mongols, the Crimean Tatars, who were called "Tatars" by the Muscovites, and the Ottomans, among others, adopted *Tatar* as their self-name by the late fifteenth century or earlier. In the Russian empire, the term *Tatar* was more broadly used to denote not only the Mongols and their direct descendants, but also various Turkic-speaking subjects of the expanding empire. Similarly, Western European writers used the name *Tartar* more broadly during the post-Mongol period and applied it to Inner Asians, including the Manchus, who conquered China in the seventeenth century. In the contemporary world, the term *Tatar* is used as an endonym by the modern Crimean and Kazan Tatars.

There exists an interesting parallel between the terms *Türk* and *Tatar*. Both of them began as a name of a particular people (the Türks and the original Tatars) but later became a widespread exonym denoting "the Inner Asian steppe nomads" and "the Mongols and their descendants," respectively. Eventually, they were adopted as a self-name by the Turks of Türkiye and the Tatars of Crimea and Tatarstan, respectively. More specifically, *Türk* was the self-name of the Türks, which was not adopted by other Turkic-speaking peoples (the Uyghurs and the Qirghiz), who succeeded them in the Mongolian steppes⁴⁷. It became a synonym for the Inner

⁴⁷ One should note that the Oghuz Turkic groups, who were not direct descendants of the Türks, also adopted the name *Türk* after entering the Islamic world. *Türk* was not a name they inherited from the Türks.

Asian or Eurasian steppe nomads by the Muslim writers, who also viewed the Mongols and other non-Turkic-speaking nomadic peoples as *Turks*. *Tatar* was originally the name of a Mongolic nomadic people in eastern Mongolia, which, from the Mongol period, became widely used as an exonym to denote the Mongols and their descendants although the latter did not identify themselves with that name or the original Tatars. One should not forget that the use of the term *Turk* became widespread thanks to the grandeur of the Türk empire⁴⁸. As for the term *Tatar*, it gained prominence due to the might of the Mongol empire. In this sense, the modern ethnonym *Tatar* is arguably a product of the Mongol empire.

Appendix: The Meanings of the Term *Tatar* in Various Sources⁴⁹

PERIOD	WHO CALLED?	WHO WERE CALLED <i>TATAR</i> ?	
THE PRE-MONGOL PERIOD	1. The Turkic (Orkhon, Uyghur, Qirghiz) inscriptions	The Otuz Tatars and the Toquz Tatars (two different Tatar groupings)	<i>Tatar</i> , <i>Otuz Tatar</i> and <i>Toquz Tatar</i>
	2. Chinese sources		
	Li Deyu (<i>Huichang Yipinji</i>)	The Tatars	<i>Dada</i> (達怛)
		A clan of the Shiwei	<i>Heichezi Dada</i> (黑車子達怛)
	The <i>Jiu Wudaishi</i> [Old History of the Five Dynasties]	The Tatars	
	Wang Yande (<i>Gaochang xingji</i>)	The Tatars	“The Nine Tribe Tatar (九族達怛)”
	3. Muslim sources		
	<i>Hudūd al-‘ālam</i>	The Tatars	
	Kai Kā’ūs b. Iskandar (<i>Qābūs-nāma</i>)	The Tatars	
	Maḥmūd al-Kāshgharī (<i>Dīwān Luġāt al-Turk</i>)	The Tatars	
	Gardīzi	The Tatars	
	Ibn al-Athīr	The Tatars	
		The Mongols	
THE MONGOL PERIOD	1. The Mongols		
	The <i>Secret History of the Mongols</i>	The (original) Tatars	
	Rashīd al-Dīn (<i>Jāmi‘ al-tavārīkh</i>)	The (original) Tatars	
	2. Chinese sources		
	Zhao Gong (<i>Mengda beilu</i>) and Peng Daya and Xu Ting (<i>Heida shilüe</i>)	The Mongols	“The Black Tatar (<i>Hei Dada</i> 黑韃靼)”

⁴⁸ On this point, see [85, p. 537–53].

⁴⁹ This table is not exhaustive.

		The Önggüt; some other nomads of Mongolia	“The White Tatar (<i>Bai Dada</i> 白韃靼)” “The Raw Tatar (<i>Sheng Dada</i> 生韃靼)”
	The <i>Yuan Dianshang</i>	The Mongols	<i>Dada</i> (達達)
	3. Muslim sources		
	Abū Shāma	The Mongols	
	Sultān al-Nāṣir	The Mongols	
	4. The Rus’ and European sources		
	The Novgorod First Chronicle	The Mongols	<i>татары</i>
	John of Plano Carpini	The Mongols	<i>Tartar</i>
	1. Mongol descendants		
	Timurid historians (Sharaf al-Dīn ‘Alī Yazdī/ <i>Zafarnāma</i> ; Ulugh Beg/ <i>Tārīkh-i arba ‘ulūs</i> ; Khvāndamīr/ <i>Habīb al-siyar</i>)	The (original) Tatars	
THE POST-MONGOL PERIOD	Uzbek historians (Hāfiẓ Tanish Bukhārī/ ‘ <i>Abdallāh-nāma</i> ; Abū al-Ghāzī Bahādur Khan/ <i>Shejere-i Türk</i>)	The (original) Tatars	
	Qādir ‘Alī Bek (<i>Jāmi‘ al-tavārīkh</i>)	The (original) Tatars	
		The Jochid nomad subjects of Muscovy	
	Meḥmed Girāy Khan	The Mongols; the Crimean Tatars	
	The Crimean Tatar chroniclers (Remmāl Ḥoca/ <i>Tārīḥ-i Şāhib Girāy Ḥān</i> ; Sayyid Muḥammad Rezā/ <i>Es-Sebu’s-Seyyar fī Ahbar-ı Mulūk-ü Tatar</i> ; ‘Abd al-Ghaffār Qırımī/ ‘ <i>Umdat al-aḥbār</i>)	The Mongols; the Jochid ulus; the Crimean Tatars	
	Faẓlallāh b. Rūzbihān [Isfahānī] Khunjī (<i>Mihmān-nāma-i Bukhārā</i> , ed. Manūchihr Sūtūda, Tehran: Bungāh-i Tarjuma va Nashr-i Kitāb, 1341/1962, 213)	The Qazaqs/Mongols	(however, referring to past Muslim usage)
	Muḥammad Ḥaidar Dughlāt (<i>Tārīkh-i Rashīdī</i>)	The Qalmaqs	(following Muslim usage)

	The seventeenth-century Northern Yuan Mongol Chroniclers (<i>Erdeni-yin Tobci</i> and <i>Altan Tobči</i>)	The (original) Tatars	
2. Ming Chinese and Korean sources			
	The <i>Mingshi</i> [History of the Ming Dynasty]	The Mongols	<i>Dada</i>
	The <i>Ming shilu</i>	The Mongols The Kazakhs	<i>Dada</i> <i>Dada huiyi</i> (韃靼回夷)
	The <i>Goryeosa</i>	The Mongols	<i>Dada</i> (達達 or 韃靼)
3. Muscovites and Western Europeans			
	<i>Nikon Chronicle</i>	The Mongols; the Jochid <i>ulus</i> ; the Crimean Tatars	
	The Russian empire	The Mongols; the Jochid <i>ulus</i> (of the past)	
		The Muslim and non-Muslim Turkic-speaking groups residing in the Volga-Ural regions, Siberia, Crimea, and the South Caucasus	
	Pero Tafur	The Mongols; the Crimean Tatars	<i>Tartar</i>
	Sigismund von Herberstein	The Mongols; Temür; the Jochid nomads of the Qipchaq Steppe	<i>Tartar</i>
	European Catholic missionaries in China	The Mongols; the Manchus	<i>Tartar</i>
4. Muslim sources			
	Ibn ‘Arabshāh	The Mongols; Temür	
	Ibn Khaldūn	The Mongols; Temür	
	Muṣṭafā ‘Ālī (<i>Kūnhū ‘l-aḥbār</i>)	The Mongols; the Timurids; the Crimean Tatars	
	Evliyā Çelebi (<i>Seyahatnâme</i>)	The Mongols; the Timurids; the Crimean Tatars; others	

REFERENCES

1. ‘Abd al-Bāsiṭ ibn Khalīl ibn Shāhīn al-Zāhirī al-Malaṭī. *Nayl al-Amal fī Dhayl al-Duwal*. Edited by ‘Umar ‘Abd al-Salām Tadmurī. Beirut and Ṣaydā: Al-Maktaba al-‘Aṣriyya, 2002 (In Arabic)
2. ‘Abd al-Ḥayy ibn Ṣaḥḥāk Gardīzī. *Tārīkh-i Gardīzī*. Edited by ‘Abd al-Ḥayy Ḥabībī. Tehran: Dunyā-i Kitāb, 1363/1984. (In Persian)
3. ‘Abd al-Muḥammad Āyatī. Edited by Taḥrīr-i Tārīkh-i Waṣṣāf. Tehran: Pizhūhishgāh-i ‘Ulūm-i Insānī va Muṭāla‘āt-i Farhangī, 2004. (In Persian)

4. Abdulgaffar Kyrymi [Abd al-Ghaffār Qīrīmī]. *Umdet al-Akhbar*, vol. 1, Transkriptsiya, facsimile. Edited by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. (In Ottoman Turkish)
5. Abdulgaffar Kyrymi [Abd al-Ghaffār Qīrīmī]. *Umdet al-Akhbar*, vol. 2. Translation. Translated by Yu.N. Karimova and I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. (In Russian)
6. Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân. *Histoire des Mongols et des Tatares*, translated. Petr I. Desmaisons. St. Petersburg: 1871–1874; reprinted in Amsterdam: Philo, 1970. (In French and Chaghatay Turkic)
7. Abu'l-Fazl. *The History of Akbar*, vol. 1. Edited and translated by Wheeler M. Thackston. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2015. (In English and Persian)
8. Abū Shāma. *Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-al-sābi' al-ma'rūf bi-al-dhayl 'alā al-rawḍatayn*. Edited by Muḥammad Kawtharī. Cairo: Maktab nashr al-thaqāfa al-Islāmiyya, 1947. (In Arabic)
9. Aḥmad b. Muḥammad Ibn 'Arabshāh. *'Ajā'ib al-maqdūr fī nawā'ib Tīmūr*, edited by Aḥmad Fā'iz al-Ḥimṣī. Beirut, Lebanon: Mu'assasat al-Risālah, 1986. (In Arabic)
10. Aḥmad b. Yahyā Ibn Faḍl Allāh al-'Umari. *Al-Ta'rīf bi'l-Muṣṭalah al-Sharīf*, edited by Samīr al-Durūbī, vol. 1. Karak: Mu'ta University, 1413/1992 (In Arabic).
11. 'Alā' al-Dīn 'Aṭā Malik Juvaynī. *The History of the World-Conqueror*. Translated and edited by J.A. Boyle. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.
12. Atwood, Christopher P. *The Rise of The Mongols: Five Chinese Sources*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2021.
13. Ayalon, David. *The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination*. *Studia Islamica*, 1971, vol. 33, pp. 97–140.
14. Bartol'd, V.V. Extracts from Gardizi's work *Zayn al-akhbar*. Appendix to the report on a trip to Central Asia for scientific purposes in 1893–1894. Bartold V.V. Works, vol. 8. (Extract from the writing Gardizi *Zayn al-akhbār*: appendix to the report of trip to the Middle Asia with scientific purpose. Edited by O.F. Akimushkin. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)
15. Carpini, John of Plano. *History of the Mongols*. In: *Mission to Asia*. Edited by Christopher Dawson. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
16. Chen, Hao. *A History of the Second Türk Empire (ca. 682–745 AD)*. Leiden-Boston: Brill, 2021.
17. Chen, Shangjun. Edited by Jiu Wudaishi xinjiuizheng (舊五代史新輯會證) [The new compilation and annotation of the Old History of the Five Dynasties]. Shanghai: Fudan University Press, 2005. (In Chinese)
18. Dong, Shaoxin. *The Tartars in European Missionary Writings of the Seventeenth Century*. In: *Foreign Devils and Philosophers Cultural Encounters between the Chinese, the Dutch, and Other Europeans, 1590–1800*. Edited by Thijs Weststeijn. Leiden: Brill, 2020, pp. 82–103.
19. Evliyā Çelebi. *Evliya Çelebi Seyahatnâmesi*. Edited by Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman, and Robert Dankoff. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2000. (In Ottoman Turkish)
20. Gelibolulu Mustafa Âlî. *Künhü'l-ahbâr*. Edited by Derya Örs. Istanbul: Bilnet Matbaacılık ve Yayıncılık A.Ş., 2021. (In Ottoman Turkish)
21. Gorshenina, Svetlana. *L'Invention de l'Asie Centrale: Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie*. Genève: Droz, 2014. (In French)
22. Goryeosa (高麗史) [History of Goryeo]. <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=470509&searchu=%E9%81%94%E9%81%94>; <https://zh.wikisource.org/zh-hant/%E9%AB%98%E9%BA%97%E5%8F%B2/%E5%8D%B7%E5%9B%9B%E5%8D%81>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=470509&searchu=%E8%92%99%E5%8F%A4>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=470509&searchu=%E9%81%94%E9%81%94%E7%89%A7%E5%AD%90>; <https://zh.wikisource.org/zh-hant/%E9%AB%98%E9%BA%97%E5%8F%B2/%E5%8D%B7%E5%9B%9B%E5%8D%81>

E5%8F%B2/%E5%8D%B7%E5%9B%9B%E5%8D%81%E4%B8%89 (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)

23. Haenisch, Erich, Yao Ts'ung-wu, Peter Olbricht, and Elisabeth Pinks, editors. Meng-ta Pei-lu und Hei-ta Shih-lueh: Chinesische Gesandtenberichte uber die fruhen Mongolen 1221 und 1237. Wiesbaden: Harrassowitz, 1980. (In German)

24. Ḥāfīz Tanish Bukhārī. Sharaf-nama-ii shakhi: the book of the shah's glory. Edited and translated by M.A. Salakhedinova. Moscow: Nauka, Central Dept. of Oriental Literature, 1983. (In Russian and Persian)

25. Herberstein, Sigmund. Notes upon Russia: Being a Translation of the Earliest Account of that Country, Entitled Rerum Moscoviticarum Commentarii. London: The Hakluyt Society, 1851–1852; reprinted in New York: Burt Franklin, 1963.

26. Het'um. The Flower of Histories of the East. Translated by Robert Bedrosian. Chapter 16, <https://www.attalus.org/armenian/hetum3.htm#17> (date accessed 9.09.2024).

27. Ḥudūd al-Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. Translated by V. Minorsky. London: Luzac & Co., 1937.

28. Ibn Khaldūn. Al-Ta'rif bi-Ibn Khaldun wa-riḥlatihi Gharban wa-Sharqan. Edited by Muḥammad ibn Tāwīt al-Ṭanjī. Cairo: Lajnat al-ta'līf wa-al-tarjamah wa-al-nashr, 1951. (In Arabic)

29. Ibn Khaldūn. Tārīkh al-ʿallāmah Ibn Khaldūn. In 7 volumes. Edited by Y.A. Daghir. Beirut, Lebanon: Dār al-Kitāb al-Lubnānī, 1956–1961 (In Arabic)

30. Izmailov I.L. Tatars of the Jochid Ulus: the formation and development of an ethnopolitical identity in the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 744–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.744-757

31. ʿIzz al-Dīn Ibn al-Athīr. Al-Kāmil fī al-tārīkh. Vol. 9. Edited by Carl Johan Tornberg. Beirut, Lebanon: Dar Sader, 1966 (In Arabic)

32. ʿIzz al-Dīn Ibn al-Athīr. The Annals of the Saljuq Turks: Selection from al-Kāmil fī'l-Ta'riḥ of ʿIzz al-Dīn Ibn al-Athīr. Translated by Donald S. Richards. London: Routledge, 2002.

33. [Jan Długosz]. Joannis Długossii. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae, vol. 12, 1462–1480. Edited by G. Wyrozumski et al. Krakow: Polska Akademia Umiejętności, 2005. (In Latin)

34. Kai Kā'ūs ibn Iskandar. A Mirror for Princes: The Qābūs Nāma. Translated by Reuben Levy. London: Cresset, 1951.

35. Kai Kā'ūs ibn Iskandar. The Naṣṭhāt-nāma, Known as Qābūs-nāma, of Kai Kā'ūs b. Iskandar b. Qābūs b. Washmgīr. Edited by Reuben Levy. London: Luzac, 1951. (In Persian)

36. Maḥmūd al-Kāšgarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luġāt at-Turk). In 3 parts. Edited and translated by Robert Dankoff, in collaboration with James Kelly. Cambridge, MA: Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1982–1985.

37. Khvāndamīr, Ghiyāṣ al-Dīn b. Humām al-Dīn. Tārīkh-i Ḥabīb al-siyar fī akhbār-i afrād-i bashar. In 4 vols. Edited by Jalāl al-Dīn Humā'ī. Tehran: Kitābfurūshī-i Khayyām, 1333/1954–1955; 3rd reprinted edition, 1362/1984. (In Persian)

38. Khwandamir. Habibu's-siyar. Vol. 3. In 2 parts. Translated by W.M. Thackston. Sources of Oriental Languages and Literatures 24. Cambridge, MA: Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1994.

39. Kolodziejczyk, Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden-Boston: Brill, 2011.

40. Klyashtorny, M. G. The ninth inscription from Uybat. *Sovetskaya Tyurkologiya*, 1987, vol. 1, pp. 33–36. (In Russian)

41. Kyzlasov, I. L. Agricultural sacrifice of the ancient Khakass community. *Sovetskaya Tyurkologiya*, 1987, vol. 1, pp. 21–32. (In Russian)

42. Lee, Joo-Yup. The Historical Meaning of the Term Turk and the Nature of the Turkic Identity of the Chinggisid and Timurid Elites in Post-Mongol Central Asia. *Central Asiatic Journal*, 2016, vol. 59, pp. 101–32.
43. Lee, Joo-Yup. *Qazaqıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia*, Leiden: Brill, 2016.
44. Lee, Joo-Yup, Some Remarks on the Turkicization of the Mongols in Post-Mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2018, vol. 71, no. 2, pp. 121–44.
45. Lee, Joo-Yup. The Timurid View of the Mongols: An Examination of the Mongol Identity of the Timurids. *Iran Namag*, 2021, vol. 6, nos. 3–4, pp. 200–16.
46. Lee, Joo-Yup. Turkic Identity in Mongol and post-Mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe. In: *The Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. Edited by David Ludden. New York: Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.443
47. Lee, Joo-Yup. *The Turkic Peoples in World History*. New York, NY: Routledge, 2024.
48. Lemerrier-Quelqujay, Chantal. From tribe to Umma: Comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet central Asia. *Central Asian Survey*, 1984, vol. 3, no. 3, pp. 27–38.
49. Li Deyu (李德裕). *Huichang yipin ji (會昌一品集)*. Chapters 5 and 8, <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=627279>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=512162> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
50. Lubsangdanjin. *Altan Tobči: eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzang bstan'jin*. Edited by Hans-Peter Vietze and Gendeng Lubsang. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. (In Mongolian)
51. Martinez, A. P. Gardīzī's two chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1982, vol. 2, pp. 109–218.
52. Ming shilu (明實錄) [The veritable records of the Ming], Shizong shilu. Chapter 135, <http://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=127034> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
53. Moriyasu T., Suzuki K., Saito S., Tamura T., and Bai Yudong. Shineusu hibun yakuchu [Šine-Usu Inscription: Translation and Commentaries]. *Nairiku Ajia gengo no kenkyu* [Studies on the Inner Asian Languages], 2009, vol. 24, pp. 1–92. (In English and Japanese)
54. Haydar Dughlat, Mirza [Muḥammad Ḥaidar Dughlat], *Tarikh-i-Rashidi: A History of the Khans of Moghulistan*, edited and translated by W.M. Thackston. 2 vols. Cambridge, MA: Harvard University, 1996.
55. *The Nikonian Chronicle*, vol. 4, 1382–1425. Edited by Serge A. Zenkovsky, translated by Serge A. Zenkovsky and Betty Jean Zenkovsky. Princeton, NJ: Kingston Press, 1988.
56. *The Nikonian Chronicle*, vol. 5, 1425–1520. Edited by Serge A. Zenkovsky, translated by Serge A. Zenkovsky and Betty Jean Zenkovsky. Princeton, NJ: Kingston Press, 1989.
57. *Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions*. Edited by A.N. Nasonov. Moscow-Leningrad, 1950. 565 p. (In Russian)
58. Nurlan Kenzheakhmet. The Qazaq Khanate as Documented in Ming Dynasty Sources. *Crossroads*, 2013, vol. 8, pp. 131–57.
59. Ötāmiš Ḥājī. *Čingiz-Nāma*. Edited and translated by Takushi Kawaguchi and Hiroyuki Nagamine. *Studia Culturae Islamicae* 94. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2008 (In Japanese and Chaghatay Turkic)
60. Ouyang Xiu (歐陽修). *Xin Wudaishi (新五代史)* [New History of the Five Dynasties], Chapter 74, <https://zh.wikisource.org/zh-hant/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2%E5%8D%B774> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)

61. Petrovich, Maya. Uncanny Beloveds and the Return of the Repressed. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 2018, vol. 143, pp. 249–266.
62. Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567
63. *Kadyr Ali-bek. Jami al-tawarikh*. Facsimile of the manuscript / critical edition, research, translation from Turkic and glossary by R. Alimov; under scientific supervision by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 544 p. (In Russian and Chaghatay Turkic)
64. Qurbanğali Halid. Tauarih hamsa: bes tarih. Almaty: Qazaqstan, 1992. (In Kazakh)
65. Rashīd al-Dīn Faẓlallāh Hamadānī. Jāmi‘ al-tavārīkh. Edited by Bahman Karīmī. Tehran: Intishārāt-i Iqbāl, 1367/1988. (In Persian)
66. Rashiduddin Fazlullah. Jami‘u’t-tawarikh [Compendium of Chronicles]: A History of the Mongols. In 3 parts. Translated by W.M. Thackston. Cambridge, Mass.: Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1998-99.
67. Remmal Khoja. Tarih Sahib Giray Han: Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551. Translated and edited by Özalp Gökbilgin. Ankara, Turkey: Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1973. (In Ottoman Turkish and French)
68. Ross, Danielle. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020.
69. Russian Chronicle according to Nikon's list / Published under the supervision of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1788. 318 p. (In Russian)
70. Russian Chronicle according to the Nikon List / Published under the supervision of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 6. Until the end of 1534. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1790. 261 p. (In Russian)
71. Sagang Sechen. Erdeni-yin Tobci (‘Precious Summary’): A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga Text. Vol. 1. Edited by M. Gö, I. de Rachewiltz, J.R. Krueger, and B. Ulaan. Canberra: The Australian National University, 1990. (In Mongolian)
72. Sagang Sechen. The Precious Summary: A History of the Mongols from Chinggis Khan to the Qing Dynasty. Translated by Johan Elverskog. New York: Columbia University Press, 2023.
73. Sanders, J. H. Tamerlane, or Timur the Great Amir: From the Arabic Life by Ahmed Ibn Arabshah. Translated. London: Luzac, 1936.
74. Schamiloglu, Uli. Tatar or a Turk? Competing Identities in the Muslim Turkic World (Late 19th and Early 20th Centuries). In: The Turkic Speaking World: 2,000 Years of Art and Culture from Inner Asia to the Balkans. Edited by Çağatay and Doğan Kuban. Munich: Prestel, 2006, pp. 232–243.
75. Schamiloglu, Uli. We Are Not Tatars! The Invention of a Bulğar Identity. In: Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Edited by László Károly and Éva Nagy Kincses. Szeged, 2001, pp. 137–153.
76. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. In 2 volumes. Translated by Igor de Rachewiltz. Brill’s Inner Asian Library, vol. 7. Leiden: Brill, 2004.
77. Sayyid Muhammad Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 1. Edited by R.R. Abduzhemilev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. (In Ottoman Turkish)
78. Sayyid Muhammad Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 2. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin. Kazan, 2023. 528 p. (In Russian)
79. Shajarat al-Atrāk, MS. London, British Library, India Office, Ethé 172. (In Persian)

80. Shajarat Ul Atrak: Or Genealogical Tree of the Turks and Tatars. Translated by William Miles. London: W.H. Allen, 1838.
81. Sharaf al-Dīn ‘Alī Yazdī. *Ẓafar-nāma*. Edited by Sayyīd Saīd Mīr Muḥammad Ṣādiq. Tehran: Markaz-i Asnād Majlis, 1387/2008-9. (In Persian)
82. Shen Yue (沈約), *Songshu* (宋書) [Book of the Liu Song Dynasty], Chapter 95, <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%AE%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B795> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
83. *Shuyu Zhouzi lu*, Chapter 16, <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=900541> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
84. Tafur, Pero. *Travels and Adventures* (1435–1439). Translated by Malcolm Letts. New York and London: Harper & Brothers, 1926.
85. Vásáry, István. Hungarians and Mongols as “Turks”: On the Applicability of Ethnic Names. In: *Between Byzantium and the Steppe*. Edited by Ádám Bollók, Gergely Csiky, and Tivadar Vida. Budapest: Institute of Archaeology, Hungarian Academy of Sciences, 2016, pp. 537–543.
86. Faizkhanov, H., and V. Vel’aminov-Zernov, eds. *Matériaux pour servir à l’histoire du Khanat de Crimée: Extrait, par ordre de l’Académie impériale des sciences, des archives centrales du Ministère des affaires étrangères, à Moscou*. St. Petersburg, Russia, 1864. (In Tatar)
87. Wang Yande (王延德). *Gaochang xingji* (高昌行紀). <https://inf.news/history/f2aaeb6f76f12a01342437d482677e65.html> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
88. Wang Yi (王禕). *Dashiji Xubian* (大事記續編), Chapter 69, <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=780918> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
89. Yosef, Koby. Cross-Boundary Hatred: (Changing) Attitudes towards Mongol and ‘Christian’ Mamlūks in the Mamluk Sultanate. In: *The Mamluk Sultanate from the Perspective of Regional and World History: Economic, Social and Cultural Development in an Era of Increasing International Interaction and Competition*. Edited by Reuven Amitai and Stephan Conermann. Göttingen: Bonn University Press, 2019.
90. Yuan Dianzhang (元典章). *Zhongguo shu dian*, 1990. <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=922402> (date accessed 9.09.2024). (In Chinese)
91. Yūsuf Ibn Taghribirdī. *Al-Manhal al-Ṣāfi wal-Mustawfā ba‘da al-Wāfi*. Edited by Muḥammad Amīn. Cairo: Al-Hay‘a al-Miṣriyya al-‘Āmma lil-Kitāb, 1984–2006. (In Arabic)
92. Zhang Tingyu (張廷玉). *Mingshi* (明史) [History of the Ming Dynasty]. Beijing: Zhonghua shuju, 1974. (In Chinese)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «ТАТАР»: КРИТИЧЕСКОЕ И ВСЕСТОРОННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Джу-Юн Ли

*Университет Торонто
Торонто, Онтарио, Канада
jooyup.lee@mail.utoronto.ca*

Резюме. Эта статья представляет собой критическое и всестороннее исследование исторических значений и использования термина «татар», опираясь на широкий спектр первоисточников. Основное внимание уделяется выявлению того, к кому и кем этот термин применялся в различные исторические периоды. В домонгольский период термин «татар» обозначал кочевой народ восточной Монголии, как записано в тюркских, уйгурских и киргизских надписях, китайских исторических трудах и таких работах, как

«Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари. Накануне монгольских завоеваний татары были уничтожены как коллективное образование Чингиз-ханом, который считал их своими исконными врагами. Однако в монгольский период термин «татар» стал широко распространенным экзонимом монголов, используемым китайскими, западно-европейскими, русскими и мусульманскими авторами. В постмонгольский период это внешнее использование продолжалось использоваться. Авторы в Китае периода династии Мин, в исламском мире и в России, среди прочих, использовали термин «татар» для обозначения как монголов, так и их потомков. Однако наследники Монгольской империи, а именно Тимуриды, Моголы, узбеки и казахи отвергли его как самоназвание. Заметным исключением были крымские татары западного царства Джучидов, которые приняли термин татар как самоназвание к концу XV века или ранее. В Российской империи термин «татар» более широко использовался для обозначения не только монголов и их потомков, но и различных тюркоязычных подданных расширяющейся империи. Аналогично западноевропейские авторы применяли термин «татар» к жителям Внутренней Азии, включая маньчжуров. Сегодня «татар» остается самоназванием среди крымских и казанских татар.

Ключевые слова: татар, татары, монголы, Монгольская империя, Улус Джучи, Золотая Орда, крымские и казанские татары

Для цитирования: Joo-Yup Lee. The Historical Meanings of the Term *Tatar*: a Critical and Comprehensive Examination // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 240–261. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.240-261> EDN: ASOKQC

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джу-Юп Ли – Ph.D. в области центральноевразийских исследований, преподаватель, Университет Торонто (M5S 1C1, Банкрофт Авеню, 4, 2 этаж, Торонто, Онтарио, Канада); ORCID: 0009-0001-6525-6782. E-mail: jooyup.lee@mail.utoronto.ca

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Joo-Yup Lee – Ph.D. in Central Eurasian Studies, Lecturer of the University of Toronto (4 Bancroft Avenue, 2nd floor, Toronto M5S 1C1, Ontario, Canada); ORCID: 0009-0001-6525-6782. E-mail: jooyup.lee@mail.utoronto.ca

Поступила в редакцию / Received 24.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.04.2025

Принята к публикации / Accepted 02.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.262-276>
EDN: BEMZFI

УДК 930.23

«ТАТАРЫ» И «ГОСУДАРСТВО ТАТАР» В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Т.Н. Джаксон ✉, *Е.Л. Литовских*

Институт всеобщей истории РАН

Москва, Российская Федерация

✉ *Tatjana.Jackson@gmail.com*

Резюме. Цель настоящего исследования: представить всю совокупность информации о татарах и Государстве Татар в памятниках древнескандинавской письменности. Материалы исследования: Материалом служат древнескандинавские сочинения различных жанров. Это исландские анналы, географические трактаты и саги нескольких видов: королевские, епископские, о древних временах и местные, или оригинальные, рыцарские саги.

Результаты и научная новизна: Полная выборка сведений о татарах в памятниках древнескандинавской письменности рассмотрена нами впервые. Основной вывод из проведенного исследования сводится к тому, что единого представления о Государстве Татар в исследуемых нами источниках нет. Королевские и епископские саги фиксируют реальные исторические события, хотя и описывают их в стилистике сагового нарратива. Исландские анналы тоже отражают действительные события, сведения о которых могли быть получены из трудов европейских хронистов, почерпнуты из устной информации, распространявшейся в исландско-норвежских клерикальных кругах, и даже быть следствием слухов, принесенных из Европы на скандинавский Север возвращавшимися домой паломниками. Напротив, авторы саг о древних временах и местных рыцарских саг создают географические описания в качестве фона для своего выдуманного повествования, выстраивая их на основании тех знаний и представлений, которыми обладали они сами и которые должна была иметь к середине XIII в. их исландская аудитория. Во всех источниках четко выдерживается отнесение Государства Татар к Восточной четверти ойкумены, в рамках которой (точно так же, как всё малоизвестное и опасное) оно смещено в сторону севера. Кроме того, прослеживается зафиксированная источниками его связь с Древнерусским государством. При всей фантастичности ментальной карты, отразившейся в поздних сагах, эти саги могут содержать небезынтересную косвенную информацию, а именно – быть отражением не только знания о том, что Русь находилась под властью Золотой Орды, но и представления о реальном географическом положении Государства Татар в глубине Восточной четверти мира.

Ключевые слова: исландские анналы, саги, географические трактаты, татары, Золотая Орда, скандинавский Север

© Джаксон Т.Н., Литовских Е.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Джаксон Т.Н., Литовских Е.В. «Татары» и «Государство Татар» в памятниках древнескандинавской письменности // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 262–276. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.262-276>
EDN: BEMZFI

"TATARS" AND THE "STATE OF THE TATARS" IN OLD NORSE-ICELANDIC LITERATURE

T.N. Jackson ✉, E.V. Litovskikh

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
✉ Tatjana.Jackson@gmail.com*

Abstract. Research objective: The purpose of this study is to present the entire body of information about the Tatars and the Tatar State contained in Old Norse-Icelandic literature. Research materials: The materials are the works of Old Norse-Icelandic writing of various genres. These are Icelandic annals, geographical treatises, and sagas of several types: chivalric sagas, bishops' sagas, sagas of ancient times, and local, or original, chivalric sagas. Results and scientific novelty: An exhaustive selection of source material has been achieved for the first time in scholarly literature. The main conclusion of the study is that there is no single image of the Tatar State in the sources under discussion. The kings' and bishops' sagas record real historical events, although they describe them in the style of a saga narrative. The Icelandic annals also reflect actual events, information about which could have been obtained from the works of European chroniclers, gleaned from oral information circulated in Icelandic-Norwegian clerical circles, or even be the result of rumours brought from Europe to the Scandinavian North by pilgrims returning home. In contrast, the authors of the sagas of ancient times and local knights' sagas create geographical descriptions as a background for their fictional narratives, built on the basis of the knowledge and ideas that the authors themselves possessed and that their Icelandic audience must have had by the mid-13th century. All sources clearly maintain the assignment of the Tatar State to the Eastern quarter of the ecumene within which (like everything little known and dangerous) it was shifted towards the north. In addition, its connection with the Old Russian state, recorded by the sources, can be traced. Despite the fantastic character of the mental map reflected in the later sagas, they have preserved valuable indirect information, namely on the knowledge of the fact that Rus' happened to be under the rule of the Golden Horde, and the idea of the real geographical position of the Tatar State in the distant parts of the Eastern quarter of the world.

Keywords: Icelandic annals, sagas, geographical treatises, Tatars, the Golden Horde, Scandinavian North

For citation: Jackson T.N., Litovskikh E.V. "Tatars" and the "State of the Tatars" in Old Norse-Icelandic Literature. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 262–276. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.262-276> (In Russian)

Если обратиться к очень авторитетному словарю древнескандинавской прозы – «Ordbog over det norrøne prosasprog», – то можно обнаружить, что в памятниках древнескандинавской письменности упоминаний «татар» и «Земли Татар» не так уж мало. В источниках фигурируют «татары» (*tartarar*,

tatarar, *tattarar* – мн. ч. от *tartari*, *tatari*, *tattari*, соответственно), «Государство Татар» (*Tartararíki*, *Tartáraríki*, *Tattararíki*) «Татария» (*Tartaria*, *Tataria*, *Tattaria*, *Tattaría*), «Государство Татария» (*Tattariaríki*, *Tattariaríki*), «Земля Татария» (*Tartarialand*, *Tartárialand*), «татарская корона» (*tattarakrúna*), «татарский конунг» (*tartarakongr*, *tatarakongr*, *tattarakongr*; *tartarakonungr*, *tatarakonungr*, *tattarakonungr*, *tattariakonungr*), «татарское войско» (*tartaraherr*, *tattaraherr*) [27].

Древнескандинавские источники, в которых упоминаются татары, относятся к разным жанрам. Это – исландские анналы, географические сочинения и саги разных видов: королевская «Сага о Хаконе Хаконарсоне»; епископская «Сага о епископе Арни»; о древних временах «Сага о Хрольве Пешеходе», «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков»; рыцарские «Сага о Йоне Напильнике», «Сага о Сигурде Молчуне», «Сага о Ремунде, королевском сыне», «Сага о Флоресе конунге и его сыновьях», «Сага об Али Пятнистом», «Сага о Сигргарде и Вальбранде», «Сага о Вальдимаре». Информация, содержащаяся в этих источниках, крайне разнится по степени достоверности и приближенности описываемого в них к реальности. Однако интерес представляет и любая косвенная информация, которую сохранили эти северные источники.

*

Начнем как с наиболее достоверной с «Саги о Хаконе Хаконарсоне» («*Hákonar saga Hákonarsonar*»). Она относится к исландским «королевским сагам» (*konungasögur* – записанным в Исландии в XII–XIII вв. сагам о норвежских конунгах), но решительно отличается от остальных саг этого поджанра вполне достоверным характером, поскольку является сагой «о современности» (относительно момента ее создания), а не о прошлом. Сага написана в 1264–1265 гг. по приказу сына Хакона, норвежского короля Магнуса Исправителя Законов, а повествует по преимуществу о событиях, произошедших за годы правления норвежского короля Хакона Старого (1217–1263). Автор саги, чье имя нам известно, – Стурла Тордарсон – строил свое повествование не на устной традиции и стихах скальдов, как обычно поступали анонимные авторы королевских саг, а на богатых и хорошо организованных архивных материалах королевской канцелярии, а также на рассказах очевидцев. В саге имеется всего четыре сюжета, связанных с Восточной Европой, и в трех из них фигурируют татары [подробнее о саге и ее восточноевропейских сюжетах см.: 2, с. 523–544]. Здесь говорится о приходе татар на Русь, о бегстве с востока от татар Андрея Ярославича, брата Александра Невского, и о бегстве бьярмов в Норвегию от прихода татар.

Первый сюжет – это рассказ о переговорах по пограничным вопросам между норвежским королем Хаконем Хаконарсоном и русским князем Александром Ярославичем Невским, сопровождаемых сватовством сына Александра Василия к дочери Хакона Кристин. Послы Александра, прибыв в Тронхейм, получили согласие Хакона на привезенное ими предложение и отбыли на Русь, сопровождаемые послами Хакона. Однако сватовство продолжения не имело, поскольку, по свидетельству саги, «в то время было большое немирье в Хольмгарде (Новгороде. – *Аем.*). Пришли татары (*Tattarar*) на государство конунга Хольмгардов, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда» [20, с. 623–624].

Именно на основании этой ремарки саги большинство исследователей полагает, что в рассматриваемом фрагменте речь идет о 1252 г. Действительно, многие русские летописи упоминают о приходе в тот год на Русь из Орды т. н. «Неврюевой рати», опустошившей ряд городов и областей. Но ведь утверждение саги о том, что во время пребывания посольства «было большое немирье в Хольмгарде», не соответствует событиям 1252 г. В этом году Неврюй приходил не на владения Александра, а на владения его братьев Андрея и Ярослава. Новгород от татар не пострадал, и даже современная событиям Новгородская летопись не зафиксировала прихода «Неврюевой рати». Между тем, в соответствии с очень строгой внутренней хронологией саги, эти события следует отнести к 1251 г. Но и в этом году никакого «немирья» от татар в Новгороде не было. Совершенно очевидно, что Стурла Тордарсон ошибся в своих хронологических выкладках. Можно попытаться понять, как произошла такая ошибка. Либо в архиве имелся (весьма краткий и по каким-то причинам недатированный) отчет об обмене посольствами, либо информация о нем была устной.

В то же время имеется вероятность, что Стурла обнаружил в архиве списки знатных людей, входивших в войска конунга Хакона и шведского ярла Биргира, когда те собирали объединенные силы против датского конунга Кристофера летом 1253 г. Эти списки должны были лечь в основу второго из интересующих нас сюжетов, а именно – перечисления «знатных мужей» в войске ярла Биргира. В числе прочих, как утверждает сага, «там был также с ярлом конунг Андрес из Сурсдалир, брат конунга Александра из Хольмгарда. Он бежал с востока от татар (*fyrir Tattarum*)» [20, с. 636].

Речь идет о брате Александра Невского, суздальском князе Андрее Ярославиче. Возможно, отталкиваясь от этого четко датированного известия, Стурла поместил рассказ о незавершенных из-за татар переговорах в один из предшествующих годов, а именно в 1251-й.

Наконец, третий сюжет – это известие из недатированной части саги, где уже после описания смерти конунга Хакона дается его развернутая характеристика и перечисляются его заслуги в деле христианизации Норвегии. В частности говорится, что «он велел построить церковь в Трумсе и крестил тогда [весь] приход. К нему пришло также много бьярмов, которые бежали с востока от немирья татар (*fyrir ófriði Tattara*)» [21, т. X, с. 152–153].

О чем здесь идет речь? Бьярмаланд саг – это Беломорье и Нижнее Подвинье. Из русских летописей известно, что естественным следствием ордынских походов было бегство русского населения в более безопасные от татарских вторжений места; уже приход Батыя вызвал определенный сдвиг населения, при этом часть жителей Суздальской земли, на которую был направлен основной удар, бежала на север, в район Белоозера. Но и в результате многочисленных последующих нашествий страна подвергалась разорению и опустошению, и это тоже приводило к значительным перемещениям населения. Таким образом, сдвиг жителей Суздальщины в подвластные ей районы Заволочья и мог вызвать описанное в саге бегство бьярмов (т.е. жителей Нижнего Подвинья) на север. Впрочем, можно предложить и другое объяснение. В 1257–1259 гг. великий князь Александр Невский, подавляя сопротивление сына Василия и новгородцев, ввел поголовное обложение податями в пользу хана Золотой Орды. Скорее всего, первое место в составе податей

занимали меха, которыми славилось Беломорье (Бьярмаланд). Можно предположить, что именно в это время от притеснений татарских и русских сборщиков податей и бежали на север жители Беломорья (бьярмы).

*

В один ряд по степени достоверности с «Сагой о Хаконе Хаконарсоне» можно поставить исландские анналы. Основание полноценной исландской анналистики ученые относят к концу XIII в., ко времени не ранее 1280 г., когда в разных уголках Исландии начинают появляться компилятивные труды, написанные ретроспективно, хотя материал их организован по годам. Каждые из десяти исландских анналов создаются, так сказать, единовременно, каким-то одним человеком, объединяющим в себе и автора, и компилятора, и писца. Принято считать, что все они восходят к единому архетипу, значительная часть информации которого так или иначе воспроизводится в каждом тексте. Кроме того, эти тексты взаимопересекаются, поскольку они создавались и циркулировали в определенной среде, будучи связаны с монастырями и епископствами (анналисты принадлежали к клерикальной элите). Анналы представляют собой многослойные тексты, достаточно сложные для источниковедческого анализа. Описание событий после 1280 г. имеет в них больше расхождений, вероятно, вследствие независимого использования авторами дополнительных источников, и в частности устных [подробнее см.: 5, с. 53–62]. Анализ десяти погодных записей с 1202 по 1398 г., включающих в себя упоминания татар, показал, что пути проникновения этих известий в анналы различны: одни обязаны своим появлением знакомству их составителей с трудами европейских хронистов, другие восходят к устной информации, распространявшейся в исландско-норвежских клерикальных кругах, иные были следствием циркулирования в Европе слухов, принесенных на скандинавский Север возвращавшимися из Рима паломниками, а некоторые и вовсе были результатом вымысла составителей анналов. Тем не менее эти десять упоминаний относятся к весьма значимым моментам взаимодействия монголов с христианским Западом: началу татарской экспансии в 1202 г., покорению Венгрии татарами в 1241 г., уничтожению войска татар в Палестине в 1260 г., присутствию монгольских послов на Втором Лионском соборе 1274 г., убийству татарами в 1277 г. «султана Вавилона», посольству от «конунга татар» к норвежскому конунгу Эйрику в 1286 г., отвоеванию Святой Земли монголами в 1299 г. и ряду других [см.: 6; 4].

Известие анналов под 1286 г. перекликается с сообщением «Саги о епископе Арни» («*Árna saga biskups*»), известной по рукописи AM 122 4° (ок. 1320 г.). Анналы порой использовались в исландских сочинениях XIV в., и именно таким образом сведения о появлении «посланцев конунга татар» у норвежского конунга Эйрика попали в данную сагу. Здесь мы наблюдаем почти полное совпадение с известием «Королевских анналов» – одни и те же события перечисляются в одинаковой последовательности [23, с. 142; 13, с. 135–137].

*

Переходя к представлениям древнеисландских авторов о местоположении «Государства Татар» (о чем речи в упомянутых выше сагах и анналах не было), обратимся прежде всего к исландскому географическому трактату с условным названием «Описание земли II», написанному не ранее середины

XIII в. (рукопись AM 764 4°, ок. 1360–1380 гг.) [9, с. 84–92]. Он располагает Государство Татар к северу от Руси, находящейся, согласно этому сочинению, к востоку от Норвегии:

«Свитьод лежит к востоку от Данмёрка, а Норег – к северу. А к востоку от Норега находится Русаланд, а к северу оттуда Тартарарики (*Tartarariki*). К северу от Норега лежит Финнмёрк; оттуда поворачивает та земля на северо-восток, пока не доходит до Бьярмаланда» [12, с. 445]

В этом тексте любопытно то, что Русаланд (т. е. Русь) помещен к востоку от Норвегии (а не традиционным образом – к востоку от Швеции), а потому можно думать, что имеется в виду реальная северная граница между Норвегией и Русью, ставшая предметом межгосударственного обсуждения именно в середине XIII в. Но где же тогда располагается Государство Татар? Человеку знакомому с современной картой трудно представить, как на ментальной карте составителя трактата оно могло расположиться к северу от Руси, стать северным государством, приближенным к Северному Ледовитому океану, как и Норвегия.

Подробное географическое описание Государства Татар находим в «Саге о Хрольве Пешеходе» («*Göngu-Hrólfs saga*»), относящейся к сагам о древних временах (*fornaldarsögur*) и написанной в начале XIV в. У этой саги в целом широкий географический охват – в ней упоминаются Швеция, Норвегия, Англия, Дания, Русь и много других земель. Здесь немало топонимов и четыре развернутых географических описания. Описание Государства Татар предваряет очередной виток сюжета: морской конунг Эйрек испытывает человека по имени Вильхьяльм, дает ему задание убить берсерка Соти, поставленного управлять неким островом, принадлежащим Государству Татар, и в результате в тексте саги появляется рассказ об этой стране.

«Менелая зовут конунга. Он правил Таттарарики (*Tattarariki*). Он был великим конунгом и могущественным. Таттарарики называют самое большое и самое богатое золотом государство в Аустррики. Люди там большие, сильные и жестокие в битве. Под властью конунга Менелая было много конунгов и знатных людей. Говорят, что между Гардарики и Таттарарики лежит один остров, который зовется Хединсей. Это – ярлство. Мудрые люди рассказывают, что конунг Хедин Хьяррандасон первым поселился на этом острове, когда приплыл из Индиаланда в Данмарк, и после этого остров стали называть его именем. За этот остров всегда боролись конунг татар (*Tattarakonungr*) и конунг Гардов, хотя он и принадлежал татарской короне (*undir Tattarakrúnu*). Конунг Эйрек вел войну на этом острове, прежде чем он пришел в Гардарики, и произвел там большие опустошения» [19, с. 207–208].

Географическое описание выступает необходимой составляющей рассказа, логично предваряя изложение последующих событий. Из текста следует, что Государство Татар находится в Аустррики, т. е. в Восточной четверти ойкумены, что это – самое большое государство в этой части Земли, что оно богато золотом и что власть правителя распространяется также на остров Хединсей, который принадлежит «татарской короне» и где правят ярлы, т. е. служилые люди верховного правителя Государства Татар.

В «Саге о Йоне Напильнике» (ок. 1400 г.), занимающей промежуточное положение между вполне традиционными сагами о древних временах и возникшими в Исландии под влиянием переводных рыцарских саг местными

рыцарскими сагами, география служит целям создания фона для легендарного повествования. Когда герои приплывают из Франции куда-то на восток, один из путешественников говорит:

«Я думаю, что я узнаю эту землю, и зовется она Хольмгард. А к востоку от этой земли лежит Галиция, а к северу от нее – Кэнугард и Руссланд, Кирьялаланд, Рисаланд, Квенланд, Земля Одноногих, Земля Очень Маленьких Людей и много других небольших земель, и много конунгов правит этими королевствами. Всё это с давних времен зовется Хольмгардарики, а некоторые зовут его Тартарарики (*Tartararíki*). Все мелкие конунги подвластны самому конунгу Хольмгардарики» [34, с. 45].

Географическое описание – очень в духе саг о древних временах – здесь совершенно избыточно с точки зрения сюжетной необходимости. Согласно ему, в восточной части Хольмгардарики (Государства Новгорода) помещается Галиция, а к северу от нее – Киев, Русь, Земля карел, Земля Великанов, Квенланд, Земля Одноногих, Земля Очень Маленьких Людей. Обсуждать пространственное соотношение всех означенных земель не представляется целесообразным. Это географическое описание строится на основании тех знаний и представлений, которыми обладал автор саги и которые должна была иметь его исландская аудитория. Он сложил свою текстуальную карту из тех географических реалий, которые в свое время отразились в королевских сагах и сагах о древних временах, добавив к этой картине места обитания некоторых жителей Крайнего Севера и приправив всё это упоминанием о диких народах. И всё же кое-что в этом тексте заслуживает внимания, а именно – утверждение автора саги, что весь этот набор земель «с давних времен зовется Хольмгардарики, а некоторые зовут его Тартарарики». Таким образом, косвенная информация этой текстуальной карты такова: образованным исландцам первой половины XIV в. было известно о состоящем из отдельных княжений большом государстве в Восточной Европе (Хольмгардарики – Древнерусское государство), а некоторые также знали о его нахождении под властью Золотой Орды, почему и называли его Государством Татар (Тартарарики) [подробнее см.: 1].

*

Особое место Государство Татар занимает на ментальной карте авторов упомянутых выше местных, или «оригинальных», рыцарских саг (*riddarasögur*). В отличие от прочих видов саг в них повествуется не о скандинавской истории, а о событиях, происходивших в других, иногда экзотических (вплоть до азиатских и африканских) странах, возможно, известных исландским авторам только по названиям. Рыцарские саги очень близки к сказкам, в них много фантастических элементов и мифо-эпических мотивов [об использовании по отношению к ним терминов *lygisögur* «лживые саги» и *Märchensagas* «сказочные саги» см.: 11, с. 199–205; 8, с. 309; о сложности видовой идентификации некоторых саг, относимых как к рыцарским, так и к сагам о древних временах, см.: 29, с. 443]. Практически всем образцам этого вида саг свойственна четырехчастная структура, совпадающая с универсальной морфологической схемой историй о поисках невесты (юность героя – отъезд – приключения – свадьба [8, с. 358]). Финнюр Йоунссон сравнивал рыцарские саги с их постоянно воспроизводимым набором мотивов и ситуаций с калейдоскопом, в котором новые картины образуются при перестанов-

ке одних и тех же частей [18, с. 98; возражения, касающиеся оригинальности этого вида саг, см.: 8, с. 360].

Однако сведения о реальных исторических событиях и географических объектах в них тоже присутствуют. Прежде всего, эта группа саг интересна тем, что она отражает средневековые исландские этические идеалы, поведенческие мотивы и представления, в т. ч. о мироустройстве. Исландцы, создавшие эти саги, были знакомы с устной информацией географического характера, включавшей сведения о Восточной Европе и Государстве Татар, и отразили ее в своих текстах.

Как отмечает И.Г. Матюшина, терминологическое обозначение «рыцарские саги» восходит к средневековью [8, с. 309]. Современные исследователи относят к ним как переводы придворных романов, лэ и жестов, так и саги, сочиненные в Исландии в XIV–XV вв. в стилистике переводных рыцарских романов [30, с. 436]. Оригинальные исландские произведения в этой разновидности саг являются следующей стадией ее эволюции, продолжающей исландские переводы и переложения европейских сочинений [14, с. 208].

В восьми рыцарских сагах (из порядка 50 «оригинальных») место экзотических стран занимает Тартария. В разных сагах ее называют по-разному: *Tartaria*, *Táttaria*, *Táttariáriki*, *Tártariáriki*, *Taricia*; иногда различные наименования используются даже в рамках одной саги. Похожие сюжеты, в одних сагах развивающиеся в Греции или Индии, в этих локализируются «на Восточном пути». «По Восточному пути» до Тартарии добираются в «Саге о Сигурде Молчуне» [28, с. 223, 240, 242] и «Саге о Сигргарде Смелом» («*Sigrgarðs saga frókna*» [28, с. 67]), а конунг Флорес из одноименной саги правит Фракией, а также «всем Государством Татар (*Táttariáriki*) и многими другими землями на Восточных путях» («*Flóres saga konungs ok sona hans*» [28, с. 66]).

«Сага о Ремунде, королевском сыне» («*Rémundar saga keisarasonar*») – самая длинная из «оригинальных» рыцарских саг. Она была создана ок. 1350 г. М. Калинке выделяет 41 рукопись (от XIV до конца XIX в.), в составе которых сага дошла до нас [24, с. 303; о рукописной традиции см. также: 22], что свидетельствует о ее высокой популярности в исландской среде. При этом близкие иноязычные источники саги исследователями не находятся [16], а аналогии с «Рыцарем телеги» Кретьена де Труа [10, с. 452] кажутся нам чрезмерно натянутыми.

По сюжету этой саги, Ремунду, сыну короля Саксланда Ричарда, приснилась красивая девушка. Ремунд просыпается прежде, чем успевает заключить с ней брак, а на его пальце оказывается обручальное кольцо. Поэтому герой отправляется на ее поиски. После многих приключений он получает предсказание, что будет исцелен от мучавшей его раны только самой прекрасной женщиной в мире. Ею оказывается та самая девушка, которая приснилась Ремунду, и это – Элина (*Elína*), дочь царя Индии Йоганнеса (в образе которого Дж. Барнес справедливо видит отсылки на легенду о пресвитере Иоанне [14, с. 212]; а имя прекраснейшей Элины отсылает к Елене Троянской). Вернувшись на родину, Ремунд обнаруживает, что его отец умер, а он сам должен защищать Саксланд и его столицу Магдебург (*Magaðaborg*) от короля Тартарарики (*Tartáraríki*) Менилауса (*Meniláús*) и его вассалов – короля Каппадокии Клибануса (*Klibánús*) и воинов из Руси (*Rúszaland*). Советника Менилауса зовут Менон (*Ménon*), а еще одного тартарского короля – Агаменон

(*Agamenon*; оба имени явно коррелируют с греческим Агамемноном [28, с. 274]). Так же, как и в «Саге о Хрольве Пешеходе» (где правителя Государства Татар зовут «Менелай»), от Менилауса защищает приграничный с Государством Татар остров Хединсей (*Hedinsey*) король Гардарики Эйрик. Однако Менилаус побеждает и назначает на остров наместника Сотти, который по материнской линии родом с этого острова, а по отцовской линии происходит из Хольмгардарики [29, с. 50–53, 64–66; 16].

Сюжетные перипетии «Саги о Ремунде» чрезвычайно напоминают еще одну рыцарскую сагу, «Сагу о Гиббоне» («*Gibbons saga*»), созданную в это же время или чуть позже. Однако в последней нет никакого упоминания Гардарики, Хольмгардарики и Тартарарики, а искомая девушка живет в Греции.

С правителями Государства Татар Ремунд встречается дважды: в самом начале саги он побеждает в единоборстве на рыцарском турнире «принца» Тартарарики Эскупарта. Последний в саге так представляется при встрече:

«Меня зовут Эскупарт, а моего отца – Агаменон. Он – конунг Тартарии (*tartarakonungr*), такой могущественный, что ему подчиняются двенадцать коронованных конунгов» [28, с. 182].

Второй раз Ремунд, вернувшись из Индии, сражается с королем Тартарарики (*tartarakonungr*) Менилаусом и его союзниками [28, с. 225–313].

Антагонист по имени Эскупарт (правда, он – великан, *jötunn*, и его «национальная» принадлежность не указана) действует еще в нескольких рыцарских сагах: «Саге о Викторе и Блабусе» («*Viktors saga ok Blávus*»), «Саге о Сигргарде Смелом» («*Sigrarðs saga frókna*») и «Саге о Бэринге Прекрасном» («*Bærings saga fagra*», считается основанной на «Саге о Ремунде»). Дж. Барнес полагает, что его имя было заимствовано из «Саги о Бевере» («*Bervers saga*»), переводе жесты о Беве из Амтона [14, с. 212]. Аскапарт (*Ascapart*, варианты *Ascupart*, *Ascapard*, *Ascopard*, *Ascopart*, *Asgapard*) был легендарным великаном из английского фольклора (особенно Хэмпшира, Нью-Фореста и Саутгемптона), побежденным Беве из Амтона (в английском варианте легенд – Бевисом из Хэмптона). В более поздних адаптациях легенды Аскапарт трансформируется в получеловека-полусобаку по имени Пелукан (*Pelucan*, варианты *Pulicane*, *Pulican*, *Pelukan*, в русской версии [богатырская повесть и сказки о Бове Королевиче] – кентавр Полкан). Сохранение за антагонистом в «Саге о Ремунде» (вдобавок оказавшимся возлюбленным девушки, которую ищет главный герой) такого известного и знакового имени выглядит логичным, а вот выбор его «этнической принадлежности» можно объяснить только тем, что Государство Татар, по представлениям исландцев, не только находилось на краю ойкумены, но и граничило с Землей великанов – Рисаландом (*Risaland*), – лежащей к востоку и северу от Аустрвега («Восточного пути») [7, с. 65–66]. По «Саге о Вальдимаре» («*Valdimars saga*»), правителей Государства Татар и Рисаланда даже связывали династические узы. Эти связи тем показательней, что в гл. 63 исландского исторического трактата «Книга о занятии земли», повествующего о событиях IX–X вв., упоминается о династическом браке правителей Гардарики (т. е. Древней Руси) и Рисаланда [26, с. 236].

«Менелай» – имя не скандинавское, не саговое, это имя легендарного героя гомеровской «Илиады», который стал известен на скандинавском Севере благодаря рыцарской «Саге о троянцах» («*Trójumanna saga*»), все сохранившиеся редакции которой восходят к некоему общему тексту, созданному в

начале XIII в. и представлявшему собой прозаическое переложение утраченного ныне источника – широко известного в средневековой Европе латинского перевода (V или IV в. н. э.) греческого сочинения «De excidio Troiae historia» («Повести о гибели Трои», возможно, I в. н. э.), приписываемого Дарету Фригийскому. Вполне вероятно, что источником сведений о Менилаусе как правителе Государства Татар и о приграничном с ним острове Хединсей для «Саги о Ремунде» стала упоминавшаяся выше «Сага о Хрольве Пешеходе», созданная раньше ее, а именно не позднее начала XIV в. [3, с. 52]. Впрочем, имя конунга Менелая встречается и в более ранних исландских источниках: оно есть в географическом сочинении второй половины XIII – начала XIV в. «Какие земли лежат в мире» («Hversu lönd liggja í veröldinni») [9, с. 62/65].

Надо подчеркнуть, что Агамемнон и Менелай – не единственные «татарские» правители с греческими именами, действующие в рыцарских сагах. Агапитом зовут *Tartarakonungr* в «Саге о Сигурде Молчуне» («*Sigurðar saga þögla*» [28, с. 224]). В гл. 22 поздней (втор. пол. XVIII в.) «Саги о Сарпидоне сильном» («*Sarpidons saga sterka*») упоминаются Толомеус (*Tólomeus*, Птолемей) и Тантилус (*Tantilus*), «хёвдинги... родом из Тартарии (*Tartaría*)» [28, с. 295].

*

«Сага о Сигурде Молчуне» – одна из самых популярных «оригинальных» рыцарских саг. Она дошла до нас более чем в 60 рукописях, самая древняя из которых – AM 596 4to, XIV в. [17, с. xv]. В ней раскрывается популярный в рыцарских сагах сюжет о *meykonungr* «девственнице-конунге» [см.: 24, с. 105–132; 8, с. 348–352], которую здесь зовут Седентиана (*Sedentiana*). В тексте присутствуют широко распространенные сказочные мотивы ущербного (в данном случае – немного) запечника (*kolbítr*) и благодарного льва [8, с. 358–359; 33, с. 1010; 32, с. 326–329], а также прямые заимствования из нескольких других саг [29, с. 84].

В саге несколько раз говорится о том, как герои ставят парус, плывут из Франции «по Восточному пути» и приплывают в Тартарию. И такие путешествия до Государства Татар и обратно совершаются героями неоднократно, с соратниками или даже с огромным войском [28, с. 248]. В гл. 10 они «плывут под парусом в Тартарию (*til Tartaría*)» [28, с. 134], в гл. 39 «плывут они под парусом в Аустрвег и прибывают в государство конунга Тартарии (*í ríki Tartarakonings*)» [28, с. 224].

По саге, Государством Татар правит конунг Агапит, имеющий единственную дочь Альбину. О последней в саге говорится, что она «была так прекрасна и мила, что в Тартарии (*í Tartaría*) едва ли был кто-то похожий на нее» [28, с. 224].

Государство Татар «Саги о Сигурде Молчуне» находится рядом с землей великанов, *Рисаландом*, а сами его жители – великаны. В рассмотренном выше перечне соседних с Государством Татар стран в «Саге о Йоне Напильнике» подряд идут реальные и фантастические земли, и среди них – Рисаланд [28, с. 12]. Огромным ростом обладают герои «Саги о Ремунде» тартарский принц Эскупарт [28, с. 182] и хёвдинг Тантилус «родом из Тартарии» (он описывается так: «человек большой, как великан» [28, с. 295]). В войске тартарского конунга Менилауса, согласно этой же саге, состоят воины-великаны: «Там были с ним... сильные воины великанского роста» [28, с. 271].

Два различных великана (оба йотуны, *jötunn*) – антагонисты, действующие в самой «Саге о Сигурде Молчуне». Первый – безымянный, утачивший единственную дочь тартарского конунга Агапита Альбину в горы, которые, по всей видимости, были расположены неподалеку от Тартарии [28, с. 224]. Второй – причинивший много вреда татарам Оскруд (*Öskruður*, вероятно, от д.-исл. *osk* «пепел, зола»; имя отсылает к популярному сказочному мотиву о запечнике, АТ 1088 [15, с. 18; 28, с. 254]). Их активные действия также свидетельствуют о соседстве Государства Татар и земли великанов, согласно представлениям авторов местных рыцарских саг.

*

Основной вывод из рассмотренного материала таков: древнескандинавские источники разных жанров не имеют общего представления о Государстве Татар. Если в королевских и епископских сагах, а также в исландских анналах татары – это абсолютная историческая реальность, то в сагах о древних временах и местных рыцарских сагах ситуация коренным образом меняется. Их авторы создают географические описания в качестве фона для своего выдуманного повествования, выстраивая их на основании тех знаний и представлений, которыми обладали они сами и которые должна была иметь их исландская аудитория. В результате их текстуальная карта складывалась из тех восточно-европейских реалий, которые в свое время отразились в королевских сагах и сагах о епископах, с добавлением мест обитания жителей Крайнего Севера (реальных и фантастических) и упоминанием о диких народах.

Единственный неоспоримый факт – это нахождение Государства Татар к востоку от Скандинавии, в Восточной четверти ойкумены. При этом, как всё малоизвестное и опасное, оно смещено на ментальной карте в сторону севера. Примерно так представлено его расположение в географическом трактате «Описание Земли II», созданном после середины XIII в., когда сведения о покорении Венгрии монголами в апреле 1241 г. потрясли западный христианский мир, распространились по всей Европе и вызвали панику.

В то же время в Восточной четверти ойкумены расположено, как известно всем источникам, по-разному ими именуемое – *Гарды*, *Гардарики*, *Хольмгардарики*, *Русаланд* – Древнерусское государство. Когда на исландской ментальной карте появилось Государство Татар, оно «встроилось» рядом с ним. Но если автор географического сочинения лишь «соединил» эти два государства, поместив менее известное севернее, чем хорошо знакомая Древняя Русь, то в «Саге о Хрольве Пешеходе» и, вероятно, связанной с ней «Саге о Ремунде, королевском сыне» Русь и Государство Татар разделены морем, которое, хоть и не названо, не может быть ничем кроме как Балтийским. Вот и в «Саге о Сигурде Молчуне» герои плывут «в Аустрвег» (*Austrvegr* «Восточный путь» – это, вне всякого сомнения, Балтика) и приплывают «в государство конунга тартар» [31, с. 218]. Наконец, в «Саге о Йоне Напильнике» Тартарики и Хольмгардарики просто тождественны.

Ментальная карта авторов саг о древних временах и местных рыцарских саг не соответствует реальности. Она является творением образованных исландцев, которые творчески переработали накопившиеся в Исландии географические знания о краях ойкумены и актуализировали их в соответствии с представлениями, бытовавшими в исландском обществе середины XIII в. и более позднего времени. Вместе с тем эта карта может нести любопытную

косвенную информацию, а именно – быть отражением знания о том, что Русь находилась под властью Золотой Орды (поэтому их местоположение «накладывалось» друг на друга), с одной стороны [см. об этом: 1], и представления о реальном географическом положении Государства Татар в глубине Восточной четверти мира, – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джексон Т.Н. География Восточной Европы в представлении авторов исландских саг // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4 (24). С. 18–25.
2. Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. 779 с.
3. Джексон Т.Н. О плавании из Индиаланда в Данию и о Менелае, конунге Таттарики (географические описания в исландско-норвежских хрониках и сагах) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 45–56.
4. Джексон Т.Н. «Татары сражались в Венгрии» (Annales Regii, s. a. 1241) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2021. С. 562–568.
5. Джексон Т.Н. У зим бывают имена...: зимы в исландских анналах // Graphosphaera. 2023. Т. 3. № 1. С. 48–74. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-1-48-74>
6. Джексон Т.Н. *Hófvz Tartarar secundum quosdam*: сведения о татарах в исландских анналах // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 616–635.
7. Джексон Т.Н. *Septentrionalium regionum descriptio*: Северные регионы ойкумены на ментальной карте средневековых исландцев. М.: Альма Матер, 2023. 282 с.
8. Матюшина И.Г. О жанровой эволюции рыцарской саги // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 309–362.
9. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986. 230 с.
10. Прицак О. Походження Русі. Київ: Обереги, 2003. Т. 2. 1303 с.
11. Стеблин-Каменский М.И. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 246 с.
12. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C.C. Rafn. Copenhagen: De l'imprimerie des frères Berling, 1850–1852. Т. 1–2.
13. Árna saga biskups // Biskupa sögur III / Guðrún Ása Grímsdóttir gaf út. Reykjavík, 1998 (Íslenzk fornrit; 17). Bls. 1–207.
14. Barnes G. Rémundar saga keisarasonar: Romance, Epic and the Legend of Prester John // Journal of English and Germanic Philology. 2012. Vol. 111 (2). P. 208–223.
15. Brunvand J. Norway's Askeladden, the Unpromising Hero, and Junior-Right // The Journal of American Folklore. 1959. Vol. 72 (283). P. 14–23.
16. Cook R. Rémundar saga keisarasonar // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano. New York: Garland, 1993. P. 526.
17. Driscoll M. Sigurðar saga þögla: The shorter redaction, edited from AM 596 4to. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1992. clxvi + 67 pp.
18. Finnur Jónsson. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. København: G.E.C. Gads Forlag, 1924. Bd. 3. 164 s.
19. Göngu-Hrólfs saga // Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1954. B. 3. Bls. 161–280.
20. Hákonar saga Hákonarsonar // Det Arnamagnæanske håndskrift 81a fol. / A. Kjær og L. Holm-Olsen. Kristiania, Oslo: Kjedeskriiftfondet, 1910–1987. Bls. 292–678.
21. Hákonar saga Hákonarsonar // Fornmanna sögur eptir gömlum handritum / Finnur Magnússon. Kaupmannahöfn: Popp, 1835. B. IX. Bls. 228–535; B. X. Bls. 1–154.

22. Halvorsen E.F. *Rémundar saga* // *Kulturhistorisk leksikon för nordisk middelalder*. Oslo: Gyldendal, 1969. T. 14. S. 64–65.
23. *Islandske annaler indtil 1578* / G. Storm. Christiania: Grøndahl & Søns Bogtrykkeri, 1888 (reprint: Oslo, 1977).
24. Kalinke M.E. *Rémundar saga keisarasonar* // *Dictionary of the Middle Ages* / Ed. by J.R. Strayer. New York: Charles Scribner's Sons, 1988. Pt. 10. P. 303–304.
25. Kalinke M.E. *Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990. (Islandica; XLVI). 223 p.
26. *Landnámabók* // *Íslendingabók*. *Landnámabók* / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1986. (IF; 1). Bls. 31–397.
27. *Ordbog over det norrøne prosasprog – The Dictionary of Old Norse Prose*. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>
28. *Riddarasögur* / Bjarni Vilhjálmsson gaf út. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1951. Bd. V. 340 bls.
29. Schlauch M. *Romance in Iceland*. London; New York; Princeton: American Scandinavian foundation, 1934. 201 p.
30. Sif Ríkharrðsdóttir. *Riddarasögur* // *The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature* / Ed. by H. O'Donoghue. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 435–451.
31. *Sigurðar saga þögla* // *Late Medieval Icelandic Romances*. 3 vols / A. Loth (Editiones Arnarnagæðar. Ser. A. Vol. 21–23). København: Ejnar Munksgaard, 1963. Vol. 2. P. 95–259.
32. Tirosh Y. Deafness and Nonspeaking in Late Medieval Iceland (1200–1550) // *Viator*. 2020. Vol. 51.1. P. 311–344.
33. Wackerlin H. The Silence of *Sigurðar þögli* – *Vox Ariculata, Vox Humana, and Vox Animalia* in *Sigurðar saga þögli* // *The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature: Sagas and the British Isles; Preprint Papers of the Thirteenth International Saga Conference (Durham; York, 6–12 August, 2006)* / Ed. by J. McKinnell, D. Ashurst, and D. Kick. Durham, 2006. Vol. 2. P. 1005–1014.
34. White C. *Þjalar-Jóns saga*. The Icelandic text with an English translation, introduction and notes. Ritgerð til MA-prófs í íslenskum miðaldafræðum. Háskóli Íslands. 2016.

REFERENCES

- 1 Jackson T.N. The Geography of Eastern Europe as Viewed by the Authors of the Icelandic Sagas. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*=*Saint-Petersburg Historical Journal*, 2019, no. 4 (24), pp. 18–25. (In Russian)
- 2 Jackson T.N. Icelandic Kings' Sagas on Eastern Europe. Second edition, in one book, improved and supplemented. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House Publ., 2012. 779 p. (In Russian)
- 3 Jackson T.N. On Sailing From Indialand to Denmark, and on Menelaus, the King of Tattararíki (Geographical Descriptions in the Old Norse-Icelandic Chronicles and Sagas). *Zolotoordynskoe obozrenie*=*Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 45–56. (In Russian)
- 4 Jackson T.N. Tartarar þórðvz i Vngaria/Tatars fought in Hungary (Annales Regii, s. a. 1241). In: *The Earliest States of Eastern Europe*. 2021: Eastern Europe and islamic world. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House Publ., 2021, pp. 562–568. (In Russian)
- 5 Jackson T.N. Winter Names: Winters in Icelandic Annals. *Graphosphaera*. 2023, vol. 3, no 1, pp. 48–74. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-1-48-74> (In Russian)
- 6 Jackson T.N. Hófvz Tartarar secundum quosdam: Information on Tatars in Icelandic Annals. *Zolotoordynskoe obozrenie*=*Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 616–635. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.616-635 (In Russian)

- 7 Jackson T.N. Septentrionalium regionum descriptio: Northern regions of the oekumene on the mental map of medieval Icelanders. Moscow: Alma Mater Publ., 2023. 282 p. (In Russian)
- 8 Matyushina I.G. On the Genre Evolution of the Chivalric Saga. In: The Earliest States of Eastern Europe, 1999: Eastern and Northern Europe in the Middle Ages. Edited by G.V. Glazyrina. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001, pp. 309–362. (In Russian)
- 9 Melnikova E.A. Old Norse geographical treatises. Moscow: Nauka, 1986. 230 p. (In Russian)
- 10 Pritsak O. The Origin of Rus. Vol. 2. Kyiv: Oberegi, 2003. 1303 p. (In Ukrainian)
- 11 Steblin-Kamenskiy M.I. Formation of Literature. Leningrad: Nauka, 1984. 246 p. (In Russian)
- 12 Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves 1–2. Edited by C.C. Rafn. Copenhagen: De l'imprimerie des frères Berling, 1851–1852. (In French)
- 13 Árna saga biskups. In: Biskupa sögur III. Edited by Guðrún Ása Grímsdóttir. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1998 (Íslensk fornrit; 17), pp. 1–207. (In Icelandic)
- 14 Barnes G. Rémundar saga keisarasonar: Romance, Epic and the Legend of Prester John. *Journal of English and Germanic Philology*. 2012, vol. 111 (2), pp. 208–223.
- 15 Brunvand J. Norway's Askeladden, the Unpromising Hero, and Junior-Right. *The Journal of American Folklore*. 1959, vol. 72 (283), pp. 14–23.
- 16 Cook R. Rémundar saga keisarasonar. In: Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. Edited by Ph. Pulsiano. New York: Garland, 1993. p. 526.
- 17 Driscoll M. Sigurðar saga þögla: The shorter redaction, edited from AM 596 4to. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1992. clxvi + 67 pp.
- 18 Finnur Jónsson. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie, vol. 3. København: G.E.C. Gads Forlag, 1924. 164 p. (In Danish)
- 19 Göngu-Hrólfs saga. In: Fornaldar sögur Norðurlanda. Edited by Guðni Jónsson. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, vol. 3, 1954, pp. 161–280. (In Icelandic)
- 20 Hákonar saga Hákonarsonar. In: Det Arnamagnæanske håndskrift 81 a Fol. (Skálholtsbók yngsta) indeholdende Sverris saga, Böglunga sögur, Hákonar saga Hákonarsonar. Edited by A. Kjær, L. Holm-Olsen. Kristiania, Oslo: Kjeldeskriptfondet, 1910–87. (In Icelandic)
- 21 Hákonar saga Hákonarsonar. In: Fornmanna sögur eptir gömlum handritum. Edited by Finnur Magnússon. Kaupmannahöfn: Popp, 1835, vol. 9, pp. 228–535; vol. 10, pp. 1–154. (In Icelandic)
- 22 Halvorsen E.F. Rémundar saga. In: Kulturhistorisk leksikon för nordisk middelalder. Oslo: Gyldendal. Vol. 14, 1969, pp. 64–65. (In Norwegian)
- 23 Íslandske annaler indtil 1578. Edited by G. Storm. Christiania: Grøndahl & Søns Bogtrykkeri, 1888, reprinted in Oslo, 1977. (In Icelandic)
- 24 Kalinke M.E. Rémundar saga keisarasonar. In: Dictionary of the Middle Ages. Part 10. Edited by J.R. Strayer. New York: Charles Scribner's Sons, 1988, pp. 303–304.
- 25 Kalinke M.E. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990 (Islandica; XLVI). 223 p.
- 26 Landnámabók. In: Íslendingabók. Landnámabók. Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1986 (Íslensk fornrit; 1), pp. 31–397. (In Icelandic)
- 27 Ordbog over det norrøne prosasprog – The Dictionary of Old Norse Prose. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>
- 28 Riddarasögur. Vol. 5. Bjarni Vilhjálmsson gaf út. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1951. 340 p. (In Icelandic)
- 29 Schlauch M. Romance in Iceland. London; New York; Princeton: American Scandinavian foundation, 1934. 201 p.

30 Sif Ríkharrðsdóttir. Riddarasögur. In: The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature. Edited by H. O'Donoghue. Cambridge: Cambridge University Press, 2024, pp. 435–451.

31 Sigurðar saga þögla. In: Late Medieval Icelandic Romances. In 3 volumes. Vol. 2. Edited by A. Loth (Editiones Arnarnagæanæ, ser. A, vol. 21–23). København: Ejnar Munksgaard, 1963, pp. 95–259. (In Icelandic)

32 Tirosh Y. Deafness and Nonspeaking in Late Medieval Iceland (1200–1550). *Viator*, 2020, vol. 51.1, pp. 311–344.

33 Wäckerlin H. The Silence of Sigurðr þögli – Vox Ariculata, Vox Humana, and Vox Animalia in Sigurðar saga þögli. In: The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature: Sagas and the British Isles; Preprint Papers of the Thirteenth International Saga Conference (Durham; York, 6–12 August, 2006). Vol. 2. Edited by J. McKinnell, D. Ashurst, and D. Kick. Durham, 2006, pp. 1005–1014.

34 White C. Þjalar-Jóns saga. The Icelandic text with an English translation, introduction and notes. Ritgerð til MA-prófs í íslenskum miðaldafræðum. Háskóli Íslands, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Николаевна Джаксон – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории Российской академии наук (119334, Ленинский пр., 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6302-2061. E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Елена Владимировна Литовских – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории Российской академии наук (119334, Ленинский пр., 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6788-1250. E-mail: elitovskih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatjana N. Jackson – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninskiy prospect, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6302-2061. E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Elena V. Litovskikh – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninskiy prospect, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6788-1250. E-mail: elitovskih@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.277-294>
EDN: FEAYLG

УДК 930.23

СВЕДЕНИЯ О КАРА-ТАТАРАХ В МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ XIII в.

Д.М. Тимохин

Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
horezm83@mail.ru

Резюме. Цель исследования: представленная вниманию читателей статья посвящена анализу упоминаний мусульманскими историками этнонима «кара-татары». Чаще всего исследователи обращались к данной проблематике применительно к событиям конца XIV – начала XV вв., как это сделал уже В.В. Бартольд, упоминая о «кара-татарах», которых Тимур переселил из пределов Малой Азии в Мавераннахр. Однако нам хотелось бы обратить внимание на тот факт, что мусульманские историки XIII в. также сообщают о «кара-татарах» и эти описания до сих не были объектом специального изучения в российской науке. В этой статье мы не только постараемся проанализировать указанные сведения, но и соотнести их с рассказами о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака, в чьих названиях также присутствует цветовой маркер «кара»/«черный», в еще более ранних мусульманских текстах. Подобное исследование должно оказаться полезным не только специалистам по истории кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака, но и тем, чьи интересы связаны с анализом эволюции мусульманской историографии XI–XIII вв., а также исследователям семантики цвета в названиях тюркских племенных объединений.

Материалы исследования: основными материалами, на которых базируется данная статья, станут как мусульманские исторические и географические сочинения, написанные в XIII в., так и целый ряд более ранних текстов, к которым обращались или из которых заимствовали сведения более поздние авторы. Кроме того, нами будут учтены памятники армянской исторической традиции, содержащие в себе сведения о «кара-татарах» и монгольских завоевательных походах первой половины XIII в.

Результаты исследования и научная новизна: в настоящей статье среди мусульманских сочинений XIII в. было отмечено упоминание «кара-татар» в списке тюркских племен, который приводит Фахр-е Модаббер в своем сочинении «*Шаджара-йе ансāб-е Мобāракишāхӣ*», а также пространное описание этого племенного объединения в труде «*Шарх нахдж ал-балага*» Ибн Абу ал-Хадид ал-Мада'ини. Первый пример подчеркивает тот факт, что уже домонгольские авторы были знакомы с этим племенным объединением, а второй пример наглядным образом демонстрирует влияние на авторов XIII в. сведений гораздо более ранних мусульманских историков и географов.

Ключевые слова: кара-татары, кочевые тюркские племена, мусульманские сочинения, Дешт-и Кыпчак

© Тимохин Д.М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Тимохин Д.М. Сведения о кара-татарах в мусульманских памятниках XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 277–294. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.277-294> EDN: FEAYLG

INFORMATION ABOUT THE QARA-TATARS IN MUSLIM SOURCES OF THE 13th CENTURY

D.M. Timokhin

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
horezm83@mail.ru*

Abstract. Research objectives: This article is devoted to the analysis of references by Muslim historians to the ethnonym "Qara-Tatars". Most often, researchers turned to this problem in relation to the events of the late 14th – early 15th centuries, as V.V. Bartold already did, mentioning the "Qara-Tatars" whom Timur resettled from the borders of Asia Minor to Transoxiana. However, we would like to draw attention to the fact that Muslim historians of the 13th century also reported about the "Qara-Tatars" and these descriptions have not yet been the object of special study in Russian research. In this article, we will not only try to analyze these data, but also correlate them with the stories about the nomadic Turkic tribes of the Dasht-i Qipchaq whose names also contain the color marker "qara"/"black" in even earlier Muslim texts. Such a study should be useful not only to specialists in the history of the nomadic Turkic tribes of the Dasht-i Qipchaq, but also to those whose interests are related to the analysis of the evolution of Muslim historiography of the 11th – 13th centuries, as well as to researchers of the semantics of color in the names of Turkic tribal associations.

Research materials: The main materials on which this article is based are both Muslim historical and geographical works written in the 13th century, as well as a number of earlier texts to which later authors referred or from which they borrowed information. In addition, we will take into account the sources of the Armenian historical tradition which contain information about the "Qara-Tatars" and the Mongol conquests of the first half of the 13th century.

Research results and novelty: In this article, among the Muslim writings of the 13th century, the mention of the "Qara-Tatars" in the list of Turkic tribes was noted, cited by Fakhr-e Modabber in his essay "Shajara-ye ansab-e mobarakshah-i", as well as a lengthy description of this tribal association in the work, "Sharh nahj al-balaga", by Ibn Abu al-Hadid al-Mada'ini. The first example highlights the fact that pre-Mongol authors were already familiar with this tribal association, and the second example clearly demonstrates the influence of much earlier Muslim historians and geographers on the authors of the 13th century.

Keywords: Qara-Tatars, nomadic Turkic tribes, Muslim writings, Dasht-i Qipchaq

For citation: Timokhin D.M. Information about the Qara-Tatars in Muslim sources of the 13th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 277–294. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.277-294> (In Russian)

Использование цветовых маркеров для обозначения связанных между собой, но все-таки при этом самостоятельных этнических групп внутри кочевого мира Дешт-и Кыпчака само по себе не является новой научной проблематикой. Ровно то же самое можно сказать и об отражении этих цветовых

маркеров в составе мусульманских исторических текстов при описании тех или иных кочевнических объединений – исследовательское внимание эта проблема привлекает уже очень давно [см. например: 8, с. 82–88; 9; 12, с. 159–179; 15]. Семантика же цвета в названии кочевых этнических групп Дешт-и Кыпчака лишь в отдельных случаях продолжает оставаться объектом дискуссии, но в целом же также вряд ли может считаться значимой лакуной. Впрочем, именно эти отдельные случаи позволяют ученым вновь обращаться к, казалось бы, давно и хорошо изученным сюжетам как то – цветовые маркеры в названии кочевых объединений и их семантика на основании сведений из мусульманских источников. В рамках данной статьи мы обратимся к, вероятно, одному из самых известных специалистам цветовых маркеров, фигурирующих в названиях кочевых этнических объединений Дешт-и Кыпчака, а именно к понятию «кара»/«черный» («قارا») неоднократно встречающемуся в мусульманских исторических сочинениях, в том числе и домонгольского периода. Несмотря на обширную историографию проблемы, которой и автор статьи посвятил специальные исследования [17, с. 371–382; 20, с. 60–65], отдельные примеры использования подобного маркера все еще остаются предметом дискуссии, а некоторые и вовсе избежали пристального внимания ученых. В частности, отметим такой этноним как «кара-татары» («قارا تاتار»), упоминание которых в памятниках мусульманской историографии XIII в. до пор сих остается слабо изученной научной проблематикой. Надеемся, что наше исследование с одной стороны, в некоторой степени заполнит сложившуюся лауну в отношении упоминания данной этнической группы в составе мусульманских исторических сочинений XIII в., а с другой – привлечет интерес научного сообщества, как к самим «кара-татарам», так и к другим кочевым племенам, имеющим в своем названии цветовые маркеры.

Сразу же обозначим тот факт, что упоминание «кара-татар» в более поздних исторических текстов сознательно будут оставлены нами без внимания в этом исследовании: эти случаи неплохо известны специалистам и ниже мы приведем несколько значимых сообщений по этому поводу. Во-первых, уже В.В. Бартольд в своей статье «Татары», написанной им для «Энциклопедии Ислама» [5, с. 559–562] сообщает о «кара-татарах» применительно к событиям конца XIV – начала XV в. «Один из монгольских военных отрядов в период завоевания был переселен в Малую Азию; их потомки (вероятно, также тюркизированные) назывались там «черные татары» (кара татар); ко времени похода Тимура они вели кочевую жизнь в местности между Амасьей и Кайсарией; их насчитывалось 30–40 тысяч семей (Шереф ад-дин Йезди, II, 502 и сл.). По рассказу Ибн Арабшаха ('Аджā'иб ал-макдūr, Изд. Мангера, II, 338), Тимур по совету султана Баязида приказал увести этих татар в Среднюю Азию; там им были определены места поселения в Кашгаре, на острове (ныне несуществующем) на озере Иссык-Куль (см. Bartold, *Issik-Kul*; <наст. изд., т. III, стр. 437) и в Хорезме; одной их части удалось бежать в Золотую Орду. После смерти Тимура черные татары вернулись в Малую Азию; в 1419 г. они (или их часть) были переселены на Балканский полуостров и поселены западнее Филипполя; от них получил свое название город Татар-Пазарджик (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. I, S. 292)» [5, с. 560]. Другой выдающийся российский востоковед Ю.Э. Брегель в комментариях к изданию одного из томов собрания сочинений В.В. Бартольда также

обращает внимание на этот сюжет. «По-видимому, татары, обитавшие в это время в Мерве, были потомками тюркизированного монгольского племени кара-татар, которое Тимур в конце XIV в. переселил из Передней Азии в Мавераннахр, откуда оно после смерти Тимура перешло в Мервский оазис [14, с. 531]. Некоторые исследователи предполагают, что мервские татары в дальнейшем вошли в качестве одного из подразделений в состав йомутов, однако это остается недоказанным» [4, с. 616].

Если В.В. Бартольд опирается в приведенной нами выше цитате из статьи «Татары» на сообщения Шереф ад-Дина Йазди и Ибн Арабшаха, то Ю.Э. Брегель, ссылаясь на первый том «Материалов по истории туркмен и Туркмении», обращает внимание на сообщение о «кара-татарах» в сочинении «Матла' ас-са'дайн ва-маджма' ал-бахрайн» [10, с. 361, комм. 3] Камал ад-Дина 'Абд ар-Раззака ибн Исхака Самарканди, перевод выдержек из которого хорошо известен в российской науке [10, с. 361–384; 14, с. 529–535; 16, с. 190–201]. Интересующее нас сообщение этого мусульманского историка выглядит следующим образом: «Рассказ о делах Хорезмской области, которая в этом 815 г. вошла в состав высочайшего дивана. Так как дела хорезмские (еще) не были занесены в тетрадь, то перо (наше) изложит (их) вкратце, из года в год от счастливого восшествия (Шахруха), и расскажет события той области. Вот суть дела. Во время смерти Тимура правителем Хорезма был амир Мусака. Племя кара-татар, которое Тимур в 806/21июля 1403 – 9 июля 1404 г., как подробно было рассказано в первом томе, вывел из областей Румских, в царствование мирзы Халил-Султана бежало из Мавераннахра и ушло в Хорезм. Между ними и амиром Мусака вспыхнуло пламя войны. Искры злодеяний кара-татар спалили земли Хорезма, и они (кара-татары) направились в Рум» [16, с. 193]. Как видно из этого фрагмента источника, речь идет о тех же «кара-татарах», о которых сообщал и В.В. Бартольд в цитате приведенной выше. Их других мусульманских сочинений об этих же событиях начала XV в. и об участии в них «кара-татар», помимо Камал ад-Дина 'Абд ар-Раззака ибн Исхака Самарканди, сообщает и Фасих Хавафи в своем сочинении «Муджмал-и Фасихи» [23]. «Опасение эмир Сулейман-шаха по поводу казни султан Хусейна. Он послал письмо его Величеству хакану, да увековечит всевышний Аллах его власть, [где говорилось]: «Эмирзаде султан Хусейна я привел к Вам во дворец. Эмир Шахмалик и Нуширван барлас покушались на его жизнь. Если его Величество хакан выгонит эмир Шахмалика, а Нуширвана казнит, то я буду служить нукером его Величества, но в противном случае не пойду к Вам». Его Величество, рассердившись на это, решился на благословенное выступление в сторону Туса и священного Мешхеда за эмиром Сулейман-шахом. Он послал к нему с письмом Абд ас-Самад эмир Хаджи Сайф ад-Дина – зятя и доверенное лицо эмир Сулейман-шаха – и тот принес известие о том, что эмир Сулейман-шах говорит: «Сына своего пошлю во дворец, а сам через два-три месяца прибуду на службу». Бегство туркменов кара-татар из Самарканда и появление их в Хорасане. Они были приведены его Величеством эмир сахибкираном из города Рум. Эмир Шахмалику, эмир Саййид ходже и эмир Джахан Мулку было приказано, чтобы они удалили [их] из Хорасана. Его Величество хакан отправил султана Али, сына Пир падишаха [к отцу] в Астрабад. Он сбежал из Самарканда и направлялся в Астрабад и был схвачен в пути эмир Саййид ходжой и приведен к

[его Величеству хакану]. Ему было поручено пойти к отцу и сказать: «Пусть юн придет к [нашему] дворцу, ибо мы желаем оказать ему милость и вручить ему его владения». Эмир Сулейман-шах сбежал из крепости Калат и отправился в Самарканд. Возвращение эмиров, отправленных для того, чтобы изгнать татар. Часть из них они взяли в плен, часть убили, а некоторые спаслись бегством» [23, с. 134–135].

Как видно из приведенных сведений мусульманских источников, этноним «кара-татары» («قرا تاتار») появляется в них при описании событий конца XIV – начала XV в., связанных с правлением Тимура и его потомков. Современные исследователи также чаще всего обращают внимание на этот этноним, описывая события указанного исторического периода и используя при этом, преимущественно те же мусульманские исторические сочинения [См. например: 30, p. 701]. О них же можно найти статью в составе известного специалистам издания «The Encyclopaedia Iranica», а точнее в статье «Karā'i»: «KARĀ'I (QARĀ'I, QARĀ TĀTĀR) – тюркоязычные племя, [проживающее] в Азербайджане, Хорасане, Кермане и Фарсе. Как писал Владимир Минорский: «Название карā'и на самом деле может быть связано с именем знаменитого монгольского племени кереитов, которые из-за своей христианской веры несторианского толка, изображались как добрый народ пресвитера Иоанна (личная переписка). Но это название также может быть связано с другими этническими группами в Центральной Азии (см. Немет, стр. 264–68). Сэр Джон Малкольм утверждал, что персидские карā'и «пришли из Тартарии с Тимуром», который «поселил часть их в Турции, а часть в Хорасане». После смерти Тимура (807/1405) «они рассеялись», а Надир-шах (1736–1747), «пожелав чтобы они вновь собрались вместе», собрал их вместе в Хорасане (II, с. 147). Хотя мы не знаем, привел ли Тимур карā'и на Ближний Восток или нет, остальная часть утверждения Малкольма, по-видимому, в значительной степени верна» [38, p. 536]. Справедливости ради стоит отметить, что данный этноним исследователи находят в источниках и при описании более ранних событий в иных регионах нежели Хорезм, Мавераннахр или Малая Азия. Так, в исследовании И. Вашари, посвященной истории Балкан в доосманский период [49], мы находим такую цитату при описании событий 1330-го года. «В ноябре 1330 года, через полгода после битвы при Вельбузде, Басараб одержал победу над венгерским королем в южных Карпатах. Поскольку Басараб женился на сестре болгарского царя Ивана Александра, было естественно, что он поспешил на помощь своему шурину, когда тот нуждался в этом при Вельбузде. Кроме того, Басараб также был потомком куманского клана, а его шурин, болгарин Иван Александр, был потомком Шишманидов, которые тоже были кланом куманского происхождения в Видине. Как мы видели и еще увидим несколько раз в этой книге, болгарские и румынские (валашские и молдавские) высшие классы, слой бояр и кнезов, был густо пронизан половецкими этническими элементами в тринадцатом и четырнадцатом веках. Татары в болгарской царской армии назывались «черными татарами» (čr'nyih' Tatar') в послании царя Душана, которое сохранилось в одной из рукописей его Законника. Термин кара, «черный», часто использовался в тюрко-монгольских этнонимах, а также в связи с татарами. В китайских источниках черные татары (Hei T'a-t'a) были настоящими татарами» [49, p. 112].

Что касается последнего предложения, то оно полностью повторяет идею, которую высказали ранее составители статьи «Татары» в рамках издания «İslâm Ansiklopedisi» [39, s. 55, 56, 58]. В то же время, если в отношении интерпретации маркера «кара»/«черный» И. Вашари в указанной работе направляет читателя к двум классическим статьям О. Прицака [40, s. 519–532; 41, s. 376–383; 42, s. 239–263], то бытование на Балканах в XIV в. этнонима «кара-татары» остается вне авторского внимания в рамках данной монографии [49, p. 112–113]. Впрочем, в упомянутых нами работах О. Прицака основная часть сведений касается употребления упомянутого маркера к различным этническим объединениям и упоминание его в исторических источниках, а также интерпретации маркера «кара», но непосредственно о «кара-татарах» сведений практически нет [40, s. 519–532; 41, s. 376–383; 42, s. 239–263]. Со своей стороны, еще раз подчеркнем тот факт, что данный этноним встречается в исторических сочинениях, в том числе и немусульманских, в XIV–XV вв. и сам по себе этот феномен хорошо известен исследователям. Нам же в рамках этой статьи, как и было заявлено в ее начале, хотелось бы обратить внимание на употребление этнонима «кара-татары» в более ранних мусульманских исторических сочинениях XIII в., как монгольского, так и домонгольского периода. В отличие от приведенных выше примеров, сообщения из состава мусульманской историографии, которые интересуют нас в этом исследовании, говорят скорее в пользу того, что сам по себе этноним «кара-татары» имеет гораздо более длительную и любопытную историю и вряд ли сводим исключительно к событиям XIV–XV вв. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на список тюркских племен в сочинении «*Шад-жара-йе ансāб-е Мобāракиāхī*» («*Бахр ал- 'ансāб*») Моҳаммада ибн Мансӯра ибн Са'йда или Фахр-е Модаббера (Мобāракшāх) [47].

Этот памятник относительно давно и хорошо известен специалистам [22, с. 108–115; 25, p. 31; 26, s. 465–544; 36, p. 397–403; 45, p. 392–413; 48, p. 847–858], а сам автор этой статьи посвятил ему несколько собственных работ [19, с. 200–212; 21], в связи с чем в этой статье мы коснемся лишь нескольких важных для нас сюжетов. Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что, по мнению исследователей, сам Фахр-е Модаббер дожил до 30-х годов XIII в. и был таким образом современником монгольского нашествия [28], вероятно владея информацией по этому поводу, даже проживая на территории северной Индии [28; 22, с. 108–109]. Однако текст интересующего нас сочинения был составлен им существенно раньше: так, по мнению И.И. Умнякова «*Шад-жара-йе ансāб-е Мобāракиāхī*» был написан им не ранее 607 г.х.¹ [22, с. 108], а составители издания «*Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.*» и вовсе настаивают на 603 г.х.² [13, с. 90], что выглядит маловероятным на фоне убедительных доводов, которые привел в пользу своей точки зрения И.И. Умняков [22, с. 108]. В любом случае важно подчеркнуть, что на сообщения о тюркских племенах Дешт-и Кыпчака, которые были включены Фахр-е Модаббером в состав «*Шад-жара-йе ансāб-е Мобāракиāхī*», не могло оказать влияние монгольское нашествие и последовавшие за этим события. При этом, несмотря на то, что данный памятник

¹ 607 г.х. = 1210 – 1211 г. Д.Т.

² 603 г.х. = 1206 – 1207 г. Д.Т.

очевидно должен иметь связи с более ранней мусульманской историографией, что и отмечали исследователи в отношении отдельных разделов этого источника [6, с. 77, комм. 4; 22, с. 108–115; 48, р. 847–858], однако в той части, где описываются кочевые тюркские племена, далеко не всегда получалось найти такие параллели или прямые заимствования [22, с. 111–112]. Здесь отдельного внимания заслуживает, с нашей точки зрения, приведенный Фахр-е Модаббером список тюркских племен Дешт-и Кыпчака: в рамках другой статьи мы останавливались специально на его анализе [21], а здесь лишь рассмотрим сам факт присутствия в этом перечне «кара-татар». Единственное на что еще следует здесь обратить внимание касается авторской логики выстраивания самого списка племен: приведенные этнонимы группируются не в алфавитном порядке и на первый взгляд может показаться, что перед нами беспорядочный перечень названий племенных объединений, однако это не так. Автор *«Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхī»* располагает внутри указанного списка парами, в одном случае тройкой, связанные друг с другом этнонимы, различающиеся лишь цветовым маркером: так, после племени «тибат» («تبت») сразу идет «кара-тибат» («قرا تبت»), а после «хазар» («خزر») соответственно – «кара-хазары» («قرا خزر») [47, р. 47. f. 30b]. Ровно такая ситуация и в отношении интересующего нас этнонима: согласно изданию Э.Д. Росса тридцать вторыми в списке тюркских племен идут «татары» («تتار»), а вслед за ними «кара-татары» («قرا تتار») [47, р. 47. f. 30b]. При этом даже на фоне отсутствия авторских пояснений или ремарок по поводу интересующего нас этнонима, можно все же сделать некоторые выводы.

Прежде всего, стоит отметить, что в этой части *«Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхī»* текст Фахр-е Модаббера одновременно и соответствует, и не соответствует своему времени, а точнее – написание отдельных этнонимов в списке тюркских племен вызывает определенные вопросы. Так, в издании источника, которое было осуществлено Э.Д. Россом, среди указанных племен тринадцатыми идут «хита» («خطا»), под которыми, безусловно, следует понимать «кара-китаев» [47, р. 47. f. 30b]. В своей более ранней статье [17, с. 371–382; 18, с. 250–261] мы специально останавливались на том факте, что в домонгольской традиции историки не использовали этноним «кара-китай», обозначая их просто «хитай» или «неверные хитай», как это делает и Фахр-е Модаббер [см. например: 37, с. 45–46; 43, с. 173; 44, р. 277–280]. В составе мусульманской историографии первое появление маркера «кара-китай» / «кара-хитай» следует связывать, по мнению исследователей, с текстом Джузджани «Табакат-и Насири», который был составлен не ранее 1260-го г. [27, р. 216–217], в связи с чем следует признать, что, используя понятие вместо «кара-китай»/«кара-хитай», Фахр-е Модаббер полностью соответствует традициям домонгольской историографии. Однако в отношении «татар» («تتار») и «кара-татар» («قرا تتار») в *«Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхī»* дело обстоит иначе: так, например, анонимный автор сочинения X в., «Худуд ал-‘Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб», использует вместо варианта «татар» («تتار») написание с двумя алефами – «تاتار» [31, р. 94]. А современники Фахр-е Модаббера и ранние авторы-очевидцы монгольского нашествия маркируют их как «التتر» или «تتر», что также отличается от варианта, приведенного в *«Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхī»* [24, л. 136б, 203б, 209б, 210а, 211а, 212а, 213а–213б; 32, с. 233–235; 35, л. 400–402]. Более того, Ибн Абу ал-Хадид ал-Мада’ини в

своем сочинении «*Шарх нахдж ал-балага*», в котором также описывается монгольское нашествие, дает по этому поводу следующее пояснение. «В одной книге говорится об этом народе: Мурудж аз-Захаб (Золотые копии) Масуди. Он их связывает со словом татар [تتر], в то время как люди сегодня производят татар [تتار] с долгим алефом. Этот народ проживал далеко на Востоке, в горах Тамгадж на границе с Китаем, который расположен в шести месяцах пути от мусульманского Мавераннахра» [33, р. 21–22]. Таким образом, вариант написания этнонимов «татары» («تتار») и «кара-татары» («تتار قرا») у Фахре Модаббера отличаются и от некоторых ранних примеров их написания, так и от некоторых более поздних, что делает список тюркских племен в составе «*Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхй*» еще более любопытным феноменом.

Возвращаясь к приведенной выше цитате из «*Шарх нахдж ал-балага*» Ибн Абу ал-Хадид ал-Мада'ини хотелось бы обратить внимание на то, что данный памятник включает в себя весьма любопытное сообщение и о «кара-татарах», которое, впрочем, до сегодняшнего момента оставалось не замеченным исследователями. Этот рассказ включен автором в состав главы под названием «Загадочная кончина хорезмшаха», где повествуется о смерти хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада (1200 – 1220). «Один хорасанский ученый, прибывший в Багдад, известный под именем ал-Бурхан, рассказал мне: «Брат мой, поскольку я входил в состав свиты Хорезмшаха и пользовался его доверием и его милостями, мне было рассказано, что после того, как он потерял рассудок, он постоянно произносил такие слова: «кара-татар калди!» (قرا تتر كلدي), что означает: «Черные татары идут!». Там действительно существуют темнокожие татары, которые походили на африканцев. Они носят очень широкие клинки, отличные от наших, и едят человеческую плоть. Хорезмшах был одержим ими, и память о них преследовала его» [33, р. 40–41]. Переводчик данного сочинения на французский язык, М. Джабли, позволил себе добавить к данному отрывку лишь следующий комментарий: «На самом деле было три группы татар: Белые Татары, жившие на юге у Китая, Татары называемые «дикие», которых сами монголы называли «лесные народы», жившие на крайнем севере и Черные татары, на Севере, часть которых, как мы уже говорили (с.19, комм. 17), мигрировала в Восточный Туркестан, чтобы основать там династию кара-китаев (Черных Хитаев) (Бартольд, История тюрков Центральной Азии: 118 и Энциклопедия Ислама, IV, 736)». Как видно из этого комментария, равно как и из комментария, приведенного на странице 19 того же издания³ М. Джабли странным образом смешивает «кара-татар» с «кара-китаями», что никак не коррелирует ни с историческими реалиями, ни собственно с сочинением ал-Мада'ини [33, р. 19]. В связи с этим, как нам кажется, стоит несколько более внимательно разобраться с источниками, на которых базируется текст «*Шарх нахдж ал-балага*», чтобы понять откуда его автор мог заимствовать подобный рассказ о «кара-татарах».

³ Здесь автор перевода сообщает следующее: «Хитаи, Хита или Кита: тюрко-монгольские племена зафиксированные, начиная с V в., на севере Китая. Часть из них мигрировала в регион озера Балхаш, в восточном Туркестане, где ими будет основана династия «Кара-Китаев» (Черных Хитаев)» [33, р. 19, comm. 17]. После этого комментария вряд ли остаются сомнения в избыточности суждений М. Джабли. Д.Т.

М. Джабли в предисловии к изданию перевода *«Шарх нахдж ал-балага»* в качестве основного источника для ал-Мада'ини называет сочинение Ибн ал-Асира *«ал-Камил фи-т-тарих»* и здесь мы вынуждены с ним согласиться. Действительно, текст *«Шарх нахдж ал-балага»* в целом ряде своих разделов является почти дословным пересказом сведений из сочинения Ибн ал-Асира: таковой, например, можно считать главу *«Татары и их происхождение»*, которую ал-Мада'ини почти дословно переписал из раздела *«Повествование о нашествии татар на страну Ислама»*, который более ранний автор *«ал-Камил фи-т-тарих»* поместил в раздел за 617 г.х. (08.03.1220 – 24.02.1221) [2, с. 345–347; 32, s. 233–235], сократив оригинал и позволив себе незначительные, но крайне интересные дополнения [33, р. 19–20]. Впрочем, в отношении интересующего нас фрагмента из *«Шарх нахдж ал-балага»* эта закономерность не работает: в составе сочинения Ибн ал-Асира все в том же в разделе за 617 г.х. также присутствует глава *«Повествование о походе татар против хорезмшаха, о его бегстве и смерти»*, но в ней нет рассказа о кара-татарах, ни даже упоминания о них [2, с. 355–356; 32, s. 241–242]. В составе этой главы *«ал-Камил фи-т-тарих»* мы находим лишь упоминание о «западных татарах» (*«التتر المغربة»*), но исходя из контекста их вряд ли можно считать «кара-татарами», о которых сообщает ал-Мада'ини. *«После того, как неверные завладели Самаркандом, Чингиз-хан, – Да проклянет его Аллах! – перешел к новым замыслам и направил в поход двадцать тысяч всадников, сказав им: «Ищите хорезмшаха, где бы он ни был, даже если он уцепился за небеса, пока не отыщете и не захватите его!».* Эту группу [его войск] мы, в отличие от других, будем называть западными татарами, поскольку они направились на запад Хорасана и углубились в ту страну» [2, с. 355; 32, s. 241–242]. Единственным общим местом в рассказах Ибн ал-Асира и ал-Мада'ини будет ссылка на некоего информатора, которого автор *«Шарх нахдж ал-балага»* именует «ал-Бурхан» и говорит, что он был «хорасанским ученым» [33, р. 40], а более ранний историк сообщает о нем следующее. *«Так рассказал мне один законовед. Он был среди [людей], находившихся в Бухаре, и [неверные] увели его пленным в Самарканд. Затем он спасся от них и прибыл к нам»* [2, с. 356; 32, s. 242]. Правда, Ибн ал-Асир тут же сообщает о том, что ему о смерти хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада, помимо упомянутого выше законоведа, рассказали некие купцы, рассказу которых он, видимо, доверял больше. *«Так что купцы сообщили о том, чему были очевидцами»* [2, с. 356; 32, s. 242]. При этом у ал-Мада'ини в соответствующей главе никакие купцы в качестве информаторов не упоминаются [33, р. 40–42].

Из приведенного выше сравнения данных из двух связанных между собой исторических сочинений становится ясно, что рассказ о «кара-татарах» в том варианте, в котором его предлагает нам автор *«Шарх нахдж ал-балага»*, не мог быть заимствован из *«ал-Камил фи-т-тарих»*. В связи с этим вопрос о происхождении данного нарратива становится все более интересным, поэтому мы должны обратиться к описанию в более ранних мусульманских исторических сочинениях других этнонимов с маркером «кара» в надежде найти на него ответ. Наиболее вероятным, на первый взгляд, вариантом в нашем случае будет описание «кара-хазар», которые, кстати, присутствуют и в списке тюркских племен Фахр-е Модаббера [47, р. 47. f. 30b], поскольку из рассказа ал-Мада'ини следует, что «кара-татары» отличаются от «татар» цветом кожи.

Здесь следует обратиться к наиболее раннему примеру описания «кара-хазар» в сочинении *«Китаб ал-масалик ал-мамалик»*, Абу Исхака ал-Истахри: «Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются «кара-хазары»; они смуглы, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествам» [11, с. 49]. Подобное описание «кара-хазар» мы видим и в более поздних мусульманских сочинениях с некоторыми незначительными дополнениями [50, s. 283; 29, p. 142–143; 34, s. 438; 3, л. 266]. Как видно из приведенного выше описания, «кара-хазары» отличаются внешне от «белых хазар» и отчасти этот рассказ можно соотнести с описанием «кара-татар» у ал-Мада'ини, которые, согласно его сообщению, также отличаются от «татар» цветом кожи. Однако у последнего нет никакого сравнения «кара-татар» с индусами, с которыми ал-Истахри сравнивает «кара-хазар», а достаточно четко указывается, что «*существуют темнокожие татары, которые походили на африканцев*» [33, p. 40–41]. Сравнение «кара-татар» с жителями Африки в тексте ал-Мада'ини, разумеется, выглядит странным и может показаться исследователям фантастичным, а следовательно не слишком достойным внимания. Однако более ранние мусульманские сочинения способны дать ответ на вопрос о происхождении подобного странного «феномена».

Так, в сочинении начала XII в., написанном Шараф аз-Заманом Тахиром ал-Марвази, *«Таба'и' ал-хаййаван»* в разделе, который посвящен «Хабаша», то есть эфиопам, можно найти два исторических анекдота, один из которых мы процитируем ниже полностью, поскольку он имеет важное значение для проблематики этой статьи. *«В Тарих-и Мулук ат-Тюрк («История тюркских правителей») рассказывается, что один из них (тюркских правителей – Д.Т.), названный В.к.ж. (بکج [10, л. 40b]), породнился с другим правителем по имени Джабуя (джабуийа < джабгу). Среди приданного и многочисленных подарков, которые он преподнес ему, был носильщик из зинджей⁴, который казался им чудом среди белых. Они приводили его на свои собрания и выражали свое удивление, глядя на его внешность и цвет кожи. Он обладал большой проницательностью, силой мысли и доблестью, и преуспел во многих великих делах. Правитель привязал его к своей персоне, и его положение постоянно росло и укреплялось. В конце концов, он напал на этого правителя, убил его, занял его место и захватил все его земли. Он принял титул Кара-хан, который никто до него не носил, ибо это означает «Черный хакан». Его величие было столь велико, что, всякий раз, когда Тюрки хотят почтить своего правителя, они именуют его «Кара-хан», в тюркском кара означает «черный», хакан «Великий правитель». Таким образом, Кара-хан означает «Черный хакан»»* [46, p. 55–56]. Этот же рассказ можно найти и в более позднем сочинении Садид ад-Дина (Нур ад-Дина) Мухаммада ибн Мухаммада Бухари 'Ауфи, *«Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат»* [7, s. 100–101], что следует объяснять тем, что оба автора, ал-Марвази и 'Ауфи, пользовались одним и тем же источником, которым является, по мнению В.В. Бартольда, недошедшее до нас сочинение Маджд ад-Дина Мухаммада ибн Аднана ас-

⁴ Зиндж – несмотря на то, что этим названием чаще всего обозначали африканских рабов из восточной Африки, а также жителей этого региона, ал-Марвази включает рассказ о них в раздел, посвященный «хабаша» или эфиопам, однако в самом тексте четко разделяет их, зинджей и жителей Нубии [46, p. 53].

Сурхакати [6, с. 63; 27, р. 10, comm. 33]. Впрочем, здесь мы не будем специально останавливаться на дискуссии вокруг происхождения данного исторического анекдота, равно как и самого титула «кара-хан», о чем нами уже было написано специальное исследование [20, с. 60–65], а отметим лишь тот факт, что представление о том, что маркер «кара» следует понимать буквально не был придуман самим ал-Мада'ини, а базируется на определенной историографической традиции.

Таким образом, уже такой ранний автор, как ал-Истахри, предположил, что выделение из кочевого объединения отдельной группы, маркированной «кара», то есть «черные» следует понимать, как буквальное отличие этой этнической группы, выраженной в более темном цвете их кожи. С учетом популярности его рассказа о «кара-хазарах» для более поздних мусульманских авторов, вряд ли стоит удивляться тому, что буквальная трактовка указанного цветового маркера претерпела определенную эволюцию и, начиная по видимому с сочинения ас-Сурхакати, появляется приведенное выше предание о том, что титул «кара-хан» связан с появлением в тюркской среде правителя, который был выходцем из Африки и именно цвет его кожи стал причиной появления подобной титулатуры. На примере списка тюркских племен в сочинении Фахр-е Модаббера можно смело заявлять о том, что мусульманским авторам домонгольского периода было известно значительное количество тюркских племенных объединений с цветовым маркером «кара», одним из которых были интересующие нас «кара-татары». Однако лишь в относительно позднем тексте ал-Мада'ини мы находим рассказ об этом племени, который представляет собой, с нашей точки зрения, сплав более ранних сведений: представление о том, что кочевое тюркское племя, маркированное словом «кара» должно отличаться именно цветом кожи несомненно свидетельствует о знакомстве автора «*Шарх нахдж ал-балага*» с историографической традицией заложенной еще ал-Истахри. А вот указание на то, что «кара-татары» подобны африканцам говорит в пользу того, что ал-Мада'ини был знаком с одной из версий о происхождении титула «кара-хана» и перенес эту интерпретацию в свой собственный текст, распространив его на все описываемое им племенное объединение. К сожалению, переводчик «*Шарх нахдж ал-балага*» не указывает с каким именно народом Африки сравниваются «кара-татары», но вероятнее всего это могли быть или «зинджи», или «хабаша». Впрочем, как мы постарались показать в этой статье, уже само по себе сравнение «кара-татар» с африканцами говорит о знании ал-Мада'ини того исторического анекдота, который был нами приведен выше на примере сочинения ал-Марвази. Наконец, свидетельство о том, что «кара-татары» «*едят человеческую плоть*» [33, р. 41] связано с теми ужасными деяниями, реальными и вымышленными, которые приписывались монгольским завоевателям, как отдельными мусульманскими авторами первой половины XIII в. [2, с. 345–346; 32, с. 233–235], так и, например, армянскими историками той эпохи [1, с. 34].

В отношении последних следует отметить любопытный парадокс: мусульманские историки современники монгольского нашествия, так и более поздние авторы XIII – первой половины XIV в. при описании военных походов Чингиз-хана и его наследников, за исключением приведенных в этой статье примеров, не упоминают о «кара-татарах». В то же время, мы находим весьма любопытное свидетельство о них в источниках армянских: так, в классическом

издании «Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв.» А.Г. Галстян приводит текст памятной записи на Евангелии из города Харберт, в которой содержатся следующие сведения. *«В году 685 армянского летоисчисления (1236) нас постиг гнев Божий, появились с востока дикообразные, жестокие и кровожадные люди. Они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, ускоглазые, широколобые и редкособородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, и их настоящее имя было харататар. Если кто находил пищу, то съедал, а если нет, то не искал и не просил пищи. Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испытать в Араратской долине, особенно в городе Ани»* [1, с. 44]. Совершенно не ясно, каким образом понятие «кара-татары» появилось в составе данного армянского текста и никак не прослеживается в сочинениях той же историографической традиции в ту же эпоху, равно как и то, можно ли его связать с тем же термином, который мы встречаем в мусульманской историографии. Впрочем, можно отметить, что анонимный автор памятной записи и ал-Мада'ини говорят о разных событиях: первый повествует о завоеваниях армии Чормагана, которые были осуществлены в 1230-е г., а мусульманский историк – событиях монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг.

Подводя итоги этого исследования, обратим еще раз внимание на несколько важных моментов. Прежде всего, отметим еще раз тот факт, что этноним «кара-татары» хорошо знаком исследователям по событиям конца XIV – начала XV вв. и связан с правлением Тимура и его потомков. Однако, как мы постарались показать в рамках этой статьи, это понятие встречается и в более ранних текстах применительно к описанию совсем иных исторических реалий. Достаточно сказать, что уже в составе домонгольских сочинений, а точнее в списке тюркских племен, который приводит в тексте *«Шаджара-йе ансāб-е Мобāракиāхī»* Фахр-е Модаббер, мы видим «кара-татар», равно как и несколько других примеров этнонимов, который включают в состав своего названия цветовой маркер «кара», то есть «черный». Наиболее развернутый рассказ о «кара-татарах» в составе мусульманских сочинений XIII в. мы находим у ал-Мада'ини в его *«Шарх нахдж ал-балага»*. Впрочем, сам по себе рассказ этого историка базируется, с нашей точки зрения, на сведениях из более ранних мусульманских памятников: именно эти свидетельства формируют ту объяснительную модель относительно происхождения «кара-татар», которую в итоге и приводит в своем тексте ал-Мада'ини. Впрочем, определенные вопросы остаются относительно упоминания того же понятия в составе армянских текстов и того, каким образом он туда проник и что в свою очередь авторы этой историографической традиции вкладывали в понятие «кара-татары». Надеемся, что последующие исследования данного этнонима, равно как и самого маркера «кара» в составе названий тех или иных тюркских племенных объединений, помогут разрешить в том числе и те вопросы, которые были подняты нами в рамках представленной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. А.Г. Галстян. М.: Изд-во вост. лит, 1962. 153 с.
2. ал-Асир, ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Ташкент – Цюрих: АН РУз, 2005. 595 с.
3. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-намэ (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: Наука, ГРВЛ, 1960. 166 с.
4. Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Часть 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1963. С. 547–627.
5. Бартольд В.В. Татары // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских народов. М.: Наука, 1968. С. 559–562.
6. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963. С. 45–597.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. 212 с.
8. Глашев А.А. Слово кара/хара и его значения в хазарском языке // Российская тюркология. 2013 №1 (8). С. 82–88.
9. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: ГРВЛ, 1988. 199 с.
10. История Казахстана в персидских источниках. Т.4 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
11. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис: Упр. Кавказского учебного окр., 1901. С. 1–73.
12. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е. Малова. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
13. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / отв. ред. Б.А. Ахмедов. Ташкент: Фан, 1988. 413 с.
14. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники VII–XV вв. / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 612 с.
15. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Цветовая символика в тюркской этнонимике // Символика Тюркского мира. Атлас. Алматы (рукопись).
16. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений / Сост. В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. Москва-Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 308 с.
17. Тимохин Д.М. Еще раз о кара-китах в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 371–382.
18. Тимохин Д.М. Обзор арабо-персидских источников домонгольского периода по истории государства кара-китаев: особенности структуры и содержания // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. Вып. 6. С. 250–261.
19. Тимохин Д.М. Сочинение Фахр-и Модаббира как источник по истории Афганистана и Северной Индии // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4. С. 200–212.
20. Тимохин Д.М. Упоминания титулатуры тюркских правителей при описании истории Газневидов в «Таба’и’ ал-Хаййаван» ал-Марвази // Российско-азиатский правовой журнал. № 3 (2021). С. 60–65.

21. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Список тюркских племен в сочинении Фахр-е Модаббера // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума, посвященного 1100-летию принятия Ислама народами Волжской Булгарии. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 38–49.
22. Умняков Н.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. [Рец. на] Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh being the historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh Marvar-rūdi completed in a.d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, № 4) // Вестник Древней истории. 1938. № 1(2). С. 108–115.
23. Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / Пер., предисл., примеч. и указ. Д.Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
24. Мухаммад ал-Хамави. ат-Та'рих ал-Мансури («Мансурова хроника») / Изд. П.А. Грязневич. М.: Восточная литература, 1960. 544 с.
25. Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 2nd edition / transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H.A.R. Gibb. London: Luzac and Co., 1928. 514 p.
26. Binbaş İ.E. Structure and Function of the “Genealogical Tree” in Islamic Historiography (1200–1500) // Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan / Hudūdü'l-Ālem: İsenbike Togan'a Armağan. Istanbul: İthaki Yayınları, 2011. S. 465–544.
27. Biran M. The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 280 p.
28. Bosworth C.E. Fakr-e Modabber. Encyclopaedia Iranica, Online Edition, 1982, URL: <https://iranicaonline.org/articles/fakr-e-modabber> (date accessed: 8.04.2025).
29. Golden P.B. Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akadémiai Kiadó (Budapest), 1980. Vol. 1. 292 p.
30. Golden P.B. Tatar // Encyclopaedia of Islam. Second Edition / Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Vol. 10: Tā'–U. Leiden: E. J. Brill, 2000. P. 701–702.
31. Hudūd al-Ālam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C.E. Bosworth. London: Luzac, 1970. 524 p.
32. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 12. Annos H. 584 – 628 / Ed. by C.J. Tornberg. Upsalæ: C. A. Leffler, 1853. 330 p.
33. Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha / Trad. M. Djebli. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995. 160 p.
34. Jacut's geographisches Woerterbuch herausg von F. Wuestenfeld. Bd. II. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867. 970 p.
35. Mir't az-Zamân (A.H. 495–654), a facsimile reproduction of manuscript No. 136 of the Landberg Collection of Arabic manuscripts belonging to Yale University. Chicago: Univ. Press, 1907. 556 p.
36. O'Neal M.P. Fakhri-Mudabbir // Islam, Judaism, and Zoroastrianism. Encyclopedia of Indian Religions / Ed. by Z.R. Kassam, Y.K. Greenberg, J. Bagli. Dordrecht: Springer, 2018, pp. 397–403.
37. Nishaburi Zahir ad-Din. Salguk-name. Tehran: Chapaney-e Havar Tehran, 1953. 100 p.
38. Oberling P. Karā'i // The Encyclopaedia Iranica. vol. XV, Fasc. 5, London: Brill, 2019, pp. 536.

39. Ögel B., Temir A., Sümer F. Tatar // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. Cilt XII.1. Takirat – Tuğrâi, s. 50–61.
40. Pritsak O. Kara türk yön sembolizmi çalışması. Trans. Elvin Yıldırım // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2021, № 3, pp. 519–532.
41. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen // Saeculum. Bd.5. 1954, pp. 376–383.
42. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik // 60.Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan Armağan. Symbolae in Honorem Z.V. Togan. İstanbul: Maarif Basımevi, 1950–1955, pp. 239–263.
43. Ravandi Mohammad. Rahat as-sudur va ayat as-sorur, ed. by Mohammad Iqbal. Leiden; London: Luzac & Co., 1921. 575 p.
44. Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani / Texte arabe publ. d'après les mss. d'Oxford et de Paris par M.Th. Houtsma. Leiden: Brill, 1889. 314 p.
45. Ross E.D. The Genealogies of Fakhr-ud-Din Mubarak Shâh // A volume of oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922) / ed. by T.W. Arnold and R.A. Nicholson. Cambridge: University Press, 1922, pp. 392–413.
46. Sharaf al-Zamân Tâhir Marvazî on China, Turks and India / Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 170 p.
47. Ta'rikh-i Fakhru'd-Dîn Mubarakshâh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dîn Mubarakshâh Marvar-rûdî Completed in A.D. 1206 / ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 104 p.
48. Validi A.Z. On Mubarakshah Ghuri // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1932. Vol. VI, no. 4. Pp. 847–858.
49. Vásáry I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 230 p.
50. Viae et regna, descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal / Bibliotheca geographorum Arabicorum by M.J. de Goeje. Vol. II. Lugduni Batavorum Leiden: Brill, 1873. 406 p.

REFERENCES

1. Armenian sources about the Mongols. Extract from manuscripts of the 13th–14th centuries. Translated by A.G. Galstyan. Moscow: Publishing house of oriental literature, 1962. 153 p. (In Russian)
2. al-Asir, ibn. Al-Kamil Fi-t-Tarikh (Full arch of history). Selected passages. Translated by P.G. Bulgakov, SH.S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006. 560 p. (In Russian)
3. Muḥammad ibn Nadzhib Bakrân. Jahan-nameh. (Book about the World). Edited by Y.E. Borshchevskogo. Moscow: Nauka, Publishing house of oriental literature, 1960. 166 p. (In Persian)
4. Bartol'd V.V. An essay on the history of the Turkmen people. In: Bartol'd V.V. Works. Vol. 2, part 1. General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe. Moscow: Nauka, 1963a, pp. 547–627. (In Russian)
5. Bartol'd V.V. Tatars. In: Bartol'd V.V. Works. Vol. 5. Works on the history and philology of the Turkic peoples. Moscow: Nauka, 1968, pp. 559–562. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. Turkestan in the era of the Mongol invasion. In: Bartol'd V.V. Works. In 9 volumes. Vol. 1. Turkestan in the era of the Mongol invasion. Moscow: Nauka, 1963b6 pp. 45–597. (In Russian)

7. Bartol'd V.V. Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part 1. Texts. St. Petersburg: Tip. Imperial Academy of Sciences Printing House, 1898. 212 p. (In Persian and Arabic).
8. Glashev A.A. The word Kara/Hara and its meanings in the Khazar language. *Russian Turkology*. 2013, no. 1 (8), pp. 82–88. (In Russian)
9. Zhukovskaya N.L. Categories and symbols of traditional Mongol culture. Moscow: Central Dept. of Oriental Literature, 1988. 199 p. (In Russian)
10. History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 4. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Edited by M.H. Abuseitova. Almaty: Daik-Press, 2006. 620 p. (In Russian)
11. Karaulov N.A. Information of Arab geographers of the 9th and 10th centuries A.D. about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. In: Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Vol. 29. Tiflis: Upravleniye Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1901, pp. 1–73. (In Russian)
12. Kononov A.N. Semantics of color designations in the Turkic languages. In: Turkological collection. 1975. Pamyati S.E. Malova. Moscow: Nauka, 1978, pp. 159–179. (In Russian)
13. Materials on the history of Central and Central Asia of the 10th–19th centuries. Edited by B.A. Ahmedov. Tashkent: Fan, 1988. 413 p. (In Russian)
14. Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan. Vol. I. Arabic and Persian sources of the 7th–15th centuries. Edited by S.L. Volin, A.A. Romaskevich and A.Yu. Yakubovskiy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1939. 612 p. (In Russian)
15. Nanzatov B.Z. Tishin V.V. Color symbolism in Turkic ethnonymy. In: Symbols of the Turkic world. Atlas. Almaty (manuscript). (In Russian)
16. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Volume II. Extracts from Persian writings. Edited by V.G. Tizengauzen, A.A. Romaskevich, S.L. Volin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
17. Timohin D.M. Once again about the Kara-Kitai in pre-Mongol Muslim sources on the example of an anonymous Persian work of 1133. *Mongol studies*. 2022, vol. 14, no. 2, pp. 371–382. (In Russian)
18. Timohin D.M. Review of Arab-Persian sources of the pre-Mongol period on the history of the Kara-Kitai state: features of structure and content. In: East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. Iss. 6, 2021, pp. 250–261. (In Russian)
19. Timohin D.M. The essay of Fakhr-i Modabbir as a source on the history of Afghanistan and Northern India. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2021, no. 4, pp. 200–212. (In Russian)
20. Timohin D.M. References to the titles of the Turkic rulers when describing the history of the Ghaznavids in Taba'i' al-Hayyavan by al-Marwazi. *Russian-Asian Legal Journal*. 2021, no. 3, pp. 60–65. (In Russian)
21. Timohin D.M., Tishin V.V. List of Turkic tribes in the work of Fakhr-e Modabber. In: *Golden Horde Heritage*. Materials of the VII International Golden Horde Forum dedicated to the 1100th anniversary of the adoption of Islam by the peoples of Volga Bulgaria. Iss. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, pp. 38–49 (In Russian).
22. Umnyakov N.I. Review of the book Ta'rikh-i-Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh ("History" by Fakhraddin Mubarakshah) being the historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh Marvar-rūdi completed in a.d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, no. 4). *Bulletin of Ancient History*. 1938, no. 1 (2), 1938, pp. 108–115. (In Russian)
23. Fasih Havafi. Mujmal-i Fasihi (Fasikhov vault). Edited by D.Yu. Yusupova. Tashkent: Fan, 1980. 346 p. (In Russian).

24. Muhammad al-Hamavi. at-Ta'rikh al-Mansouri ("Chronicle of Mansur"). Edited by P.A. Gryaznevich. Moscow: Publishing house of oriental literature, 1960. 544 p.
25. Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 2nd edition. Translated from the original Russian and revised by the author with the assistance of H.A.R. Gibb. London: Luzac and Co., 1928. 514 p.
26. Binbaş İ.E. Structure and Function of the "Genealogical Tree" in Islamic Historiography (1200–1500). In: Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan / Hudûdû'l-Âlem: İsenbike Togan'a Armağan. İstanbul: İthaki Yayınları, 2011, pp. 465–544.
27. Biran M. The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 280 p.
28. Bosworth C.E. Fakr-e Modabber. In: Encyclopaedia Iranica, Online Edition, 1982. URL: <https://iranicaonline.org/articles/fakr-e-modabber> (date accessed: 08.04.2025).
29. Golden P.B. Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó (Budapest), 1980. 292 p.
30. Golden P.B. Tatar. In: Encyclopaedia of Islam. Second Edition. Vol. 10: Tā'–U Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Leiden: E. J. Brill, 2000, pp. 701–702.
31. Hudûd al-Âlam: "The Regions of the World", A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. With the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky. Edited by C.E. Bosworth. London: Luzac, 1970. 524 p.
32. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 12. Annos H. 584 – 628. Edited by S.J. Tornberg. Upsaliae: C. A. Leffler, 1853. 330 p. (In Arabic).
33. Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha. Translated by M. Djebli. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995. 160 p.
34. Jasut's geographisches Woerterbuch herausg von F. Wuestenfeld. Vol. 2. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867. 970 p. (In Arabic).
35. Mir't az-Zamân (A.H. 495–654), a facsimile reproduction of manuscript no. 136 of the Landberg Collection of Arabic manuscripts belonging to Yale University. Chicago: Univ. Press, 1907. 556 p. (In Arabic).
36. O'Neal M.P. Fakhr-i-Mudabbir. In: Islam, Judaism, and Zoroastrianism. Encyclopedia of Indian Religions. Edited by Z.R. Kassam, Y.K. Greenberg, J. Bagli. Dordrecht: Springer, 2018, pp. 397–403.
37. Nishaburi Zahir ad-Din. Salguk-name. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1953. 100 p. (In Persian).
38. Oberling P. Karā'i. In: The Encyclopaedia Iranica. Vol. 15, Iss. 5, London: Brill, 2019. 536 p.
39. Ögel B., Temir A., Sümer F. Tatar. In: İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. Vol 12, part 1. Takirat – Tuğrâi. pp. 50–61. (In Turkish).
40. Pritsak O. Kara Türk Yön Sembolizmi Çalışması. Translated by Elvin Yıldırım. In: *Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2021, no. 3, pp. 519–532. (In Turkish).
41. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen. In: *Saeculum*. 1954, vol. 5, pp. 376–383.
42. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik. In: 60.Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan'a Armağan. Symbolae in Honorem Z.V. Togan. İstanbul: Maarif Basımevi, 1950–1955, pp. 239–263. (In Turkish).
43. Ravandi Mohammad. Rahat as-sudur va ayat as-sorur. Edited by Mohammad Iqbal. Leiden; London: Luzac & Co., 1921. 575 p. (In Persian).
44. Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. Texte arabe publ. d'après les mss. d'Oxford et de Paris par M.Th. Houtsma. Leiden: Brill, 1889. 314 p. (In Arabic)

45. Ross E.D. The Genealogies of Fakhr-ud-Din Mubarak Sháh. In: A volume of oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922). Edited by T.W. Arnold and R.A. Nicholson. Cambridge: University Press, 1922, pp. 392–413.

46. Sharaf al-Zamán Tāhir Marvazī on China, Turks and India. Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 170 p.

47. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubaraksháh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubaraksháh Marvar-rúdí Completed in A.D. 1206. Edited by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 104 p. (In Persian).

48. Validi A.Z. On Mubarakshah Ghuri. In: Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1932, vol. 6, no. 4, pp. 847–858.

49. Vásáry I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 230 p.

50. Viae et regna, descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal. In: Bibliotheca geographorum Arabicorum by M.J. de Goeje. Vol. 2. Lugduni Batavorum Leiden: Brill, 1873. 406 p. (In Arabic).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 11.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted 03.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.295-312>
EDN: IKLNLE

УДК 94(479.25); 343.412

ETHNO-HISTORICAL PERCEPTIONS OF THE TATARS IN MEDIEVAL ARMENIAN SOURCES: CONTEXTS AND INTERPRETATIONS

Gor Margaryan¹ ✉, Anush Harutyunyan²

¹ Yerevan State University

² Institute of Oriental Studies of the National
Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Republic of Armenia

✉ gor_margaryan@mail.ru

Abstract. Research objectives: This article is devoted to the study of the phenomenon of the term "Tatars" and its perception in the medieval Armenian ethno-political milieu. Within the framework of this objective, a vast variety of issues arise which have to be investigated using different methods of historical research. Particularly, the following questions are under consideration: the perception of the term "Tatar" itself; the first acquaintance with the Tatars; the perceptions regarding their genealogical origins; the problem of identification and differentiation of Tatars; manifestations of the Tatar phenomenon in the adaptation of everyday life of late medieval realities.

Research materials: These issues have been examined based on medieval Armenian sources – historical works and chronicles of Armenian authors of the 13th–15th centuries, who were the contemporaries of the events described. The information of Armenian sources has been compared or contrasted with existing works on the subject.

Research results and novelty: Such a comprehensive study of the Tatar phenomenon in Armenian medieval sources has not been conducted prior to the present study. Therefore, this research is the first attempt at it which highlights the novelty of the research. The work has historical and practical significance. It clearly shows the reasons for the confusion in the historical perception of Tatars with other nations and ethnic groups that were actually different from each other.

Keywords: Tatars, “nation of archers”, Armenian sources, Torgomazuns, negative perception, Mongols, interethnic marriages

For citation: Margaryan G., Harutyunyan A. Ethno-Historical Perceptions of the Tatars in Medieval Armenian Sources: Contexts and Interpretations. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 295–312. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.295-312>

Financial Support: This work was supported by the Higher Education and Science Committee of the Republic of Armenia (Research project № 1-29/24RL-6A032).

© Margaryan G., Harutyunyan A., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

In the context of studying medieval ethno-political processes, the phenomenon of the term "Tatars" is interesting within both the framework of the ethnonym itself and its application, and the question of ethnicity understood under it. There are different approaches to the origin of Tatars, the phenomenon of the term "Tatars" and its application. Medieval Armenian sources provide an interesting overview of the peculiarities of the use of the name "Tatar" and the specifics of its perception.

The study of the Armenian perception of the ethno-political and historical phenomenon of "Tatars" based on medieval Armenian sources, as well as its comparison with other existing perceptions is of great scientific and practical importance. There is confusion in the scientific literature about the use of the term "Tatar", which has spatial and temporal associative reasons. The study attempts to illuminate the basis of the confusion mentioned above and to compare Armenian and other sources. Armenian sources also provide valuable information and commentary on the origin of the Tatars.

Such a comparative analysis raises new questions about the etymology of the ethnonym "Tatars", its use, the evolution of the qualitative characteristics of Tatars, the transformation of the phenomena of the Tatar environment and other issues. The study of these problems has been carried out using a variety of methods – historical-comparative and source analyze methods, as well as quantitative and qualitative measurements of the phenomena, for example, the frequency of use of the word "Tatar" and its prevalence in Armenian historical realities.

It is definitely impossible to disagree with the remark of I. Izmailov and I. Iskhakov that the issues of ethnogenesis and some aspects of the ethnic history of the Tatars, especially considering the issue of poorly studied early and medieval history of the Tatars due to the incomplete study of written sources, still cause heated debates and there is no unified concept. Of course, the purpose of our article is not to discuss already known approaches and concepts, which the above-mentioned authors have successfully classified in their works [24, p. 5]. According to I. Izmailov and I. Iskhakov, three main concepts can be identified: the Bulgaro-Tatar theory, the Mongol-Tatar theory and the Turkic-Tatar theory. It will be interesting to observe the analysis of Armenian sources in the light of the above, which may help to understand how the perception of Tatars and the phenomenon of the term "Tatars" was reflected in medieval Armenian sources.

The research is based on the study of historical written sources and chronicles of Armenian authors of the 13th–15th centuries, such as Kirakos Gandzaketsi, Stepanos Orbelian, Vardan Areveltsi, Samuel Anetsi, Tovma Metzopetsi and others. Special attention is also paid to small chronicles and memorial records found in Armenian manuscripts. These records are particularly valuable because, on the one hand, they were written by contemporaries of the events described and, on the other, they were usually written by humble people – scribes from the nation. Thanks to this, they allow us to get a clearer and more vivid idea of what happened. In addition, the study uses epigraphic texts and samples of Armenian medieval poetry, such as the work of Frick.

It is worth noting that despite the considerable scientific interest in this subject, there are relatively few studies in this area. In this context, the works and editions of K. Patkanov [64], A.G. Galstyan [66], L. Ter-Mkrtychyan [65], B. Dashdondog [67], F. Luisetto [68], among others, are of particular importance. These works are

a valuable contribution to the study of the interaction between Armenians and Mongols and can serve as a reliable basis for further research. Particular value of this study lies in the colophons, commemorative notes by Armenian scribes of manuscripts, as well as minor chronicles from the 13th to 18th centuries, along with hagiographic and epigraphic texts. It should be noted that some commemorative notes have been translated into Russian and English [58; 60]. However, the material we have used is, for the most part, not included in these translations, which, in turn, underscores the scientific uniqueness of the present study.

Of particular interest is the consideration of the issue of the initial perception of Tatars in the Armenian environment and its reflection in the sources. It is of key importance not only to analyse the terminology used to refer to them, but also the more fundamental question of who exactly the Armenian sources identified as Tatars. It is equally important to investigate the nature of the relationship between Armenians and Tatars: was it limited to the traditional concept of the "Mongol-Tatar yoke", or were there more complex forms of interaction? The analysis of sources allows us to identify examples of cultural mutual influence and various forms of coexistence, which can significantly expand our understanding of the perceptions of Tatars in the Armenian environment during the medieval period. [24, p. 11–15].

Identification and perception of Tatars in Armenian sources.

Starting with the names and terms by which Tatars were mentioned in Armenian sources, they can be divided into several groups:

1. **Tatars**: "and in 1220 the first Tatars came" [36, p. 26].
2. **Dadars**-for example: "in 1430 captured 20 thousand Dadars and brought them to the country of Lidvania" [4, p. 15].
3. **Nation of archers** [24, p. 180] or **nation of bowman** [43, p. 412; 57, p. 112, 215].
4. **Torgomazun or Torgomatsin** (Torgomids, people from Torgom/Togarmah lineage).

Armenian sources use the term "nation of archers" (azg netoԼac՝, народ стрелков) to refer to the Tatars of the 20–30s of the 13th century, referring to the highly developed archery of the Mongolo-Tatars. It is little known, that besides the term "nation of archers" the term "nation of bowman" was also widespread, and interestingly, even centuries later the term continues to live and be used, in particular in the text of the hagiography of Ter Avetik dated 1509, we read the following: "Song about Ter Avetik, who fell as a martyr at the hands of the Tatars, from the **nation of bowman** (azg alelnavorac՝, народ лучников) from the country of Crimea" [20, p. 347].

Armenian sources contain information and comments also on the origin of the Tatars. Vardan Areveltsi in the text attached to the chronicle by Michael the Syrian on the origin of the Tatars puts forward the view that the name Tatar originated from the meaning "*TarTar- light and fast*", or gives a popular etymology that "Tatar is from the words "Beat and take, which is Tatar" (towr ew tar, or ē Tat'ar). Such was the offensive and expeditionary nature of the Tatars, as the author explains, linking the invasions of the Tatars to Biblical realities, as they allegedly "mercilessly beat and carried away captive the sons of Zion" [16, p. 245].

Another version of the origin of the Tatars, with emphasis on their relentless movement, is put forward by one of the continuers (Anonymous) of Samuel

Anetsi's story. According to the Anonymous that Tatars originate from Kham and calls them *andadar* – "from the lineage of Ham (son of Noah), called andadar" ("yazgēn K'ama, koč'ec'eal andadar"). In Armenian, "dadar" means to stop or delay, and the addition of the negative prefix "an" forms the word "an+dadar", which means "non-stop", "tireless" [44, p. 59].

From negative perception to loyalty.

Apart from the difference and evolution of the name Tatars, medieval Armenian sources initially described the newly discovered people with strange appearance and behaviour in a rather negative tone. For example, Hetum Patmich describes the latter "Tatars as people in beastly appearance" [21, p. 70]. Kirakos Gandzaketsi describes them as people living outside of Ghatay (China) as follows: "Outside China (Ghatay) there is a country where women alike humans and men alike dogs" [29, p. 265]. A similar but more expressive description is given by the author of the 13th century Grigor Aknerts (wrongly called Enoch Magakia), as he calls about the first Tatars who came to our country – "And they were not like people, heads big like buffalo, noses short like cats, muzzle like dog's, legs short like pig's, loins narrow like ant's, and they have no beard at all, women give birth like snakes and feed like wolves" [21, p. 70; 30, p. 271–276; 33, p. 6, 7].

Medieval Armenian historians, in addition to negative external descriptions, also use negative qualifiers characterising the Tatars. For example, Kirakos Gandzaketsi writes: "For in a distant country in the north-east, which in the barbarian language is called Garagorum" [30, p. 232], lives a barbaric people called Tatars, whose king's name is Genghis Khan" [30, p. 232], or "and 12 years later the Khwarazm did not become multiplied because the people of the Tatar archers came – unbreakable, huge and insatiable beasts" [35, p. 56]. Such characterizations, deep expressions and manifestations of ethnopholism in the texts of Armenian historians were, of course, a response to the invasions and the hardships and tribulations experienced during the conquest.

The historian Samuel Anetsi and Grigor Aknerts negatively characterise the drunkenness of the Tatars. "In winter the Tatars were drunk and they tasted intoxication", or elsewhere "They got drunk, they could not sit on their horses, in the morning they woke up, /their/ chief felt bad, he said that the priest had poisoned me, but the priest had nothing to do with it, because the Tatars did not know the measure" [44, p. 340; 25, p. 25–26]. Gandzaketsi also confirms that the Tatars ate and drank very much, but at the same time, according to the author, when there was no opportunity to eat, the Tatars were very restrained [30, p. 271–272].

Expressive, negative statements are also often associated with specific historical figures who were also considered Tatars, i.e. if a tyrant, destroyer is identified as a Tatar, and the negative attitude towards him is projected onto Tatars in general. For example, Armenian sources often call Tamerlane a Tatar, also giving the term the same negative meaning with which they speak about Tamerlane. Armenian sources refer to Temur as "evil" and "Antichrist, Lucifer" [50, p. 68], "devil's spawn, abominable demon of the abyss" [50, p. 12] and other expressions.

The above mentioned is confirmed in the memorial record of the Gospel of 1393 (scribe Grigor Hlatetsi), at the time when Armenia (along with other countries and regions) was destroyed by Tamerlane's hordes – "And now, in these difficult times, who can tell or describe our death and captivity, famine and turmoil, which we the Christian people are experiencing from the foreign nations of lawless

and godless people, as the **whole race of Tatars**, who came to destroy and desecrate our **whole** country, were attacking the house of Khwarazm (i.e. Khorezm)" [15, p. 599].

We find a negative description of Tamerlane the Tatar in the hagiography left by the scribe Himar Vanetsi: "a certain bloodthirsty and beast-like man, a Tatar named Tamur, who came from the East with a large army, a bitter and severe personality, came from Samarkand and captured Khorasan and the whole of Persia" [20, p. 221]. The same attitude is often seen in relation to the leaders of the Turkoman tribes Ak – Koyunlu and Kara – Koyunlu, and later the same attitude is projected onto the Tatars (the people of archers) in general: In 1413 the scribe Karapet from the monastery of Ts'pat in Moks refers to the "'people of archers'" with an evil adjective: "...and my people were overthrown because of the evil people of archers..." [36, p. 148–149].

What is interesting, the Armenian sources consider the Tatar-Mongolian rulers as the ruler of the Tatars and they themselves are called Tatars "He-Chingis Khan, who is the head of the Tatars (Na J'inkiz xann' or glowx ēr T'at'arown)" [46, p.120], or in the memorial record of the Gospel (scribe of Poghos, 1310) is written: "during the khanate of Tatar Kharvand (distorted name of Ilkhanid Muhammad Oljaitu Khudabanda)". [15, p. 91].

It should be noted that examples of negative perception of Tatars exist not only in the Armenian historical environment. It is also characteristic of other environments, such as the Russian environment, which is expressed in the dictum "An uninvited guest is worse than a Tatar". [6, p. 216]

However, besides depicting Tatars in a negatively expressed context, an interesting turn is also notable, a unique transition from negative to neutral, even positive portrayal of Tatars, for example Grigor Aknertsy describes Tatars as follows: "Outwardly they were beautiful, but their faces were hairless, like women's" [25, p. 6]. Hetum defines them as "successful horsemen and brave archers" [21, p. 70] etc. Such fragments show how the perception of the Tatars in Armenian medieval historiography changed over time. Perhaps this is a consequence of the fact that as the Tatar-Mongols became increasingly integrated into the regional political landscape, Armenian historians began to present a more nuanced view of them. From perceiving the Tatars as formidable warriors and invaders to their status as established political players in various regions, perceptions changed from a mere threat to seeing them as legitimate rulers. On the other hand, the cultural exchange and tolerant religious approach of the Tatar-Mongols, the possible expansion of trade relations within the Pax Mongolica and political alliances with the latter, naturally created more balanced perceptions than those formed during the initial invasions.

Tatars – originated from Torgomazuns (Torgomids): biblical explanation of the origin of Tatars in Armenian sources or the search for symbiosis?

In the context of perceptual transformation from the negative tones to loyal or positive, the placement of the Tatars' origin in Armenian genealogical mythological perceptions is also noteworthy. It is about the phenomenon when Armenian sources prescribe the biblical origin of the Tatars from Torgom (Torgomatsin or Torgomazun, from Armenian – literally from the family of Torgom) or from mixing the family of Torgom with the descendants of the biblical Gog.

Starting from the founder of Armenian historiography Movses Khorenatsi (5th century), it was accepted in Armenian medieval historical thought that Armenians

originated from the family of Torgom (biblical Togarmah¹), more specifically from the legendary ancestor of Armenians Hayk, son of Torgom [40, p. 25–45]. Armenia was perceived as the "house of Torgom". This idea is rooted in historiographical tradition, emphasising the connection of the Armenians with biblical legends and mythology.

Georgian medieval historiography also confirms this legend: "As the country of Ararat and Masis could not contain the whole tribe any more, Targamos (Torgom) divided the country and the tribe between these eight heroes: half of the tribe and the best half of the country he gave to Haos (Hayk)" [28, p. 13–14].

According to Areveltsi and Grigor Aknerts, the Tatars originated from the mixing of Torgomazuns (i.e. from the sons of the biblical Togarmah) and the sons of Hagar, or we read "they are Torgomazuns-i.e. descendants of Togarmah, mixed with the descendants of Gog (biblical) [16, p. 285, 665]. The attribution of Tatar origin from the Torgom family is also found in other, later Armenian sources. [13, p. 99; 14, p. 76].

As we see it, this explanation and perception could be an interesting cornerstone, a point of contact between "Torgomats'in" Armenians and "Torgomats'in" Tatars, in the case when the secular and ecclesiastical Armenian elite tried to find points of contact and coexistence with the Tatars in terms of facilitating their rule. Especially if we take into account the fact of attempts to spread Christianity among the Mongol-Tatar tribes and khans, finding points of contact and a common language [37, p. 228–246] on the basis of the origin from the biblical Torgom could be even more relevant. Perhaps the Torgomats'in origin from Torgom (Togarmah) is also explained by the tolerant and even positive attitude of the Tatars and Mongols to the Armenian Christian Church, which is directly stated by Kirakos Gandzaketsi: "Otherwise all – Tatars (army), were not enemies of the cross and the church, but on the contrary, and venerated strongly, and brought gifts" [31, p. 185].

The version of the explanation of the origin of the Tatars from the tribes of the biblical Gog and the Torgom lineage is also quite explainable. The matter is that in Christian, including in Armenian written tradition conquerors were often identified as Gog's people linking all happening with biblical predictions. Already in the 5th century, when the Roman Empire was threatened by the Huns, the Christian Church and historians began to explain their appearance by biblical prophecies and in the context of the biblical worldview. The Roman historian Jordan identified Attila, the leader of the Huns, as the scourge of God (*Flagellum Dei* in latin [5], in French translation "Le Fléau de Dieu" [22, p. 162]). This tendency was firmly embedded in the Christian environment, and the appearance and origin of the Tatars later also received a biblical interpretation, and the Tatars were represented as the people of Gog and Magog (or the tribes of Gog from the country of Magog). However, it should be born in mind that even in the case of the version of mixed origin with the peoples of Gog and Hagar (which of course had a negative connotation), in the Armenian sources the origin from Torgom/Togarmah is seen in a positive light.

It may seem that attributing to the Tatars a biblical origin and kinship with the family of Torgom or Japheth is a phenomenon peculiar to Armenian late medieval

¹ "The sons of Japheth; **Gomer**, and **Magog**, and Madai, and Javan, and Tubal, and Meshech, and Tiras. And the sons of **Gomer**; Ashkenaz, and Riphath, and **Togarmah**" (**Genesis 10:2–3 (KJV)** – The Table of Nations).

historiography, as well as to Jewish historiography. However, such ideas are also found in other sources. For example, the so-called "Askold's Chronicle" cites a biblical legend, according to which the genealogy of the Tatars goes back to Japhet, and more precisely to his descendant Aram [7, p. 232]. From Aram, along with other peoples, allegedly descended the Tatars. It is noteworthy that in the same "Askold's Chronicle" the ancestor of Armenians is also called Aram, the grandson of Yaphet, and his descendant Torgom. [7, p. 51].

In addition, another very noteworthy fact should be mentioned. Two prominent representatives of Armenian historical thought of the 18th–19th centuries – Mikayel Chamchyan (1738–1823) and Ghevond Alishan (1820–1901) – expressed an interesting idea that Tatars (Turkomans also consider themselves to be descended from the Torgom family. In this they saw a kind of kinship with Armenians, despite racial and linguistic differences. Moreover, Tatars and claiming that they and Armenians descended from brothers – sons of Torgom [8, p. 67], and the progenitor of Armenians Hayk is their uncle, and called Armenians "*E' moghlu*", i.e. – cousin, son of uncle. [3, p. 13]

Inter-ethnic marriages: reflections of loyalty in perceptions?

Talking about the change from negative to loyal and even positive perceptions, the issue of inter-ethnic marriages cannot be ignored. Inter-ethnic marriages, especially among the elite, are also a form of coexistence with Tatars. This phenomenon of mixed marriages took place contrary to Armenian, as well as Georgian Christian tradition and legislative norms, and caused certain discontent among the ecclesiastical and secular elite [45, p. 10, 25; 40, p. 220; 28, p. 236].

For example, Ivane Zakarian's son, Avag Zakarian, in 1240 accepted submission to the Tatars, "and so pleased was the khan that he, according to their custom, "gave him a woman from the Tatar people" [31, p. 155].

We observe a similar phenomenon in the case of Smbat Sparapet (Smbat Constable), when he, already married and having three children, in 1248 went as an ambassador to Mangu Khan, and the latter "in honour of Smbat gave him a Tatar woman, whom he accepted and from whom he had a son, whose name was Tatar Vasil" [47, p. 53]. In another case, the son of the Cilician king Levon II, Smbat "made himself known to Khan, and his relative took him as a second wife". The daughter of Hasan Jalal, prince of Khachen, named Ruzukan, was married to Bora noyon (warlord), the son of the famous military leader Chormaqan noyon, and later tried to save her father from the wrath of Huleghu Khan (1256–1265) after an unsuccessful rebellion. [30, p. 280]

Thus, sometimes even the church had to face this phenomenon by unwritten rules, because it was forced to allow baptising children born from such marriages, or ordaining them as knights, as seen in the case of Smbat Sparapet's son, Tatar Vasil. For example, the daughter of the Georgian king Demetre II married the warlord Bugha Noyon. Or it is known that with the support and encouragement of the Christian wife of the warlord Baiju Smbat repaired the monastery of Tatev in Syunik. It should be noted that such marriages were peculiar not only to Armenian, but also to the neighboring Christian environment – Georgian. King David Ulu of Georgia (1247–1270) took as his wife a Tatar woman named Jigda-Khatun [28, p. 348]. Or King Demetre II (1270–1289), son of David Ulu also gave way to polygamy, taking as his second wife a Tatar princess named Solgar, Daughter of Bugi Chinkasan. He had three children by a Tatar, one of whom, a princess named Jigda,

he gave as his second wife to Alexius III Emperor of Trebizond (1338–1390) [49, p. 169, 221]. Demetre's marriage also caused serious discontent among the Georgian ecclesiastical and secular elite.

The problem of identification and differentiation.

An important scientific task is the problem of identification and differentiation of the ethnonym "Tatars" in medieval Armenian sources. It is known that in European, Arab and Persian, Armenian, Georgian and other sources, there is confusion in naming and differentiation of Tatars: they were often called both Mongols and Tatars at the same time. It is difficult not to agree with the opinion of A.Kh. Khalikov that "since that time the name "Tatars" no longer appears in historical documents as an independent ethnos. A kind of modification or a kind of modelling of the ethnonym "Tatars" occurred when the name "Tatars" spread to the Mongols themselves, and vice versa – when Tatars began to be called Mogols. Thus, the word "Tatar" became synonymous with the word "Mongol". This fact is also confirmed by Armenian sources. For example, Hetum (Hayton) writes about it: "All these peoples from time immemorial were Tatars, who were called Mogholk (Mongols) by a simple name" [21, p. 31].

However, interestingly, in Armenian sources, despite the above, the use of the term Tatar prevails. Using the methods of content analysis and quantitative method, we get a very interesting picture about the use of the term Tatar in Armenian sources. In Armenian sources of this period the use of the term Mongol (Mughal/Monkol) is very rare, and in most cases either the term Tatar is used (in Kirakos Gandzaketsi (more than 30 times), in Vardan Areveltsi (9 times), in Samuel Anetsi and his continuators (37 times), in Smbat Sparapet (11 times), etc.) or synonyms of Tatar – "people of archers", "people of bowman", etc.). However, the author of the manual, although at first attributing the same origin to Türks and Tatars, later states that although at first all Tatar and Mongol tribes were under the rule of Mongols, later Tatars, Mongols and subordinate Turks – all tribes were called Tatars [10, p. 132].

Armenian historians and writers often confused the Tatars with various Turkic tribes, Turkomans, and other ethnic groups, and an inexperienced researcher familiarizing himself with the information in Armenian sources might be confused and erroneously assume this. However, such a perception would be the result of a superficial reading of the texts and a lack of understanding of the specific perception of ethnic groups of the time.

Thus, in the late 14th and early 15th centuries, when the Mongol-Tatar presence in the region weakened and, for example, the Ilkhanate, a state that Armenian sources called "the nation of archers" and whose khan was identified with a Tatar, ceased to exist, we again observe an interesting phenomenon. In the territory previously ruled by "the nation of archers", all ethnic groups – Turks, Tatars, Mongols, Turkomans – began to be labelled as Tatars, people of archers or Torgomats'ins.

The phenomenon when not only the Tatar tribes proper were called Tatars was characteristic not only of the Armenian medieval tradition, but also of other cultures, such as the Chinese. There was an opinion that the Chinese used the name "Tatars" to refer to the entire nomadic population of Central Asia, regardless of their ethnicity [52, p. 163].

For example, the Turkoman leaders of the confederation of Kara Koyunlu tribes Kara Yusuf and Kara Iskander are mentioned as "Torgomats'in" in the me-

morial record of 1437 by the scribe Matevos from Tatev – "The people of archers were lost forever, and the new governor became Torgomats'in Ghara Yusuf from Atrpatakan" [14, p. 76], the trend continues in the future – the Turkoman ruler Qara Koyunlu Kara Iskandar (1420–1436) is also mentioned as a Tatar. The scribe Stepanos from the monastery of Hermon writes: "In times of sorrow and poverty, during the reign of Skandar the Tatar" [36, p. 349]. But this tendency is not peculiar to all sources; for example, another scribe, also a contemporary of Skandar Tovma Minasents, in 1425 specifies the origin of Kara Iskandar as a descendant "from the nation of Turks" – "My whole world was captured and destroyed, betrayed to the sword and captivity from the cursed hands of **the nation of archers...**", or "Amirza Skandar of the Turk nation, the ruler of Tabriz, made the Armenian world uninhabitable" [36, p. 326].

The identification of Iskandar simultaneously with the nation of Turks and with the nation of archers indicates that here not so much the Turkoman is identified with the Tatar (i.e. with the nation of archers) as the similarity of these two peoples is emphasised. The similarity is evident both in their nomadic lifestyle and in their military skills: both nations were known as mounted archers. This also reflects the idea of succession, where the Turkomans are seen as the heirs of the Tatars, continuing their dominance over the respective territory and state.

In the next memorial record we see that the author here considers Tamerlane as **a Tatar**, who threatened the existence of Turkomans of Qara Qoyunlu "in the years of domination of **the nation of archers (synonym for Tatar)** Mir Tamur and his sons, destroyers of Qoyunlu, who are Turkomans". Or similarly, in the hagiography of the late 14th century, in the hagiography of Martiros Koghbatsi, the author considers Tamerlan-Lanktamur as a "Tatar despot" but at the same time he speaks about the tribe Saat (Saadlu) not as Tatars but as Turkomans [20, p. 151].

Our hypothesis that the Turkomans, for example, were considered Tatars because they saw succession in them, is also confirmed by this interesting report "*and the people of bowman disappeared without a trace and instead of them began to rule Torgomatsin* (i.e. Torgomid) Kara Usuf" [14, p. 76].

In order to understand why everyone and everything was called Tatars, it will also help to understand the following – for the realities of the Middle Ages, when there were no clear geographical representations of Asia, both for Europeans and for Georgians and Armenians, Tatars were identified with people and tribes that came from outside and from the borders of China.

To get a clearer understanding of the issue, a very important report by Vardan Areveltsi helps. "With the advent of the year 670 (here meaning the Armenian chronology) (1221), all these foreign-speaking and alien people who came from the country of Chin and Machin, and their name was Mukhal and Tatar, came and penetrated the land of Gugark' (Zōr inč' ōtaradēm ew aylalezow šaržēal 'i Č'in ew ' i Mač'in ašxarhēn, Mowlal ew T'at'ar anown koč'ec'eal)" [12, p. 142]. By Chin and Machin in the Middle Ages was understood China, and often China with the surrounding, bordering countries and regions, all these lands were perceived in a geographical sense as China, as a country better known to the medieval man. But what was the consequence of this? The fact that later, when the Turkomans, or Tamerlane's army, all those who would come from this region, from this direction, would be considered Tatars, about the same way as in the East all Europeans for several centuries after the Crusades would be considered Franks.

Besides, the identification of new ethnic groups with previously known ones is not a new phenomenon, one can cite at least a distant parallel with the phenomenon when the Seljuk Turks were represented as Persians, for example, Fulcherius of Chartres wrote – "Turks, that is Persians pagans (Turcis. scilicet paganis Persicis)" [9, p. 193], Matthew of Edessa considers Rum sultanate's sultan Kilij Arslan as "sultan of Persians" [55, p. 13] and so on.

In the context of attributing the name "Tatar" to other peoples, the thought of L. Munkuev is noteworthy, who convincingly shows that the ethnonyms "Mongol" and "Tatar" were widely used as self-names (or names) both by the Mongol and Tatar tribes themselves and by tribes that did not belong to them, which was associated with the dominant position of the Tatars. [41, p. 408].

It should also be said that this problem with the almost arbitrary use of the term Tatar in relation to other peoples is not peculiar to all sources and authors, moreover, other authors show a more in-depth approach to the problems of their time, trying to make clear distinctions, and not vice versa. For example, in the famous medieval poet of the 14th century Frick we find the following interesting message ""*One is (is) a Kurd of Canaan, the other is a Tatar of Torgom (i.e. from the Togarma lineage), another Mughal of Khitay (i.e. from China), and that other Jaghatai of Samarkand* (Mekn ē k'owrd k'ananc'i, Minn ē T'at'ar T'orgomac'i, Minn ē Mowlal Xət'ayec'i, Minn J'alat'ay Səmərīndi)" [13, p. 99].

It is noteworthy that the separation of Tatars and Mongols as the Tatar of Torgomats'in (where kinship with the house of Biblical Torgom indicates proximity to the Christian peoples, as people with whom there is something in common), and Mongols – "people from (side of) China", i.e. people from an unfamiliar, foreign country. And here a very interesting parallel of such reports of Armenian sources with Chinese sources exists, where the Tatars are also separated from "other Tatars", for example, divided into cultural and wild [38, p. 45–49], into white and black Tatars and so on [42, p. 8–15].

The message of the memorial record of the scribe Avetik shows that already in the second half of the 14th century in the Armenian environment a clear distinction was made between the Tatars of the Golden Horde and the rest. The text says: " This was written in the city of Crimea, in Hozets Ver, in 1365, on 23 August, in the midst of great excitement: *"the whole land, from Kerch to Sarukabman, trembled. Both men and cattle were gathered together, and Mamai at Karasun gathered the Tartars in great numbers. The city trembled with fear and horror, but it knew that the Lord Almighty and Protector would remain forever"* [15, p. 467].

The 16th century poet Hovhannes, describing in verse the Ottoman campaign against the Kyzybash, also clearly distinguishes between countries and ethnicities: he mentions Armenians, Crimean and Kafin Tatars, Persians inhabiting Shirvan, Ottoman Turks, Qizilbash and others [1, p. 63].

The 1714 hagiography makes clear the distinction between the peoples, singling out the Turks separately from the Tatars: "Turks, Tatars, Armenians, Romans and Russians gathered to observe this miracle of the saint" [20, p. 557].

The problem of differentiation of "Tatars" is most expressively traced in the Armenian translation of the history of Ibn al-Arabshah, court historian of Tamerlane. Here the Armenian translation perfectly reflects the variety of uses of the term "Tatars", where the author of the translation, following the medieval tendencies of understanding of the term, wants to differentiate Tatars from outsiders, from other peo-

ples and tribes, from which Tamerlane's army consisted of. The author divides Tamerlane's army into the "Tatar people" and the "Chagatai tribe" (i.e. Timurids), although in the Arabic original, and in other translations, we do not find such differentiation, using the terms people, tribe, clan, etc., "for example, "and from all sides the Tatar and Chagatai troops unanimously led a unidirectional attack". Or expressions like this "Among the Tatar people and the Chagatai tribe" [2, p. 151, 168].

It is noteworthy that the identification of Turks and Turkomans with "Tatars" is characteristic exclusively for the realities of the eastern part of Armenia and the South Caucasus. In the Georgian environment, a similar situation is observed: all Turkic-speakers, including Turks and Turkomans, are referred to as Tatars. Interestingly, this approach is also recorded in *Kartlis Tskhovreba*. "Their tribe before, as well as now, was divided into many clans... They called themselves in their language "Mongols," though the Georgians called them – Tatars" [28, p. 319].

After the incorporation of the Transcaucasian region into the Russian Empire, this problem passed into the imperial realities of the late 19th century. By a similar logic, the Turkic-speaking Muslim population of the Transcaucasian provinces began to be called "Caucasian Tatars", which, however, was an incorrect identification. Subsequently, this term was superseded. Religious self-identification was more characteristic of the Turkic-speaking population of the region. As early as 1816, Ermolov sent out an order to all regions inhabited by "Tatars", demanding that they stop writing in Persian and start writing only "Tatar" [32, p. 342]. The use of the term "Tatars" was also due to the fact that the Turkic-speaking Muslim community did not have a single ethnonym as a sign of the lack of a clear identity, so the tsarist regime tried to solve the problem of lack of self-identification by using the exoethnonym "Tatars", collectively given to the Turks of the empire. Starting from the 16th century, in the texts of scribes and authors of the western part of Armenia, we nowhere and never meet such identification of the Turkoman-Turkic population with Tatars, although both the beyliks of Asia Minor and the territories of the Ottoman state were certainly inhabited by different Turkoman tribes.

Perhaps it was Joseph de Baye, a French traveller and archaeologist, who most accurately reflected the problem of the unspecific use of the term "Tatars", which can be interpreted both for the Armenian medieval reality and for the Transcaucasian region as a whole. He notes: *"When pronouncing the word 'Tatars', I am using an undefined term applied to a multitude of peoples of the Transcaucasus so closely intertwined that it is difficult to classify them scientifically. There are even Georgians who converted to Islam around the 15th century and adopted Tatar language and dress"* [26, p. 19].

The example of de Baye also illustrates how the ethnonym "Tatar" lost its original ethnic definition and acquired a confessional meaning. In the Transcaucasian context of this period, the term came to denote religious affiliation rather than a specific ethnic group. Thus, it was applied to heterogeneous groups that had converted to Islam, regardless of their original ethnic identity, reflecting the process of blurring ethnic boundaries in favour of a religious community.

Manifestations of the phenomenon of the term *Tatar* in the adaptation of everyday life of late medieval realities.

The process of coexistence and long-term contacts between the Armenian environment and the Tatar environment, as well as the subsequent change in the perception of Tatars – from negative to loyal and further to positive – is reflected in various

manifestations of mutual influence. The changing perception and meaning of the term *Tatar* is also clearly traceable through cultural and linguistic borrowings. In late medieval Armenia, the name "Tatar" becomes a personal name, which may indicate the parents' desire to emphasise their child's association with the Tatar elite or, perhaps, to express a desire for their children to possess qualities associated with Tatars. D. Iskhakov notes that among the nomads "Tatar" was a symbol of nobility and power that constituted the elite of the population [24, p. 8], accordingly, this tendency could have passed to the sedentary subordinate peoples too. Mentions of such names are found in epitaphs and tombstones of the late 14th – early 15th centuries. For example, there are known inscriptions: "By the will of God I, Yakub, and my son **Tatarten** (Tatar+*din* ? (*din* – from Arabic 'faith'))", and his wife named Mangu [56, p. 77]. Another monument says: "I, Amirbek, erected this khachkar (cross-shaped stone stele) in memory of my father Iohanis and my brother Tatar" [57, p. 91]. Another inscription reads: "(ordered) this holy gospel by the son of **Tatarbek**, son of the head of the village of Narek, in 1420" [14, p. 670], and also another inscription: "Remember Iohannes, who was called Tatar (secular name) [14, p. 407]". Along with the name Tatarbek there is also a form of **Tatarkhan**, which we find on one epitaph of the beginning of the 18th century "This is the grave of Tatarkhan, 1170 year of Armenian chronology (1721)" [34, p. 65].

It becomes obvious that the name "Tatar" and names derived from it were widespread in the Armenian environment since the 14th–15th centuries, which is confirmed by numerous references in Armenian manuscripts. Thus, only in the memorial records of the 15th century manuscripts dozens of references to the personal name "Tatar" are found. It is noteworthy that "Tatar" was used both as a masculine [17, p. 54, 67, 183; 18, p. 102, 109, 416], and feminine name [17, p. 73]. As a female name, the form **Tatar-khatun** (khatun – noblewoman, lady) was also widespread [17, p. 446; 18, p. 61, 79, 156, 546]. It is worth noting that along with the name Tatar-Khatun the form Mughal-Khatun is also known [18, p. 111]. Moreover, in the memorial record of the Bible in 1487 among the members of one family the head of the family named Tatar (Khoja Tatar) is mentioned, and his daughter (or daughter-in-law) had the name **Tatar-mama** [18, p. 102]. Thus, we can conclude that in the Armenian late medieval environment both the name Tatar and the names derived from it were widespread: Tatarbek, Tatarkhan, Tatarten, Tatar-khatun, Tatar-mama.

The personal characteristics attributed to Tatars, especially those related to swiftness and impetuosity, were reflected in the formation of new words in the late medieval lexicon of the Armenian language. Some of these words persist to this day, at least at the dialectal level. For example, the terms *tatarkhami* or *tatar* means epidemic and disease, which is probably related to the notion of the rapid spread of diseases similar to the "lightning speed" of the Tatars. The word *tatari* is also used to mean "to do something very quickly". It is known that the postal service was widespread during the Mongol-Tatar rule. This explains why in some dialects, such as the Armenian dialect of Constantinople, the word "Tatar" came to mean "messenger", which of course is also related to speed [19, p. 61].

In some dialects, the word *Tatari* means a large ant, which is probably related to the perception of the Tatar physique (broad back and narrow loins). This perception, as it was earlier with the historian Aknertsi, who noted the broad back and narrow loins of Tatars "the loins are narrow like an ant", similar to the physique of

an ant. Also, *Tatari* is used to mean (Karabakh dialects of Armenian) whip or lash [19, p. 61].

It is remarkable that even in cookery the term *Tatar* has got a social meaning: there are known fast meat dishes, such as *tataryakhi*, *tatar-boraki*, *tatari*, *tatar-hostuk*, which are prepared quickly (*tatar* – the quality of quickness), from dough and meat, from which many kinds of dishes of Tatar cuisine consist of.

Conclusions

Obviously, it is impossible to give an exhaustive picture of the perception of Tatars in Armenian medieval sources, their names and related aspects within the framework of this article alone. Nevertheless, the presented analysis allows us to draw a number of important conclusions.

As it has already been shown, Armenian sources demonstrate diversity in the use of the term ‘Tatars’, reflecting both ethnic and cultural-political specifics of both the ethnonym itself and the term and the meaning it conveys. Initially, in Armenian sources the term had a negative connotation, often being associated with alien and hostile peoples, which was due to the historical context of conquests, encounter with the cruelty of conquest campaigns, etc. In addition, later, as a result of associations with individuals perceived as Tatars (which was often untrue), negative perceptions of such people were projected onto Tatars in general. A good example is the case of Tamerlan, known for his brutality, who was, however, often perceived as a Tatar. Over time, however, there has been a shift in the Armenian environment from a negative perception to a more neutral, and in some cases even loyal or positive attitude towards Tatars.

This shift is manifested in the characterization of Tatars, in the praise of their personal qualities (swiftness, strength, discipline, restraint, etc.), as well as in the phenomenon of mutual cultural influence. A comparative analysis of Armenian and other sources revealed unique interpretations of the origin of Tatars in the Armenian tradition. For example, the association of Tatars with biblical characters or legendary ancestors such as Torgom (Togarmah) indicates a desire to integrate them into a common historiographical and worldview system, perhaps even to find a symbiosis for coexistence with Tatars (or ethnic groups that were associated as Tatars in the Armenian environment). It was hypothesized that the frequent appearance of personal names in the Armenian environment, as well as inter-ethnic marriages between Armenians and Tatars, may indicate the same search and aspiration for coexistence with Tatars.

On the other hand, analyses of Armenian sources show that the search for an explanation of origins was not only due to attributing biblical origins to them. In fact, these searches indicate the Armenian intellectual milieu's endeavor to understand and explain to themselves and the nation who the Tatars were, how and why they appeared in their midst and what their mission was.

The study, also using content analysis and quantitative method, showed that the use of the term ‘Tatars’ was predominant in the Armenian milieu, which most often could replace ethnonyms and exonyms of various Tatar-Mongolian as well as Turkic tribes and peoples. In addition, it is important to note that from the point of view of the theories put forward in the article about the origin of Tatars, following the logic of Armenian sources, we can conclude that the general picture of information from Armenian sources speaks more about the Tatar-Mongolian theory than about others.

Another important aspect is that, as has already been shown, the designation of the Tatar-Mongols varied in the Armenian historiographical tradition: the forms ‘Tatar’, ‘Dadar’, as well as descriptive expressions such as ‘nation of archers’ or ‘nation of bowman’, etc. are found. At the same time, the terms ‘Tartar’ and ‘Tartary’ characteristic of medieval European historiography are absent in Armenian sources. It is also noteworthy that unlike the Western European historiographical tradition, where the image of the Tatar-Mongols often acquired an openly demonized character (up to cannibalism), Armenian historiography does not demonstrate such narratives [61; 62; 63].

REFERENCES

1. Abraham Ankyowraci. Oghb i veray ar'man Kafayi (Mourning the capture of Cafa). St. Petersburg: Tipografiya A. Kraevskogo, 1884. 160 p. (In Armenian)
2. Ahmed ibn Arabshah. Patmowt'iwn Lenk T'imowray (The History of Lenk Timur). Translated from arabic by V.Ter-Hovhannisyanc. Jerusalem: Typography “Srbots‘ Hakovbeants”, 1873. 286 p. (In Armenian)
3. Ališan L. Hayastan Yaraĵ k'an zlineIn Hayastan (Armenia before becoming Armenia). Venice: Typography Sowrb Lazar 299 p. (In Armenian)
4. Ališan L. Kamieniec. Chronicle of the Armenians in Poland and Romania with reliable appendices. Venice, 1896. 286 p. (In Armenian)
5. Attila Flagellum Dei, tradutto de la vera cronica in ottaua rima per Rocco degli Ariminesi Padovano, Per Filippo Maria Benedini, 1763. 48 p.
6. (Big Dictionary of Russian Proverbs). Edited by Mokienko V. Moscow: OLMA Media Group. 1024 p. (In Russian)
7. Buda izbornik IX–XIV cc.: Aramaic Bible and Askold's Chronicle: (text, translation, commentaries, articles). Under the general editorship of Academician Y.K. Begunov. Editor Vladimir Egorov. Velikiy Novgorod: Tipografiya Vikont, 2013. 551 p. (In Russian)
8. Chamchyan M. Patmowt'iwn hayoc: I skzbany' ashxarhi minchew cam tear'n 1784 (The History of Armenia from the beginning of the world to the year 1784). Vol. 1. Venice. 803 p. (In Armenian)
9. Fulcheri Carnotensis, Historia Hierosolymitana (1095– 1127), Mit Erläuterungen und einem Anhang herausgegeben von Heinrich Hagenmeyer, Heidelberg, Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1913. 915 p. (In Latin)
10. Galeev N.R. (A Detailed History of the Turkic Peoples). Kazan': Izdatel'stvo DUM RT, 2009. 183 p.. (In Russian)
11. Grigor Aknerci, Patmowt'iwn t'at'arac, Erowsaghe'm, tparan Srboc Yakobeanc, 1974. 80 p. (In Armenian)
12. Hawak'owmn patmowt'ean Vardanay Vardapeti (Historical Compilation of Vardan Arewelc'i), Venetik:Publ: Sowrb Lazar, 1862. 195 p. (In Armenian)
13. Hay dasakan qnarergowt'yown (The classical Armenian liryic poetry). Edited by A. Madoyan, G. Devrikyan, L. Mkrtchyan. Yerevan: Publ. “Sovetakan grogh”, 1983. 271 p. (In Armenian)
14. Hayeren d'er'agreri hishatakaranner, Zhe dar (Colophons of Armenian Manuscripts: 15th century). Vol. 1 (years 1401–1450.). Edited by L.S. Xachikyan. Erevan, 1955. 817 p. (In Armenian)
15. Hayeren je'agreri hi'satakaranner, Jhd dar (Colophons of Armenian Manuscripts of the 14th Century). Edited by L. Khachikyan, Yerevan. 1950. 756 p. (In Armenian)
16. Hayeren je'agreri hi'satakaranner, JhG dar (Colophons of Armenian Manuscripts: 13th century), ed. by Mat'evosyan A.S., 1984. 988 p. (In Armenian)

17. Hayeren jeřagrerı hiřatakaraner, Zhe dar (Colophons of Armenian Manuscripts of the 15th Century), edited by L. Khachikyan, vol. 2, Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 1958. 597 p. (In Armenian)
18. Hayeren jeřagrerı hiřatakaraner, ZhE dar, (Colophons of Armenian Manuscripts of the 15th Century), edited by L. Khachikyan), vol. 3, Yerevan: Publishing house of Academy of Science of Armenian SSR, 1967. 711 p. (In Armenian)
19. Hayoc' lezvi barbařayın bařaran [Dialectological Dictionnary of the Armenian language]. Vol. 1. Yerevan: Gitut'iun, 2004 (In Armenian). 430 p.
20. Hayoc nor vkaner (Armenian Neo-martyrs 1155–1843). Edited by H. Manandian and H. Acharian, Vagharshapat, typography of Holy E'jmiac'in, 1903. 800 p. (In Armenian)
21. Het'owm patmič', Patmowt'yiwn T'at'arac' (The History of Tatars). Venice: Published in typography of Saint Lazar, 1842. 90 p. (In Armenian)
22. Histoire generale des Goths, traduite du Latin de Jordanes, publisher Claude Barbin, Paris, 1603. 287 p.
23. History of the nation of the archers, by Grigor of Akanc' hitherto ascribed to Marak'ia the monk, The Armenian text, edited with an English translation and notes, by Robert P. Blake and Richard N. Blake, Cambridge: Published for Harvard-Yenching Institute by Harvard University Press, 1954. 180 p.
24. Iskhakov D., Izmailov I. Etnopoliticheskaya istoriya tatar (Ethnopolitical History of the Tatars). Kazan: Shkola edition, 2007. 354 p. (In Russian)
25. Istorija mongolov' Inoka Magaki, ed. by Patkanov K. P. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1871. 124 p. (In Russian)
26. Joseph baron de Baye, Au sud de la chaine du Caucase: souvenirs d'une mission, Paris: Nilsson, 1899. 57 p.
27. Kanonagirq Hayoc. Edited by Hakobyan V. Vol. 1. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ, 1964. 742 p. (In Armenian)
28. Kartlis Tskhovreba (A History of Georgia). Edited by R. Metreveli, Tbilisi, 2014, Artanuji publishing. 444 p.
29. Kirakos Gand'akeci. Hayoc patmowt'yown, publishing house "Sovetakan grogh", Yerevan 1982. 350 p. (In Armenian)
30. Kirakos Gandzakets'i's History of the Armenians]. Critical edition of the Classical Armenian text by K. A. Melik-Ohanjanyan. Yerevan, 1961. 552 p. (In Armenian)
31. Kirakos Ganjakec'i, Patmowt'yown Hayoc' (The History of Armenia). Moscow: Typography of Arewelean Lezowac' Ćemarani Tearc' Lazareanc', 1858. 244 p. (In Armenian)
32. Akhundov M.F. Selected philosophical works. Baku, 1953. 400 p. (In Russian)
33. Maghaqia Abegha, Patmowt'iwn vasn Azgin Netoghac (The History of nation of archers). St. Petersburg, 1870. 64 p. (In Armenian)
34. Makar Barkhutariants. The Land of Aluank and the Neighbours. Artsakh: Gandzasar, 1999. 413 p. (In Armenian)
35. Manr řamanakagrowt'yownner, XIII–XVIII darer [Small Chronicles, 13th–18th centuries]. Vol. 1. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 1951. 453 p. (In Armenian)
36. Manr řamanakagrut'yunner, 13th-rd-18th darer (The Small Chronicles of the 13th–18th Centuries). Edited by A. Hakobyan). Vol. 2. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 1956. 656 p. (In Armenian)
37. Margaryan, G., The 'Christian' Ilkhans: myths and reality. ARAMAZD: Armenian Journal of Near Eastern Studies. Vol. 14 (1–2), 2020, Archaeopress, pp. 228–246.
38. Meng-da bei-lu (Full Description of the Mongolo-Tatars). Edited by Munkuev N., Moscow: Nauka, 1975. 287 p. (In Russian)
39. The Lawcode [Datastanagirk'] of Mxit'ar Gosh. Translated and edited by R. Thomson, Amsterdam, Rodopi, 2000. 360 p.

40. Moise de Khorene, *Histoire D'Armenie*, par P. E. Le Vaillant, De Florival. Vol. 1, Venice: Typographie Armenienne De Saint-Lazare, 1841. 436 p.
41. Munkuev N. Notes on the ancient Mongols. In: *Tatar-Mongols in Asia and Europe*, Moscow, 1977, pp. 377–409. (In Russian)
42. Nesterova E. R. Mongols, Tatars, Black Tatars – who is who in the history of Mongol conquests, introduction to the translation of "Hei da shi lue (Short reviews on the black Tatars). Edited by A. Sh. Kadyrbaev, Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2016, pp. 8–15. (In Russian)
43. Poggosian Z., The Armenian version of St. Nerses and its Latin Version: Text, transmission History, Translation. In: "Positionsbestimmungen: Mediävistik im kulturgeschichtlichen Kontinuum", Nova Mediaevalia. Vol. 25, 2024, pp. 387–420.
44. Samuel Anetsi and Continuator, *The Chronicle (from Adam to 1776)*. Edited by Karen Matevosyan. Yerevan: Nairi, 2014. 503 p. (In Armenian)
45. Smbat Sparapet, *Datastanagirq Smbata Gowndstabli (The lawcode of Smbat Sparapet)*. Edited by A. Lltčean, Ej'miac'in, typography of Holy Ej'miatsin, 1918. 82 p. (In Armenian)
46. Smbat Sparapet, *Taregirk' (The Chronicle of Smbat Sparapet)*. Edited by K. V. Šahnazaryanc', typography of K. Šahnazaryanc', P'ariz, 1859. 248 p. (In Armenian)
47. Smbat Sparapet, by Galstyan A. Yerevan: Publisher "Hayastani Petakan Hratarakč'owt'yown", 1961. 180 p. (In Armenian)
48. Ōrbelyan, Step'anos, *Patmowt'iwn nahangin Sisakan*. Tiflis: N. Ałanean, 1910. 618 p. (In Armenian)
49. Toumanoff C. The Fifteenth-Century Bagratids and the Institution of Collegial Sovereignty in Georgia, *Traditio*. No. 7, pp. 169–221.
50. T'ovma Mecobec'i, *Patmowt'yown Lank-T'emowray ev yajordac' iwroc' (The History of Lank Temur and his ancestors)*, Paris, Thunot, 1860. 134 p. (In Armenian)
51. Hacowni V. *Hayowhin patmowt'yan ar'jev (Armenian women against history)*. Venice: typography of Saint Lazar, 1936. 471 p. (In Armenian)
52. Viktorova L.L. Mongols. Origin of the people and the origins of culture (*Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury*). Moscow, 1980. 224 p. (In Russian)
53. Sirarpie, der Nersessian. The Armenian Chronicle of the Constable Smpad or of the "Royal Historian". *Dumbarton Oaks Papers*. 1959, vol. 13, pp.143–168.
54. Bayarsaikhan D. *The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Brill, 2011. 270 p.
55. *Patmowt'iwn Matt'ēosi Owrihayec'wo (History of Mathew of Edessa)*. Jerusalem: Typography of S. Yakovbeanc', 1869. 597 p. (In Armenian)
56. *Corpus inscriptionum Armenicarum*. Edited by S. Avagyan. Vol. 6. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 1977. 330 p. (In Armenian)
57. *Corpus inscriptionum Armenicarum*. Edited by H. Orbeli. Vol. 2. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 1960. 339 p. (In Armenian)
58. Sargsjan, T. *Corpus of Armenian Colophons Relating to Crimea and Adjacent Regions (14th–15th Centuries)*, Simferopol: Sonat, 2010. 312 p. (In Russian)
59. Akhiezer G. The Crimean Khan Sahin Giray (1777–1783): The First Modernizer of the Islamic World and his Image in Imperial and Minority Perspectives. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2023, vol. 66, nos. 5–6, pp. 656–676. doi: 10.1163/15685209-12341603
60. Sanjian A.K. *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480: A Source for Middle Eastern History*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1969. 459 p.
61. Heng, G. Jews, Saracens, 'Black Men', Tartars: England in a World of Racial Difference, in: John Wiley & Sons, Ltd., 2007, pp. 247–269. <https://doi.org/10.1002/9780470996355.CH16>

62. Guzman, G.G. The Vinland Map Controversy and the Discovery of a Second Version of the Tartar Relation: The Authenticity of the 1339 Text. In: *Terrae Incognitae*, 2006, vol. 38, pp. 19–25. <https://doi.org/10.1179/008228806790802037>
63. Andrea, B. Persia, Tartaria, and Pamphilia, in: Johanyak, D., Lim, W.S.H. (eds.), *The English Renaissance, Orientalism, and the Idea of Asia*, Palgrave Macmillan, New York, 2009, pp. 23–50. https://doi.org/10.1057/9780230106222_2
64. Patkanov K.P. History of the Mongols according to Armenian sources. Vol. 1–2, St. Petersburg, 1873–1874. (In Russian)
65. Ter-Mkrtychyan L. Armenian Sources on Central Asia 8th–18th centuries, Moscow: Nauka, 1985. 190 p. (In Russian)
66. Armenian sources about the Mongols: Extracts from manuscripts of the 13th–14th centuries, translation from Old Armenian, foreword and notes by A.G. Galstyan. Moscow: Publishing house of oriental literature, 1962. 155 p. (In Russian)
67. Dashdondog, Bayarsaikhan. The Mongols and the Armenians (1220–1335), Brill, 2011. 270 p.
68. Luisetto, F. Arméniens et autres chrétiens d’Orient sous la domination mongole: L’Ilkhanat de Ghâzân 1295–1304. Paris: Geuthner, 2007. 262 p.

ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТАТАР В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ: КОНТЕКСТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Гор Маргарян ¹ ✉, Ануш Арутюнян ²

¹ Ереванский государственный университет

² Институт Востоковедения НАН РА

Ереван, Республика Армения

✉ gor_margaryan@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению феномена термина «татар» и его восприятию в средневековой армянской этнополитической среде. В рамках этой цели затрагивается широкий круг вопросов, которые должны быть разрешены с помощью различных методов исторического исследования. В частности, рассматриваются следующие вопросы: восприятие термина «татар», генеалогическое восприятие татар, дальнейшая трансформация термина, идеи происхождения от общего мифического предка (Торгома/библ. Фогармы) до межнациональных браков, проблема идентификации и дифференциации татар, проявления феномена «татар» в адаптации повседневной жизни позднесредневековых реалий. Эти вопросы были рассмотрены на основе средневековых источников – исторических сочинений и хроник армянских авторов XIII–XV веков, которые были современниками описываемых событий. Информация армянских источников была сопоставлена или противопоставлена существующим работам по данной тематике. Подобное комплексное изучение татарского феномена в армянских средневековых источниках ранее не было проведено, поэтому данная статья является первой попыткой, что и определяет новизну исследования. Прделанная работа имеет историческую и практическую значимость. Она четко показывает причины путаницы в историческом восприятии татар с другими народами и этническими группами.

Ключевые слова: татары, «народ лучников», армянские источники, Торгомазуны, негативное восприятие, монголы, межэтнические браки

Для цитирования: Margaryan G., Harutyunyan A. Ethno-Historical Perception of the Tatars in Medieval Armenian Sources: Contexts and Interpretations // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 295–312. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.295-312> EDN: IKLNLE

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Комитета по высшему образованию и науке Республики Армения (научный проект № 1-29/24РЛ-6А032).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гор Араратович Маргарян – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений, Ереванский государственный университет (0025, ул. Алек Манукяна, 1, Ереван, Республика Армения); ORCID: 0000-0002-4675-8963, Scopus AuthorID: 57205190264. E-mail: gor_margaryan@mail.ru

Ануш Аветиковна Арутюнян – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт Востоковедения Национальной Академии наук Республики Армения (0019, пр. Маршала Баграмяна, 24/4, Ереван, Республика Армения); ORCID: 0000-0002-2902-0932; Scopus AuthorID: 58988567200; E-mail: anushhar1997@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gor A. Margaryan – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Faculty of International Relations, Yerevan State University (1, Alek Manukyan Str., Yerevan 0025, Republic of Armenia); ORCID: 0000-0002-4675-8963, Scopus AuthorID: 57205190264. E-mail: gor_margaryan@mail.ru

Anush A. Harutyunyan – Cand. Sci. (History), Junior Researcher, Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Ave, Yerevan 0019, Republic of Armenia); ORCID: 0000-0002-2902-0932; Scopus AuthorID: 58988567200; E-mail: anushhar1997@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 18.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2025

Принята к публикации / Accepted 21.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.313-345>
EDN: KNJFIC

УДК 94(47), 94(57), 94(47).03

СВЕДЕНИЯ О «ТАТАРАХ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ КИТАЙСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИСТОЧНИКАХ (V–XIV вв.)

Р.Т. Ганиев ✉, П.И. Буцык, И.Р. Хамзин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация
✉ rusthist@yandex.ru*

Резюме. В статье изучается этноним «татар» в династийных историях «Вэй шу», «Сун шу», «Суй шу», «Цзю Тан шу», «Синь Тан шу», «Цзю У дай ши», «Синь У дай ши», «Ляо ши», «Сун ши», трудах Ли Дэюя «Письма уйгурам» и Е Лун-ли «Истории государства киданей», «Различных официальных и неофициальных записях о [событиях] периода правления Цзяньнэнь» Ли Синьчуаня, в династийных историях «Юань ши», «Синь Юань ши» и «Мин ши», произведениях «Хэй да ши люэ», «Мэн да бэй лу» и единственном монгольском (татарском) источнике «Юань чао би ши». Также привлекаются материалы древнетюркских Орхонских памятников VIII в. В результате проведенного исследования установлено, что впервые термин «татар» появляется в династийной хронике «Вэй шу» у племени жужаней как собственное имя кагана Моухань-хэшэнгай (414–429 гг.). В дальнейшем термином «татар» в китайских источниках обозначали племена, проживающие на территории восточной Монголии и северо-восточного Китая. Иероглифическое обозначение этнонима «татар» на протяжении V–XIV вв. неоднократно менялось, установлены более 10 иероглифических записей «татар». С формированием Монгольской империи, наряду с этнонимом «татар», в источниках появляются названия «монголо-татары» и «монголы», хотя в династийной хронике «Мин ши» они признаются тождественными. Династийные истории содержат официальную точку зрения китайских хронистов на монгольский период. Использование терминов «татар» и «монголы» в них может отражать как реальные этнические различия, так и политическую конъюнктуру. Версия о происхождении «татар» от тюрков-шато, указанная в «Мэн да бэй лу», противоречит более ранним историческим сведениям. Также, установлено, что в оригинальной версии произведения «Юань чао би ши» повествование идет от имени «монголов», но в китайском переводе указываются «татары». Вопрос использования названия «монгол» вместо «татар» является дискуссионным в отечественной и зарубежной историографии. Китайские ученые называют причиной уничижительный оттенок термина «татар» (варвар), при этом авторы «Хэй да ши люэ» предлагают альтернативную версию.

Ключевые слова: татары, тюрки, тюрки-шато, восточные тюрки, туцзюэ, монголы, монголо-татары, мохэ, Центральная Азия, Чингисхан

© Ганиев Р.Т., Буцык П.И., Хамзин И.Р., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Ганиев Р.Т., Буцык П.И., Хамзин И.Р. Сведения о «татарах» в средневековых китайских, монгольских и древнетюркских источниках (V–XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 313–345. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.313-345> EDN: KNJFIC

INFORMATION ABOUT THE “TATARS” IN MEDIEVAL CHINESE, MONGOLIAN AND ANCIENT TURKISH SOURCES (5th – 14th CENTURIES)

R.T. Ganiev ✉, P.I. Butsyk, I.R. Khamzin

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russian Federation

✉ rusthist@yandex.ru

Abstract. The article studies the ethnonym "Tatar" in the dynastic histories "Wei shu", "Song shu", "Sui shu", "Jiu Tang shu", "Xin Tang shu", "Jiu Wu dai shi", "Xin Wu dai shi", "Liao shi", "Song shi", "Letters to the Uyghurs" by Li Deyu, "History of the Khitan State" by Ye Longli, "Various Official and Unofficial Records of the [Events] of the Reign of Jianyang" by Li Xinchuan, the dynastic histories "Yuan shi", "Xin Yuan shi" and "Ming shi", the works "Hei da shi lue", "Meng da bei lu", and the only Mongolian (Tatar) source "Yuan chao bi shi". Materials from the ancient Turkic Orkhon monuments of the 8th century are also used. The study establishes that the term "Tatar" first appeared in the dynastic chronicle "Wei Shu" among the Rouran tribe as the proper name of Khagan Mouhanheshengai (414–429). Later, the term "Tatar" in Chinese sources denoted the tribes living in the territory of eastern Mongolia and northeastern China. The hieroglyphic designation of the ethnonym "Tatar" changed repeatedly during the 5th – early 14th centuries, more than 10 hieroglyphic records of "Tatar" have been established. With the formation of the Mongol Empire, along with the ethnonym "Tatar", the names "Mongol-Tatars" and "Mongols" appear in the sources, although in the dynastic chronicle "Ming Shi", they are recognized as identical. Dynastic histories contain the official point of view of Chinese chroniclers on the Mongol period. The use of the terms "Tatars" and "Mongols" in them may reflect both real ethnic differences and the political situation. The account of the origin of "Tatars" from the Shatuo Turks, indicated in "Meng da bei lu", contradicts earlier historical information. It has also been established that in the original version of the work, "Yuan chao bi shi", the narration is on behalf of the "Mongols", but in the Chinese translation "Tatars" are indicated. The issue of using the name "Mongol" instead of "Tatars" is a subject to debate in domestic and foreign historiography. Chinese scholars cite the derogatory connotation of the term "Tatar" (barbarian) as the reason for its use, while the authors of "Hei da shi lue" offer an alternative version.

Keywords: Tatars, Turks, Shatuo Turks, Eastern Turks, Tujue, Mongols, Mongol-Tatars, Mohe, Central Asia, Genghis Khan

For citation: Ganiev R.T., Butsyk P.I., Khamzin I.R. Information about the “Tatars” in medieval Chinese, Mongolian and ancient Turkish sources (5th–14th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 313–345. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.313-345> (In Russian)

Введение. В истории Евразии кочевые народы Центральной Азии сыграли огромную роль в политическом, экономическом и этнокультурном отношении. Влияние и территориальный охват крупных кочевых держав тюрков и монголов были настолько обширными, что они распространили свое название на многие народы и племена, ранее входившие в состав их политических объединений. При этом создателей Великой Монгольской империи китайские летописцы называли татарами (дада) и позже монголо-татарами (мэнда). Основной проблемой изучения кочевых народов Центральной Азии является отсутствие или незначительное количество письменных источников, оставленных после себя кочевниками и, наоборот, огромный массив китайских источников, описывающих кочевников и их отношения с ханьцами. Таким образом, с самого начала исследователи несколько ограничены в выборе материала и имеют лишь одностороннее представление о событиях прошлого с позиции официальных ханьских летописцев. Основными источниками по истории центральноазиатских татар являются китайские династийные истории (чжэнши) [7], исторические произведения в жанре путевых записей «Письма уйгурам ...» Ли Дэюя [14], «История государства киданей» Е Лунли [9, 10], «Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127)» Ли Синьчуаня [15], «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127)» Ли Синьчуаня [16], произведение «Хэй да ши люэ» [59, 60] и «Мэн да бэй лу» [31, 32]. Среди многочисленных иноязычных источников, содержащих сведения о татарах, следует выделить древнетюркские Орхонские надписи [23] (Надписи в честь Кюльтегина и Бильгэ-кагана), а также единственный письменный монгольский (татарский) источник «Юань чао би ши» [51].

«Вэй шу», «Сун шу». В историческом произведении XVII в. «Родословное древо тюрков» автор Абуль-Гази впервые упомянул Татар-хана, после смерти которого его подданные стали называться «татарами» [35, с. 10–12]. Поздние историки искали хана с именем «Татар» в эпоху могущества Монгольской империи или Золотой Орды. Известный советский тюрколог Н. А. Баскаков, например, считал, что таким ханом мог быть праправнук Джучи и, соответственно, население Золотой Орды поэтому могло именоваться татарами [2, с. 202]. Однако первые сведения о хане с именем «Татар» (大檀 – Датань) мы находим в династийной хронике «Вэй шу» (созд. в 551–554 гг.) в сообщении о жужанях. Это был третий каган Жужанской кочевой империи Моуханьхэсэньгай, правивший с 414 по 429 гг. При этом первое обозначение жужаней в китайских источниках – жоужань (柔然). Позже правитель Тоба Тао империи Северная Вэй изменил написание на более уничижительное жужу (蠕蠕), так как, по его мнению, кочевники «были невеждами и напоминали насекомых (червей)» [6]. В хронике «Сун шу» (созд. в 550–557 г.) появляется новое иероглифическое обозначение жужаней – жуйжуй (芮芮), а также сообщается, что «жуйжуй (芮芮) известны как датань (大檀), также как тантань (檀檀) и являются разновидностью хунну» [55], хотя в «Вэй шу» сообщается, что жужане являются «потомками дун-ху (东胡)» (восточных варваров) [6]. В поздний период в эпоху Северной Ци и империи Суй жужаней в китайских хрониках обозначали уже по-другому – жужу (茹茹) [52]. Таким образом, следует предположить, что после напряженного противо-

стояния жужаньского хана Татар (Датань 大檀) с Северной Вэй тобасцы стали идентифицировать жужан как «датань», «жужу датань» и «датань було».

Дун-ху являлись протомонгольским племенным объединением, занимавшим огромную территорию от Хуанхэ до современной провинции Хэйлунцзян, поэтому сяньби и жужане, которые являлись их потомками [81], были раннемонгольскими племенами, говорившими на древнемонгольских языках, хотя С.Г. Кляшторный считал сяньби объединением тюркоязычных и монголоязычных племён [13, с. 153]. В «Ши цзи» четко выделяются народы, обитавшие по северной границе империи Хань: хунну, дун-ху и дуньби, поэтому указание «Сун шу» о принадлежности жужаней к хунну скорее подтверждает гипотезу С.Г. Кляшторного о симбиозе тюркоязычных и монголоязычных племен, принимая во внимание интенсивность межэтнических контактов на территории современной Монголии и северного Китая в изучаемый период (первая половина I тыс. н.э.).

Со смертью жужаньского хана Татар в 429 г. термин датань (大檀) практически уходит со страниц летописных хроник. Лишь в 600 г. в империи Суй появился повстанец по имени Ли Датань (李大檀): «Лян Ни, губернатор Цзяньчжоу, был отправлен для подавления мятежного И Лошоу, а Фэн Сюань, губернатор Лочжоу, был отправлен для подавления лидера мятежников Ли Датаня. Они разгромили мятежников и отправили их головы в армию» [3]. Возможно, мятежник намеренно принял это имя, чтобы использовать героический образ борца из прошлого.

В 661 г. в «Синь Тан шу» сообщается о создании округа Датань (大檀州): «В первый год правления Луншо губернатор уезда Нанью, Лунчжоу, по имени Юань, был назначен губернатором Тохаристана. В 16 царствах от Хотана на западе и Персии на востоке были учреждены губернаторы округов и уездов. Их столицы были превращены в военные губернии, а подчиненные им племена – в округа и уезды. Область Большая Таньчжоу (Датаньчжоу 大檀州) учреждена с центром в городе Цзяцзюэи, [где живет] племя цзюэцзюэдагуань (具厥达官)» [36].

Следующее упоминание о татарах фиксируется в 732 г. на стеле Кюльтегина. Первый сюжет повествует о событиях середины VI в., когда на похороны Тумэнь кагана (552 г.) почтить его память пришли, в том числе, «отуз татары» (30 семей татар). События второго сюжета датируются примерно 689 г. и называют «тридцать татар» [23, с. 36–38] врагами Ашина Гудолу, правителя Восточно-тюркского каганата в период с 682 по 691 гг. Следующий памятник «Надпись в честь Бильгэ кагана» создан в 734 г. и повествует о событиях 723–724 гг., когда тюркам противостояли вместе «огузы» и «токуз-татары» (9 татар) [22, с. 11–25]. Запись об этих событиях имеется только на древнетюркском языке, на китайском языке, к сожалению, текст отсутствует.

После распада Восточно-тюркского каганата токуз-татары подняли восстание против уйгурского Элетмиш Бильге-кагана в 747 г. Об этом событии сообщают надписи из Могойн Шине-усу (Селенгинский камень, 760 г.) и Терхинская (Тарьятская) надпись. В 749 г. уйгуры одержали победу над токуз-татарами, часть из них перешла к уйгурам, другая часть ушла к киданям.

Следующие сто лет в источниках не сообщается о татарах, но есть краткая запись под 791 г. в СТШ об озере Дадань: «达旦泊» [36].

«Письма уйгурам ...» Ли Дэюя. Первое упоминание о народе «татар» непосредственно в китайских письменных источниках относится к 842 г. В письмах танского чиновника и писателя Ли Дэюя сообщается: «Осень жаркая, [надеюсь], министр и все чиновники под его руководством, а также первый советник Абиу и другие племена, хэйчэцзы дада (黑车子达怛) (чернотежные татары, «黑车» – черная повозка – ГР.) и другие живут в благополучии/спокойствии, [и все у них] хорошо, в письме/указе не могу выразить все, [что хочу сказать]» [14]. При этом в письме не совсем понятно, хэйчэцзы дада – это разные племена или одна народность? В хрониках ЦТШ и СТШ есть неоднократные упоминания о народе хэйчэцзы (黑车子) без указания татар в период правления уйгурского Уцзе хана (840–846 гг.)

ЦТШ: «В это время Уцзе-хан был ранен стрелой и бежал к хэйчэцзы. Император приказал киданям послать войска, чтобы напасть на него» [62].

ЦТШ: «После поражения уйгурского хана Уцзе он не осмелился приблизиться к границе, поэтому попытался спастись в Кангюе и переселил всех оставшихся людей в племя хэйчэцзы» [64].

Примерно через 60 лет в летописи «Ляо ши» регулярно появляются записи о племени хэйчэцзы шивэй (黑车子室韦).

ЛШ: «В первый год правления Тай-цзу (907) восемь племен хэйчэцзы шивэй сдались» [21].

ЛШ: «В 908 г. ... он снова напал на хэйчэцзы шивэй. Ли Кэюн ... отправил своего переводчика Кан Линдэ просить о союзе» [17].

ЛШ: «В июле следующего года мы возобновим нашу кампанию против хэйчэцзы шивэй» [17].

ЛШ: «В этом месяце были побеждены хэйчэцзы шивэй и покорены восемь их племен» [17].

ЛШ: «В 938 г. шивэй преподнесли белого [лося]. Хэйчэцзы шивэй поднесли породистых (?) лошадей» [21].

ЛШ: «Цзубу, хэйчэцзы шивэй, Ляньли и другие страны пришли отдать дань ...» [18]. В последней записи перечисляются цзубу и хэйчэцзы шивэй. Некоторые исследователи предполагают, что цзубу в период Ляо могли называть татар, другие отождествляют татар с шивэями [1, 58].

О племени шивэй (室韦) хроника «Бэй ши» сообщает следующее: «Государство Шивэй находится в 1000 ли к северу от мохэ (уцзи), отстоит от Лояна на 6000 ли. "Ши" (室) или же "ши" (失) относятся к типу киданей, южные их [племена] – кидани, а те, кто на севере, – шивэй» [4]. Известно, что в разное время татары находились к северо-востоку (X в.) или северо-западу (XI в.) от киданей, и по сведениям из других источников являлись потомками мохэ, но о родстве шивэй или татар или их единстве в источниках сведений нет, поэтому вопрос тождественности шивэй и татар среди исследователей до сих пор остается во многом дискуссионным, хотя вполне вероятным из-за близкого соседства различных монголоязычных племен (мохэ, киданей, шивэй и др.).

Во втором письме от 842 г. Ли Дэюй пишет: «[Тогда] Табу Хэцзу снова сказал: "Киргизы скоро передвинутся в (займут) Хэлочуань (около озера Гашюн-нур), поселятся в старом государстве уйгуров, одновременно с этим получат/захватят пять племен – Аньси (совр. Аксу), Бэйтин (Бешбалык) (北庭), Дада (達怛) и другие» [14]. Имеется и другая редакция этого письма в

ЦЧТЦ: «Мы переселимся в Хэлочуань и будем жить в старой стране уйгуров. Мы также захватим пять племен, включая Аньси и Бэйтин Дада (北庭达怛)» [61]. Из обеих редакций одного письма становится не совсем понятно о каких татарах идет речь, но Майкл Дромпп, например, считает, что в данном случае речь идет о татарах Ганьсу [80, р. 129]. Возможно, в письме упоминаются Иньшанские татары (культурные) (см. далее). Таким образом, письма Ли Дэюя от 842 г. считаются первым упоминанием о татарах в китайских источниках, которые записаны как 達怛 (традиц.) / 达怛 (упрощ.).

«Цзю Тан шу» (ЦТШ), «Синь Тан шу» (СТШ), «Цзю У дай ши» (ЦУДШ), «Синь У дай ши» (СУДШ). Однако в более поздний период (после 880 г.) в китайских источниках татар обозначают уже другими иероглифами – 达怛/達怛 (упрощ./традиц.).

О событиях 880 г. в ЦТШ сообщается: «Все люди Ли Кэюна были разбиты, и он вместе с Гочаном и своими братьями отправился на север к татарскому племени» [63].

ЦТШ: «В марте 881 г. Чэнь Цзинсы привез татарам императорский указ и призвал армию Ли Кэюна разместиться в Вэйчжоу [63].

СТШ: «Ли Кэюн набрал 10 000 татар» [37].

ЦУДШ: «В 928 г. татары отправили послов платить дань» [67].

СУДШ: «Племя Шато было разгромлено, а Ли Кэюн и его сын бежали к татарам» [39].

СУДШ: «Хуан Чао уже захватил столицу. В первый год Чжунхэ (881 г.) Чэнь Цзинси, генерал армии Дайбэй, повел сдавшихся ранее Шато и 10 000 человек, включая тухуней и аньцин, в столицу. Когда они прибыли в Цзянчжоу, армия Шато пребывала в хаосе, поэтому они много грабили. Генерал считал, что Шато может возглавлять только Ли Кэюн, поэтому он отправил к татарам императорский указ и назначил его губернатором Дайчжоу и губернатором лагеря к северу от Яньмэня. Он вывел 10 000 ханьцев и неханьцев из перевала Шилин, прошел через Тайюань и запросил военные средства. Военный губернатор Чжэн Цундан дал ему тысячу связок денег и тысячу даней риса, что разозлило Ли Кэюна. Он позволил своим солдатам грабить и вернуться» [39].

СУДШ: «В 958 г. уйгуры и татары прислали послов из Хуайнаня» [40].

СУДШ: «Тай-цзу сражался с Хэлянь Дуо и Ли Кэцзюй в Вэйцзяне, а затем бежал к татарам и победил Хуан Чао» [41].

СУДШ: «Татары (达怛) были потомками племени мохэ (靺鞨). Первоначально они жили на северо-востоке племен си (奚) и киданей (契丹). Позже они подверглись нападению со стороны племен киданей, и их племена разделились. Некоторые из них принадлежали к киданям, некоторые к бохайам, а некоторые жили на горе Иньшань, называя себя татарами. В конце правления династии Тан это название стало известно в Китае. ... Позже Ли Гочан и Кэюн, отец и сын, были побеждены Хэлянем Дуо и другими и бежали к татарам. Позже они последовали за Кэюном, чтобы победить Хуан Чао, и с тех пор проживали между Юнь и Дай. Их люди умеют хорошо ездить верхом и стрелять, а также разводят много верблюдов и лошадей. Имена их правителей и племен не сохранились, но можно предположить, что они имели какие-то контакты с китайцами. В 923–926 гг. генерал-губернатор Вэнь Бу отправил из

Хэси несколько подношений в виде верблюдов и лошадей. Минцзун напал на Ван Ду в Динчжоу и соблазнил киданей вторгнуться. Минцзун приказал татарам войти на территорию киданей, чтобы показать силу армии. ... Он отправил ревизора из Сучжоу [по имени] Сюэ Цзинчжун, чтобы [он] передал захваченные двести пятьдесят киданьских щитов и сто луков со стрелами диким приграничным дада (生界达鞑) из Юньчжоу (совр. округ Датун провинции Шанси), ибо Тан постоянно осуществляет господство над ними (постоянно дает им поручения)» [42].

В последнем эпизоде в китайских источниках впервые имеются указания на так называемых диких татар (生达鞑), о которых более подробно сообщается в поздних произведениях, например, «Мэн да бэй лу», а также «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзянь-янь (1127)» Ли Синьчуаня. При этом ханьцы классификацию на диких и культурных кочевников применяли не только к татарам, но и другим соседнимномадам. В СУДШ об этом содержится следующая запись: «Во второй год правления Цянью (949) династии Хань, другой тухунь (吐浑) [42] Хэцзя Ла пришел отдать дань. Неизвестно, были ли это дикие или культурные тухуни. Они оба были незначительны и не стоили записи» [42].

«Ляо ши» (ЛШ). Одновременно с существованием пяти династий (Эпоха пяти династий на севере и десяти царств на юге, 907–960 гг.), три из которых были основаны представителями тюрков-шато (突厥沙陀), к северу от них в 907 г. сформировалось государство киданей – Ляо (907–1125). Кочевые киданьцы представляли собой естественную преграду для китайских династий, отделяющую их от северо-восточных народов, они являлись более осведомленными о жизни соседних кочевников, а также находились в непосредственной близости и регулярно взаимодействовали со всеми племенами на северо-востоке, поэтому записей о татарах 达鞑 в этот период становится больше, чаще фигурирует не племя татар(达旦 / 达打), а государство татар(达旦国), становится разнообразным их иероглифическое обозначение (возможно, разные племена), появляются сведения о белых татарах (онгутах)¹ (白达达 / 白达旦), а также, по мнению ряда исследователей, используется новое название татар – цзубу (阻卜) [86, с. 7–11].

ЛШ: «В 907 г. пришло государство Татар, чтобы заплатить дань ... Поздняя Лян отправила посланников, чтобы заплатить дань. Цзинь, Уюэ, Бохай, Корё, Уйгур, Цзубу, Сян, Ю, Чжэнь, Дин, Вэй и Лу каждое отправило посланников, чтобы заплатить дань» [17]. Отметим, что в данном абзаце татары и цзубу упоминаются как разные племена.

ЛШ: «Путешествуя на север в течение трех дней, мы прошли Хэйшуй² и увидели Бай Дада (белых татар) и...» [20].

ЛШ: «В 1005 г. девять племен государства Дадань отправили послов с предложением о браке» [19].

ЛШ: «Даши повел свой народ на запад и провозгласил себя императором. Ниже перечислены племена, в которых он побывал: Дахуаншивэй, Байда-

¹ В произведении МДБЛ указывается, что белые татары произошли от «особого рода шато» [32, с. 45].

² Племя мохэ.

дань, Диле, Ванцзила, Чачила, Еси, Бигудэ, Нила, Далагуй, Дамили, Миэрцзи, Хэчжу, Угули, Цзубу, Пусуван, Тангу, Хумуси, Сиде, Цзиэрби, Найман, Вэй-уэр, Уйгуры, Даши и другие ...» [21]. В примечании 13 к данному тексту указано: «Племя Байдадань(白达旦), племя Диле(敌烈), племя Бигудэ (鼻骨德), племя Цзюэрби (纪而毕), согласно записям, это Байдада (白达达), Дила(敌刺), Бигудэ (鼻古德) и Цзюэрби (纠而毕)» [21].

«Цидань го чжи». Следующим источником по истории империи Ляо, созданным в 1180 г., является «Цидань го чжи» автора Е Лун-ли [9, 10]. Интерес в работе представляет иероглифическое обозначение государства «Татар», которое используется в этом произведении впервые и всего один раз в китайских источниках: «Далее на севере с переходом на запад земли киданей доходят до владения Бегули, на северо-западе... затем на севере, еще западнее, – до владения Дада (达打国). Во всех перечисленных владениях нет правителей. Каждое крупное племя состоит из двухсот-трехсот семей, а мелкое – из пятидесяти-семидесяти. ... Племена часто воюют с киданями. В разное время кидане неоднократно терпели от них поражения. Начиная с создания государства киданей, только указанные три владения причиняли им вред, и с ними ничего не могли поделаться посылаемые против них войска, которые лишь изнурялись. Кидане постоянно подвергались нападению, а в периоды временного спокойствия эти владения торговали с ними шкурами и шерстью крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей, но это продолжалось не более полугода, после чего снова начинались грабежи» [9, 10].

Автор неоднократно писал о постоянной внешней угрозе империи Ляо со стороны татар и монголов и впервые идентифицировал их как разные, но, возможно, близкие или соседние племена. Иероглифическое написание народа татар в этом сюжете отличается от предыдущего и характерно для более позднего периода (XIV–XVIII вв.): «Шамофу (область пустыни – В.Т.) – контроль над землями к северу от пустыни. Здесь были созданы: западное управление главного воеводы – усмирителя; охрана из племени аовэй; управление военного инспектора на реке Люйцзюй; управление генерал-губернатора Даоталина; различные военные отряды для усмирения племен дада (鞑鞑), мэнгу (蒙骨), диле (迪烈)» [9, с. 301]. По мнению китайских исследователей, иероглифическое написание «татар» (鞑鞑) долгое время использовалось для обозначения северных кочевых народов, а также как общий термин для монгольских племен с периода династии Мин [87, с. 8–12]. Для обозначения монголов практически всегда использовался иероглиф 蒙, начиная с самого первого упоминания о племени мэнью в составе шивэй (蒙兀室韦) в летописной хронике ЦТШ [65] и позже в СТШ – мэнва 蒙瓦 [38].

«Сун ши» и труды Ли Синьчуаня. Следующими источниками по истории татар являются произведения эпохи Сун (960–1279). Они немногочисленны в силу удаленности ханьцев в этот период от северных кочевников из-за политических объединений Ляо и Цзинь, но они также представляют интерес с точки зрения иероглифической записи и идентификации китайцами племени татар.

В летописи «Сун ши» впервые появляются татары с новым иероглифическим обозначением – 塔塔. Этим иероглифом традиционно обозначаются

именно те татары, с которыми соперничал Чингисхан за власть в монгольской степи в конце XII в.:

«Сун ши»: «Когда одежда и наряды были готовы, была введена письменность, ритуалы и музыка были установлены, а утварь была готова, Дубо (吐蕃), Дада (塔塔), Чжанье (张掖) и Цзяохэ (交河) подчинились. ... Страна имела название Дася, а правление называлось Тяньшоулифаяньцзо (1038–1048)» [54].

В другом произведении «Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127)» («Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу») автора Ли Синьчуаня из Южной Сун о событиях 1127–1162 гг. используется два новых обозначения татар – дадань (塔坦) [15] и дада (達鞑) [15, 16], известные только в этом источнике, но в примечаниях к работе есть указания, что под этими обозначениями подразумеваются общеизвестные татары (дада 鞑鞑):

«Цзинь Чжудань назначил своего дядю Хуламэй посланником для завоевания рынков государства Ся и Татар. Татар находится на северо-западе Цзинь. Тех, кто живет недалеко от Хань, называют культурными татарами, и они едят рис. Тех, кто живет далеко, называют дикими татарами. Татары живут только охотой, они храбрые по природе. Однако земля не производит железа. Поэтому наконечники стрел делаются только из костей. Люди Цзинь создали рынки и торговали с ними, но запрет на железо был очень строгим. Только когда люди Цзинь ослабили запрет ... железные монеты из Хэдуна и Шэньси по большей части из Юньчжуна продавались татарам (塔坦), они заполучили его. В результате они начали производить оружие ...» [15].

Однако в другом источнике этого же автора «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127)» («Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи») мы находим традиционное иероглифическое написание татар – дада (鞑鞑), а также ценные сведения не только о татарах, но и монголах:

«Предки татар были родственны чжурчжэням (女真) и все они были потомками мохэ (靺鞨). Во времена династий Юань Вэй, Ци и Чжоу страна называлась Уцзи [5] (находилось к северу от Когуре), а во времена династии Суй – Мохэ. Территория находится в 6000 ли к северо-востоку от Чанъаня, граничит с морем на востоке. Они разделены на несколько десятков племен с такими названиями, как Хэйшуй (черная река) и Байшань (белая гора). Байшань изначально были вассалом Корё. После того, как династия Тан разрушила Корё, его остатки были включены в Бохай. Только Хэйшуй сохранил свою территорию. Когда Бохай процветал, все народы Мохэ подчинялись ему. Позже они подверглись нападению со стороны Си и Киданей и племена были рассеяны. Те, кто живет на берегах реки Хунхэ, называются чжурчжэни (река Хунхэ – это река Ялуцзян), и они являются потомками народа хэйшуй (черная река). Те, кто жил на Иньшане, были в контакте с Китаем с конца династии Тан и Пяти династий. Они платили дань Китаю во время правления Тай-цзу и Тай-цзуна (империи Сун), все это происходило через Линьфу (совр. Иньчуань). Но после того, как Цицзянь восстал (984 г.), они прекратили общение с Китаем.

«Татары все храбрые и хорошие бойцы. Те, кто близко к Китаю, называются культурными татарами (熟鞑鞑), которые могут выращивать просо и

готовить их в глиняных горшках с плоским дном для еды; те, кто далеко, называются дикими татарами (生鞑靼), которые зарабатывают на жизнь только охотой и не имеют инструментов. Доспехи: стрелы сделаны из костяных наконечников, вероятно, потому что земля не производит железо. ... Когда Цзинь были на пике своего могущества, татары платили им дань каждый год. Цзинь установила на северо-востоке военачальника, ответственного за подавление мятежников, чтобы управлять ими. После восстановления императора Юнцзи в качестве князя Вэй, Темучжин начал восстание и провозгласил себя императором Чингисханом, захватив Шаньдун и сев. и южн. берега Хуанхэ ... Татарский князь Чингисхан (韃靼王子成吉) ...» [16].

Очевидно, в тексте идет речь о племени татар, к которому принадлежал Чингисхан (см. далее «черные татары»). О предках татар из племени мохэ летопись «Суй шу» сообщает: «Племя Мохэ находится на севере Корё. В каждой деревне есть свой вождь, но они не объединены. Существует семь племен: Первое называется племя Сумо, которое граничит с Корё. У него несколько тысяч солдат, и многие из них храбры и сильны. Они часто совершают набеги на Корё. Второе называется племя Боду, которое находится на севере Сумо. У него семь тысяч солдат. Третье называется племя Анчегу, которое находится на северо-востоке Боду. Четвертое называется племя Фуние, которое находится на востоке Боду. Пятое называется племя Хаоши, которое находится на востоке Фуние. Шестое называется племя Хэйшуй, которое находится на северо-западе Анчегу. Седьмое называется племя Байшань, которое находится на юго-востоке Сумо» [53]. Из двух текстов можно определить примерное местоположение и территорию проживания татар: они находились к северо-западу от империи Цзинь, а также были соседями двух племен мохэ – хэйшуй или байшань, от которых, они, вероятно, и получили свои названия – черные и белые татары. Также интерес вызывает иероглифическое обозначение мохэ и татар – 鞑靼 и 韃靼, в обоих терминах используется графема 革 (сырая кожа), что может свидетельствовать о некотором сходстве этих племен.

Далее в тексте следует сообщение о монголах, их государстве и первое упоминание термина монголо-татары (мэнда蒙鞑), но после этого автор вновь продолжает свой рассказ о татарах, поэтому в этой части источника не совсем понятно о каком народе идет речь: о монголах или о татарах ... или же под татарами подразумеваются уже монголы, монголо-татары или мангуны [11, с. 379–395]. Об определенной путанице в терминах говорит и сам автор источника Ли Синьчуань: «Есть еще Монгольское государство (蒙國), расположенное на северо-востоке от чжурчженей. Династия Тан называла его племенем Мэнью (蒙兀), цзиньцы называли его Мэнью (蒙兀), а еще его называли Мэнгу (萌骨). Они не едят пищу, приготовленную на огне, видят ночью и используют кожу акулы в качестве доспехов для защиты от шальных стрел. После восстания Шаосина (1141 г.) главнокомандующий Цзунби годами использовал войска, но он не смог подавить восстание. Он только разделил свои войска для охраны ключевых пунктов и подкупил их щедро. ... После того, как монголы (蒙人) вторглись в империю Цзинь, они захватили женщин киданей и ханьцев и взяли их в наложницы. С тех пор их дети не все были похожи на монголов, и постепенно они начали есть приготовленную на огне

пищу. В результате татары (дада韃靼) называли себя Великим Монгольским государством (大蒙古國), а пограничники называли их монголо-татарами (мэнда 蒙鞑). Однако эти две страны расположены на востоке и западе, в тысячах ли друг от друга, и я не знаю, почему их объединили в одно название. Когда династия Цзинь достигла своего расцвета, она учредила на северо-востоке военачальника, ответственного за подавление мятежников, для защиты от монголов и Корё, а также на юго-западе для контроля над татарами и Западной Ся (тангуты). ... Территория татар граничит с префектурой Линьхуан (совр. префектура Чифэн) на востоке, Си Ся на западе, Цзинчжоу (совр. округ Мичжи, провинция Шэньси) на юге и государством Дажэнь (大人國) на севере. Там нет городов или домов, а только войлочные шатры. Они живут в юртах, где есть вода и трава. Они не занимаются земледелием и не ткут. Они делают шубы из кожи и едят крупный рогатый скот и овец. Люди хитрые, терпеливые и кровожадные. У них нет календаря. Они считают время, когда трава зеленеет, как один год. У них также нет письменности ... Так называемые дикие татары (生韃靼) делятся на белых (白) и черных (黑). Нынешний Темучжин (忒沒真) – черный татарин (黑韃靼). Все они – подданные империи Цзинь. Каждый год их правители отправляются на границу Цзинь, чтобы лично заплатить дань, а люди Цзинь также давали в ответ подарки и не позволяли им входить на свою территорию. ... В 1190 г. младший брат правителя белых татар (白韃靼) Шэшу убил своего старшего брата и сам утвердил себя в качестве правителя. Сыну Шэшу, Бай Босы, было всего два года, когда люди Цзинь забрали его в свою страну. Его вырастили в семье тысячника из племени хэйшуй (мохэ – ГР.). В 1206 г. Шэшу пришел в Хуанчжоу, чтобы заплатить дань. Люди Цзинь воспользовались его состоянием, и пока он был пьян, убили его, а его сына Бай Босы провозгласили правителем и отправили обратно в его страну. Сначала Бай Босы был в доме тысячника из племени хэйшуй, увидел его дочь, был очарован ей и хотел жениться на ней, но она отказалась. Бай Босы разгневался и перешел на сторону Черных Татар (黑韃靼). Он стал сильнее и постепенно присоединил земли всех племен, поэтому собрал большую армию, чтобы напасть на Хэси. Не прошло и нескольких лет как все префектуры и округа в Хэси были захвачены. Он также похитил фиктивную принцессу королевства Ся и увез ее. Мятежные чиновники Ся стали ему служить». ... Весной третьего года Даань (1211 г.) Темучжин пришел платить дань ... империи Цзинь. ... В том же году татары (韃靼) восстали ...» [16].

Начало XIII в. в истории Центральной и Восточной Азии ознаменовано созданием единого монгольского государства и его экспансией в Евразии. Этноним «татар» стал неотъемлемой частью истории объединения монгольских племен, так как, во-первых, именно татары (塔塔兒) упоминаются в качестве конкурента племени «черных татар», к которому принадлежал Темучжин, они стали своего рода причиной дальнейшего возвышения монгольского (татарского) лидера, а во-вторых, этноним «татар» в восточной и западной традиции XIII в. сливается с этнонимом «монголы», породив известный гибрид «монголы–татары». Среди основных китаеязычных документов, отразивших названные процессы, следует выделить «Мэн да бэй лу» (1221), «Хэй да ши люэ» (1233), «Юань чао би ши» (Сокровенное сказание) (XIII в.) – не-

посредственно монгольский источник, дошедший до нас в китайской транскрипции; «Юань ши» и «Синь Юань ши» – документы эпохи Мин (XIV в.); «Мин ши» – наиболее поздний из привлеченных источников, составленный на рубеже XVII – XVIII вв. в эпоху империи Цин.

«Мэн да бэй лу» (МДБЛ). Одним из самых ранних источников, созданных после основания Монгольской империи и имеющих высокую информативную ценность о татарах, является МДБЛ («Полное описание монголо-татар», созд. 1220–1221 гг.) южносунского автора Чжао Хуна. О создателях Монгольской империи, – татарах (韃靼), в произведении сообщается: «Земли, на которых впервые возвысились татары, расположены к северо-западу от [земель] киданей. Племена [татар] происходят от особого рода шато (沙陀). Поэтому [о них ничего] не было известно в течение ряда поколений. Их имеются три рода: черные, белые и дикие. Так называемые белые татары несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей. Когда умирают [у них] отец или мать, то [они] ножом изрезают себе лицо и плачут. Каждый раз, когда [я, Хун], проезжая рядом с ними, встречал таких, которые были недурной наружности и с рубцами от ножевых порезов на лице, и спрашивал, не белые ли [они] татары, [они всегда] отвечали утвердительно. Во всех случаях, когда [раньше они] захватывали в плен сыновей и дочерей Китая, [пленные китайцы] с успехом просвещали и делали [их] мягче. [Поэтому] белые татары в общении с людьми душевны. Ныне [они] являются потомками тех племен. Что касается их государства, то временно государственным делами ведает [дочь] татарского владетеля Чингиса принцесса Бици. Помощник посла некий Субхан, недавно прибывший с миссией доброй воли к нам, Сунам, является белым татаринком. Каждый раз, когда [мы] ехали рядом, Субхан почтительно обменивался со мною приветствиями и выражал сочувствие за труды, причем говорил: “[Вы] много потрудились! [С моей стороны] не было ни забот, ни приема. Не взыщите, пожалуйста!”. Так называемые дикие татары весьма бедны, да еще примитивны и не обладают никакими способностями. [Они] только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми [другими]. Нынешний император Чингис, а также все (его) полководцы, министры и сановники являются черными татарами. Татары в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-трех цуней. [Среди них] нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая. Что касается татарского владетеля Тэмоджина, то он высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. [Это] то, чем [он] отличается от других» [31; 32, с. 48].

В МДБЛ впервые присутствует указание на родство татар и тюрков-шато. Шато являлись тюркоязычным племенем западных тюрков, были потомками чуюэ, а первоначальное место их обитания находилось между Тарбагатаем и Тяньшанем. Согласно ЦУДШ, «шато – это название большой пустыни, а племена, обитавшие южнее гор Цзиньшань и восточнее озера Пулэйхай, назывались по этой пустыне «тюрки-шато» [29]. По мнению А.Г. Нестерова, «шато» или «люди песчаных склонов/берегов» (от кит. 沙 shā – «песок») – это искусственный этноним, данный этому тюркскому племени китайцами. Тем не менее, род правителей шато в течение некоторого времени

носил фамилию Чжусе, совпадающую с исконным названием их племени [33, с. 41–44].

В 30-е гг. VII в. Ашина Мишэ, предводитель племени чуюэ, откочевал с ними на территорию империи Тан, тогда же чуюэ получили свое новое название по месту их обитания – шато. Когда в 657 г. империя Тан подчинила Западно-тюркский каганат, тюрки шато присягнули империи и для них был создан округ Шато. В дальнейшем шато принимали активное участие в военных кампаниях империи Тан. Во время восстания Ань Лушаня (754 г.) шато поддерживали танского императора Су-цзуна. Между 785 и 805 годом, 7000 семейств шатосцев перешли на сторону тибетцев и участвовали во взятии Бэйтина в 790 г. Тибетцы переселили шато в Ганьчжоу (Ганьсу). После поражения тибетцев от уйгуров в 806 г. шато снова двинулись обратно в империю Тан и дошли до Линчжоу, где для них была создана префектура Иньшань. Шато охраняли северные границы империи Тан, из 1200 их воинов был создан отряд Шато, а также Иньшаньский отряд северных шато (陰山北沙陀) под руководством Чжи. В 830 г. 3000 воинов шато защищали границу от Уйгурского каганата. Войско шатосцев было названо «штаб северного похода» (代北行營) [37].

«В 827–835 гг. Лю Гунчо из Хэдуна сообщил, что «горные северные Шато всегда внушали страх Девяти родам (культурные татары? – ГР.) и Шести префектурам. Он потребовал, чтобы Ичжи было поручено управлять Юньчжоу и Шочжоу. Он также потребовал, чтобы из 11 префектур ... были набраны 3000 человек ... и назначены для защиты северной границы, создать лагерь Дайбэй, а также назначить Ичжи начальником Иньшаньфу, командующим лагеря Дайбэй ...» [37].

В 874 г. в империи Тан началось восстание Хуан Чао и танский правитель обратился за помощью к тюркам-шато, которые, в свою очередь, обратились за помощью к татарам («культурные» татары?), запросив у них 10 000 человек для своего войска. Совместными усилиями шато и татар восстание Хуан Чао к 884 г. было подавлено. После успеха руководитель шато Ли Кэюн в 894 г. получил новый титул Цзинь-вана, а его владения в Шаньси стали считаться княжеством Цзинь. После падения империи Тан в 907 г. Ли Кэюн так и не признал новую династию Поздняя Лян, и основал новую династию – Поздняя Тан (923 г.). Впоследствии тюрки-шато основали еще 2 династии в северном Китае в период «Пяти династий и десяти царств».

Таким образом, шато и татары примерно в одно время находились в районе Иньшаня и взаимодействовали друг с другом. Основная проблема в том, что шато пришли на Иньшань с запада, а татары с востока, поэтому маловероятно, что их могли связывать родственные связи в прошлом. Татары, безусловно, с ранних времен контактировали с разными тюркоязычными народами и в процессе этого взаимодействия, возможно, многое переняли от них.

«Хэй да ши люэ» (ХДШЛ). Следующим источником о татарах является «Краткая история о черных татарах» [59, 60] авторов Пэн Дая и Сюй Тина из династии Южная Сун, побывавших у татар во время посольства Южной Сун в 1233 г. В своей работе авторы уделили особое внимание бытовой стороне жизни татар: домашнее хозяйство, внешний вид, их прически и одежда, развитие ремесла, коневодство, военная стратегия и тактика, принцип набора

войска, командиры и ханские советники, другие завоеванные народы, торговые связи и т. д. [60, с. 18].

ХДШЛ: «Среди народов, которые черные татары разгромили, также перечислены и другие племена татар: на юго-востоке – белые татары(白鞑), прямо на севере – дата (达塔) [60, с. 96]³ (племя урсутов [60, с. 96]⁴ (兀鲁速). Те (народы), с которыми войны уже происходили, но еще не закончены, это: ... усу иркан (斛速益律) (речные татары水鞑鞑); прямо на севере – каракитай (черные кидани黑契丹); их также называют киданями (契丹) или великими киданями (大丹). ... Татары частично разрушили эти (перечисленные здесь) страны, частично поработили их население. Что касается ... речных татар (水鞑鞑) ..., на них можно не обращать внимания» [59; 60, с. 52].

Относительно племени дата (达塔) (племя урсутов 兀鲁速), отметим, что подобное иероглифическое обозначение татар в китайских письменных источниках используется впервые и однократно, в то время как племя татар, которое являлось основным соперником черных татар в конце XII в., традиционно записывается как 塔塔.

«Юань чао би ши» (ЮЧЫШ). Следующий источник «Сокровенное сказание монголов» занимает особое место среди материалов по истории татар и монголов, и является наиболее изученным из всех документов. Известны три редакции перевода на русский язык – П.И. Кафарова, Б.И. Панкратова и С.А. Козина. Труд имеет особую ценность для монголоведения, так как является единственным дошедшим до нас литературным памятником XIII в. на монгольском языке, но оригинальный текст до наших дней не дошел, доступен лишь транскрибированный китайскими иероглифами текст под названием «Юань чао би ши» (元朝秘史) [45, 50, 68]. Мы не знаем точную дату написания труда (1240 г. или позже), ни его автора (авторов), но интерес для нас представляет то, что произведение было создано непосредственно монголами (татарами) в XIII в., так как до сих пор мы рассматривали только лишь китайские источники.

В настоящем исследовании используется перевод П.И. Кафарова [49, 50]⁵, а также работа С.А. Козина [45–48, 51]⁶, несмотря на резкую критику его труда другими востоковедами [34]. Также привлекается современное переиздание «Юань чао би ши» на китайском языке [68] для идентификации иероглифического обозначения различных племен татар из китайской версии источника, и работа Сиратори Куракити, вышедшая в 1943 г., в которой автор отразил сразу три версии текста – китайский, монгольский и транскрипцию текста китайскими иероглифами оригинального источника [85].

³ Возможно, племя татар, с которым соперничал Чингисхан за власть в степи.

⁴ Народ, обитавший в верховьях Енисея, к западу от Байкала.

⁵ П.И. Кафаров пользовался списком «Юань-чао би ши» из «Юн-лэ да дян» («Энциклопедия годов правления под девизом Юнлэ», созд. 1403–1408 гг.), который содержал только сокращенный китайский текст, без записанного иероглифической транскрипцией монгольского текста, далее в тексте мы его называем – китайский.

⁶ С.А. Козин использовал транскрибированный китайскими иероглифами оригинальный текст, далее в тексте мы его называем – оригинальный.

В первой главе в переводе С.А. Козина (ориг.) мы читаем: «Всеми монголами (манхоли – 忙中豁) [85]⁷ ведал Хабул-хаган ...» [46], а в китайской версии источника в переводе П.И. Кафарова: «Народами дада (達達) правил царь Хабул» [50].

Ниже приводится выдержка из работы С. Куракити, отражающая данный перевод предложения на монгольском (снизу), китайском (вверху) и транскрибированный монгольский текст китайскими иероглифами (в середине, он же оригинальный текст источника) [85]:

01:32:05 普 達達行(人名)皇帝管 有來(人名)皇帝 的後 皇帝 的
中合木黑 忙中豁里 中合不勒 中合中罕 蔑 顯 阿巴 中合不勒 中合中罕 訥 中豁亦納 中合不勒 中合中罕-訥
Qamu y Mon y ol-i Qabul Qa yan meden aba. Qabul Qa yan-(n)u qoina Qabul Qa yan-(n)u

Далее у С. А. Козина (ориг.) читаем: «Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии) из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии) Чжунинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. ... Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды (忙中豁) (в кит. версии татары – 達達), собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаганом Хутулу. И пошло у Монголов (忙中豁) (в кит. версии татары – 達達) веселие с пирами и плясками ... Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих Татар (塔塔兒) (кит. и ориг. версии). ... Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии) Темучжин-Уте, Хори-Буха и других. ... По дороге, в Цекцерской степи – Шира-кеере, пировали Татары (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии)» [46, 50, 68].

В 4 главе Чингисхан планирует месть татарам за смерть своего отца и говорит своим соплеменникам (перевод С.А. Козина): «Татары (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии) – наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов, поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульچه, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии). Давай присоединимся к нему, и мы против Татар (塔塔兒) (в кит. и ориг. версии), этих убийц наших дедов и отцов ...» [47, 69].

Глава 5 (перевод С. А. Козина): «Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингисхан продолжил воевать с 4 родами Татар (四種塔塔兒) (кит. и ориг. версии): Чааан-Татар (察阿安塔塔兒), Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. ...» [47, 70].

Далее в 8–9 главах имеются существенные разночтения при переводе МДБЛ, поэтому приведем их отдельно в трех вариантах: переводе С.А. Козина, П.И. Кафарова и современного издания китайской версии источника.

⁷ Запись иероглифами оригинального текста в работе Сиратори Куракити.

Глава 8 в переводе С.А. Козина (ориг.): «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлесславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов! ... На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: "Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?" И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому (белый татарин – ГР.) Алахуш-дигитхури [32, с. 45]⁸ посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: "Оказывается, что там на севере есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!"» [48].

Глава 8 в переводе П.И. Кафарова (кит.): «Впоследствии Таян сказал: «В этой восточной стороне есть несколько Дада (達達); они напугали и выгнали старого Ван ханя колчанами и стрелами, и довели его до смерти. Уж не возмечтал ли он сделаться царем? На небе одно только солнце: как же на земле быть двум господам? Пойду и захвачу этих Дада (達達)». Мать его Гурбесу сказала: «От этих Дада (達達) воняет; платье у них черное, к чему их ловить и приводить сюда? Пусть будут подальше от нас. Если же есть у них красивые жены и дочери, так пусть они наперед омоются, а потом доят коров и овец; на это они годны». Таян сказал: «Это не трудно. Мы пойдем и отнимем у них луки и стрелы. ... Кэксеусабрах, услышав слова Таяна, вздохнул и молвил: «Не говори надменных речей; подобных слов вдругорядь не произноси». Таян не послушал его и, вслед за тем, отправил Торбиташи послом к Алахуши-дигитхури, рода Вангут (белые татары – ГР.), с такими словами: «На восточной стороне есть сколько-то Дада (達達); ты будь правою рукою, а я двинусь отселе; отнимем у них луки и стрелы» [49].

Глава 9 в переводе С.А. Козина (ориг.): «Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом – Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли Гованом. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингисхан соизволил сказать: "Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства» [48].

Глава 9 в переводе П.И. Кафарова (кит.): «Когда Чингис собрал под свою власть народы разных улусов, то в год тигра, на вершине реки Онань, он водрузил знамя с девятью белыми хвостами, и воссел царем. Доблестного витязя Мухали, он пожаловал князем; Чжэбе он повелел преследовать Гучулука; управил народами Дада (達達); кроме царских зятьев, пожаловал тысячниками девяносто пять человек, трудившихся вместе с ним в созидании царства» [49].

Приведем для сравнения перевод из современного переиздания китайской версии источника: «Чингис (成吉思) захватил множество племен просто-

⁸ Предположительно, являлся потомком яньмэнских тюрок-шато.

го народа (众部落百姓, чжун було байсин). В год Хуэр (1206 г.) он установил девятиножный белый флаг командующего (九脚白旄纛, цзю цзяо бай мао дао) у истока реки Онон и провозгласил себя императором (皇帝, хуанди). Заслуженного чиновника Мухэли назначил князем (国王, гован), а Чжэбэ приказал преследовать Гучлука. За обустройство простого татарского народа (达达百姓, дада байсин), помимо зятьев императора, вознаградил 95 людей, отличившихся при основании государства, возведя их в разряд тысячников (千户)» [72].

Таким образом, в оригинальной версии источника (монгольский текст, записанный китайскими иероглифами) повествование идет от имени монголов, а в китайской версии – от татар, что может свидетельствовать о том, что китайцы воспринимали монголов как татар, но сами татары в тексте называли себя исключительно монголами [60, с. 10–16]. Возможно, речь идет только лишь о черных татарах, к которым принадлежал Чингисхан, так как другие 4 рода татар имеют другое иероглифическое обозначение (塔塔兒) в китайской и монгольской версии источника. При этом, еще Е Лун-Ли и Ли Синьчуань в своих работах четко разделяли татар и монголов. Ли Синьчуань в «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» писал, что «татар по неизвестным ему причинам со временем стали называть монголо-татары, а свое государство они называли Великая Монгольская империя». Известно, что «Юань чао би ши» создан в 1240 г. или позже, когда татары под именем монголов и монголо-татар завоевали и контролировали уже огромные территории Евразийского континента, а поскольку источник написан от лица кочевников, поэтому они называют себя «монголами», что вполне логично. Но каково было самоназвание кочевников до появления Великой Монгольской империи – татары или монголы или др.? Этот вопрос остается открытым, так как других источников, оставленных кочевниками после себя, до нас не дошло.

Также в «Сокровенном сказании» в китайской версии источника вполне отчетливо выделяются народ дада (達達) (и входящие в него тайджиуты), а в китайской и оригинальной версиях перечисляются татарские племена айриуд-буйруут (ойрат-бурятов), чаан, алчи, дутаут, алухай, которые имеют другое иероглифическое обозначение – 塔塔兒. Кроме того, в китайской версии «Сказания» меркиты тоже относятся к татарам (篋兒乞惕達達) [50, 69]. Возможно, термин татары стал общим названием всех племен и народов в империи Чингисхана, после того как другие племена, в том числе, меркиты, вошли в его состав, что является обычной практикой в истории огромных политических объединений, включающих в себя сотни различных этносов в процессе своей экспансии, но позже (в XIII в. и далее) их уже называли монголо-татарами и монголами как жителей Великой Монгольской империи.

«Юань ши» (ЮШ), «Новая история Юань». Следующая династийная история «Юань ши» была составлена под руководством Сун Ляня (1310–1381 гг.), конфуцианского учёного и литератора, сподвижника первого императора династии Мин, Тай-цзу (1368–1398 гг.).

В начале хроники сообщается о происхождении, предках Темуджина и соперничестве татарских племен в степи до объединения всех племен под руководством Чингисхана. Племя татар, отравившее Есугея, отца Темуджина, в источнике обозначается – 塔塔兒 [73], этой же записью обозначаются так

называемые хэсийские татары (河西塔塔) [75]. Позже, когда эти татары стали частью огромной империи Юань, в источнике под 1294 г. имеется указание о регулярно оказываемой помощи племени татар (塔塔兒) в условиях нехватки продовольствия и голода на территории их проживания [78].

В период императора Цзинь-цзуна (1321–1328 гг.) сообщается, что при восхождении на престол ему предстоит управлять «четырьмя большими улусами Тай-цзу (Чингисхана – ГР.), военными силами и государством Татар» (达达国) [76].

«Теперь, когда мой племянник император скончался, здесь собрались князья, министры, солдаты и чиновники южной части страны. Чиновники и простой народ татар (达达百姓) обсуждали: трон не должен долго оставаться пустым, но я прямой потомок императора Сюэчэня и старший внук императора Юй-цзуна ...» [76].

Также в тексте источника неоднократно упоминаются белые татары (白达达) [73] и речные татары (水达达) [74] как подданные империи Юань, есть интересная биография о Мэнгутай (忙兀台) [41] из рода монголо-татар (蒙古达达兒氏), принимавшем активное участие в покорении Южной Сун.

В «Юань ши» лишь один раз используется иероглифическая запись 鞑鞑, характерная для более позднего минского периода: «Переселил жителей Хуанъянпо [в числе] 250 дворов в район/аймак Татар» [77]. Н.Ц. Мункуев, например, считал, что этим иероглифом обозначают «не всех монголов, а одно из монгольских племен татар» [60, с. 12].

Учитывая множество ошибок в тексте, во время династии Цин и последующих десятилетий предпринимались попытки переписать историю Юань. Цянь Дасинь завершил несколько трактатов и таблиц, а Кэ Шаоминь, историк эпохи поздней Цин, за тридцать лет переработал текст из 257 глав, завершив его в 1920 г. «Новая история Юань» получила официальный исторический статус в 1921 г. и была включена в число официальных «Двадцати пяти историй».

«Новая история Юань» содержит: «До монголов были тюрки. Первоначально они назывались Мэнголун, а затем Мэнгуэр, а затем Мэнгу. Народ Цзинь называл их татарами(鞑鞑), также их называли татарами (達達兒). Монгольская одежда темно-серого цвета, поэтому их называют черными дада (黑達達). Те, кто изначально не были монголами, но стали монголами, – это Байдада (白達達) и Едада (野達達) (дикие)» [43]. Татарское племя, отравившее Есугея в этом источнике тоже обозначается как 塔塔兒.

Далее в тексте перечисляются монгольские кланы: «Хатэцзинь, Саэрджутэ, Тайиучи, Айэрдиган, Сицзутэ, Цина, Нуйатэ, Улютэ, Улютэ Мангутэ, Балинь, клан Суханутэ, клан Бэйлуласы, клан Хэйтээрцзинь, клан Джаджилатэ, клан Будатэ, клан Доухэйлатэ, Бэйисутэ, Сугатэ, Уэрнэутэ и Хэнлисиятэ. Остальные – клан Доуэрлюцзинь, также известный как клан Таицзинь, а именно: клан Доуэрцзинь, клан Улянхэйтэ, клан Хонхуолатэ, клан Ицзилесы, клан Хучжун, клан Суэрсисы, клан Иэрдоуэрцзинь, клан Баяутэ и клан Цзиньтэцзи. Они все черные татары (黑塔塔兒)» [44].

«Те, кто не были монголами, но стали монголами: чжалаэр, сувэйитэ, татары(塔塔兒), мизрци (меркиты), гоэрлюутэ, вэйлатэ (ойраты), бэйгэлин и

буэргутэ, хули, туоласы, туматэ, буэргацинь, гээрмоцинь, хуэрхань и сайхайтэ – все они белые татары (白塔塔兒) [44].

«Те, кто в лесу, их называют уласутэ, теленге, кэсыдэми и улянхэй, все они дикие татары» (野塔塔兒) [44].

«Мин ши» (МШ). Следующая династийная история «Мин ши» уже по традиции была написана в эпоху династии Цин, повествует об истории империи Мин с 1368 по 1644 гг., а работа над ней длилась почти целое столетие – с 1645 по 1735 гг. Три раздела «Лечжуань» в «Мин ши» относятся к региону Центральной Азии, который в китайских источниках назван «Сиюй» – Западный край. «Сиюй» в узком значении, обозначал территорию Восточного Туркестана, а в широком – Центральную Азию. В «Мин ши» этот регион обозначал все страны к западу от Китая, включая Африку. Главным редактором «Мин ши», ответственным и за общее содержание труда, и за его политическую благонадежность был Чжан Тинъюй, высокопоставленный сановник Цинской империи [12].

Для обозначения татар в источнике используется общепринятая иероглифическая запись – дада (鞑靼), которая применяется и сегодня во многих современных исследованиях в Китае.

МШ: «На двадцать пятом году (1392 г.) правления Тай-цзу он был призван нести указ татарам и отправился к реке Онон» [25].

«Под его управлением находится 48 конных станций, а племена датоу туфан, борэнцзи, байи, мосе, цзохэлу, баолу, татар и хуэйхэ разбросаны по горам и долинам» [27].

В разделе «Лечжуань» имеется описание «татар» (鞑靼), занимающее почти 70 страниц текста: «Татары (鞑靼) – есть монголы (蒙古), они прежние правители империи ... Со времен Тогон-Тэмур ... Человек по имени Тогус-Тэмур (1378–1388 гг.) захватил трон и назвал себя каганом. Он отбросил название своей страны (империя Юань – ГР.) и стал называть ее Татар (鞑靼). ... Династия Мин больше не могла добиться успеха. Территория татар (鞑靼) простирается от Урянхая на востоке до Ойрата на западе. Во времена правления Хун, Юна и Сюаня страна находилась на пике своего могущества ... После Чжэнтуня (1435 г.) пограничная оборона была заброшена, а репутация армии снизилась» [28].

Далее в летописи имеется упоминание чаганских татар (塔塔儿): «В феврале следующего года Бу Яньтай Чжоу ... собрали более 50 000 кавалеристов из западных чаганских татар и двинулись вглубь Ляо, Шэнь, Хай и Гай» [26], и содержится краткое сообщение, в котором перечисляются лошади татар (达达马) [29].

Также в «Мин ши» имеется очень интересное иероглифическое обозначение государства Северная Юань (1378–1388 гг.) – государства Татань: «На шестом году (1372 г.) Лян Есянь-Тэмур, министр императорского двора, сказал: «Территория Нинся и Сычуани от юго-запада до Чуаньчэна и с северо-востока до Татань (塔滩) простирается на 800 миль, с плодородной почвой. Целесообразно набирать беженцев для обработки земли» [24].

По мнению современного китайского исследователя Чжоу Суна, во времена династии Мин местность, расположенная к западу от Иньшаня (阴山),

называлась Татань (塔濊). В годы правления Тай-цзу (1368–1398 гг.) некоторые из остатков империи Северной Юань (北元) (Тогус-Тэмур являлся ханом Северной Юань, правил с 1378 по 1388 гг.) жили в самопровозглашенном государстве Татань и поддерживали мирные отношения с династией Мин» [83, с. 60–67].

Выводы. Таким образом, рассмотрев основные письменные сведения из китайских источников V–XIV вв. о татарах, попытаемся реконструировать основные события их истории. Самое раннее появление татар в источниках, если не брать в расчет период жужанского кагана Татара, от которого, вероятно, в среде монголоязычных племен в более позднее время было заимствовано лишь только название «татар» [57, с. 92–95], то, согласно Орхонским памятникам, – это 552 г., когда «30 семей татар» почтили память усопшего Тумэнь кагана. Сведения южносунского летописца Ли Синьчуаня также подтверждают «десятки племен» татар. Следующее появление «30 татар» в источниках – 689 г., когда они выступают уже в роли врагов восточных тюрков, и в 723 г. «токуз-татар» (9 татар) совместно с огузами враждуют с тюрками.

По сведениям нескольких источников (СУДШ, Ли Синьчуань, МДБЛ) татары проживали на северо-востоке (СУДШ) или северо-западе киданей (МДБЛ) (совр. территории восточной части провинции Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян и восточной Монголии) и являлись потомками мохэ, среди 7 племен которых, 2 племени носили название хэйшуй и байшань. Возможно, разделение диких татар (т. е. удаленных от Китая) на черных и белых произошло от этих двух племен мохэ, а китайские летописцы присвоили татарам уже более поздние характеристики. Но в источниках есть также упоминания о так называемых культурных (белых? – ГР.) татарах (熟鞑靼), проживающих в непосредственной близости к ханьцам. На наш взгляд, определенная часть «30 татар», зафиксированных в 689 г. или «9 татар» в 723 г. могут претендовать на роль культурных татар из китайских источников. После падения Восточно-тюркского каганата «токуз-татары» в 747–749 гг. враждовали с уйгурами и после их поражения часть татар осталась в Уйгурском каганате, а другая часть вернулась на восток.

Следующее появление татар в источниках относится к 842 г. В письме Ли Дэюй сообщает, что «киргизы скоро передвинутся в (займут) Хэлочуань (около озера Гашун-нур), поселятся в старом государстве уйгуров, одновременно с этим получат/захватят пять племен – Аньси (совр. Аксу), Бэйтин (Бешбалык) (北庭), Дада (達怛) и другие», т. е. в письме имеются убедительные доказательства проживания татар на территории бывшего Уйгурского каганата спустя почти сто лет после поражения татар от уйгуров. По мнению китайского автора XII в. Ван Минцзи, в этот период «татары были пастухами коров у уйгуров».

Также из хроники СУДШ следует, что ранее татары занимали территории к северу от киданей, но после нападения на них киданей часть татар откочевала с востока на запад к горе Иньшань. Время нападения на татар источники, к сожалению, не называют, но, известно, что в 696 г. в империи Тан взбунтовались кидани. Для их подавления императрица У Цзэтянь обратилась за помощью к Мочо кагану восточных тюрков, который нанес им поражение, и они находились у него в подчинении до момента смерти кагана в 714 г. Вскоре кидани снова перешли на сторону империи Тан, а в 717 г. им-

перия заключила с киданями брачный союз (с тюрками брачный союз так и не состоялся), что могло активизировать усиление и военную активность киданей при поддержке Тан по отношению к своим соседям. Уже в 723–724 гг. пришедшие с востока токуз-татары выступают против тюрков, после смерти Бильгэ кагана в 734 г. кидани и си совместными усилиями серией военных кампаний наносят сокрушительный удар по Восточно-тюркскому каганату, а после событий 747–749 гг. часть токуз-татар остается в составе Уйгурского каганата на горе Иньшань вплоть до 842 г.

Следующий период активности татар в источниках приходится на конец династии Тан. Ли Синьчуань пишет, что татары взаимодействовали с империей Тан, тюрками-шато с 880 г. и далее на протяжении периода Пяти династий (907–960 гг.). Также татары установили отношения с империей Сун, но после 984 г. прекратили с ней контакты. В этом году в империи Сун состоялось восстание дзедуши Ли Цзицзяня, тангута по происхождению. Он заключил союз с империей Ляо против Сун, и татары могли его поддержать, прекратив отношения с Сун. Возможно, именно по этой причине о них долгое время и не слышали сунские летописцы (за исключением Ли Синьчуаня). В самой большой по объему хронике «Сун ши» на удивление содержится лишь одно упоминание племени татар (塔塔), являющегося основным соперником Чингисхана за власть в степи в конце XII в., представителя племени черных татар (黑鞑靼), о которых в «Сун ши» нет ни слова. Установление династий Ляо, а затем Цзинь отделило народы центральных равнин от северных кочевых народов почти на 300 лет. Китайские историки могли не знать обо всех изменениях, которые происходили у северных кочевых народов, в том числе трансформациях их этнических названий.

Дальнейшая судьба «культурных» татар после 984 г. могла быть связана с империей Ляо. По сообщениям «Ляо ши», в 1005 г. «девять племен государства Дадань (达旦) отправили послов с предложением о браке» [19].

В период империи Цзинь, согласно записям Ли Синьчуаня, татары (鞑靼) находились на юго-западе империи Цзинь и граничили с префектурой Линьхуан (совр. префектура Чифэн, Внутренняя Монголия) на востоке, Си Ся (тангуты) (Ордос) на западе, Цзинчжоу (совр. округ Мичжи, провинция Шэньси) на юге и государством Дажэнь (大人國) (на востоке граничило с Корё) на севере. В этот период Ли Синьчуань разделяет диких татар на белых и черных. Поводом для начала активного сопротивления татар империи Цзинь Ли Синьчуань называет вопрос о заключении брачного союза представителя белых татар (Бай Босы) на дочери правителя племени мохэ хэйшуй. Получив отказ, белые татары объединились с черными, нанесли поражение мохэ, другим племенам в окружении и далее продолжили свои завоевания на западном направлении. Особенно пострадавшими от вторжения татар после 1206 г. оказались префектуры Хэси и государство Си Ся, а с 1211 г. Темуджин начал активные военные действия непосредственно против Цзинь.

После основания Монгольской империи, наряду с этнонимом «татар», в источниках регулярно используются названия «монголо-татары» и «монголь». По мнению китайского исследователя Цэнь Чжунмяня, значение слова «дада» – «варвар», «варварское племя» [84, с. 114–142; 87, с. 12]. Другой ученый Чжоу Шаочуань предположил, что монголы эпохи Юань заметили про-

блему уничижительных названий других этнических групп в исторических книгах, составленных в Китае, и они, должно быть, заметили уникальный уничижительный оттенок названия «татар» (鞑靼) [82; 87, с. 12]. Еще французский исследователь Поль Пеллио отмечал: «Я думаю, что люди, составлявшие «Ляо ши», посчитали, что графема «革» выглядит неуважительно, поэтому они ее удалили» (鞑靼 → 达旦) [87, с. 12]. По мнению современного китайского исследователя Нашунь Улицзи, «монголы правили Китаем почти столетие. Жители династии Мин знали бы о появлении названия Монголия, но в «Мин шу» содержится «Биография татар», которая описывает историю Монгольской империи. Представители династии Мин не использовали название «Монголия», а предпочитали использовать название «татар» для обозначения Монголии, что отражает тот факт, что представители династии Мин намеренно использовали название «татар» для уничижительного обозначения Монголии. ... В китайских книгах династий Сун и Мин «татар» был синонимом Монголии. Когда люди Юань составляли «Историю Ляо» и «Историю Цзинь», они могли изменить «татар» (鞑靼) «на «дадань» (达旦) или «дада» (达怛). Или иногда его меняют на «цзубу» (阻卜), что также связано с уничижительным значением термина «татар» [87, с. 12]. По версии П. Карпини, этноним «татар» происходит от названия одноименной реки на Востоке, название которой происходит от тата, тартар – «тащить, тянуть» [8, с. 37]. По мнению В.В. Ушницкого, этноним «татар» использовался тюрками только для обозначения «чужаков», то есть народов, не говорящих по-тюркски. Тюркские племена своих монголоязычных соседей также называли «тат» или «тат-ар» [56, с. 5–12] и т.д. Таким образом, в настоящее время существует огромное количество интерпретаций, связанных с этнонимом «татар», и со временем они будут только множиться, но есть одна, как нам кажется, наиболее изящно объясняющая произошедшую внезапную смену наименования татар на монголов, которую мы находим в «Хэй да ши люэ»: «В языке татар серебро называется «мэн-гу» (蒙古), чжурчжэни называли свое государство «Великим Золотым (Да Цзинь)», поэтому татары называют свое «Великим Серебряным (Да Мэнгу)» [60, с. 20].

Приложение 1

Иероглифическое (традиционное) обозначение «татар» в китайских источниках

大檀 (датань) (dà tán) – Вэй шу, Сун шу, Бэй ши, Суй шу, СТШ (округ 大檀)
檀檀 (таньтань) (tán tán) – Сун шу
達怛 (дада) (dá dá) – Ли Дэю
達鞑 (дада) (dá dá) – Ли Дэю, ЦТШ, СТШ, ЦУДШ, СУДШ, Ли Синьчуань
達打 (дада) (dá dá) – Цидань го чжи
達旦 (дадань) (dá dàn) – Ляо ши, СТШ (озеро 達旦)
阻卜 (цзубу) (zǔ bo) – Ляо ши
達達 (дада) (dá dá) – Ляо ши, Юань ши, ЮЧБШ, Новая история Юань, Мин ши
塔塔 (тата) (tǎ tǎ) – Сун ши (однократно), Юань ши, Мин ши, ЮЧБШ, Новая история Юань

鞑靼 (дада) (dá dá) – Юань ши (однократно), Мин ши, Цидань го чжи, МДБЛ, ХДШЛ,
Новая история Юань
塔坦 (татань) (tǎ tǎn) – Ли Синьчуань
達塔 (дата) (dá tà) – ХДШЛ
塔灘 (татань) (tǎ tān) – Мин ши

Приложение 2

Основные китайские графемы и их значение, используемые при написании этнонима «татар»

Графемы

大 – ключ «большой»
木 – ключ «дерево»
辶 – ключ «идти с остановками»
忄 – ключ «сердце»
革 – ключ «сырая кожа»
旦 – утро, день
土 – ключ «земля»
氵 – ключ «вода»

Трактовка иероглифов

大 – большой
檀 – сандал (слева – ключ "дерево", справа – фонетик)
达 – достигать (слева и снизу – ключ "идти с остановками", справа сверху – фонетик)
怛 – скорбеть (слева – ключ "сердце", справа – фонетик)
鞑 – выделанная кожа (слева – ключ "сырая кожа", справа – фонетик)
旦 – утро, день
塔 – пагода, башня (слева – ключ "земля", справа – фонетик)
鞑 – не имеет своего значения, используется только в названиях народностей (слева – ключ "сырая кожа", справа – фонетик).
坦 – ровный, спокойный (слева – ключ «земля», справа – фонетик).

Список сокращений

ЦУДШ – Цзю У дай ши
СУДШ – Синь У дай ши
ЮШ – Юань ши
МШ – Мин ши
МДБЛ – Мэн да бэй ду
ХДШЛ – Хэй да ши люэ
ЮЧБШ – Юань чао би ши

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
2. Баскаков Н.А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980. 285 с.
3. Бэй ши. Глава 90. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%8C%97%E5%8F%B2%E5%8D%B7090> (дата обращения: 23.01.2025)

4. Бэй ши. Глава 94. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%8C%97%E5%8F%B2/%E5%8D%B7094> (дата обращения: 23.01.2025)
5. Вэй шу. Глава 100. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7100> (дата обращения: 23.01.2025)
6. Вэй шу. Глава 103. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7103> (дата обращения: 23.01.2025)
7. Двадцать четыре династийные истории. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/Template:%E4%BA%8C%E5%8D%81%E5%9B%9B%E5%8F%B2> (дата обращения: 23.01.2025)
8. Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.
9. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Перевод с китайского, введение, комментариев и приложение В.С. Таскина. М.: Наука, 1979. Т. XXV. 607 с.
10. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). [электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=940149&remap=gb> (дата обращения: 23.01.2025)
11. Зориктуев Б.Р. К вопросу о двух монгольских государствах в начале XIII в. // Научный диалог. 2020. № 11. С. 379–395.
12. Извлечения из «Мин ши». [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Kit_ist_Sr_az/1-20/6.htm (дата обращения: 23.01.2025)
13. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2003. 560 с.
14. Ли Дэюй. Письма уйгурам. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%B3%9C%E5%9B%9E%E9%B6%BB%E5%97%A2%E6%B2%92%E6%96%AF%E7%89%B9%E5%8B%A4%E7%AD%89%E8%A9%94%E6%9B%B8> (дата обращения: 23.01.2025)
15. Ли Синьчуань. Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127). [электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=464983&remap=gb> (дата обращения: 23.01.2025)
16. Ли Синьчуань. Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзяньян (1127). [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%BB%BA%E7%82%8E%E4%BB%A5%E4%BE%86%E6%9C%9D%E9%87%8E%E9%9B%9C%E8%A8%98/%E4%B9%99%E9%9B%86/%E5%8D%B7%E5%8D%81%E4%B9%9D> (дата обращения: 23.01.2025)
17. Ляо ши. Глава 1. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B71> (дата обращения: 23.01.2025)
18. Ляо ши. Глава 4. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B74> (дата обращения: 23.01.2025)
19. Ляо ши. Глава 14. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B714> (дата обращения: 23.01.2025)
20. Ляо ши. Глава 30. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B730> (дата обращения: 23.01.2025)
21. Ляо ши. Глава 69. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B769> (дата обращения: 23.01.2025)
22. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии // М.-Л., 1959. 111 с.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 452 с.
24. Мин ши. Глава 77. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B777> (дата обращения: 23.01.2025)

25. Мин ши. Глава 146. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7146> (дата обращения: 23.01.2025)
26. Мин ши. Глава 238. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7238> (дата обращения: 23.01.2025)
27. Мин ши. Глава 311. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7311> (дата обращения: 23.01.2025)
28. Мин ши. Глава 327. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7327> (дата обращения: 23.01.2025)
29. Мин ши. Глава 332. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7332> (дата обращения: 23.01.2025)
30. Мункуев Н.Ц. О «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да ши-люе» – записках китайских путешественников XIII в. о древних монголах // Китай. Япония: История и филология. М., 1961. С. 80–92.
31. Мэн да бэй лу. [электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=730764&map=gb> (дата обращения: 23.01.2025)
32. Мэн-да бэй-лу: [Полное описание монголо-татар] / пер., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 285 с. (Памятники письменности Востока. Т. 26).
33. Нестеров А. Г. Тюрки шато и тюркская империя Поздняя Тан в Китае в первой трети X века // Мир Евразии. 2013. № 4(23). С. 41–44.
34. Рецензия Б.И. Панкратова на «Сокровенное сказание» С.А. Козина. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_II/vved.phtml?id=9634 (дата обращения: 23.01.2025)
35. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань. 1906. Том XXI, Вып. 5. 336 с.
36. Синь Тан шу. Глава 43. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7043%E4%B8%8B> (дата обращения: 23.01.2025)
37. Синь Тан шу. Глава 218. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7218> (дата обращения: 23.01.2025)
38. Синь Тан шу. Глава 219. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7219> (дата обращения: 23.01.2025)
39. Синь У дай ши. Глава 4. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B704> (дата обращения: 23.01.2025)
40. Синь У дай ши. Глава 12. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B712> (дата обращения: 23.01.2025)
41. Синь У дай ши. Глава 14. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B714> (дата обращения: 23.01.2025)
42. Синь У дай ши. Глава 74. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B774> (дата обращения: 23.01.2025)
43. Синь Юань ши. Глава 1. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7001> (дата обращения: 23.01.2025)
44. Синь Юань ши. Глава 28. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7028> (дата обращения: 23.01.2025)

45. Сокровенное сказание монголов. Предисловие. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/pred.phtml?id=4412 (дата обращения: 23.01.2025)
46. Сокровенное сказание монголов. Глава 1–3. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text1.phtml?id=4413 (дата обращения: 23.01.2025)
47. Сокровенное сказание монголов. Глава 4–6. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text2.phtml?id=4414 (дата обращения: 23.01.2025)
48. Сокровенное сказание монголов. Глава 7–9. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text3.phtml?id=4415 (дата обращения: 23.01.2025)
49. Сокровенное сказание монголов. Юань чао ми ши. Том 4. Вторая часть. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_III/frametext2.htm (дата обращения: 23.01.2025)
50. Сокровенное сказание монголов. Юань-чао-ми-ши. Т. 4. Первая часть. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_III/frametext1.htm (дата обращения: 23.01.2025)
51. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года под названием Mongrol-un Niruᠰa tobᠴiyaᠩ. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. / Пер. С. А. Козина. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1941. 619 с.
52. Суй шу. Глава 39. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B739> (дата обращения: 23.01.2025)
53. Суй шу. Глава 81. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B781> (дата обращения: 23.01.2025)
54. Сун ши. Глава 485. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%AE%8B%E5%8F%B2/%E5%8D%B7485> (дата обращения: 23.01.2025)
55. Сун шу. Глава 95. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%AE%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B795> (дата обращения: 23.01.2025)
56. Ушницкий В.В. Центральнoазиатские татары: вопросы этнической истории и этногенеза // Тюркологические исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 5–12.
57. Ушницкий В.В. Историческая судьба татар Центральной Азии // Золотоордынская цивилизация. 2017. Вып. 10. С. 92–95.
58. Хойт С.К. Керейты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 82 с.
59. Хэй да ши люэ. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%BB%91%E9%9F%83%E4%BA%8B%E7%95%A5> (дата обращения: 23.01.2025)
60. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: Наука, Вост. лит. 2016. 254 с.
61. Цзычжи тунцзянь. [электронный ресурс]. URL: https://www.gushiwen.cn/guwen/bookv_518d2b73c7bc.aspx (дата обращения: 23.01.2025)
62. Цзю Тан шу. Глава 18. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B718%E4%B8%8A> (дата обращения: 23.01.2025)
63. Цзю Тан шу. Глава 19. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B719%E4%B8%8B> (дата обращения: 23.01.2025)
64. Цзю Тан шу. Глава 180. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7180> (дата обращения: 23.01.2025)

65. Цзю Тан шу. Глава 199. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7199%E4%B8%8B> (дата обращения: 23.01.2025)
66. Цзю У дай ши. Глава 25. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B725> (дата обращения: 23.01.2025)
67. Цзю У дай ши. Глава 39. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B739> (дата обращения: 23.01.2025)
68. Юань чао би ши. [электронный ресурс]. Оглавление. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2> (дата обращения: 23.01.2025)
69. Юань чао би ши. Глава 3. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B703> (дата обращения: 23.01.2025)
70. Юань чао би ши. Глава 4. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B704> (дата обращения: 23.01.2025)
71. Юань чао би ши. Глава 5. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B705> (дата обращения: 23.01.2025)
72. Юань чао би ши. Глава 9. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B709> (дата обращения: 23.01.2025)
73. Юань ши. Глава 1. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7001> (дата обращения: 23.01.2025)
74. Юань ши. Глава 4. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7004> (дата обращения: 23.01.2025)
75. Юань ши. Глава 26. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7026> (дата обращения: 23.01.2025)
76. Юань ши. Глава 29. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7029> (дата обращения: 23.01.2025)
77. Юань ши. Глава 30. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7030> (дата обращения: 23.01.2025)
78. Юань ши. Глава 115. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7115> (дата обращения: 23.01.2025)
79. Юань ши. Глава 131. [электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7131> (дата обращения: 23.01.2025)
80. Drompp M. R. Tang China and the Collapse of the Uighur Empire: A Documentary History. Leiden-Boston. 2005. P. 129.
81. Li Jiawei et al. The genome of an ancient Rouran individual reveals an important paternal lineage in the Donghu population // American Journal of Physical Anthropology. American Association of Physical Anthropologists. 2018. Vol. 166 (4). P. 895–905.
82. 周少川. 元代史学思想研究. 北京: 社会科学文献出版社 2001年. 第66. 236页. Перевод: Чжоу Шаочуань. Исследование исторической мысли в эпоху династии Юань. Пекин: Издательство социальных наук Academic Press. 2001. №. 66. 236 с.
83. 周松. 洪武朝塔滩蒙古与明朝的关系 // 中国边疆史地研究. 2011年. 第21(02). 60–67 页. Перевод: Чжоу Сун. Отношения между татарской Монголией и династией Мин во время правления Хуньу // Исследования по истории и географии китайского пограничья. 2011. № 21(02) С. 60–67.

84. 岑仲勉. 达怛问题 // 中山大学学报. 1957 年. 第 (3) . 114—142 页. Перевод: Цэнь Чжунмянь. Проблема татар // Журнал Университета Сунь Ятсена. 1957. №3. С. 114–142.

85. 白鳥庫吉訳『音訳蒙文元朝秘史』(東洋文庫, 1943 年). Перевод: Сиратори Куракити. «Перевод монгольской тайной истории династии Юань». Тойобунко. 1943. [электронный ресурс]. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/%E9%9F%B3%E8%A8%B3%E8%92%99%E6%96%87%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%B7%BB%E4%B8%80-2#yam-smnt-pdfpage-50> (дата обращения: 23.01.2025)

86. 那顺乌力吉. "阻卜" 的语源语义考 // 内蒙古民族大学学报: 社会科学版. 2005 年. 第31卷, 第6期. 7–11 页. Перевод: Нашунь Улицзи. Этимологическое и семантическое исследование «Цзубу» // Журнал Университета Внутренней Монголии по национальностям: издание социальных наук. 2005. Т. 31, № 6. С. 7–11.

87. 那顺乌力吉. 论“鞑靼”名称的演变 // 内蒙古民族大学学报 (社会科学版). 2008 年. 第34卷, 第2期. 8–12 页. Перевод: Нашунь Улицзи. Об эволюции названия «татар» // Журнал Университета национальностей Внутренней Монголии (издание по социальным наукам). 2008. Т. 34. № 2. С. 8–12.

REFERENCES

1. Avlyayev G. O. Origin of the Kalmyk people. 2nd edition. Revised. and corrected. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 2002. 325 p.

2. Baskakov N. A. Models of Turkic ethnonyms and their typological classification. Onomastics of the East. Moscow, 1980. 285 p.

3. Bei shi. Chapter 90. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%8C%97%E5%8F%B2/%E5%8D%B7090> (date accessed 23.01.2025)

4. Bei shi. Chapter 94. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%8C%97%E5%8F%B2/%E5%8D%B7094> (date accessed 23.01.2025)

5. Wei shu. Chapter 100. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7100> (date accessed 23.01.2025)

6. Wei shu. Chapter 103. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7103> (date accessed 23.01.2025)

7. Twenty-four dynasty histories. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/Template:%E4%BA%8C%E5%8D%81%E5%9B%9B%E5%8F%B2> (date of access: 23.01.2025)

8. Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongols. Guillaume de Rubruck. Journey to the Eastern Countries. Translated by A. I. Malein. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1957. 270 p.

9. Ye Long-li. History of the Khitan State (Qidan guo zhi). Vol. 25. Translation from Chinese, introduction, commentary and appendix by V. S. Taskin. Moscow: Nauka, 1979. 607 p.

10. Ye Long-li. History of the Khitan State (Qidan guo zhi). [electronic resource]. URL: <https://ctxtext.org/wiki.pl?if=en&chapter=940149&remap=gb> (date accessed 23.01.2025)

11. Zoriktuev B. R. On the issue of two Mongolian states at the beginning of the 13th century. *Scientific dialogue*. 2020, vol. 11, pp. 379–395.

12. Extracts from "Ming shi". [electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Kit_ist_Sr_az/1-20/6.htm (date accessed 23.01.2025)

13. Klyashtorny S. G. History of Central Asia and monuments of runic writing. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2003. 560 p.

14. Li Deyu. Letters to the Uyghurs. [Electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%B3%9C%E5%9B%9E%E9%B6%BB%E5%97%A2%E6%B2%92%E6%96%AF%E7%89%B9%E5%8B%A4%E7%AD%89%E8%A9%94%E6%9B%B8> (date accessed 23.01.2025)
15. Li Xinchuan. Important Records of the [Events] of the Jianyan Reign (1127). [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=464983&remap=gb> (date accessed 23.01.2025)
16. Li Xinchuan. Various official and unofficial records of [events] during the reign of Jianyan (1127). [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%BB%BA%E7%82%8E%E4%BB%A5%E4%BE%86%E6%9C%9D%E9%87%8E%E9%9B%9C%E8%A8%98/%E4%B9%99%E9%9B%86/%E5%8D%B7%E5%8D%81%E4%B9%9D> (date accessed 23.01.2025)
17. Liao shi. Chapter 1. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B71> (date accessed 23.01.2025)
18. Liao shi. Chapter 4. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B74> (date accessed 23.01.2025)
19. Liao shi. Chapter 14. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B714> (date accessed 23.01.2025)
20. Liao shi. Chapter 30. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B730> (date accessed 23.01.2025)
21. Liao shi. Chapter 69. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%81%BC%E5%8F%B2/%E5%8D%B769> (date accessed 23.01.2025)
22. Malov S. E. Monuments of ancient Turkic writing of Mongolia and Kyrgyzstan. Moscow-Leningrad, 1959, pp. 11–25.
23. Malov S. E. Monuments of ancient Turkic writing. Texts and studies. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1951, pp. 36–38.
24. Ming shi. Chapter 77. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B777> (date accessed 23.01.2025)
25. Ming shi. Chapter 146. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7146> (date accessed 23.01.2025)
26. Ming shi. Chapter 238. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7238> (date accessed 23.01.2025)
27. Ming shi. Chapter 311. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7311> (date accessed 23.01.2025)
28. Ming shi. Chapter 327. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7327> (date accessed 23.01.2025)
29. Ming shi. Chapter 332. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7332> (date accessed 23.01.2025)
30. Munkuev N. Ts. About "Meng-da bei-lu" and "Hei-da shi-lyue" – notes of Chinese travelers of the 13th century about the ancient Mongols. China. Japan: History and Philology. Moscow, 1961, pp. 80–92.
31. Meng da bei lu. [electronic resource]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=730764&remap=gb> (date accessed 23.01.2025)
32. Meng-da bei-lu: [Full description of the Mongol-Tatars]. Translation, introduction, commentary and appendix by N.Ts. Munkuev. Moscow: Nauka, 1975. 285 p. (Written monuments of the East. Vol. 26).
33. Nesterov A. G. The Shato Turks and the Late Tang Turkic Empire in China in the First Third of the Tenth Century. *Mir Evrazii*. 2013, no. 4 (23), pp. 41–44.
34. Review by B. I. Pankratov of The Secret Legend by S.A. Kozin. [electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_II/vved.phtml?id=9634 (date accessed 23.01.2025)

35. Genealogical tree of the Turks. Work of Abul-Ghazi, Khan of Khiva. News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. Kazan. Vol. 21, Iss. 5, 1907. 336 p.

36. Xin Tang shu. Chapter 43. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7043%E4%B8%8B> (date accessed 23.01.2025)

37. Xin Tang shu. Chapter 218. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7218> (date accessed 23.01.2025)

38. Xin Tang shu. Chapter 219. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7219> (date accessed 23.01.2025)

39. Xin Wu Dai Shi. Chapter 4. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B704> (date accessed 23.01.2025)

40. Xin Wu Dai Shi. Chapter 12. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B712> (date accessed 23.01.2025)

41. Xin Wu Dai Shi. Chapter 14. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B714> (date accessed 23.01.2025)

42. Xin Wu Dai Shi. Chapter 74. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B774> (date accessed 23.01.2025)

43. Xin Yuan shi. Chapter 1. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7001> (date accessed 23.01.2025)

44. Xin Yuan shi. Chapter 28. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%96%B0%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7028> (date accessed 23.01.2025)

45. The Secret History of the Mongols. Preface. [electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/pred.phtml?id=4412 (date accessed 23.01.2025)

46. The Secret History of the Mongols. Chapters 1–3. [electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text1.phtml?id=4413 (date accessed 23.01.2025)

47. The Secret History of the Mongols. Chapters 4–6. [Electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text2.phtml?id=4414 (date accessed 23.01.2025)

48. The Secret Legend of the Mongols. Chapters 7–9. [Electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text3.phtml?id=4415 (date accessed 23.01.2025)

49. The Secret Legend of the Mongols. Yuan chao mi shi. Volume 4. Part Two. [Electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_III/frametext2.htm (date accessed 23.01.2025)

50. The Secret Legend of the Mongols. Yuan-chao-mi-shi. Volume 4. Part one. [electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz_III/frametext1.htm (date accessed 23.01.2025)

51. Secret Legend. Mongolian Chronicle of 1240 under the title Mongrol-un Niruča tobčiyan. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian Everyday Miscellany. Translated by S.A. Kozin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 619 p.
52. Sui shu. Chapter 39. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B739> (date accessed 23.01.2025)
53. Sui shu. Chapter 81. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B781> (date accessed 23.01.2025)
54. Song shi. Chapter 485. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%AE%8B%E5%8F%B2/%E5%8D%B7485> (date accessed 23.01.2025)
55. Song shu. Chapter 95. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%AE%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B795> (date accessed 23.01.2025)
56. Ushnitsky V. V. Central Asian Tatars: Issues of Ethnic History and Ethnogenesis. *Turkological Studies*. 2019, vol. 2. no. 1, pp. 5–12.
57. Ushnitsky V. V. Historical Fate of the Tatars of Central Asia. Golden Horde Civilization. 2017, Iss. 10, pp. 92–95.
58. Hoyt S. K. Kereits in the Ethnogenesis of the Peoples of Eurasia: Historiography of the Problem. Elista: Kalmyk Publishing House. University, 2008. 82 p.
59. Hey da shi lue. [Electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%BB%91%E9%9F%83%E4%BA%8B%E7%95%A5> (date accessed 23.01.2025)
60. "Hey da shi lue": a source on the history of the Mongols of the 13th century. Edited by A. Sh. Kadyrbaev. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura. 2016. 254 p.
61. Zizhi tongjian. [Electronic resource]. URL: https://www.gushiwen.cn/guwen/bookv_518d2b73c7bc.aspx (date accessed 23.01.2025)
62. Jiu Tang shu. Chapter 18. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B718%E4%B8%8A> (date accessed 23.01.2025)
63. Jiu Tang shu. Chapter 19. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B719%E4%B8%8B> (date accessed 23.01.2025)
64. Jiu Tang shu. Chapter 180. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7180> (date accessed 23.01.2025)
65. Jiu Tang shu. Chapter 199. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B7199%E4%B8%8B> (date accessed 23.01.2025)
66. Jiu Wu Dai Shi. Chapter 25. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B725> (date accessed 23.01.2025)
67. Jiu Wu Dai Shi. Chapter 39. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E8%88%8A%E4%BA%94%E4%BB%A3%E5%8F%B2/%E5%8D%B739> (date accessed 23.01.2025)
68. Yuan chao bi shi. [electronic resource]. Contents. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2> (date accessed 23.01.2025)
69. Yuan chao bi shi. Chapter 3. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B703> (date accessed 23.01.2025)
70. Yuan chao bi shi. Chapter 4. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B704> (date accessed 23.01.2025)

71. Yuan chao bi shi. Chapter 5. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B705> (date accessed 23.01.2025)
72. Yuan chao bi shi. Chapter 9. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%8D%B709> (date accessed 23.01.2025)
73. Yuan shi. Chapter 1. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7001> (date accessed 23.01.2025)
74. Yuan shi. Chapter 4. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7004> (date accessed 23.01.2025)
75. Yuan shi. Chapter 26. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7026> (date accessed 23.01.2025)
76. Yuan shi. Chapter 29. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7029> (date accessed 23.01.2025)
77. Yuan shi. Chapter 30. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7030> (date accessed 23.01.2025)
78. Yuan shi. Chapter 115. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7115> (date accessed 23.01.2025)
79. Yuan shi. Chapter 131. [electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%85%83%E5%8F%B2/%E5%8D%B7131> (date accessed 23.01.2025)
80. Drompp M. R. Tang China and the Collapse of the Uighur Empire: A Documentary History. Leiden-Boston, 2005. 265 p.
81. Li Jiawei et al. The genome of an ancient Rouran individual reveals an important paternal lineage in the Donghu population. *American Journal of Physical Anthropology. American Association of Physical Anthropologists*. 2018, vol. 166 (4), pp. 895–905.
82. 周少川. 元代史学思想研究. 北京: 社会科学文献出版社 2001年. 第66. 236页. Translated by Zhou Shaochuan. A Study of Historical Thought in the Yuan Dynasty. Beijing: Academic Press. 2001, pp. 66–236.
83. 周松. 洪武朝塔滩蒙古与明朝的关系 // 中国边疆史地研究. 2011年. 第21(02). 60–67 页. Translation: Zhou Song. Relations between Tatar Mongolia and the Ming Dynasty during the reign of Hongwu // Studies on the history and geography of the Chinese borderland. Vol. 21, Iss. 2, 2011, pp. 60–67.
84. 岑仲勉. 达怛问题 // 中山大学学报. 1957 年. 第 (3) . 114–142 页. Translation: Cen Zhongmian. The Tatar Problem // Journal of Sun Yat-sen University. Iss. 3, 1957, pp. 114–142.
85. 白鳥庫吉訳『音訳蒙文元朝秘史』(東洋文庫, 1943年). Translation: Shiratori Kurakichi. Translation of the Mongolian Secret History of the Yuan Dynasty. Toyobunko. 1943. [electronic resource]. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/%E9%9F%B3%E8%A8%B3%E8%92%99%E6%96%87%E5%85%83%E6%9C%9D%E7%A7%98%E5%8F%B2/%E5%B7%BB%E4%B8%80-2#yam-smnt-pdfpage-50> (date accessed 23.01.2025)
86. 那顺乌力吉. "阻卜" 的语源语义考 // 内蒙古民族大学学报: 社会科学版. 2005 年. 第31卷, 第6期. 7–11 页. Translation: Nashun Wuliji. Etymological and semantic study of "Zubu". *Journal of Inner Mongolia University by Nationality: Social Sciences Publication*. 2005, vol. 31, no. 6, pp. 7–11.
87. 那顺乌力吉. 论“鞑靼”名称的演变 // 内蒙古民族大学学报 (社会科学版). 2008年. 第34卷. 第2期. 8–12 页. Translation: Nashun Wuliji. On the evolution of the name "Tatars". *Journal of Inner Mongolia University of Nationalities (social science publication)*. 2008, vol. 34, Iss. 2, pp. 8–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рустам Талгатович Ганиев – доцент кафедры истории России, заведующий Лабораторией естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет (620000, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4568-7179. E-mail: rusthist@yandex.ru

Полина Ивановна Буцык – научный сотрудник Центральноазиатского научно-исследовательского центра, Уральский федеральный университет (620000, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Российская Федерация); переводчик в издательстве «Буддадхарма» (119590, ул. Мосфильмовская, 70, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6545-9045. E-mail: polina.vpg2010@yandex.ru

Ильдар Рашидович Хамзин – доцент кафедры истории России, директор Центральноазиатского научно-исследовательского центра, Уральский федеральный университет (620000, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4967-0705. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rustam T. Ganiev – Associate Professor of the Department of Russian History, Head of the Laboratory of Natural Science Methods in Humanitarian Research, Ural Federal University (51, Lenin Ave., Yekaterinburg 620000, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4568-7179. E-mail: rusthist@yandex.ru

Polina I. Butsyk – Researcher at the Central Asian Research Center, Ural Federal University (51, Lenin Ave., Yekaterinburg 620000, Russian Federation); translator at the publishing house “Buddadharma” (70, Mosfilmovskaya St., Moscow 119590, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6545-9045. E-mail: polina.vpg2010@yandex.ru

Ildar R. Khamzin – Associate Professor of the Department of History of Russia, Director of the Central Asian Research Center, Ural Federal University (51, Lenin Ave., Yekaterinburg 620000, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4967-0705. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.05.2025

Принята к публикации / Accepted 03.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.346-366>
EDN: LAWWQQ

УДК 94(495)"12/14"

КАТАЛОГ НАРОДОВ ТАТАРСКОГО МИРА ИОАННА СУЛТАНИЙСКОГО НАЧАЛА XV ВЕКА

А.Г. Еманов

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
a.g.emanov@utmn.ru

Резюме. Цель: исследовать каталог народов татарского мира в рукописных версиях “*Libellus notitia orbis*” католического архиепископа Султании Иоанна начала XV в.

Материалы исследования: «Книжица о познании мира» Иоанна Султаныйского 1404 г., сохранившаяся в рукописях Австрийской национальной библиотеки в Вене (ÖNB Cod. Ser. n. 39086), Базельской университетской (BUB EIII17; BUB AV25), Грацской университетской (GUB Ms. 1221), Клостенбургской монастырской (KSB Cod. 1099), Ляйпцигской университетской (LUB Ms. 1225) и Санкт-Пёльтенской епархиальной библиотек (SPDB Hs. 63). Для критического осмысления историко-географического контекста «Книжицы», а также выявления ее источников привлекались сочинения библейской, патристической и хроникальной традиции Средних веков, задействованы возможности Patrologia Latina Database.

Результаты и научная новизна: в “*Libellus notitia orbis*” доминиканского монаха и католического иерарха всего Востока Иоанна 1404 г. выявлен каталог народов татарского мира, который включал в себя 15 демонимов трех континентов Старого света, выделены две их группы – древние библейские и новые народы. Среди древних библейских народов выделялись персы и арабы, которые доминировали на трех континентах; персы – в древности, а арабы – тысячелетие спустя. В современную Иоанну Султаныйскому эпоху их место заняли татары. Если персы достигали единства покоренного им мира деспотической организацией власти, а арабы добивались того же приобщением к исламу, то татары обеспечивали связь разрозненных частей обширного татарского мира благодаря универсальному языку, именно татарскому, каковым пользовалось население всех покоренных некогда монголами стран. Незаменимым татарский язык был и для европейцев, если они собирались заниматься крупной международной торговлей по Великому шелковому пути. Помимо уже известных западных источников «Книжицы» – «Этимологий» Исихора Гиспальского (ум. 636), «Об образе мира» Гонория Августодунского (ум. 1156), «Схоластической истории» Петра Коместора (ум. 1178), «Цветника историй земель Востока» Хетума Патлича (ум. 1310) и «Письма марокканца Самуила» Алонсо Буэнхombres (ум. 1353), было показано обращение Иоанна Султаныйского к «Та’рих-и Систан» XI в. с дополнениями до 1325 г., «Хронике» Михаила Сирийца (ум. 1199), «Истории Тартар» Де Бридиа 1245 г. и «Книге» Марко Поло 1284 г. На собственных наблюдениях архиепископа Султаныйского основаны первые в западных источниках сведения о хорезмийцах, курдах, туркменах, чагатаях, расширены данные о татах, не только иранских, но и кавказских и крымских.

© Еманов А.Г., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: татары, хорезмийцы, курды, туркмены, таты, чагатаи, турки, Султания, начало XV в., «Книжица о познании мира», Иоанн Султанский

Для цитирования: Еманов А.Г. Каталог народов татарского мира Иоанна Султанского начала XV века // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 346–366. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.346-366> EDN: LAWWQQ

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого Российским научным фондом (грант РНФ № 23-28-01592), <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

THE TATAR WORLD'S PEOPLES CATALOG BY IOHANNES OF SULTHANYEH IN THE EARLY 15th CENTURY

A.G. Emanov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
a.g.emanov@utmn.ru*

Abstract. The purpose of this article is to study the Tatar World's Peoples Catalog in the Manuscript Versions of "Libellus de notitia orbis" by Iohannes of Sulthanyeh in the early 15th century.

Research materials: The "Libellus de notitia orbis" by Iohannes of Sulthanyeh in 1404, preserved in manuscripts of the Austrian National Library in Vienna (ÖNB Cod. Ser. n. 39086), the University Library of Basel (BUB EIII17; BUB AV25), the University Library of Graz (GUB Ms. 1221), the Monastery Library of Klostenburg (KSB Cod. 1099), the University Library of Leipzig (LUB Ms. 1225), and the Diocesan Library of St. Pölten (SPDB Hs. 63). For a critical understanding of the historical and geographical context of the "Book", as well as for the identification of its sources, the works of biblical, patristic, and medieval chronicle traditions were used, along with the research capabilities of the Patrologia Latina database.

Results and novelty of the research: In "Libellus de notitia orbis" by the Dominican monk, Iohannes, from the 1404, he laid out the Tatar World's Peoples Catalog, which included fifteen demonyms into three continents of the Old World, and was divided into two groups – the ancient Biblical and new peoples. Among the ancient Biblical peoples, the Persians and Arabs stood out for their dominance across the three continents. The Persians held this position in Antiquity, while the Arabs rose to prominence a millennium later. In the modern era – as seen by Iohannes of Sulthanyeh – their place was taken by the Tatars. If the Persians achieved the Unity of the World by the a despotic organization of power, and the Arabs sought the same by adoption of Islam, the Tatars provided a link between scattered parts of the vast Tatars World through a universal language; it was the Tatars' language that would be used the population of all countries which had been conquered by them. The Tatar Language was indispensable for Europeans, if they were going to do big international trade on the Great Silk Road. In addition to known Western sources of the "Libellus", namely the "Etimologiae" by Issidorus Hispalensis (died 636), "De imago mundi" by Honorius Augustodunensis (died 1156), "Historia scholastica" by Petrus Comestor (died 1178), "La flor de estoires de la Terre d'Orient" by Haiton (died 1310), and "Epistola Samuelis marroccani" by Alfonsus Bonihomini (died 1353) are demonstrably used in the address of Iohannes of Sulthanyeh to "Ta'rikh-i Sistan" from the 11th century with an addition up to 1325, to the "Chronicle" by Michael the Syrian (died 1199), to "Historia Tartarorum" by De Bridia from 1245, and to "Le Devisement dou monde" by Marco Polo

from 1284. Some of the first information about the Khorezmians, Kurds, Turkmens, Chagatais in Western sources were based on the archbishop of Suthanyeh's own observations, and this expanded data on Tats – not only Iranian ones, but also Caucasian and Crimean.

Keywords: Tatars, Khorezmians, Kurds, Turkmens, Tats, Chagatais, Turks, Sulthanyeh, beginning of the 15th century, “Libellus de notitia orbis”, Iohannes of Sulthanyeh

For citation: Emanov A.G. The Tatar World's peoples catalog by Iohannes of Sulthanyeh in the early 15th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 346–366. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.346-366> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

Очередной виток острейшего противостояния между Западом и Востоком на рубеже XIV–XV вв. произошел в связи с активным продвижением турок-османов в Юго-Восточной Европе, когда Константинополь, столица некогда могущественной империи, оказался на волоске от гибели. У консолидированного Запада явно не хватало сил, что показала роковая для европейского рыцарства битва при болгарском городе Никополе 1396 г. В этой критической ситуации по инициативе римского понтификата было подвергнуто основательной ревизии знание о разнообразных народах Востока, дабы отыскать среди них потенциальных союзников Запада. Здесь особое значение приобретает «Книжица о познании мира» католического архиепископа Султании Иоанна.

Долгое время ученые не располагали о нем достоверной информацией. Иоахим Феллер (1638–1691), директор Ляйпцигской университетской библиотеки, составляя каталог ее собрания рукописных книг, указал название данной книжицы – “Libellus de notitia orbis” и отметил, что она написана монахом ордена проповедников, то есть доминиканцев, в 1404 г. [14, р. 386]. Жак Кетиф (1618–1698), библиотекарь доминиканского монастыря Сент-Оноре в Париже, и его преемник Жак Эшар (1644–1724), описывая ту же книжицу, вынуждены были отмечать касательно автора – “Anonimus” [41, р. 749]. Но сама рукопись более двухсот лет оставалась нетронутой.

В 1936 г. Антон Керн (1883–1956), директор Грацской университетской библиотеки, обнаружил не известную прежде рукопись той же книги с указанием автора – монах доминиканского ордена Иоанн, занимавший должность католического архиепископа Султании (современный Сольтание, Иран) в 1398–1412 гг., а еще прежде бывший епископом Нахичевани с 1377 г. По косвенным признакам Керн предположил, что это мог быть Иоанн де Галонифонтибус, как будто, выходец из французского местечка Денифл-Шателен [29, р. 83]. Позднее предлагались другие идентификации – крепость Гейлфонтен в Нормандии, или даже – Гринлау в Англии [10, р. 291–294]. По водяным знакам бумаги в виде головы быка с цветком Керн датировал рукопись первой четвертью XV в., провел ее сравнение с Ляйпцигским манускриптом и предпринял первую частичную публикацию [29, р. 81–123]. Позднее ученый вновь обращался к выявленному тексту, сообщениям о выходах нефти на Кавказе, крымских готах и цыганах [30, р. 146–154]. Его атрибуции по датировке и авторству (даже без вопросительного знака) сохраняются

библиографами Грацской [23] и Ляйпцигской [21] университетских библиотек и сегодня.

На основе публикации Керна Лайош Тарди (1914–1990), научный сотрудник Национальной библиотеки Венгрии в Будапеште, подготовил в 1970-е гг. перевод с латинского языка на венгерский и английский фрагмента «Книжицы» Иоанна, касавшегося Юго-Восточной Европы и Кавказа [46, р. 91–123].

Томас Кэпелли (1900–1984), президент Исторического института доминиканского ордена в Риме, и Эмилио Панелла, научный сотрудник Центрального Архива того же ордена, выявили еще в 1980-е гг. архивные документы, пролившие свет на происхождение Иоанна, архиепископа Султаныйского: он был уроженцем города Кастамона (современный Кастамону, Турция) [28, р. 172], центра тюркского эмирата Джандар в Пафлагонии; его отец был итальянцем, а мать, вероятнее всего, местной жительницей, гречанкой; с рождения он владел как родными несколькими языками – итальянским, греческим и персидским, а позднее приобрел известность как удивительный полиглот, знавший множество западных и восточных языков. Кэпелли и Панелла нашли буллы римских пап о переводе Иоанна 20 июля 1398 г. с епископской кафедры Нахичевани на архиепископскую кафедру Султании, прежней летней резиденции ильханов, ставшей одной из жемчужин молодой державы Тимуридов, об его поездке на Пизанский собор в 1407–1408 гг., а затем о назначении 12 февраля 1412 г. главой церкви Ханбалыка [27, р. 18–19], столицы монгольской династии Юань в Китае. Ими же была отмечена третья рукопись из Зайтенштеттенской монастырской библиотеки [28, р. 172]. Ее долго считали утерянной. На деле, она находилась в аббатстве ордена бенедиктинцев Зайтенштеттена до 1930 г., потом стала достоянием частной библиотеки австрийского банкира Виктора фон Клемперера и его наследников, а в 1994 г. была приобретена Австрийской национальной библиотекой в Вене [18, р. 571]. Там, в собрании рукописей и старопечатных изданий она и находится сегодня [20].

В конце XX в. Фолкер Райхерт, профессор кафедры истории Средних веков Штуттгартского университета, выявил четвертую рукопись «Книжицы» персидского архиепископа Иоанна [42, р. 349–365] в Санкт-Пёльтенской епархиальной библиотеке [24, fol. 1r–113r].

Тем не менее предварительная публикация латинского текста «Книжицы» архиепископа Султании Антоном Керном оставалась единственной и в XXI в. [11, р. 295–297]. Небольшой фрагмент, освещавший положение позднесредневековой России и Литвы, стал предметом специального исследования Алексея Мартынюка, заведующего кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы [3, с. 79–88]. Белорусский медиевист обратил внимание на визуальную характеристику султаныйского иерарха французским придворным хронистом во время его визита в Париж – он был с большой белой бородой, что не было свойственно католикам, но допускалось в среде монахов-миссионеров на Востоке. Он же привел упоминания в казначейских книгах Мариенбурга (современный Мальборк, Польша), резиденции Великого магистра Тевтонского ордена, выдачи денег 7 и 23 января, а также 23 февраля 1407 г. на прием «епископа с бородой из Персии», который вполне идентифицируется с Иоанном Султаныйским. Мартынюк воспринимает «Книжицу» Иоанна как подлинное открытие Восточной Европы, произошедшее за сто лет до Герберштейна.

Другой фрагмент того же латиноязычного текста, касавшийся Турции, был подвергнут всестороннему анализу Алтаем Озканом, профессором кафедры истории Средних веков Университета Думлупынара [39, р. 121–162]. Турецкий медиевист подчеркнул особую роль персидского католического иерарха в переговорах между Тимуром и государями Запада, в переводе двух писем Тимура и одного письма Мираншаха с персидского языка на латинский. Исследователь сравнил сохранившийся оригинал первого письма, имевшего дату – 1 августа 1402 г. и указание места составления – около Сиваса, с латинским переводом и отметил заметную его коррекцию переводчиком, представившим Тимура более благорасположенным к западным христианам.

В 2015 г. Надия Тарфауи защитила в Национальной школе хартий в Париже магистерскую диссертацию по «Книжице» Иоанна, архиепископа Султаннии, подготовив критическое издание рукописи [47]. Ею рассмотрены 6 списков XV в., два отклонены из-за частичных утрат текста, 4 признаны полными и достаточными для исследования – Грацская, Кlostенбургская, Ляйпцигская и Санкт-Пельтенская. Французский медиевист склонна к пессимистической оценке всего труда доминиканского интеллектуала, который надолго был предан забвению в связи с распадом державы Тимуридов, когда воины сменили миссионеров и купцов, а сила заменила разум.

Камилла Рукспетель, профессор Центра изучения итальянского Возрождения Гарвардского университета, напротив, акцентирует непреходящую значимость полученного султанийским просветителем знания о Востоке на основе многолетнего опыта взаимодействия с представителями различных восточных религий, личного участия в диспутах с богословами восточно-христианских конфессий и ислама, ежедневных наблюдений за образом жизни левантийцев, глубокого понимания их языка [43, р. 561–580]. В некотором смысле Иоанн из Султаннии предвосхитил антропологические штудии нового времени. Поразительно, но американскому исследователю для подобных выводов хватило давней публикации Керна.

Рассмотренный историографический контекст со всей остротой выявляет необходимость охвата всего круга народов под властью татар на основе всех известных рукописей «Книжицы о познании мира» Иоанна Султанийского.

Итак, на сегодняшний день известны 7 рукописей с текстом “*Libellus de notitia orbis*” (Табл. 1). Самой ранней является Ляйпцигская рукопись (21, fol. 183r–251v), датируемая 1410–1420 гг., а самой поздней – Базельская вторая (22, fol. 92r–116v), составленная в 1478–1481 гг. Почти во всех списках в колофоне приводится дата написания оригинала – 1404 г. (20, fol. 212r; 21, fol. 251v; 22, vol. 116v; 23, fol. 127r; 24, fol. 113r; 25, fol. 157v).

Две рукописи «Книжицы» находятся в объемных сборниках с переработкой народного эпоса «История о жизни Карла Великого и Роланда» IX в., с латинской обработкой «Истории Александра Великого» Леоном Неаполитанским X в., «Иерусалимской историей» Фульхерия Шартрского 1101 г. об отвоевании Гроба Господнего, письмами легендарного Пресвитера Иоанна 1165 г., с проповедями Гумберта Романского о возвращении Святой Земли 1270-х гг., со стихотворной «Историей о разрушении Трои» Гвидо де Колумна 1287 г. и др. [22; 25]. Два списка содержатся в кодексах богословского характера, наряду с трактатами Маркварда фон Рандека «О пекулии

Табл. 1. Рукописи «Книжицы о познании мира» Иоанна Султанийского
Tabl. 1. Manuscripts of “Libellus de notitia orbis” by Iohannes of Sulthanyeh

№	Местонахождения рукописи	Сокращенное обозначение местонахождения рукописи	Шифр	Код	Датировка	Фолиация
1	Leipzig Universitätsbibliothek	LUB	Ms. 1225	L	1410/1420	183r-222v
2	Klosterburg Stiftsbibliothek	KSB	Cod. 1099	K	1 четверть XV в.	175r-242v
3	Graz Universitätsbibliothek	GUB	Ms. 1221	G	1 половина XV в.	41r-127r
4	Wien Österreichische Nationalbibliothek	WÖNB	Cod. Ser. N. 39086	W	1450	163r-212r
5	Sankt Pölten Diözesanbibliothek	SPDB	Hs. 63	P	1454/1456	1r-113r
6	Basel Universitätsbibliothek	BUB	Hs. AV25	B ₁	1454/1456	120r-157v
7	Basel Universitätsbibliothek	BUB	Hs. EIII17	B ₂	1478/1481	92r-116v

Рис. 1. Состав рукописных кодексов с «Книжицей о познании мира»
Иоанна Султанийского (составлено автором – А.Е.)
Fig. 1. Manuscript Codices Composition with “Libellus de notitia orbis”
by Iohannes of Sulthanyeh (compiled by the author – A.E.)

монахов» 1360-х гг., Одржея из Чешского Брода «О теле Христовом» 1420-х гг., Хайнриха фон Верла «О непорочном зачатии Девы Марии» 1430-х гг. и т.п. [26; 23]. По одной копии «Книжицы» попали в один переплет с «Королевским зеркалом» Готфрида Витербосского 1183 г., с буллами великих понтификов, золотой буллой императора Карла IV и др. [20]; с сочинениями античных авторов – Теренция, Овидия, Сенеки, Плутарха, с трудами деятелей итальянского и германского Возрождения – Леона-Батисты Альберти 1450-х гг., астронома Георга Пурбаха того же времени и иных [24]; со словарями аптекаря и трав, комментариями к медицинским трактатам Галена и Авиценны и т.п. [21] (Рис. 1).

То есть на протяжении столетия после своего создания «Книжица» персидского клирика с описанием народов Востока приковывала к себе не ослабевавшее внимание европейских интеллектуалов, побуждая создание новых копий. И сама тематика сборников, в составе которых оказывались новые списки рассматриваемого сочинения, убедительно говорит об острых проблемах, волновавших западное общество эпохи преромодерна: периодическое обострение военного противостояния Запада и Востока; возможности преобразования телесности под воздействием божественной благодати; ответственности власти и духовного авторитета в ситуации кризиса; возрождения гуманистических идеалов, а также угрозы здоровью общества в связи с пандемиями, распространявшимися с Востока.

Автор «Книжицы», Иоанн, монах доминиканского ордена, католический архиепископ Султании, благодаря своим врожденным талантам и удивительным лингвистическим способностям, оказался дипломатическим посредником между новым завоевателем Востока Тимуром и западными государями. География его путешествий поражает [35, р. 219–222]: он видел великолепные дворцы и сады Тимура в Самарканде, украшенные голубым изразцом роскошные врата Тебриза, созерцал дворец Великих Комнинов в Трапезунде, поднимался на высокие башни крепости в Кафе, ощущал высоту сводов собора Св. Софии в Константинополе, мерял шагами площадь Св. Марка в Венеции, проходил через Порто Сопрано в Генуе, совершал подъем на Ватиканский холм в Риме, обозревал новый дворец Висконти в Милане, присутствовал на богослужениях в соборе Санта-Мария-Ассунта с падающей колокольной в Пизе, ощущал геральдическое буйство в галереях университета в Болонье, попадал по мостам на остров-крепость Сите в Париже, перед ним открывались врата Вестминстерского дворца в Лондоне, к его ногам опускался мост королевского замка в Бюде, он посещал резиденцию курпфальца в Гейдельберге, бывал в Высоком замке во Львове и в замчище Мариенбурга и др. (Рис. 2).

Бывал Иоанн и в многочисленных небольших городках, где ему доводилось предоставлять индульгенции тем христианам, которые внесли пожертвования на восстановление разрушенных Тимуром христианских церквей в Грузии и Армении, а также на выкуп захваченных в плен христиан. Сохранился один документ от 26 июля 1409 г. о даровании индульгенций на отпущение грехов у алтаря братства тела Христова в церкви Св. Марии в Кронштадтской крепости (современный Брашов, Румыния). Дарителем назван «брат Иоанн, милостью Божией и апостолического престола архиепископ Султании или Востока» (здесь и далее пер. с лат. автора – А.Е.) [51, р. 481].

Рис. 2. Маршруты дипломатических миссий Иоанна Султанийского
 (составлено автором – А.Е.)

Fig. 2. Routes of diplomatic Missions Iohannes of Sulthanyeh
 (compiled by the author – A.E.)

Он встречался едва ли не со всеми первыми лицами тогдашнего Запада [10, р. 291–294]: получал аудиенцию у поощрявшего торговлю индульгенциями римского папы Бонифация IX; общался с раболепствующим перед турецким султаном византийским императором Мануилом II Палеологом; вел переговоры от лица Тимура с бежавшим с поля никопольской битвы венгерским королем Сигизмундом I Люксембургским; вручал тимурово послание французскому монарху Карлу VI и считавшему себя обладателем английского и французского престолов Генриху IV, дождавшись от них ответа, а также писем наследникам мистического пресвитера Иоанна [13, р. 137–139]; он беседовал со вступившим на земли африканских мавров королем Арагона, Валенсии, Сардинии и Корсики Мартином I и победителем Грюнвальдской битвы королем Польши Владиславом I Ягелло; обсуждал условия торговых договоров державы Тимура с дожем Венеции Микеле Стено и губернатором Генуи Жаном II ле Менгром; он искал поддержки у снискавшего недобрую славу многими преступлениями герцога Милана Джана Мария Висконти и у смирителя балтийских пиратов великого магистра Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена, у добившегося отступления турок-османов в Ровинской битве господаря Валахии Мирчи I Старого и удачливого правителя Молдавии Александра I Доброго и др.

Были у Иоанна Султанийского встречи и с близкими по душевному складу личностями. Он не раз бывал в Кафе, останавливался там, определенно, в монастыре Св. Доминика, общался с католическим епископом города в 1404–1417 гг. Джеронимо Каталано [2, с. 592], прежде считавшимся генуэзцем, или выходцем из Ломбардии, принадлежавшим к тому же ордену доминиканцев [15, р. 154–155; 33, fol. 126v], автором богословских трактатов «Комментарии на книги о небе и земле», «О душе и метафизиках», «Размышления о семи покаянных псалмах» [41, р. 749]. Получив назначение на должность управляющего церковью Ханбалыка с юрисдикцией над христианами всего Восто-

ка в 1412 г., султаныйский иерарх так и не добрался до заветной цели, закончил свой жизненный путь в Кафе [34, р. 170–171] в 1423 г. [28, р. 172].

Отмечался достаточно широкий интеллектуальный горизонт автора «Книжицы» [29, р. 91]. Он знал труды богословов – «Этимологии» Исидора (560/570–636), архиепископа Гиспальского; «Об образе мира» Гонория Августодунского (ок. 1080–1154/1156), клирика Регенсбургской часовни; «Схоластическую историю» Петра Коместора (ок. 1100–1178), профессора богословия Парижского университета, где излагалась библейская история. Он был знаком с латинским переводом с арабского и иврита «Письма марроканца Самуила» Алонсо Буэнхембро (?–ок. 1353), доминиканского монаха и епископа Марракеша, где опровергались возражения иудея против основных догматов христианства. Ему были известны некоторые труды восточных авторов в переводе на латинский язык, в частности, «Цветник историй земель Востока» Хетума Патлича (сер. 1240-х гг.–1310-е гг.), монаха премонстранского монастыря на Кипре, где освещалась история господства мусульман на Востоке и завоеваний татар. Он был наслышан о переводах трудов Фомы Аквинского, главного авторитета доминиканцев в богословии, с латинского языка на греческий, к чему был причастен Димитрий Кидонис. Понятное дело, здесь требуется дальнейшее выявление остающихся неизвестными источников «Книжицы».

Иоанн Султаныйский стремился дать конфессиональную и языковую характеристику народов Востока, обращая внимание не только на устную речь, но и письмо, алфавит. Он предложил своеобразную типологию народов по религиозным основаниям. Первую категорию составляли католики (*catholici*), представители вселенского церковного учения, единственно правильного и направлявшегося римскими папами. Вторую позицию занимали еретики или схизматики (*heretici sive scismatici*), именовавшиеся христианами, но впавшие в заблуждения и следовавшие своим собственным ересиархам и патриархам-схизматикам. К ним же относились мусульмане и иудеи (*Machumetisti, Iudei*), поскольку они верили в единого Бога-Творца неба и земли, видимого и невидимого, но не называли его Отцом, следовали своим собственным Священным писаниям соответственно – Корану и Талмуду. Третью группу формировали язычники (*pagani*), которые поклонялись идолам и совершали жертвоприношения, включая человеческие [20, fol. 163r; 21, fol. 183r; 22, fol. 92r; 23, fol. 41r; 24, fol. 3r; 25, fol. 175r; 26, fol. 120r]. В таком подходе ощущалось свойственное европейцу той эпохи убеждение в исключительности западного общества.

После некоторых пояснений, Иоанн продолжал: «...Если кто пожелает узнать что-то большее относительно народов, следовавших ложным учениям и обрядам, то пусть обратится к труду Алонсо [Буэнхембро – А.Е.] и иных [авторов], писавших о подобных вещах, помимо данной книжицы, когда речь пойдет о регионах и царствах, где таковые обитают и каковые следуют тем учениям. И из них наиболее значимыми являются следующие: персы, мидийцы, парсы, эламиты, халдеи, арабы в большей мере, хорезмийцы, татары в большей мере, курды, турки, туркмены, иранцы, таты, китайцы, чагатаи и многочисленные другие меньшие народы, о каковых в сообщениях о соответ-

ствующих местах и провинциях будут приведены сведения и об образе жизни, и о языке их, и о нравах» [21, fol. 185v; 23, fol. 49r; 24, fol. 11v].

Приведенный Иоанном Султаньским каталог народов Востока может вызвать много недоумений. Прежде всего, демонимы «персы»¹, «парсы»², «мидийцы»³ и «иранцы»⁴ кажутся разными обозначениями одного и того же народа. Термин «персы» являлся экзоэтнонимом, возникшим в древности в эллинской среде и перешедшим во все европейские языки со времен средневековья для обозначения племен Иранского нагорья; сами себя они называли «парса», или «фарса» (крепкий), «парсавана», или «фарсавана» (сильный), но еще чаще «ирани», «арьи», «арии» (господа) [36, p. 534]. Примечательно, что в Средние века византийцы и европейцы называли «персами» и тюрок-сельджуков, и монголов державы Хулагуидов, и позднее турок-османов [17, col. 1003; 32, col. 427; 38, col. 671–672, 742, 835, 837; 44, col. 483], поскольку они пользовались персидским языком как средством официального и культурного общения и проживали в области Парса / Фарса, или Ирана.

¹ Персы (Persae / Perses / Πέρσαις / Πέρσαι) – европейское обозначение ираноязычного народа Иранского нагорья, Таджикистана и Афганистана; эндоэтнонимы – «парса», «фарса», «парсавана», «ирани», «арии»; экзоэтнонимы – «аджами» (бормочущие, араб.), «ал-фурс» (персы, араб.); язык – «парсик», сложился в эпоху Сасанидов; «пехлеви», получил развитие в постсасанидскую эпоху на основе собственного алфавита, испытал влияние арабизации с VII в., тюркизации с XI в. и монголизации с XIII в.; относится к юго-западной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи; религия – маздаизм.

² Парсы (Parthi / Parphi / Πάρθοι) – европейское и индийское обозначение ираноязычного народа области Парса / Фарса, Западной и Южной Индии; эндоэтнонимы – «бехдины» (приверженцы правильного учения), «зертоштиджан» (последователи Зороастра); экзоэтнонимы – «парсы» (выходцы из Парса, греч., лат., инд.); язык – среднеиранский «пехлеви», в ходе миграций из Парсы в Гуджарат с VIII в. наметился переход на «гуджарати», но сохранился пехлеви в богослужении на основе авестийского алфавита (ден-дибирих); относится к юго-западной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи; религия – зороастризм.

³ Мидийцы / мидяне (Medi / Μῆδοι) – европейское обозначение древнего кочевого ираноязычного народа исторической области Мидия, от реки Аракс и горы Эльбрус на севере – до Парса / Фарса на юге, от гор Загроса на Западе – до пустыни Деште-Кевир на Востоке; эндоэтноним – «арии»; экзоэтнонимы – «мидой», «миди» (выходцы из Мидии, греч., лат.), «марк» (арм.); язык – мертвый, нет письменных памятников, нет надписей; гипотетически относится к северо-западной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи; его потомками считаются языки курди, белуджи; религия – зороастризм.

⁴ Иранцы (ērānī) – восточное обозначение ираноязычного народа обширной территории от гор Кавказа на севере – до Персидского залива и Индийского океана на юге, от Египта на Западе – до Согдианы на востоке; эндоэтнонимы – «ирани», «арии»; экзоэтнонимы – «персы» (греч., лат.), «гелен ари» (курд.); с XI в. «иранцами» стали обозначать жителей западной части иранских земель, отличая их от «туранцев» [MacKenzie, p. 534]; язык составляет иранскую группу индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи; религия – ислам шиитского направления.

Мидийцы, эламиты⁵ и халдеи⁶ обычно считаются исторически вымершими народами, исчезнувшими ко времени Средних веков. Правда подобные демони́мы продолжали использоваться в отличавшейся устойчивым консерватизмом византийской хронографии для обозначения новых тюркских и монгольских народов, на которые переносились названия занятых ими территорий – Мидии, Элама и Халдеи [38, col. 497, 582, 795–796]. Последний термин и вовсе приобрел в богословской литературе нарицательный смысл, обозначая колдунов, магов и лжепрорицателей [8, col. 463].

Приходится признать, что упоминание подобных метаэтносов в тексте Иоанна Султанйского имело не исторический, а более существенный, сакрально-легитимирующий смысл. Первые шесть народов следует отнести к древним библейским племенам (Табл. 2).

Табл. 2. Каталог народов татарского мира по «Книжице о познании мира»
Иоанна Султанйского
Tabl. 2. Tatar World’s Peoples Catalog according to “Libellus de notitia orbis”
by Iohannes of Sulthanyeh

№	Древние народы Библии	№	Новые народы
1.	<u>Persii</u> / Персы	7.	<u>Korasmī</u> / Хорезмийцы
2.	<u>Medi</u> / Мидийцы	8.	<u>Tartari</u> / Татары
3.	<u>Parte</u> / Парсы	9.	<u>Curdi</u> / Курды
4.	<u>Elamite</u> / Эламитяне	10.	<u>Turci</u> / Турки
5.	<u>Caldei</u> / Халдеи	11.	<u>Turcmani</u> / Туркмены
6.	<u>Arabes</u> / Арабы	12.	<u>Irani</u> / Иранцы
		13.	<u>Tati</u> / Таты
		14.	<u>Catai</u> / Китайцы
		15.	<u>Zocatai</u> / Чагатаи

Их генеалогия наделялась высшей санкцией «Таблицы народов» Вульгаты, ведущих начало от Ноя. Последовательность и даже написание этнонимов повторяли топику «Деяний Апостолов», где повествовалось о чуде нисхождения святого духа в виде неопалимого небесного огня, когда собравшиеся в храме заговорили на разных языках и могли понимать друг друга: “... et Parthi, et Medi, et Aelamite ... et Arabes” [Act.Ap. 2:9-11; Праѡ.Ап. 2:9-11; 48,

⁵ Эламиты / эламитяне (Aelamitae / Elamiti / Ἐλαμίται) – европейское обозначение народа области Элама в долине рек Каруна и Керхе; эндоэтноним – «халтамти»; «эламту» (жители Элама, греч., лат.); язык – изолят, мертвый, языковая принадлежность не установлена; эламские линейное письмо и клинопись не расшифрованы; религия – язычество.

⁶ Халдеи (Chaldei / Χαλδαῖοι) – европейское обозначение полукоочевого семитского народа междуречья Тигра и Евфрата; эндоэтноним – «ассуры» (жители города Ассура); экзоэтнонимы – «касдим» (арам.), «халдеи» (бандиты, грабители, евр.), «назран» (перс.), «айсор» (арм.); язык – ассирийский; относится к западной семитской подгруппе семитской группы семито-хамитской (афразийской) языковой семьи.

р. 1005; 49], которые установили духовную власть во всем известном тогда мире. Однако персидским иерархом были сделаны две существенные конъектуры – перед «парсами» были помещены «персы», а перед «арабами» были названы «халдеи». Персы и парсы в логике иранского архиепископа сильно различались по религиозным убеждениям. Первые были язычниками, последователями Мазды, не знавшими сакрального алфавита и писания, совершавшими человеческие жертвоприношения. Вторые верили во второе пришествие Зороастра, знали особый алфавит ден-дибирих, священное писание – Авесту, придерживались строгих моральных норм, не допускали жертв людей и животных. Древних персов сменил новый народ – иранцы, которые сделали выбор в пользу ислама. Этот демоним не известен ни византийским, ни западным средневековым авторам. Иоанн опирался в данном случае на свой жизненный опыт. Возможно, ему были знакомы некоторые восточные источники, например, «Та'рих-и Систан» [6, с. 53], обширная история Ирана, составленная в XI в. и пополнявшаяся в дальнейшем, вплоть до 1325 г. Парсы же сохранили свою религиозную принадлежность зороастризму даже в ситуации массового распространения ислама.

Сложнее обстоит дело с халдеями. В Средние века волновали воображение «Халдейские оракулы», собранные в IV в. [5, с. 866–874], постоянно предававшиеся уничтожению византийскими императорами, но продолжавшие существовать. В них отыскивались предсказания грядущих испытаний. Оракулы послужили особым Священным писанием для сторонников халдеизма, признававших в качестве основы мироздания божественную Триаду во главе с Отцом. Однако едва ли подобное сообщество дожило до рубежа XIV–XV вв. На Западе в эпоху Возрождения возникло увлечение «халдейским алфавитом», использовавшимся в тайнописи. Вообще западные источники знали только халдеев древности [40, col. 1088; 45] и ничего не сообщали относительно их средневековых потомков. Здесь Иоанну Султанйскому также приходилось обращаться к своему опыту и восточным источникам. Самым значительным текстом в этом плане, конечно же, была «Хроника» Михаила Сирийца (1126–1199), патриарха Сирийской православной церкви, отразившая историю Востока от Сотворения мира до XII в. Как раз Михаил подчеркивал, что хотя ассирийцы и арамеи и являлись потомками разных отцов, сыновей Сима – Асура и Арама, они равно назывались «халдеями». К XII в. стало осознаваться различие между ассирийцами и арамеями, проживавшими к западу и востоку от Евфрата. Западных ассири-арамеев стали называть «сирийцами», и они придерживались яковитской церкви, пользовались сирийским языком и своим особым письмом «серто», состоявшим из согласных, почитали свое Священное Писание – Пешитту, а их восточных сородичей стали обозначать «халдеями» [50], и они придерживались несторианства, пользуясь «халдейским» языком и опираясь на свое особое письмо «калдайя». Кроме того, среди восточной общности ассири-арамеев выделялась группа ягудиан-и ирани, «персидских евреев», почитавшая в качестве Священного писания Тору и пользовавшаяся для ее записи особым алфавитом «ктав асури». Их тоже могли называть халдеями.

Еще один народ из древности благополучно перешел в современную Иоанну Султанийскому эпоху – арабы⁷. Автор относительно арабов подчеркивал “pro maiore parte”, осознавая, что это не этноним, и даже не политоним, а конфессионим, объединявший большую часть самых различных семито-, ирано-, тюрко-язычных народов от Пиренейского полуострова на западе – до Китая на Востоке и от Индийского океана на юге – до Кавказа и Средней Азии на севере, на основе принадлежности к исламу и использования арабского языка и письменности как священного слова Корана.

Вслед за этим помещались новые народы, не известные Библии и отцам церкви. И первыми из них были названы хорезмийцы⁸. Их первенство мотивировалось древностью и оседлым, городским образом жизни. В своих познаниях об этой общности Иоанн был обязан Хетуму Патличу [7, с. 211; 31, р. 123], правда он удержался от их характеристики как этноса языческого и бесписьменного.

Только после хорезмийцев назывались татары⁹, причем еще в архаической транскрипции и огласовке как «тартары». В их отношении, так же, как и по поводу арабов, употреблен оборот “pro maiore parte”. Однако эта метаэтническая общность имела иное объединявшее начало: не столько религию (ислам) и язык богослужения (аль-арабия), сколько разговорный язык повседневного общения, собственно татарский. Иоанн многократно подчеркивал, что в бескрайнем мире татар все говорили по-татарски; это касалось и иран-

⁷ Арабы (Arabes / Ἀράβες) – европейское обозначение семитоязычного населения Аравии, Северной Африки и Ближнего Востока; эндоэтноним – «аль-араб»; экзоэтнонимы – «сарацины» (дети Сары, жены Авраама, греч., лат.), «агаряне» (дети Агари, наложницы Авраама, слав.), «исмаилиты» (дети Исмаила, слав.), «мавры» (черные, исп., порт., фр.), «тазик» (араб, сред.-перс.), тачик (араб, арм.); язык – «аль-арабия», «аль-фусха», литературный арабский сложился в VII в.; использовались две системы письма – «аджад» (письмо без гласных) и «абугида» (слоговое письмо); относится к центрально-семитской ветви западной семитской подгруппы семитской группы семито-хамитской (афразийской) языковой семьи; религия – ислам.

⁸ Хорезмийцы (Corasmi / Χαρασμίᾱν) – европейское обозначение ираноязычного земледельческого населения оазиса в низовьях Амударьи; эндоэтноним – «хорезмилер» (люди плодородной земли); экзоэтнонимы – не известны; язык – мертвый северо-восточной иранской подгруппы иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи, пользовался хорезмийским алфавитом, созданным на основе арамейского письма, с VIII в. испытал сильное влияние арабизации, с XIII в. был вытеснен в разговорном обиходе тюркским языком; религия – в древности зороастризм, с VIII в. – ислам.

⁹ Татары (Tartari / Tharthari / Tatari / Τάρταροι) – европейское обозначение тюркоязычного кочевого, полукочевого и оседлого населения Прибалтики, Причерноморья, Поволжья, Приуралья, Сибири, Центральной Азии и Иранского нагорья; эндоэтнонимы – «татарлар», «ман-хо» (монголы); экзоэтнонимы – «татары» (множество, кипчак, рус.), «тартары» (обитатели Тартара, ада, греч., лат.) «скифы» (жители Скифии, греч.), «да-дань» (кит.); язык – татарский сложился в ходе длительного глоттогенеза на основе взаимодействия булгарского, хазарского, кипчакского языков, с IX в. испытал влияние арабизации, с XIII в. монголизации, относится к поволжско-кипчакской подгруппе кипчакской группы тюркской ветви западной тюрко-монгольской подсемьи алтайской языковой подсемьи; религия – до XIII в. тенгризм, почитание Бога Неба, с XIII в. – ислам; кроме этого, были распространены христианство несторианского направления и позднее буддизм.

цев, и греков, и русских, и валахов, и кавказцев [21, fol. 195v; 23, fol. 69v–70r], а также и египтян, где правили мамлюки со значительным тюркским компонентом, и монголов, и китайцев. То есть в его логике «татарами» назывались не прореченные в апокалиптических видениях обитатели «Тартара» [9, р. 85–86; 19, col. 754], некоего подземного царства, вышедшие на поверхность земли и несшие гибель миру, и даже не монголы, выходцы из далеких восточных пустынь, где протекала река Татар [1, с. 100–101], а самые разнообразные народы Евразии и отчасти Афразии, придерживавшиеся разных верований, но использовавшие на трансконтинентальных путях между Западом и Востоком универсальный язык – татарский. Еще за полвека до Иоанна Султанийского этот язык европейцы называли «команским» [16, р. 21], а в его время стали определять как «татарский» [21, fol. 195v; 23, fol. 69v]. Еще через полвека Лаоник Халкокондил потребует решительно отказаться от срединного звука «р» в названии этой общности: не – «тартары», но – «татары» [32, col. 331].

Следом шли курды¹⁰. Этот демоним вовсе не был известен ни византийским, ни латиноязычным авторам средневековья. О них персидский иерарх получил сведения как от уже называвшегося Михаила Сирийца [4, с. 49–50], так и из своего опыта. Пожалуй, это было едва ли не самое первое сообщение о курдах в латинской литературе. У курдов, как и у халдеев, к XII в. стали сильно различаться две территориальные лингво-конфессиональные группы. Северо-западная часть населения приняла ислам и перешла на тюркский язык «курманджи» в повседневной жизни и арабский язык в богослужении. Юго-восточная часть населения сохранила курдский язык как в повседневной жизни, так и религиозном культе и стала придерживаться особого вероучения – езидизма, вобравшего в себя нормы зороастризма, ислама, несторианства и даже иудаизма.

Затем назывались турки¹¹ и туркмены¹², между которыми увидеть различия еще труднее, нежели между двумя группами халдеев, или курдов, по-

¹⁰ Курды (Curdi) – европейское обозначение кочевого, переходившего к оседлости ираноязычного населения Верхнего междуречья Тигра и Евфрата, части Армянского и Иранского нагорий; эндоэтноним – «курд» (герой, парф.), «курмандж» (мужчина, тюрк.); экзоэтнонимы – «ал-акрад» (араб.), «мард» (арм.); язык – «курди», относится к северо-западной иранской подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи, с XI в. часть курдов перешла на тюркский язык «курманджи», другая часть курдов сохранила «курди»; религия – в древности зороастризм, с XII в. – езидизм, или «шарфадин» (благое учение), совмещавший идеи ислама, несторианства, зороастризма и иудаизма.

¹¹ Турки (Turci / Turchi / Тоуркои) – европейское обозначение тюркоязычных кочевников, мигрировавших из Центральной Азии на Запад, в Малую Азию; эндоэтноним – «тюрклер» (сильный, крепкий, следующий обычаям, а также др. версии); экзоэтнонимы – «тевкры» (нем.), «туркмены» (монг.), «тачики» (арм.); язык – «тюркче», «тюрк дили», относится к огузской группе юго-западной тюркской ветви западной тюрко-монгольской подсемьи алтайской языковой семьи; турки в ходе переселения в Малую Азию смешались с персами, греками, курдами, армянами, евреями, арабами, монголами, перешли в богослужении на арабский язык и на персидский язык в дипломатии, культуре, праве и экономике, сохранив тюркче в повседневной жизни; религия – ислам суннитского направления.

сколько они были едины и по вере, и по языку, придерживались ислама суннитской формы и пользовались огузским языком. Единственное различие, каковое можно заметить – территориально-культурное. Турки больше тяготели к Западу, а туркмены – к Востоку. Не удивительно, что турок часто упоминали в латино-язычных исторических и политических трудах: в XI–XIV вв. о них писал 41 автор в 53 сочинениях [12]. Туркмен же почти не знали. Однако султанйский архиепископ сведения о тех и других черпал из «Та’рих-и Систан» [6, с. 65] и «Хроники» Михаила Сирийца [4, с. 49–50].

Но, пожалуй, самым экзотическим народом в рассматриваемом каталоге были таты¹³. Подобный демоним настолько резал глаз и слух средневековым западноевропейским писцам, что он приводился не во всех списках «Книжцы» и попросту опускался, а там, где его все-таки оставляли, он подвергался несусветным искажениям. Здесь также персидский иерарх апеллировал к своему опыту. Иранские таты придерживались ислама, пользовались арабским языком и письмом в богослужении, иранским языком в разговорной коммуникации. Помимо них были еще две группы татов на Кавказе и в Крыму. Кавказские таты были мусульманами суннитского и шиитского направлений, арабо- и тюркоязычными, а крымские таты следовали греческому православию, знали греческий язык и алфавит в религиозной сфере и тюркский разговорный язык [21, fol. 195v; 23, fol. 69v].

В конце перечня назывались китайцы¹⁴ и чагатаи¹⁵. Судя по близости написания демонима “catai”, Иоанн мог получить информацию о них из «Книги» Марко Поло [37, р. 153, 173]. Подобное обозначение через транслитерацию кипчакского и русского мира стало достоянием западной культуры, указывая

¹² Туркмены (Türkmenî / Turcmanî / Turcomanî / Тоѹркоманои) – европейское обозначение тюркоязычных кочевников Центральной Азии; эндоэтноним – «огузы» (благородные люди), «тюрменлер» (истинный тюрк, великий тюрк); экзоэтнонимы – «туркоманы» (визант., лат.), «туркмены» (монг.), «торкмены» (др. рус.); язык – «тюркменче», «тюркмен дили», относится к огузской группе юго-западной тюркской ветви западной тюрко-монгольской подсемьи алтайской языковой семьи; религия – ислам суннитского направления.

¹³ Таты (Tati) – европейское обозначение ираноязычного земледельческого населения северо-западной части Иранского нагорья; эндоэтноним – «тати», «парси», «даглы», «лохиджи»; экзоэтноним – «таты» (рус.); язык – «зухун тати», относится к северо-западной иранской подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи.

¹⁴ Китайцы (Catai) – европейское обозначение оседлого высокоразвитого населения междуречья Янцзы и Хуанхэ; эндоэтнонимы – «чжунгожэнь» (человек срединного государства, кит.), «хуажэнь» (человек процветающей страны, кит.), «ханьцзу» (ханьцы); экзоэтнонимы – «китайцы» (от «кара-китай», «кара-кидани», монгольские кочевники на Дальнем Востоке, от которых русские узнали о китайцах, рус.), «хатай» (китайцы, араб.); язык – «путунхуа», составляет китайскую ветвь сино-тибетской языковой семьи, в XIII–XIV вв. в условиях господства монгольской династии Юань испытал определенную монголизацию; религия – конфуцианство, даосизм, чаньбуддизм.

¹⁵ Чагатаи (Zocatai) – европейское обозначение тюркоязычного кочевого населения Мавераннахра; эндоэтноним – «чагатй эли» (воины-всадники); экзоэтнонимы – «караунасы» (черные, монг.); язык – «чагатай», или «тюрки», относится к карлукско-хорезмийской группе тюркской ветви западной тюрко-монгольской подсемьи алтайской языковой семьи; испытал воздействие иранизации и арабизации; религия – ислам.

северную часть Китая. Южная часть благодаря индийско-арабской, а затем и итальянской трансляции обрела другие вербальные маркеры – «Хина», «Сина» и «Чина».

В целом, в проанализированном каталоге народов Востока начала XV в. татары представляли новым народом, занявшим то место, каковое в древности принадлежало персам, а в недавнем прошлом – арабам. Но они сообщали единство татарскому миру не столько благодаря мощи универсальной политической системы (ее воздействие имело ограниченный по времени характер – Иоанн еще не успел получить все ответы от западных монархов, когда разнеслась весть о смерти Тимура), не столько по причине преимуществ новой мировой религии (она родилась в лоне другой культуры), сколько в силу особой роли татарского языка как наиболее совершенного средства общения на всех северных и южных ответвлениях Великого шелкового пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Де Бридиа Ц. История Тартар / пер. с лат. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. С. 75–126.
2. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. СПб.: Алетейя, 2022. 734 с.
3. Мартынюк А.В. Русь и Литва в сочинении Иоанна де Галонифонтибуса // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2011. № 4. С. 79–88.
4. Михаил Сириец. Хроника / пер. с сир. Р.А. Гусейнова // Письменные памятники Востока. 1973. М.: Наука, 1979. С. 26–54.
5. Светлов Р.В., Шмонин Д.В. Порфирий, халдеи, иудеи // *Σχολη*. 2023. Vol. XVII. № 2. С. 866–874.
6. Смирнова Л.П. Та'рих-и Систан / пер. с перс. М.: Наука, 1974. 569 с.
7. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: сведения латинских источников о Золотой Орде в правление Хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. 976 с.
8. Beda. *De ratione temporum* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1850. T. XC. Col. 293–578.
9. Brandes W., Schmieder F., Voß R. (eds.). *Peoples of the Apocalypse: eschatological Beliefs and political Scenarios*. Berlin: De Gruyter, 2016. 377 p.
10. Casali Ch. John of Sultāniyya // *Christian-Muslim Relations: A bibliographical History* / ed. by D. Thomas and A. Mallert. Leiden: Brill, 2013. Vol. V (1350–1500). P. 291–294.
11. Casali Ch. *Libellus de notitia orbis* // *Christian-Muslim Relations: A bibliographical History* / ed. by D. Thomas and A. Mallert. Leiden: Brill, 2013. Vol. V (1350–1500). P. 295–297.
12. Chadwyck-Healey Ch. (ed.). *Patrologia Latina Database*. Chicago: Chicago University Press, 2019. [Electronic Resource]. URL: <https://lib.uchicago.edu/efts/PLD> (date accessed 20.12.2024).
13. Chiesa P. Cartoline dalla Francia. Una (supposta) lettera di re Carlo VI al Prete Gianni // *Viaggiare fra le carte. Studi in onore di Bruno Figliuolo* / a cura di E. Scarton e F. Senatjre. Napoli; Federico II University Press, 2024. P. 135–150.

14. Feller J. *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Paulinae in Academia Lipsiensi*. Lipsiae: J.F. Gleditsch, 1686. 450 p.
15. Fontana V.M. *Sacrum theatrum dominicanum*. Romae: Ex typographia Nicolai Angeli Tinassii, 1666. 699 p.
16. Francesco Balducci Pegolotti. *Pratica della mercatura* / ed. by A. Evans. Cambridge Massachusetts: The Mediaeval Academy of America, 1936. 443 p.
17. Galterius Cancellarius. *Antiochena bella* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. T. CLIV. Col. 995–1037.
18. Glaßner Ch. *Schmerzliche Verluste. Zu den Handschriftenverkäufen des Benediktinerstiftes Seitenstetten in der Zwischenkriegszeit* // *Studien und Mitteilungen zur Geschichte des Benediktinerordens und seiner Zweige*. 2020. Bd. CXXXI. S. 561–576.
19. Hieronymus Stridonensis. *Commentaria ad Iob* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1845. T. XXVI. Col. 619–802.
20. Iohannes archiepiscopus OP. *Libellus de notitia orbis* // *Sammelband mit Handschriften und Inkunabeln*: [Manuscriptum]. [S. I], 1450 / Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Cod. Ser. N 39086. Fol. 163r–212r. [Electronic Resource]. URL: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_4599346&order (date accessed 20.12.2024).
21. Iohannes de Galonifontibus. *Libellus de notitia orbis* // *Medizinisch-kosmographische Sammelbandschrift*: [Manuscriptum]. [S. I], 1412, um 1380/1390, um 1410/1420 / Leipzig Universitätsbibliothek. Ms. 1225. Fol. 183r–251v. [Electronic Resource]. URL: <https://handschriftenportal.de/workspace> (date accessed 20.12.2024).
22. Iohannes Sultaniensis. *Libellus de notitia orbis* // *Historia de terries orientalibus; legendae*: [Manuscriptum]. [S. I], 1478–1481. / Basel Universitätsbibliothek, Hs. EIII17. Fol. 92r–116v.
23. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) O.P. *Libellus de notitia orbis* // Andreas De Broda. *Durandus de Sancto Porciano*. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus): [Manuscriptum]. [S. I], erste Hälfte 15 Jh. / Graz Universitätsbibliothek, Ms. 1221. Fol. 41r–127r.
24. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) OP. *Libellus de notitia orbis* // *Sammelhandschrift mit überwiegend humanistischen Texten*: [Manuscriptum]. [S. I], 1454–1456. / St. Pölten, Diözesanbibliothek. Hs. 63. Fol. 1r–113r. [Electronic Resource]. URL: https://images.icar-us.eu/matricula/DASP/kirche.lokal/Proj/LZArchiv/DZArchiv/DASP-digital/I_DA/04_Slg/02_HS/Hs063.jpg (date accessed 20.12.2024).
25. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) OP. *Libellus de notitia orbis* // Guido de Columnis. *Historia Alexandri Magni*. Ps. Alexander Magnus. Iohannes Sultaniensis. Ps. Iohannes Presbyter. Ps. Clemens V. Papa: [Manuscriptum]. [S. I], 1 Viertel 15. Jh. / Klosterneuburg, Stiftsbibliothek. Cod. 1099. Fol. 175r–242v. [Electronic Resource]. URL: <https://manuscripta.at/digitalisate.php> (date accessed 20.12.2024).
26. Iohannes III archiepiscopus Sultaniensis OP. *Libellus de notitia orbis* // *Sammelhandschrift (Theologie)*: [Manuscriptum]. [S. I], 1454–1456. / Basel Universitätsbibliothek, Hs. AV25. Fol. 120r–157v.
27. Kaepelli Th. *Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi*. Rome: Ad S. Sabine, 1980. Vol. III. 358 p.
28. Kaepelli Th., Panella E. *Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi*. Rome: Istituto Storico Domenicano, 1993. Vol. IV. 718 p.
29. Kern A. *Der “Libellus de notitia orbis” Johannes’ III. (De Galonifontibus?) O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh* // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1938. Vol. VIII. P. 82–123.

30. Kern A. Miszellen aus einem Text vom Jahre 1404: a) Erdöl im Kaukasus, b) Zigeuner, c) Krimgoten // *Frühgeschichte und Sprachwissenschaft*. Wien: Gerold, 1948. Bd. I. P. 146–154.

31. Kohler C. (ed.). *Reçueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. Vol. II: Documents Latins et Français relatifs à l'Arménie. Paris: Imprimerie nationale, 1906. 1038 p.

32. Laonicus Chalcocondyla. *Historiarum libri decem* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Graeca / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1866. T. CLIX. Col. 9–554.

33. Leonardo A. *De viris illustribus ordinis praedicatorum*. Bononiae: H. Platonis, 1517, 537 fol.

34. Loenertz R. *La société des frères pèlerins. Études sur l'Orient Dominicain*. Roma: Istituto storico Domenicano, 1937, 209 p.

35. Luttrell A. *Timur's Dominican Envoy* // *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V.L. Méléage* / ed. by C. Heywood and c. Imber. Piscataway: Gorgias Press, 2011. P. 209–230.

36. MacKenzie D.N. *Ērān, Ērānšahr* // *Encyclopedia Iranica*. New York: Columbia University Press, 2011. Vol. VIII. Fasc. 5, p. 534.

37. Marco Polo. *Le Devisement dou monde* / testo a cura di M. Eusebi. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2018. 602 p.

38. Nicephorus Gregoras. *Byzantinae Historiae* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Graeca / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1865. T. CXLVIII. Col. 119–1527.

39. Özcan A.T. *Timur'un Elçisi Sultaniyeli Johannes ve 'Libellus de Notitia Orbis' adli eserinden bazı parçalar* // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Geğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Araştırmaları Degrisi*. 2014. H. LV. P. 121–162.

40. Petrus Comestor. *Historia scholastica* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1855. T. CXCVIII. Col. 1053–1722.

41. Quétif J., Échard J. *Scriptores Ordinis Praedicatorum*. Lutetiae Parisiorum: J.-B. Christophorum Ballard, 1719. T. I. 1010 p.

42. Reichert F. *Johannes von Soldania – ein persischer Erzbischof in österreichischen Handschriften* // *Studien und Forschungen aus dem Niederösterreichischen Institut für Landeskunde*. Sankt-Pölten, 1999. Bd. XXVI. P. 349–365.

43. Rouxpetel C. *Experiencia et lingua: aux sources de la construction d'un savoir dominicain sur les Oriens chrétiens et islamiques* // *Savoir profanes dans les ordens mendiants en Italie (XIIIe–XVe siècle)* / sous la dir J. Chandelier et A. Robert. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2023. P. 561–580.

44. Sicardus Cremonensis. *Chronicon* // *Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum*. Serie Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1855. T. CCXIII. Col. 441–540.

45. Sylvan A. (ed.). *Petrus Comestor. Scolastica historia*. Turnhout: Brepols, 2005. 227 p.

46. Tardy L. *Johannes de Galonifontibus 1404. Evi utibes zāmolōja a Kaukāzusi nepekköl* // *Antik Tanulmányok (Studia Antiqua)*. Budapest, 1977. T. XXIV, no. 1-2. P. 91–123.

47. Tarfaoui N. *Le 'Libellus de Notitia orbis' de Jean, archevêque de Sultanieh: édition critique et commentaire: Thèse*. Paris: École National des chartes, 2015. 269 p.

48. Weber R., Gryson R. (eds.). *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*. Stuttgart: Deutsche Biblegesellschaft, 2007. 1980 p.

49. Williams P.J. (ed.). Septuaginta. Cambridge: Tyndale House, 2020. [Electronic Resource]. URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (date accessed 20.12.2024).
50. Younan A. Chaldeans and Assyrians in the Middle Ages. [Escondido], 2024. [Electronic Resource]. URL: <https://younan.blog/2024/04/02/chaldeans-and-assyrians-in-the-middle-ages> (date accessed 20.12.2024).
51. Zimmermann F., Werner C. (eds.). Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Köln, 1902. Bd. III.

REFERENCES

1. De Bridia C. Tartar's History. Christian World and "The Great Mongol Empire". Materials of Franciscan Mission in 1245. St.Petersburg: Eurasia, 2002, pp. 75–126. (In Russian)
2. Emanov A.G. The celestial Jerusalem or the Babylon: the fate of medieval Caffa's/Feodosia's. St.Petersburg: Aletheia, 2022. 734 p. (In Russian)
3. Martynyuk A.V. Russia and Lithuania in the Work of John de Galonifontibus. *Studia Historica Europae Orientalis*. 2011, no. 4, pp. 79–88. (In Russian)
4. Michael the Syrian. Chronicle. Written Monuments of the East. 1973. Moscow: Nauka, 1979, pp. 26–54. (In Russian)
5. Svetlov R.V., Shmonin D.V. Porphyry, Chaldaism, Judaism. *Σχολη = Scholē: Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2023, vol. 17, no. 2, pp. 866–874. (In Russian)
6. Smirnova L.P. Ta'rikh-i Sistan. Moscow: Nauka, 1974. 569 p. (In Russian)
7. Khautala R. In the Lands of "Northern Tartary": Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (In Russian)
8. Beda. De ratione temporum. Patrologiae cursus completus. Serie Latina. Vol. 90, 1850. cols. 293–578.
9. Brandes W., Schmieder F., Voß R. (eds.). Peoples of the Apocalypse: eschatological Beliefs and political Scenarios. Berlin: De Gruyter, 2016. 377 p.
10. Casali Ch. John of Sulṭāniyya. Christian-Muslim Relations: A bibliographical History. Vol. 5 (1350–1500), 2013, pp. 291–294.
11. Casali Ch. Libellus de notitia orbis. Christian-Muslim Relations: A bibliographical History. Vol. 5 (1350–1500), 2013, pp. 295–297.
12. Chadwyck-Healey Ch. (ed.). Patrologia Latina Database. Chicago: Chicago University Press, 2019. [Electronic Resource]. URL: <https://lib.uchicago.edu/efts/PLD> (date accessed 20.12.2024).
13. Chiesa P. Cartoline dalla Francia. Una (supposta) lettera di re Carlo VI al Prete Gianni. Viaggiare fra le carte. Studi in onore di Bruno Figliuolo. 2024, pp. 135–150.
14. Feller J. Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Paulinae in Academia Lipsiensi. Lipsiae: J.F. Gleditsch, 1686. 450 p.
15. Fontana V.M. Sacrum theatrum dominicanum. Romae: Ex typographia Nicolai Angeli Tinassii, 1666. 699 p.
16. Francesco Balducci Pegolotti. Pratica della mercatura. Edited by A. Evans. Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America, 1936. 443 p.
17. Galterius Cancellarius. Antiochena bella. Patrologiae cursus completus. Serie Latina. Vol. 154, 1854, col. 995–1037.
18. Glaßner Ch. Schmerzliche Verluste. Zu den Handschriftenverkäufen des Benediktinerstiftes Seitenstetten in der Zwischenkriegszeit. Studien und Mitteilungen zur Geschichte des Benediktinerordens und seiner Zweige. Vol. 131, 2020, pp. 561–576.
19. Hieronymus Stridonensis. Commentaria ad Iob. Patrologiae cursus completus. Serie Latina. Vol. 26, 1845, col. 619–802.
20. Iohannes archiepiscopus OP. Libellus de notitia orbis. Sammelband mit Handschriften und Inkunabeln: [Manuscriptum]. [S. I], 1450. Wien, Österreichische

Nationalbibliothek. Cod. Ser. N 39086, fol. 163r–212r. [Electronic Resource]. URL: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_4599346&order (date accessed 20.12.2024).

21. Iohannes de Galonifontibus. Libellus de notitia orbis. Medizinisch-kosmographische Sammelbandschrift: [Manuscriptum]. [S. I], 1412, um 1380/1390, um 1410/1420 / Leipzig Universitätsbibliothek. Ms. 1225, fol. 183r–251v. [Electronic Resource]. URL: <https://handschriftenportal.de/workspace> (date accessed 20.12.2024).

22. Iohannes Sultaniensis. Libellus de notitia orbis. Historia de terries orientalibus; legendae: [Manuscriptum]. [S. I], 1478–1481. Basel Universitätsbibliothek, Hs. EIII17, fol. 92r–116v.

23. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) O.P. Libellus de notitia orbis. Andreas De Broda. Durandus de Sancto Porciano. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus): [Manuscriptum]. [S. I], erste Hälfte 15 Jh. Graz Universitätsbibliothek, Ms. 1221, fol. 41r–127r.

24. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) OP. Libellus de notitia orbis. Sammelhandschrift mit überwiegend humanistischen Texten: [Manuscriptum]. [S. I], 1454–1456. St. Pölten, Diözesanbibliothek. Hs. 63, fol. 1r–113r. [Electronic Resource]. URL: https://images.icar-us.eu/matricula/DASP/kirche.lokal/Proj/LZArchiv/DZArchiv/DASP-digital/I_DA/04_Slg/02_HS/Hs063.jpg (date accessed 20.12.2024).

25. Iohannes Sultaniensis (de Galonifontibus) OP. Libellus de notitia orbis. Guido de Columnis. Historia Alexandri Magni. Ps. Alexander Magnus. Iohannes Sultaniensis. Ps. Iohannes Presbyter. Ps. Clemens V. Papa: [Manuscriptum]. [S. I], 1 Viertel 15. Jh. Klosterneuburg, Stiftsbibliothek. Cod. 1099, fol. 175r–242v. [Electronic Resource]. URL: <https://manuscripta.at/digitalisate.php> (date accessed 20.12.2024).

26. Iohannes III archiepiscopus Sultaniensis OP. Libellus de notitia orbis. Sammelhandschrift (Theologie): [Manuscriptum]. [S. I], 1454–1456. Basel Universitätsbibliothek, Hs. AV25, fol. 120r–157v.

27. Kaepelli Th. Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi. Rome: Ad S. Sabine. Vol. 3, 1980, 358 p.

28. Kaepelli Th., Panella E. Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi. Rome: Istituto Storico Domenicano. 1993, Vol. 4, 718 p. (In Latin)

29. Kern A. Der “Libellus de notitia orbis” Johannes’ III. (De Galonifontibus?) O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh. Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. 8, 1938, pp. 82–123.

30. Kern A. Miscellen aus einem Text vom Jahre 1404: a) Erdöl im Kaukasus, b) Zigeuner, c) Krimgoten. Frühgeschichte und Sprachwissenschaft. Vol. 1, 1948, pp. 146–154.

31. Kohler C. (ed.). Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens. Vol. II: Documents Latins et Français relatifs à l’Arménie. Paris: Imprimerie nationale, 1906. 1038 p.

32. Laonicus Chalcocondyla. Historiarum libri decem. Patrologiae cursus completus. Serie Graeca. Vol. 159, 1866, col. 9–554.

33. Leonardo A. De viris illustribus ordinis praedicatorum. Bononiae: H. Platonis, 1517. 537 fol.

34. Loenertz R. La société des frères pèlerins. Études sur l’Orient Dominicain. Roma: Istituto storico Domenicano, 1937. 209 p.

35. Luttrell A. Timur’s Dominican Envoy. Studies in Ottoman History in Honour of Professor V.L. Mélangé. 2011, pp. 209–230.

36. MacKenzie D.N. Ērān, Ērānšahr. Encyclopedia Iranica. Vol. 8. Iss. 5, 2011. p. 534.

37. Marco Polo. Le Devisement dou monde / testo a cura di M. Eusebi. Venezia: Edizioni Ca’Foscari, 2018. 602 p.

38. Nicephorus Gregoras. Byzantinae Historiae. Patrologiae cursus completus. Serie Graeca. Vol. 148, 1865, col. 119–1527.

39. Özcan A.T. Timur'un Elçisi Sultaniyeli Johannes ve 'Libellus de Notitia Orbis' adli eserinden bazi parçalar. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Göğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Araştırmaları Degrisi. Iss. 55, 2014, pp. 121–162.
40. Petrus Comestor. Historia scholastica. Patrologiae cursus completus. Serie Latina. Vol. 198, 1855, col. 1053-1722.
41. Quétif J., Échard J. Scriptores Ordinis Praedicatorum. Lutetiae Parisiorum: J.-B. Christophorum Ballard, 1719. Vol. 1. 1010 p.
42. Reichert F. Johannes von Soldania – ein persischer Erzbischof in österreichischen Handschriften. Studien und Forschungen aus dem Niederösterreichischen Institut für Landeskunde. Vol. 26, 1999, pp. 349–365.
43. Rouxpetel C. Experiencia et lingua: aux sources de la construction d'un savoir dominicain sur les Oriens chrétiens et islamiques. Savoir profanes dans les ordens mendiants en Italie (XIIIe–XVe siècle). 2023, pp. 561–580.
44. Sicardus Cremonensis. Chronicon. Patrologiae cursus completus. Serie Latina. Vol. 213, 1855, col. 441–540.
45. Sylvan A. (ed.). Petrus Comestor. Scolastica historia. Turnhout: Brepols, 2005. 227 p.
46. Tardy L. Johannes de Galonifontibus 1404. Evi utibes zämolöja a Kauküzusi nepekköl. *Antik Tanulmányok (Studia Antiqua)*. 1977, vol. 24, nos. 1–2, pp. 91–123.
47. Tarfaoui N. Le 'Libellus de Notitia orbis' de Jean, archevêque de Sultanieh: édition critique et commentaire: Thèse. Paris: École National des chartes, 2015. 269 p.
48. Weber R., Gryson R. (eds.). Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem. Stuttgart: Deutsche Biblegesellschaft, 2007. 1980 p.
49. Williams P.J. (ed.). Septuaginta. Cambridge: Tyndale House, 2020. [Electronic Resource]. URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (date accessed 20.12.2024).
50. Younan A. Chaldeans and Assyrians in the Middle Ages. [Escondido], 2024. [Electronic Resource]. URL: <https://younan.blog/2024/04/02/chaldeans-and-assyrians-in-the-middle-ages> (date accessed 20.12.2024).
51. Zimmermann F., Werner C. (eds.). Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Köln. Vol. 3. 1902. 618 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Еманов – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра урбанистики, профессор кафедры истории Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Emanov – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Research Fellow of the Centre for Urban Studies, Professor of the Department of History at the Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

Поступила в редакцию / Received 02.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 21.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.367-374>

УДК 930.23

EDN: MKRBGH

THE CONCEPT BEHIND THE TERM "TATARS" IN MEDIEVAL ARABIC WRITINGS OF THE 13th–15th CENTURIES

E.G. Sayfedinova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

adulya2@yandex.ru

Abstract. Objective: To study the features of the display, application, and meaning of variations of the term "Tatar" found in medieval Arabic writings of the 13th–15th centuries.

Research materials: The main sources of this study are the works of Arabic-language authors of the 13th to 15th centuries: Ibn al-Athir, Ibn Abi Hadid, Ibn Abd az-Zahir, an-Nuwayri, Rukn ad-Din Baybars, Ibn Khaldun, al-Maqrizi, etc.

Results and novelty of the study: The term "Tatar" was widely used in many medieval sources, as well as in medieval Arabic literature. However, no comprehensive study of the visualization of this term in medieval Arabic sources of the 13th–15th centuries has been conducted. Analysis of the works of Arab scholars of the 13th–15th centuries revealed that, when presenting the history of the Chingizids, the authors who wrote about them at the beginning of the 13th century, not being direct witnesses, let alone eyewitnesses of those events, almost entirely based their concepts on the material of the History of Ibn al-Athir. In the works of Ibn Abi Hadid and Abu Shama al-Maqdisi, the term "Tatar" was used consistently. Later authors, continuing the traditions of their predecessors, relied on their material and borrowed this term, subsequently using it in presenting the entire history of the Chingizids. Along with this, they (An-Nuwayri, Al-Omari, Ibn Khaldun) tried to determine the origin of the medieval Tatars. Beginning from the middle of the 13th century, Arab authors, focusing on the historical realities of their time, used the marker "Mongol" along with "Tatar" in their writings, mainly in relation to the Hulaguids and Jochids. However, the term "Tatar" was used quite widely until the 15th century.

Keywords: medieval history, Arabic sources, term, Tatars, Mongol Empire, Golden Horde, Hulaguid Iran

For citation: Sayfedinova E.G. The Concept behind the Term "Tatars" in Medieval Arabic Writings of the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 367–374. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.367-374>

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude for the scientific editing of the article to Stephen Pow.

© Sayfedinova E.G., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

The high level and encyclopedism of Arabic culture made Arabic-language works a significant body of sources on many aspects of medieval history. The importance of using Arabic sources when studying the history of medieval Tatars is emphasized by the fact that during the 13th–15th centuries, there were intensive ties between the Inner Asian the Muslim worlds. As a result of these relations and constant exchanges, an extensive set of documents was formed: chronicle collections, documents of diplomatic correspondence, etc. The ties of the Muslim world with the Chingizids, in particular with the Golden Horde, were also reflected in the notes of Arab merchants, travelers, and in the works of cartographers. These ties formed ideas regarding the Tatars and their states, rulers, culture, religion and language.

The most significant set of information about the medieval Tatars preserved in Arabic sources is found in the works of authors of the Mamluk era. When describing the medieval Tatars, in particular the Tatars of the Golden Horde, they used information from chroniclers, ambassadors, merchants, as well as information originating from informants who came from the Golden Horde itself. Many of the authors were witnesses to the events that took place during that period since they themselves were representatives of the Mamluk administration, or servants of the Sultan's chancery. Such authors include Emir Kusun, Artamysh as-Siyasa, Seif Sarai, and others.

A significant drawback in the practice of working with accessible translations of Arabic sources on the history of the medieval Tatars, particularly the Golden Horde, is that they all, as a rule, were not used in their entirety, but fragmentarily, often without taking into account the context, without taking into account the place, and often without referring to the particular author's sources of information, even in cases where they could be determined. In addition, most often modern historians use the works of Arabic authors not in the original, but in translations that are not always successfully rendered, something which significantly reduces the ability of researchers to resolve such issues as the chronological sequence of events, the attribution of toponyms mentioned in the source, and the precise interpretation of various terms employed in the texts, etc.

In Arabic-language sources of the early 13th century, the designation of "Tatars" began to be used in connection with the military campaigns of the Chingizids against the Khorezm state and subsequently against Baghdad. Medieval European authors (the work *Chronica Majora* of Matthew of Paris) and Arab chroniclers both compared the Mongol-Tatars with the barbarian people of Gog and Magog (Ibn Asir, Ibn Hadid), and associated them with the "Scourge of God" as a prelude to one of the signs of the end of the world.

Ibn Asir (1160–1233/34) defined the Tatars as: "a large Turkic tribe, whose habitat is the Tamgaj Mountains, near China; between them and the Muslim countries there is more than 6 months' journey" [1, p. 143].

Ibn Abi Hadid, referred to Masudi and his «The Meadows of Gold», but did not claim their connection with the Turks: "Indeed, we have searched a lot in the chronicles and reliable books regarding their people. We have found nothing about the origin of this people... And this people was from the outskirts of the regions of the East, from the mountains of "Tamgaj" [located] on the border with China and between them and between the Muslim regions such as that of Maverannahr, which is more than six months' journey"[8, p.381].

Abu Shama al-Maqdisi, discussing the raids of the Tatars (Hulagu's army) on the lands of Sham (modern Syria) used the term "Tatars" in his chronicles in relation to the Hulagu army, and called the ruler of the Mongol Empire, Munke, "the great khan of the Tatars" [10, p. 225].

Thus, in the 13th-century works that we have presented, the marker "Tatars" was used much more often than "Mongols" in relation to the Chinggisid rulers and their army. However, none of the authors bothered to explain the term and look for its origins; perhaps the term "Mongols" was not widely used at that time, unlike "Tatars", and the former may have been used in a narrow circle of the Chinggisid elite.

D.M. Timokhin, having analyzed the use of the terms "Tatars" and "Mongols" in Muslim sources of the 13th century, noted that "in the earliest texts, the authors use exclusively the concept of 'Tatars' in relation to the Mongol conquerors... The first use of two concepts simultaneously, "Mongols" and "Tatars", can be noted in the work of Sibṭ ibn al-Jawzī" [12, p. 130].

Thus, A.V. Kozhushko, in his study "Ethnonymy of the Mongols in the Works of Arab Historians and Encyclopedists of the 13th-15th Centuries", established the goal of investigating the features of the display, application, and meaning of variations of the ethnonym "Mongol" found in the works of Arab historians and encyclopedists of the 13th–15th centuries. However, the examples given by the author exclusively reference the Tatars, thus proving that the use of the term "Tatars" was the primary and natural usage in the contemporary society: "Having analyzed the data on the Mongols found in the works of the earliest Arab authors – the above-mentioned Ibn al-Athir, Yaqut, and an-Nasawī, we discovered that these authors use only the term "at-tatar" (i.e. Tatars) to designate the Mongols and never mention the ethnonym Mongol." [6, p. 30].

It follows from this that the term "Tatars" was used in the 13th century due to the fact that even at that point in time, the Tatars were authoritarian and widely known throughout the world. The historian Rashid ad-Din saw the reason for such popularity of their name lying in the fact that the Tatars occupied their special position within nomadic society: "Because of [their] extraordinary greatness and honorable position, other Turkic clans, with [all] the differences in their ranks and names, became known by their name, and all were called Tatars. And those various clans believed their greatness and dignity in the fact that they related themselves to them and became known by their name..." [7, p. 236].

In the Muslim East, the political situation was not stable; by the 11th century, the Arab Caliphate had practically lost its position as a powerful and consolidating state, although the ideological unity of the Muslim world under the rule of the Caliph was still recognized.

However, after the rise of the Mamluk Sultanate¹, the role of protector of the entire Muslim world passed to Egypt. The rulers of the Sultanate, the Mamluks, mostly came from Turkic tribes and in the history the 13th-14th centuries (the reign of the Bahri Mamluks), the period is called the reign of the Turkic sultans. The fair "Turks" did not fit into the concept of the enemies of the "Tatars". And since the

¹ The Mamluk Sultanate was a medieval feudal state in the Middle East that existed from 1250 to 1517. The sultanate was formed as a result of the seizure of power in Cairo by the Mamluks, who overthrew the Ayyubid dynasty.

Mamluks more often had to engage in military clashes with the Hulaguids-Tatars, they often became confused about the adaptation of this term to the Golden Horde Tatars, with whom close diplomatic relations were established during the reign of the Mamluk Sultan of Turkic origin, Baybars I [3; 9; 13; 14], and increasingly began to refer to them using the name of the ruler – the people of Berke, the ambassadors of Berke, etc.

This tradition was presented mainly in annalistic works. At the same time, it was found that the rulers of the Golden Horde were also called Tatars. For example, Ibn ‘Abd az-Zahir called Berke, “the great Tatar king” [11, p. 55].

However, later, during the reign of Sultan al-Mansur Qalawun in Egypt, in the writings of court chroniclers, the rulers and elite of the Golden Horde were called “Berkovichs”, and the inhabitants of the country were called “Kipchaks”. Perhaps this shift in attitude originated from the Sultan himself who was a Kipchak by origin.

Shihabedin al-‘Umari tried to understand why the “Kipchaks” had become “Tatars” in his work “Al-masalik al-absar fi mamalik al-amsar” / “Paths of Views on States with Large Cities” and stated:

"In ancient times, this state was the country of the Kipchaks, but when the Tatars took over, the Kipchaks became their subjects. Then they (the Tatars) mixed with them (the Kipchaks), and the land prevailed over their (the Tatars') natural and racial qualities, and they all became exactly the Kipchaks, as if they were of the same race (with them), because the Mongols (and Tatars) settled on the land of the Kipchaks, married them, and remained to live in their (Kipchak) lands" [11, p. 235]. The Mamluk chronicler Rukn ad-Din Baybars initially called the ruler of Berke “the Tatar king” [11, p. 98], and in relation to Mengu Timur, who came to power after Berke, he specified “the Tatar sovereign in the Northern countries” [11, p. 103]. However, Rukn ad-din Baybars copied most of the information from Ibn ‘Abd az-Zahir, since, being a military man, he often spent his time on campaigns. Records from his words were made by his assistant, the Coptic scribe Ibn Kabar².

At the beginning of the 14th century, as a result of the strengthening diplomatic ties between Mamluk Egypt and the Golden Horde against the backdrop of the Islamization of the latter ulus and the rise to power of the protege of the Muslim party, Uzbek Khan, interest in describing the events that took place in the Golden Horde was renewed. One of the important written sources of that period is the work of An-Nuwayri, the author of the encyclopedia, “Nihayat al-arab fi funun al-adab” / “The Limit of Desire Regarding the Disciplines of Adab”. Despite the abstract title, half of it is devoted to a historical section.

An-Nuwayri was close to the Mamluk Sultan Nasir Muhammad (1310–41), holding government positions in Egypt and Syria. An-Nuwayri himself carried out the task of recording history from the 12th century to the mid-14th century (1331). An-Nuwayri calls the Golden Horde the land of “Turks and Kipchaks” located in

² Ibn Kabar (Shams al-Rimasa Abu al-Barakat ibn Kabar, d. 1324) was a Coptic Christian and the author of an ecclesiastical encyclopedia known as the *Mishbah al-zulma wa-idah*. He was secretary to the Mamluk emir, Baybars al-Mansuri, and is believed to have edited the latter's *Zubdat al-fikra fi tarikh al-hijra* (The Cream of Thought in Islamic History). He was ordained a priest in 1300 under the name Barsoum and took up his post at the Mu'allafa (an ancient Coptic church in Cairo). A number of his rhymed Arabic sermons have survived. He had to flee persecution of the Christians in 1321 and died shortly thereafter.

the "northern countries" and calls the ruler "the ruler of Sarai and the Kipchak lands" and "the Tatar sovereign in the Northern lands" [11, p. 98]. The name of the state from the name of one of the rulers, "the kingdom of Berke", "the house of Berke", "the kingdom of Uzbek" etc., was increasingly being used in everyday life. An-Nuwayri wrote that the lands of the Turks were similar to India in terms of abundance of natural resources, and their peculiarity was that "everyone who lives on their land is filled with joy and happiness, and even if [in the lands of the Turks] a person dies, his relatives do not experience grief and sorrow, as with other peoples" [4, p. 308]. An-Nuwayri does not try to use the term "Tatar" on every occasion, but he associates Genghis Khan and his state with the Tatars: "The state of Genghis Khan is the state of the Tatars, and they are called Tatars and their [Tatars] kinship with Genghis Khan Timuchin... And they lived in the kingdom of China and the kingdom of Chin, in their language this country is called Chin. It is surrounded by impassable mountains and wide freshwater rivers flow through it..." [4, p. 309].

Later authors of the 14th–15th centuries, Ibn Khaldun and al-Maqrizi, tried to understand the kinship of the Tatars with the Turks. Ibn Khaldun, referring to earlier genealogies, wrote that the ancestors of the Turks were the sons of Noah, and the Toguzguzes were one of their numerous [Turkish] clans; the Tatars and Khitai belong to the Toguzguzes" [5, vol. 2, p. 11]. He emphasized again that the Tatars originated from among the Turkic clans: "This people appeared from the Turkic clan in 610 from the Tamgaj Mountains near China... and their ruler was Chingiz Khan Timudjin [5, vol. 3, p. 359].

As for Genghis Khan, he wrote: "This Sultan, Genghis Khan, he is the Sultan of the Tatars of that era, then the Mongols, one of their [Tatar] people". [5, vol. 5, p. 582]. In another section of text about the wars with the Khitai, Ibn Khaldun writes that the Tatars refused to fight with their ruler Kushly Khan, but then another group of Tatars, who are known as the Mongols, went to war with him, and their ruler was Genghis Khan [5, vol. 5, p. 126].

Al-Maqrizi's information about the origin of the Tatars is very fragmentary and often confused; he mentioned the Tatars among the clans that are part of the larger Turkic group. He also localized the Tatars' residence in the vicinity of the Khitai: "The Khitai and Tatars lived between Turkestan and the borders of China". Al-Maqrizi calls Ong Khan (Wang Khan), the ruler of the Kereids, the ruler of the Tatars, and after Chingiz Khan defeated Ong Khan's army, Chingiz Khan received the title of ruler of all the Tatars: "He [Temuchin] served Ong Khan, the ruler of the Tatars, and even distinguished himself with him [in the service]. Then [Ong Khan] began to disrespect him, and [Chingiz Khan] fled, and Ong [the Khan] sent after him, and he [Chingiz Khan] fought with him, defeated him, and captured what he had. And [he became] powerful and united with him and submitted to him two great Mongolian tribes: Ubrat and Tankurat. He [Genghis Khan] fought with Ong and killed him and became the ruler of all the Tatars" [2, p. 502]. Al-Maqrizi got his impression about Genghis Khan as the ruler of the Tatars from Ibn Khaldun, who also used the term "Tatars" in relation to other Chingizids, the only difference being the spelling of the term itself. Ibn Khaldun wrote "Tatars" with "ت", and Makrizi exclusively with ط. It is possible to assume that medieval Arab authors began to record this marker after the arrival of the Tatar clans under the leadership

of Genghis Khan and to use the term "Tatars" everywhere, although the use of the term "Mongols" was preserved, but was evidently employed much less often.

In the works of subsequent authors, the inhabitants of the Golden Horde are increasingly called "Turks" and "Kipchaks", but the rulers of the Golden Horde are still called "Tatar kings", and the highest dignitaries "Tatar emirs" (Ibn Dukmak, Al-Maqrizi). Ibn Arabshah already called Toktamysch the Sultan of Dasht and Turkestan.

At the beginning of the 15th century, Badr ad-Din al-Ayni called the rulers of the Ulus of Jochi "rulers in the Northern countries and the Turkic and Kipchak lands"; "the Tatar king in the Northern countries"; "sovereigns of the Northern Kingdom"; "sovereigns of Dasht"; and "sovereigns of the Dasht lands". Al-Jannabi, an author of the 16th century, no longer used the term "Tatars" in relation to the rulers of the Golden Horde but rather called them rulers of "Dasht" or "Dasht-Kipchak".

Thus, from the 13th century the term "Tatar" became quite firmly entrenched in the minds of medieval Arab chroniclers. This term subsequently began to appear in the public life of the Mamluk Sultanate of Egypt where the phrases "Tatar caftan" and fabric called "tatariyat" began to come into use. The term also became entrenched in the names of the ruling elite: the daughter of the Egyptian Sultan Muhammad an-Nasir was called at-Tatar al-Hijaziyya, and one of the Mamluk sultans bore the name az-Zahir Sayf ad-din Tatar.

REFERENCES

1. al-Asir, ibn. Full arch of history. Selected passages. P.G. Bulgakov, Sh.S. Kamoliddin (*trans.*). Tashkent: Uzbekistan, 2006, 560 p. (In Russian)
2. al-Maqrizi. Pearls of the Unique Necklace in the Biographies of Eminent Personalities. In 4 volumes. Critical edition: Mahmud al-Jalili. Beirut: Al-Gharb al-islami, 2002, 679 p. (In Arabic)
3. Amin al-Kholi. Relations between the Nile and the Volga in the 13th and 14th centuries. Moscow: Publishing house of oriental literature, 1962, 40 p. (In Russian)
4. an-Nuwayri. We are the best in the arts of literature. Vol. 27. Cairo, 1990, 308 p. (In Arabic)
5. Ibn Khaldun. The Book of Edification on the History of the Arabs, Persians and Berbers and Their Contemporaries Who Had Great Power. Beirut, 2001. Vol. 2, 579 p.; Vol. 3, 690 p; Vol. 5, 668 p. (In Arabic)
6. Kozhushko A.V. Ethnonymy of the Mongols in the Writings of Arabic Historians and Encyclopedists of 13th–15th centuries. *Bulletin of Dagestan State University*. Series 2: Humanities, 2014, pp. 28–33 (In Russian)
7. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 1. Book 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952, 315 p. (In Russian)
8. Sayfetdinova E.G. Ibn Abi al-Hadid's Information on Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 378–385. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.378-385 (In Arabic and Russian)
9. Sayfetdinova E.G. The Personality of Sultan Baybars and His Role in Developing Relations of the Mamluk Egypt with the Golden Horde according to Arab Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 726–735. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735 (In Russian)

10. Sayfetdinova E.G. Brief Information on the History of the Golden Horde from the Work of Abu Shama al-Maqdisi al-Dimashqi "Biographies of Men of Two Centuries: The Sixth and Seventh". *Golden Horde Civilization*, 2017, no. 10, pp. 224–226. (In Russian).
11. Tiesenhausen V.G. Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. 1. Excerpts from the Arab Writings. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1884, p. 235. (In Arabic and Russian)
12. Timokhin D.M. The Use of the Concepts "Tatars" and "Mongols" in Muslim Sources of the thirteenth century When Describing the Conquest of Khwarezm by Chinggis Khan. *Golden Horde Legacy: The collection of articles dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai*. Is. 4. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 129–140. (In Russian)
13. Zakirov S. Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt in the 13th and 14th centuries. Moscow: Nauka Publ., 1966, 160 p. (In Russian)
14. Zelenev E.I., Ilyushina M.Yu. Mamluk Sultanate in Egypt: Baybars and His Era (1260–1277). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Oriental and African Studies*. 2013. Is. 3, pp. 41–53. (In Russian)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНА «ТАТАРЫ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XIII–XV вв.

Э.Г. Сайфетдинова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

adulya2@yandex.ru

Резюме. Цель: исследование особенностей отображения, применения и значения вариаций термина «татар», встречающегося в средневековых арабских сочинениях XIII–XV вв.

Материалы исследования: В качестве основных источников данного исследования выступают сочинения арабоязычных авторов XIII–XV вв.: Ибн ал-Асир, Ибн Аби Хадид, Ибн Абд аз-Захир, ан-Нувейри, Рукн- ад-Дин Бейбарс, Ибн Хальдун, ал-Макризи и др.

Результаты и новизна исследования: Термина «татар» широко использовался во многих средневековых источниках, также в средневековой арабской литературе. Однако не проводилось комплексное исследование визуализации данного термина в средневековых арабских источниках XIII–XV вв. Анализ сочинений арабских ученых XIII–XV вв. выявил, что при изложении истории чингизидов авторы, писавшие о них в начале XIII в. и не являвшиеся непосредственно свидетелями и очевидцами тех событий, практически полностью строили свои концепции на основе данных Истории Ибн ал-Асира. В сочинениях Ибн Аби Хадида, Абу Шама ал-Макдиси везде употребляли термин «татар». Более поздние авторы, продолжая традиции своих предшественников, основывались на их данных, и заимствовали этот термин, в дальнейшем используя при изложении всей истории чингизидов, однако наряду с этим пытались определить происхождение средневековых татар (Ан-Нувейри, Ал-Омари, Ибн Хальдун). Начиная с середины XIII в., арабские авторы, ориентируясь на исторические реалии своего времени применяли в сочинениях наряду с термином «татар» маркер «монгол» главным образом в отношении Хулагуидов и Джучидов. Однако термин «татар» употреблялся достаточно широко вплоть до XV в.

Ключевые слова: средневековая история, арабские источники, термин, татары, Монгольская империя, Золотая Орда, Хулагуидский Иран

Для цитирования: Sayfetdinova E.G. The Concept behind the Term "Tatars" in Medieval Arabic Writings of the 13th–15th centuries // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 367–374. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.367-374> EDN: MKRBBGH

Благодарность: Автор выражает искреннюю признательность за научное редактирование статьи Стивену Поу.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2025

Принята к публикации / Accepted 02.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391>
EDN: QETBGY

УДК 94(47).031

ОБРАЗ «ТАТАР» В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ГОСУДАРСТВ «ХРИСТИАНСКОГО МИРА»

Л.В. Воротынцев¹ ✉, Т.Р. Галимов²

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*

Елец, Российская Федерация

² *Казанский федеральный университет*

Казань, Российская Федерация

✉ leonrus1245@mail.ru

Резюме. Цель исследования: рассмотреть некоторые аспекты образа «татар» отраженные в письменных источниках Древней Руси и других христианских государств в контексте этногеографической картины мира и эсхатологических представлений «книжников», а также причины трансформации этого образа в письменном нарративе стран «христианского мира» на протяжении XIII–XIV вв.

Материалы исследования: комплекс русских летописных источников, историко-литературные произведения Древней Руси («Поучение преподобного Серапиона», «Задонщина»), «История о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера, грузинский хронограф «Жамта агмцерели», «История народа стрелков» инока Магаккии, «История Армении» Киракоса Гандзакеци, «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» Магистра Рогерия, «Великая хроника» Матвея Парижского, «История татар» Ц. де Бриа, «История монголов» Плано Карпини, «Книга Юбилеев», образцы политической переписки и отчеты христианских миссионеров.

Результаты и новизна исследования: основываясь на сравнительном анализе русских, кавказских и европейских источников, авторы приходят к выводу о том, что образ «татар» («тартар»), представленный в средневековых нарративных источниках государств т. н. «христианского мира» претерпел значительные изменения на протяжении всего периода существования монгольских государств. Если на начальном этапе, новые восточные завоеватели описывались в качестве «затворенных», апокалиптических «языков» и/или потомков ветхозаветных народов, то несколько позднее, стали восприниматься как некие чуждые по вере и обычаям, но довольно высокоразвитые человеческие сообщества, наделенные, помимо отрицательных и некоторыми положительными качествами. Основными причинами трансформации образа «татар» стали интенсивные политико-дипломатические, торговые и миссионерские контакты представителей «христианского мира» с правящей верхушкой и населением Монгольской империи и чингизидских государств, а также военные компании монголов против ряда мусульманских государств Ближнего Востока, Южного Кавказа и Малой Азии, являвшихся многовековыми врагами христианских народов данного региона.

Ключевые слова: образ «татар», «затворенные» народы, «дивьи люди», библейская традиция, эсхатологические представления, картина мира, ментальное восприятие

© Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. Образ «татар» в письменных источниках Древней Руси и государств «христианского мира» // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 375–391. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391> EDN: QETBGY

THE IMAGE OF THE "TATARS" IN THE WRITTEN SOURCES OF OLD RUSSIA AND THE STATES OF THE "CHRISTIAN WORLD"

L.V. Vorotyntsev ¹✉, T.R. Galimov ²

¹ *Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation*

² *Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation*

✉ leonrus1245@mail.ru

Abstract. Research objectives: To identify the main features of the image of the "Tatars" reflected in the narrative sources of Old Russia and other Christian states.

Research materials: A body of Russian chronicle sources, historical and literary works of Old Russia ("The Teaching of St. Serapion", "Zadonshchina"), "The Story of Mikhail and Andronik Palaiologos" by George Pachymeres, the Georgian chronograph "Zhamta agmtsereli", "The History of the Nation of Archers" by the monk, Magakia, "The History of Armenia" by Kirakos Gandzaketsi, "Epistle to the Sorrowful Lament about the Destruction of the Hungarian Kingdom by the Tatars" by Master Roger, and "The Great Chronicle" (Chronica Maiora) by Matthew Paris.

Results and novelty of the research: Based on the comparative use of Russian, Caucasian, and European sources, the authors come to the conclusion that the image of the "Tatars" presented in Russian written sources combines both the characteristics of the Eastern conquerors common to the Christian cultural and historical narrative, and a number of differences. The general features include the correlation of the "Tatars", at the initial stages of their military expansion, with the peoples of the "End Times" or the idea of them as a "scourge of God" sent as punishment for the sins of Christians. A specific feature of the image of the "Tatars" contained in Russian chronicles is the almost complete lack of information about their appearance, everyday culture, and military skills.

Keywords: the image of "Tatars", "reclusive" peoples, "divine peoples", Biblical tradition, eschatological ideas, world picture, mental perception

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The image of the "Tatars" in the written sources of Old Russia and the States of the "Christian world". *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 375–391. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391> (In Russian)

Одним из последствий монгольской военной экспансии в страны Восточной и Центральной Европы, стало появление на этногеографической «карте мира» древнерусских «книжников» нового народа («языка»), получившего в летописных источниках и историко-литературных произведениях название «татар»¹.

Тема отражения представлений о тюрко-монгольских кочевых народах в древнерусских летописях и произведениях историко-литературного жанра неоднократно вызвала интерес как у отечественных, так и зарубежных медиевистов. В числе последних по времени работ, посвященных данному вопросу, следует особо отметить фундаментальное исследование В.Н. Рудакова и рецензионный отзыв на него Ю.В. Селезнева [27; 29, с. 215–232]. В той или иной степени, проблема ментального восприятия кочевого населения Золотой Орды составителями русских летописных сводов и иных нарративных источников рассматривалась в работах Л.С. Чекина, И.В. Зайцева, В.В. Долгова, Ч. Гальперина, Д. Островского, П. Голдена, А. Николова, А.В. Лаушкина [32, с. 691–716; 11, с. 100–107; 8, с. 339–372; 4, с. 129; 36; 35, р. 24–75; 20, с. 14–28; 16, с. 223–225]. Вместе с тем, некоторые аспекты вышеуказанной темы нуждаются в дополнительном, более детальном рассмотрении. К таковым аспектам, прежде всего, следует отнести вопрос трактовки образа «татар» в контексте этногеографической картины мира и эсхатологических представлений русских летописцев, а также дискуссионные моменты, связанные с феноменом изменений представлений о «татарах» в письменных источниках христианских государств.

Методологической основой представляемого исследования является сравнительный (компаративный) анализ сообщений древнерусских источников посвященных образу тюрко-монгольских кочевников эпохи нашествия и зависимости, с аналогичными по тематике сообщениями источников ряда государств «христианского мира»², а также общий анализ социальных и военно-политических факторов, непосредственным образом влиявшим на трансформацию образа тюрко-монгольских кочевых этносов Евразийской Степи в письменном нарративе христианских стран.

Рассматривая проблему ментального восприятия «татар» древнерусскими «книжниками» следует принимать во внимание то обстоятельство, что этногеографическая картина мира летописцев базировалась на библейском постулате о разделе всей земли на определенные «части» («жребии») между сыновьями «праотца Ноя» – Сима, Хама, Иафета: «...по раздрушении же столпа и по разделении языкъ прияша сынове Симовы вьсточныя страны а Хамовы же полоуношныя страны, Афетови же сынове запад прияша...» [25, Стб. 5]. Согласно летописному сообщению, раздел мира между сыновьями Ноя сопровождался неким договором, с обязательствами соблюдения границ «частей» каждого брата: «Симъ же и Хамъ и Афеть разделише землю, жребьи

¹ Вопросы происхождения и соотношения этнонимов (позднее политонимов) «татары» и «монголы» подробно рассматриваются в работах Д.М. Исакова и Ю.И. Дробышева [14, с. 420–242; 9, с. 217–234].

² Понятие «христианский мир» используется авторами исследования в широком значении этого термина, как совокупность всех христианских государств Европы, Южного Кавказа и Малой Азии в период монгольских завоеваний и эпохи «Рах Mongolica».

метавше, не преступати никому же въ жребии братень и живахо кождо въ своей части бы...» [24, Стб. 4–5].

Подобные представления составителей русских летописных сводов основывались на описании данного эпизода библейской истории в апокрифической ветхозаветной Книге Юбилеев (Малое Бытие), согласно которому: «Так разделили сыновья Ноевы земли свои... в присутствии Ноя, отца своего, и связал он их клятвою, сулящею проклятие всякому, кто пожелает взять удел, не выпавший ему по жребию. И сказали все они: «Да будет так, да будет так», за себя и за сынов своих навеки, в поколениях их, вплоть до дня Суда, в который Господь бог будет судить всех мечем и огнем...» [15, с. 38; 17, с. 79].

Таким образом, в древнерусской историко-географической традиции обитаемый мир представлял из себя относительно статичную систему, с четко очерченными границами частей света, выход за пределы которых живущих там народов был ограничен условиями бессрочного договора, некогда заключенным между Симом, Хамом и Афетом.

Исходя из подобных мировоззренческих установок, вторжение «языков» не принадлежащих к той «части», к которой относились земли подвергшиеся нападению, воспринималось древнерусскими «книжниками» как нарушение установленного миропорядка и одно из свидетельств приближения «конца времен».

Кроме того, согласно восточно-христианской историко-географической традиции, кочевые народы Востока относились русскими летописцами к потомству Агари, «робы» (рабыни) Авраама и в некоторых случаях назывались внуками Агари – «агарянами» или «измаилтянами» (по имени сына Агари – Измаила, прародителя кочевых народов) [26, Стб. 778]³, а их стабильно враждебные отношения с христианскими народами выводились из ветхозаветной истории изгнания Агари с новорожденным сыном в «пустыни».

Поскольку Русь территориально принадлежала к «Афетовой части» [24, Стб. 4], а страны располагавшиеся к югу от Кавказского хребта и к востоку от Волги относились к «части Симовой» [24, Стб. 1, 4], то появление в 1223 г. у границ русских земель монгольских туменов и последовавшее за этим катастрофическое поражение русско-половецких ратей в битве на Калке, было закономерно истолковано летописцами как предвестие грядущих апокалиптических перемен: «Того же лета явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которому племени суть и что вера ихъ и зовуть я Татары, а инии глаголят Таумены, а друзии Печенези инии глаголють яко се суть они же Мефодии Патомскыи епископъ свидетельствует яко си суть ишли ис пустыня Етриевскы суще межю востоком и севером...яко к скончанью времянь явитися те яже загна Гедeonъ и попленьять землю...» [24, Стб. 445–446].

Судя по вышеприведенному летописному сообщению, ментальное восприятие неведомых «языков» некоторыми представителями образованных слоев древнерусского общества носило ярко выраженную эсхатологическую

³ В древнерусском эпосе «Задонщина», создание которого датируется последней четвертью XIV в., «татары», сохраняя принадлежность к «жребию Симову», имеют несколько иную этно-конфессиональную принадлежность: «И оттоля на восточную страну – жребий Симова, сына Ноева, от него же родися киновя – поганые татарова, басурманова. Те бо на Каяле одолеша родъ Афетов...» [10].

окраску. Пришедшие с Востока «татары» олицетворялись с некими апокалиптическими народами, выход которых из «пустынь» знаменовал «конец времен».

Подобные представления о «татарах» как о «затворенных» в восточных «пустынях» потомках библейских народов сохранялись в среде русского духовенства и в период монгольского нашествия. Об том, в частности, свидетельствует сообщение доминиканского миссионера Юлиана, посетившего земли Северо-Восточной Руси накануне вторжения войск Чингизидов. Согласно сообщению католического священнослужителя: «...один русский клирик, переписавший нам кое-что из истории «Книги Судей»; говорил, что тартары – это маданиты, которые напали на детей Израиля в союзе с амаликитянами и были побеждены Гедеоном, как говорится в «Книге Судей». Бежав оттуда, упомянутые мадианиты обитали около одной реки по имени Тартар, отчего и зовутся тартарами» [33, с. 390]⁴.

В Ипатьевском летописном своде пришедшие с востока «татары» соотносятся с восточными соседями древнего Израиля – моавитянами: «В лето 6732 приде неслыханная рать, безбожнии Моавитяне рекомы Татаръве, придоша на землю Половецкою» [24, Стб. 740]. В свою очередь, Новгородская I летопись, описывая в панегирическом тоне первую поездку Александра Ярославича в ставку Бату, называет супруг подданных правителя Улуса Джучи «женами Моавитскими»: «Князь же Александръ...поиде в Володимиръ...и сие грозень бысть приход его...И начаша жены Моавиския полошати детеи своих, токо ркуще: «Александръ, грозный князь, идет...» [26, с. 303–304].

Образ «татар» («тартар») как апокалиптического народа присутствует и в некоторых европейских, а также кавказских источниках. Так, в описании «тартар» непосредственно контактировавшего с ними в Венгрии итальянского епископа Рогерия, восточные кочевники сравниваются с мифическими народами Гог и Магог, чье появление из заточения предвещало конец света: «...Они («тартары» – Л.В.; Т.Г.) направили на Русь некоторых лазутчиков, из которых двое были взяты в плен и отосланы к королю Венгрии. И они находились под моим надзором в течении долгого времени, и от них я узнал те новости, которые я послал во Францию, скрепленные моей печатью. Я спросил их, где находится их земля. Они сказали, что она находится за некими горами и рядом с народом, зовущимся Гог; и я полагаю, что тот народ – Гог и Магог...» [33, с. 408].

Схожая трактовка происхождения «тартар» представлена и в «Великой хронике» Матвея Парижского: «...в тот же год ненавистный плебс Сатаны, то есть беспредельное войско тартар, вырвался из своей области, окруженной горами...Считается, что эти...тартары происходят от десяти племен, которые ушли, отвергнув законы Моисея, вслед за двумя золотыми тельцами. Их также Александр Македонский первым пытался заключить в отвесные Каспийские горы при помощи глыб, скрепленных смолой. И когда он увидел, что такое творение выходило за пределы человеческих способностей, он призвал на помощь бога Израиля. И сошлись вместе верхи гор, и стало место недос-

⁴ Как «последних мадианитов», «бежавших от лица Гедеоны» в восточные и северные «пустыни» охарактеризовал «татар» и русский архиепископ Петр, отвечая на вопросы заданные ему на Лионском соборе [19, с. 181].

тупным и непроходимым... Отсюда становится ясным, что Бог не хотел, чтобы они вышли наружу...» [33, с. 415–416].

В представлении армянского хрониста Киракоса Гандзакеци, появление «татар» также являлось одним из признаков наступающего апокалипсиса: «...Наступил конец света, и предтечи антихристовы предвещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей... А также пророчество патриарха нашего святого Нерсеса, который предсказал гибель страны армян от племени стрелков...» [14, с. 152].

Вместе с тем, уже во время вторжения чингизидских туменов в страны Восточной и Центральной Европы и первые годы после монгольского нашествия, у европейских, кавказских и русских политических элит появляется заинтересованность в получении как можно более подробной информации о неведомых «находниках» с Востока.

Данная тенденция четко фиксируется сообщениями письменных источников первой половины XIII в. Так, уже в письме германского императора Фридриха Гогенштауфена, отправленного им английскому королю в 1241 г., описание «тартар» носит довольно реалистичный характер⁵. В 1245 г. на Лионском соборе, русскому архиепископу Петру был задан ряд вопросов, свидетельствующих о том, что к данному времени «тартары»/«татары» стали восприниматься верхушкой католической церкви и светской аристократией европейских государств в качестве пусть и чуждого, иноверного, но человеческого народа, а не inferнальных созданий⁶.

После успешно завершившихся дипломатических миссий европейских дипломатов в ставки Чингизидов, совершенных в 40–50-х гг. XIII в. (посольства Плано Карпини и Бенедикта Поляка, Гильома де Рубрука, Андрея Лонжюмо) образ «татар» в представлениях образованных слоев европейского общества принимает все более человеческие черты, как народа, не лишённого положительных качеств [33, с. 123]. По всей вероятности, это было связано

⁵ «Что касается роста, то люди они низкорослые, но крепкие, коренастые и кряжистые. Они жилистые, сильны и отважны и устремляются по знаку своего предводителя на любые рискованные дела. У них широкие лица, косой взгляд; они издают ужасные звуки (боевые кличи – Л.В.; Т.Г.)... Одеты они в невыделанные воловьи, ослиные или конские шкуры. Доспехи у них [сделаны] из нашитых [на кожу] железных пластин... они владеют лучшими конями, вкушают изысканнейшие яства, наряжаются в красивейшие одежды. Эти тартары несравненные лучники, возят [с собой] сделанные из кожи пузыри, на которых спокойно переправляются через озера и быстротечные реки...» [19, с. 144].

⁶ В числе вопросов, заданных архиепископу Петру фигурировали вопросы о вероисповедании, религиозных обрядах «тартар», их образе жизни, соблюдении договоров и приеме послов [33, с. 45]. Характерно, что в ответах Петра сочетались как вполне реалистичные описания бытовых обычаев и правил политико-дипломатического поведения восточных завоевателей (обычай полигамии, военные навыки женщин, соблюдение договоров, уважительное отношение к послам), так и мифологические представления, соответствующие образу «народов Апокалипсиса» и «Божьего Бича» (якобы имевшийся у «тартар» обычай канибализма, происхождение от ветхозаветных, изгнанных народов, легенда о божественном мандате на завоевание и «очищении» мира «разрушительным мечом» в течении 39 лет) [19, с. 181–182]. В данном случае мы можем наблюдать характерный для сознания людей эпохи средневековья синтез сообщений очевидцев-информаторов с набором мифологем и слухов.

со значительными объемами информации, представленной в путевых отчетах вышеуказанных дипломатов, составленных с целью понимания перспектив налаживания политических контактов, а также оценки степени военной угрозы и возможностей противостоять ей. В данном контексте, от европейских дипломатов требовался сбор как можно более реалистичной информации о «татарах», а не пересказ известных мифологем и библейских ветхозаветных историй.

Аналогичным образом поступали и многочисленные католические миссионеры и негоданты, осуществлявшие прозелитическую и коммерческую деятельность на территории чингизидских государств во второй половине XIII–XIV вв. В путевых записках, отчетах и посланиях Джованни де Монте Корвино, Рикольдо де Монте Кроче, Иоганки Венгра, Марко Поло и других представителей церкви и торговых кругов Европы содержаться весьма реалистичные описания как самих «татар», так и подвластных им народов.

К сожалению, до нашего времени не дошли образцы русской политико-дипломатической переписки или описаний купеческих «хожений» XIII–XIV вв., в которых были бы отражены представления о «татарах» распространенные в светских кругах древнерусского общества. Поэтому, единственными русскоязычными источниками, содержащими информацию о народах, населявших обширные пространства державы Чингизидов (позднее Золотой Орды) являются летописные своды, дедактические наставления («слова») церковных иерархов, церковные жития князей и прочие произведения историко-литературного жанра.

После осмысления последствий монгольского нашествия и установления системы политической зависимости («воли татарской»), древнерусскими интеллектуалами – «книжниками» был сформирован и представлен несколько иной образ «татар» – как «божьего бича» («языка немилостивого»), обрушенного на православных христиан за греховный образ жизни.

Именно в таком ключе трактуются бедствия, связанные с «нахождением» кочевников из восточных «пустынь» в послании владимирского епископа Серапиона (1274–1275 гг.): «...Видев наша безаконья умножившася, видев ны заповеди его отвергъша, много знамении показавъ, много страха пущаще...и ничим же унше не покажемъся! Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лють, язык не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дети; двинухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду: «Въскоре възгорися ярость Его на ны...» [23].

Примечательно, что аналогичное объяснение причины бедствий, постигших Венгерское королевство в 1241 г. присутствует и в трактате итальянского клирика магистра Рогерия, являвшегося непосредственным свидетелем монгольского вторжения в Венгрию. В трактовке Рогерия, «татары» выступили в качестве орудия божьего гнева за греховные «беззакония» христиан: «...когда они (венгры – Л.В.; Т.Г.) спешили от королевских престолов в землю изгнания, он не покрыл их глаз нечистотами, но напротив, отточил меч как молнию. Посещал беззаконие их не посохом, но розгой, и прегрешения наказывал не целебными бальзамами...но бичеванием и гневом, глумлением над ними, когда пришло неожиданное бедствие, и многолюдная Венгрия была опустошена...» [18, с. 15–16].

Подобные представления о «татарах», по всей вероятности, были связаны не только с последствиями военных действий, сопровождавшихся разрушениями населенных пунктов и массовой гибелью людей, но и с установленной монголами системы фискальных сборов, сопровождаемой переписными мероприятиями, а также определенными повинностями, как гражданского, так и военного характера.

Так, в Новгородской I летописи именно тяготы проведения первой монгольской переписи, позволили составителю свода дать такое объяснение причин случившегося события: «В лето 6767 (1259 г.)...той же зиме... и бысть мятежь великъ в Новегороде и по волости много зла учиниша, беруще туску оканнымъ татаром... И ркоша Татаре: «дайте намъ число, или не дасте и мы бежимъ прочь»...И почаху ездити оканнии по улицамъ, пишуще дома крестьянскыя: зане навель богъ за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти сильных плоти и пити кровь боярскую...» [26, с. 310–311]. В «поучениях» владимирского епископа Серапиона, «горькая работа» на «иноплеменников» также указывается в качестве одного из наказаний, постигших погрязших в грехах единоверцев: «...Какие казни от Бога не въсприяхомъ?...Не поработощени быхомъ оставшей горькою си работою от иноплеменникъ?...При нашем же языке чего не видехомъ?...еже предани быхом иноплеменникомъ не токмо на смерть и на пленение, но и на горькую работу...» [23].

Вместе с тем, длительное пребывание русских земель в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи, сопровождавшегося постоянными и интенсивными контактами с правящими кругами и населением Золотой Орды не только представителей русской военно-политической и церковной элиты, но также и купцов, дружинников, жителей пограничных регионов, не могло не привести к значительной трансформации образа «татар», постепенно утрачивавших черты «дивьего» народа.

Тот же епископ Серапион, наряду с трактовкой поработивших Русь «татар», как «языка лютого» и «немилостивого», приводил весьма комплементарные характеристики традиций бытового поведения «поганных»: «Погани бо, закона Божия не ведуще, не убивают единоверних своихъ, ни ограбляют, ни обадятъ, ни поклепят, ни украдут, не зарятся чужаго; всяк поганый брата своего не предасть; но кого в них постигнет беда, то искупать его и на промыслъ дадут ему, а найденая в торгу проявляют...а мы... всегда неправды есмы исполнены, и зависти, немилосердия...» [23]. Несмотря на то, что подобное описание содержит несколько гиперболизированную характеристику благочестия иноверцев, обусловленную дидактической составляющей посланий владимирского епископа, некоторые подробности бытовой культуры ордынцев, представленные в «поучении», позволяют предположить, что русский церковный иерарх мог сам являться свидетелем подобного поведения «татар», либо получать сведения от людей длительное время проживавших в джучидских владениях.

Следует отметить, что подобные положительные характеристики «татар» («тохар») содержатся и в некоторых византийских, грузинских и армянских исторических хрониках. В частности, византийский хронист Георгий Пахимер описывая кочевое население улуса Ногай выделял целый ряд положительных качеств, присущих «тохарам». По оценке ромейского «летописца»: «...народ тохарский отличается простотой и общительностью, быстр и тверд

на войне, самодоволен в жизни...они верны в слове и правдивы в делах; а будучи свободными в душе и отличаясь прямою сердца, они ту же необманчивость речи, когда кого слушают, ту же неподдельность поступков желают находить и в других» [3, с. 226–227].

Составитель грузинской хроники «Жамта агмцереи», описывая пришедших на Южный Кавказ неведомых кочевников, помимо отрицательных черт монголо-татар, отмечал и присущие им положительные качества: «Так были дивны эти люди, что глядя на них, можно было признать их безумными. Однако всякая мудрость обретала среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, слова лживого не было среди них нигде. Не было у них подобострастия пред ликом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каэном...Была в законе у них вера и почитание единого бога бессмертного...» [1, с. 18].

В свою очередь армянский хронист Степанос Орбелян указывал на то обстоятельство, что «татары», будучи людьми «без Бога и веры», тем не менее, являлись народом соблюдавшим «естественный закон» и ненавидевшим «грязные пороки и все гнусные деяния, благомыслящий друг к другу... справедливый в своих суждениях и делах» [2, с. 11].

Еще один армянский «летописец» – Киракос Гандзакечи, подробно описывая военную жестокость и фискальную алчность «татар», тем не менее отмечал наличие множества христиан в монгольских войсках, расквартированных на Южном Кавказе и их, в ряде случаев, почтительное отношение к христианским святыням, а также благочестивое поведение некоторых «татарских» нойонов, помогавших в восстановлении церквей, монастырей и склепов разоренных «тюрьками и набегами грузин»: «...Иовсеп поехал к одному из татарских военначальников, по имени Анагурак-ноин...по его приказу вычистили церковь и освятили ее...И татарин тот проложил дорогу во все стороны, чтобы богомольцы могли без страха проходить через его стан...и сам охотно склонялся к ним. Многие из [татар] приходили туда и крестили сыновей и дочерей своих...И вовсе не все воины татарские были врагами креста и церкви, наоборот [многие] весьма почитали их, подносили подарки, поскольку не питали к ним ни ненависти, ни отвращения...» [14, с.193].

Подобные изменения образа «татар» в трудах кавказских и византийских хронистов, по всей вероятности, могут объясняться изменением военно-политической стратегии Чингизидов в Ближневосточно-Кавказском регионе. Если в 20–40-х гг. XIII в. отправленные на Запад монгольские тумены Субэдэя, Джэбэ, Чормагуна и Байджу проводили одинаково агрессивную военно-политическую линию в отношении всех государственных образований Кавказа, Ближнего Востока и Малой Азии пытавшихся оказывать им сопротивление, то с началом похода Хулагу монгольская экспансия приобретает ярко выраженный антимусульманский характер, сопровождавшийся как привлечением воинских контингентов армянских и грузинских аристократов (с последующим щедрым наделением их взятой в бою добычей), так и определенными льготными преференциями христианскому населению Ирака, Сирии, а также освобождения восточных христианских церквей от каких бы то ни было податей и повинностей, и заключением договоров и брачных союзов с кавказскими аристократами и византийскими династиями Ласкарей и Комни-

нов. Вышеуказанные обстоятельства не могли не найти отражения в описаниях «татар», начавших восприниматься армянскими, грузинскими и византийскими правящими элитами (как светскими, так и церковными), не как предвестники Конца Света, а как носители некоего божественного возмездия мусульманам и до определенного момента (принятия ильханом Газаном исламского вероучения в 1295 г.) покровители и заступники христиан⁷.

Сообщения о весьма комплиментарном отношении «татар» к христианам содержится и в некоторых европейских источниках. Так, католический миссионер из ордена миноритов Иоганка Венгр, описывая пребывание своей миссии в Улусе Джучи (первая четверть XIV в.) не только отмечал прохристианские предпочтения некоторых представителей управленческой элиты Золотой Орды⁸, но и указывал на перспективность христианской проповеди в среде кочевого населения державы Джучидов⁹.

В русских летописных описаниях многочисленных контактов представителей княжеских «домов» с монгольской военно-политической элитой, «татарские» военнначальники и правители наделяются как отрицательными, так и положительными качествами. В качестве основных отрицательных черт «татар» летописцы указывали их жестокость («лютость») и «лесть» (в значении военно-дипломатической хитрости): «...взяша град Рязань копьемъ, изведше на лъсти князя Юрья и ведоша Прынскоу, бе бо в то время княгини его в Проньскы изведоша княгиню его на лъсти оубиша Юрья князя и княгини его и всю землю избиша... поплени грады Суждальские и приде ко граду Козельску...уведавше же нечестивии яко...словесы лестными не возможно бе град прияти...» [25, Стб. 778, 780].

В тоже время, описывая визиты русских князей и княжичей в ставки «татарских» правителей, составители летописей неоднократно отмечали весьма благожелательное отношение Чингизидов к признававшим их верховную власть представителям правящей элиты Руси. Подобное отношение обозначалась термином «честь», включавшим в себя не только наделение русских князей владельческой инвеститурой в виде выдачи ярлыков, но и получения ценных даров, а также этикетных привилегий (почетные места на пирах, угощения элитными алкогольными напитками, служба в гвардии кешикте-нов). Допустимо предположить, что в понятие «честь татарской» включались и браки русских князей с «татарскими» аристократками, а также получение

⁷ В некоторых кавказских источниках, ряд представителей «татарского» «золотого рода» (Чингизидов) не только характеризуются как люди «большого ума, сведущие и справедливые», «создавшими мир», но и однозначно относятся к приверженцам христианского вероучения («уверовавшими в Бога», «богоизбранными»), уже принявших или готовыми принять крещение (Сартак, Мэнгу, Аргун) [2, с. 11, 40; 14, с. 219].

⁸ «И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее... Ибо татары любят христиан, а их (мусульман – Л.В., Т.Г.) ненавидят и преследуют» [31, с. 279].

⁹ «Братья же наши...пожинают обильную жатву, проповедуя...Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями; тому учит верный опыт и труд...» [31, с. 278].

придворных чинов и административных должностей в государственной системе Монгольской империи и Улусе Джучи.

Специфической особенностью средневековых русских нарративных источников является факт практически полного отсутствия информации о внешности, бытовых привычках и военных навыках «татар» [28, с. 6–16]. Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что, несмотря на отсутствие в древнерусской «книжной» культуре традиции подробного описания внешнего вида и образа жизни иноверцев, в ранних летописных сводах все же сохранились краткие сведения о некоторых элементах бытовой культуры кочевых народов, являвшихся соседями восточных славян и Руси в домонгольскую эпоху.

Так, в Ипатьевской летописи, в перечне обычаев иноверческих «языков», приводится описание пищевых и брачных традиций кипчаков (половцев): «Половци законъ держать отецъ свои, кровь проливати а хваляще о сихъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, поймают мачехи своя и ятрови и ины обычая отецъ своихъ...» [25, Стб. 11–12]. И даже в летописном рассказе о полубогатырских «обрах» (аварах), сведения о которых могли быть почерпнуты исключительно из фольклорных преданий, присутствуют некоторые черты их внешнего облика и менталитета: «Въ си же времена быша и Обри...си же добре воеваху на Словене и примучиша Дулебы сущая Словены и насилье творяху женам дулебскимъ...быша бо Обре теломъ велици и оумомъ горды...» [24, Стб. 12; 24, Стб. 9].

В то же время единственной характеристикой бытовых привычек «татар», представленных в русских летописях, является клишированное представление о гастрономических предпочтениях кочевников, выраженное термином «сыроядцы» [26, с. 310] и упоминание о «черном кумысе» как напитке, подаваемом почетным гостям во время приемов у монгольских правителей [25, Стб. 807]. Данное обстоятельство резко отличает древнерусский исторический нарратив от европейских и кавказских источников, содержащих довольно подробные и в целом весьма реалистичные описания антропологического облика, бытовых привычек и военного искусства «татар».

Одно из наиболее ярких и весьма реалистичных описаний внешности пришедших на Южный Кавказ тюрко-монгольских кочевников представлено в грузинской хронике «Жамта агмцереи». В изложении анонимного составителя указанного источника «татары», пришедшие из «страны Солнечной на Востоке» были людьми «чуждыми ликом, нравами и внешностью...Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами...с глазами узкими и карими, удлинненными и яркими; большеглавые, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и были видны лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые, совершенно безбородые...» [1, с. 17].

Кроме того, грузинский хронист отмечал особые навыки «татар» во владении метательным оружием и их пристрастие к мясной пище: «Вместе с тем, обрели они мужество и были лучниками избранными, безупречно метавшими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел...не знали вкуса хлебного, но мясом бессловесных питались...» [1, с. 17–18].

В несколько гипертрофированном описании пришельцев с Востока, представленном в «Истории народа стрелков» инок Магакии, по всей вероятности, отразилось удивление автора и его современников необычным для Южного Кавказа и всего Ближневосточного региона обликом воинов Чормугуна и Бачу-нойона: «Мы расскажем здесь также и то, на что были похожи первые татары...головы их были громадны, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдававшиеся, как у собаки; поясная тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них вовсе не было. При львиной силе, они имели голос более пронзительный, чем у орла...» [12, с. 7].

Типичные для представителей монголоидной расы антропологические черты «татар» были отмечены и Киракосом Гандзакеци: «...Внешний вид их...наводил ужас...Борода не росла, лишь у некоторых росло несколько волосков на губах или подбородке, глаза узкие и быстрые, голос тонкий и пронзительный...» [14, с. 172]. В качестве бытовых привычек, Киракос Гандзакеци отмечал пристрастие «татар» к мясной пище: «Питаются всеми животными без разбора – чистыми и нечистыми, предпочитают всему же конину, которую делят на части и варят либо жарят без соли, затем крошат на мелкие куски и едят, макая в соленую воду...» [14, с. 172].

Аналогичные описания внешнего облика «тартар» представлены и в европейских источниках. Наиболее реалистичные и подробные характеристики внешности «тартар»-«моалов», их обычаев, бытовой культуры, религиозных воззрений и военных навыков содержится в путевых отчетах Плано Карпини и Бенедикта Поляка, составленных по итогам поездки папского посольства ко двору хагана Гуюка [21, 22, с. 26–37]¹⁰.

Отсутствие подобных описаний «татар» в русских летописях и иных нарративных источниках труднообъяснимо. Вероятнее всего, основной причиной этого историко-культурного феномена стали сложившиеся к тому времени правила составления летописных записей, не включавшие в себя традицию подробного описания внешности «иноплеменников».

В завершении рассмотрения темы, следует отметить, что к концу эпохи ордынского владычества, образ «татар» в летописных и историко-литературных источниках окончательно теряет эсхатологическую окраску, трансформируясь в представления о них как об обычных людях, с которыми возможны не только враждебные отношения, но и вполне мирные контакты, в том числе и в сфере этно-культурных заимствований. В XIV в. «татарское» влияние начинает проникать в сферы бытовой и политической культуры Северо-Восточной Руси. Одним из наиболее ярких свидетельств этого процесса является использование в тексте древнерусского эпоса «Задонщина» таких «татарских» слов как «Орда» и «катуни» («Чему ты, поганый Мамай, посяга-

¹⁰ «Эти тартары в основном среднего роста и достаточно стройные благодаря, [во-первых, употреблению] молока кобылиц, которое делает человека худым, и, [во-вторых, повседневному] труду. Лица у них широки. [Они] имеют выдающиеся вперед скулы. И кроме того, они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как сарацины» [34, с. 115].

ешь на Рускую землю? То ты била Орда Залеская...»¹¹; «Уже нам братие, в земле своей не бывати и детей своих не видати, а катунь своих не трепати...») [10]. Несмотря на четкое определение автором произведения «татар» как врагов «Руской земли» [10], наличие в самом тексте эпоса оригинальных терминологических заимствований, позволяет сделать вывод о том, что к моменту Куликовской битвы «татары» воспринимались уже не как inferнальные «дивьи люди», а как вполне обычный народ («язык»), использовать бытовую и военно-политическую терминологию которого было вполне допустимо даже в героической «поэме», прославлявшей победу русских ратей над «погаными».

Подводя итоги исследования, следует констатировать, что основными факторами, повлиявшими на становление первоначального образа «татар» в письменном нарративе государств «христианского мира» являлись религиозные представления об устройстве мира и происхождении народов, а также сведения, полученные от очевидцев вторжения монгольских («татарских») войск в русские земли и страны Восточной и Центральной Европы и Южного Кавказа. В дальнейшем, под воздействием происходивших изменений военно-политической ситуации, интеграции в военную и административную структуру чингизидских улусов, а также регулярных дипломатических, экономических и религиозно-миссионерских контактов представителей правящих элит и образованных слоев общества христианских государств с «татарами», их образ претерпел довольно значительные изменения, трансформировавшись из представления о них, как о «затворенных» народах и «плебсе Сатаны» к вполне реалистичным, и в некоторых моментах комплиментарным описаниям «татар» как одного из народов Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимный грузинский «Хронограф XIV в. М.: ИЭА РАН, 2005. 152 с.
2. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 156 с.
3. Выдержки из «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. 438 с.
4. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 230 с.
5. Гайденко П.И., Салимгареев М.В., Хохлов А.В. «Москва-второй Сарай»? (Об идеолого-политических амбициях древнерусской знати эпохи Дмитрия Ивановича Донского) // Факты и символы. 2021. № 26. С. 39–46. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-39-46
6. Гайденко П.И. От «Орды Залеской» к «Третьему Риму» // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 240–250. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250

¹¹ К настоящему времени в исторических исследованиях присутствуют две гипотезы трактовки термина «Орда Залеская». Согласно первой, так автором «Задонщины» обозначались земли Северо-Восточной Руси, чьи военные силы участвовали в Куликовской битве [30, с. 124–126; 5, с. 39–46; 6, с. 240–250]. По второй версии, «Залеской Ордой» в «Задонщине» названо непосредственно русское воинство, разгромившее орду Мамай [7, с. 7–10].

7. Горский А.А. «Орда Залесская»: об одном заблуждении // *Humanities reseaches of the Central Russia*. 2024. № 1 (30). С. 7–10. DOI: 10.24412/2541-9056-2024-130-7-10
8. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
9. Дробышев Ю.И. «Монголы» и «татары» в XIII в.: две грани одного мифа // *Игра престолов на Востоке: Политический миф и реальность* М.: ИВ РАН, 2023. С. 217–234.
10. Задонщина. Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче, и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамай. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А.Дмитриева [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4980> (дата обращения: 15.02.2025).
11. Зайцев И.В. Без гнева и пристрастия. Татары и русские в зеркале взаимного восприятия // *Родина*, 2005. № 8. С. 100–107.
12. История монголов инока Магакии, XIII века. СПб., 1871. 104 с.
13. Исхаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4, № 2. С. 420–442.
14. Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. 357 с.
15. Книга Юбилеев или Малое Бытие // *Ветхозаветные апокрифы*. Пер. Е.В. Витковского. М.: Фолио, 2001. С. 15–38.
16. Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. 297 с.
17. Ляпин Д.А. Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // *Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. Научный журнал. 2019. № 1(11). С. 74–84. DOI: 10.24441/2618-9674-2019-10005
18. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Булавин, 2012. 304 с.
19. Матузова В.И. Английские средневековые источники. М.: «Наука». 1979. 269 с.
20. Николов А. Образ татаро-монголов Золотой Орды и Ильханов в сочинениях пропагандистов Крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // *Золотоордынское обозрение*. № 4. 2015. С. 14–28.
21. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
22. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
23. Поучение преподобного Серапиона [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (дата обращения: 14.02.2025).
24. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
25. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
26. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 316 с.
27. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига. 2014. 272 с.
28. Рудаков В.Н. Два взгляда на ордынское нашествие в общественном сознании Руси второй половины XIII – начала XIV в. // *Архивы и история российской государственности*. Вып. 3 / Отв. редактор А.Р. Соколов, А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 6–16.

29. Селезнев Ю.В. Полемиические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // *Studia Slavica, et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 215–232.
30. Селезнев Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // *Родина*. 2012. № 9. С. 124–126.
31. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань. Татарское кн. изд-во. 2011. 438 с.
32. Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы в древнерусской книжной культуре // *Из истории русской культуры. Древняя Русь*. Т. 1. М., 2000. С. 691–716.
33. Хаутала Р. От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
34. Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года [Критический текст, перевод с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа] / Подготовка латинского текста и перевод С.В. Аксенов и А.Г. Юрченко; Экспозиция и исследование А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
35. Golden P. Nomads in the Sedentary Word: The Case of Pre-Cinggisid Rus and Georgia // *Nomads in the Sedentary Word / Khazanov A.M., Wink A. (eds.)*. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 93 p.
36. Ostrowski D. G. Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the Step Frontier 1304–1589. Cambridge, New York. 1998. 329 p.

REFERENCES

1. Anonymous Georgian Chronograph of the 14th century. Moscow, 2005. 152 p. (In Russian)
2. Armenian sources about the Mongols. Extracts from manuscripts of the 13th–14th centuries. Moscow: Izdatelstvo Vostochnoy literatiry, 1962. 156 p. (In Russian)
3. Excerpts from "The Story of Mikhail and Andronik Palaiologos" by George Pakhimer. The formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of the Jochi Ulus (1266–1359). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2011. 438 p. (In Russian)
4. Galperin Ch. The Tatar Yoke: the image of the Mongols in Medieval Russia. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)
5. Gaidenko P.I., Salimgareev M.V., Khokhlov A.V. "Moscow-the second Barn"? (About the ideological and political ambitions of the ancient Russian nobility of the era of Dmitry Ivanovich Donskoy). *Facts and Symbols*. 2021, no. 26. pp. 39–46. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-39-46 (In Russian)
6. Gaidenko P.I. From the "Trans-Forestal Horde" to the "Third Rome". *Novoe Proshloe=The New past*. 2023, no. 3, pp. 240–250. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250 (In Russian)
7. Gorsky A. A. "Orda Zaleskaya": about one misconception. *Humanities research of the Central Russia*. 2024, no. 1 (30), pp. 7–10. DOI: 10.24412/2541-9056-2024-130-7-10 (In Russian)
8. Dolgov V.V. The way of life and customs of Ancient Russia. The worlds of everyday life of the 11th–13th centuries. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2017. 592 p. (In Russian)
9. Drobyshev Yu.I. "Mongols" and "Tatars" in the 13th century.: two facets of one myth. *Game of Thrones in the East: Political myth and reality* Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 217–234. (In Russian)

10. Zadonshchina. A word about Grand Duke Dmitry Ivanovich, and about his brother, Prince Vladimir Andreevich, who defeated their adversary Tsar Mamai. Text preparation, translation and comments by L.A. Dmitriev [electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4980> (date accessed 15.02.2025). (In Russian)
11. Zaitsev I.V. Without anger and addiction. Tatars and Russians in the mirror of mutual perception. *Homeland*. 2005, no. 8. pp. 100–107. (In Russian)
12. The history of the Mongols of the monk of Magakia, 13th century. St. Petersburg, 1871. 104 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. The term of the "Tatar-Mongols/ Mongol-Tatars": the ethnic or political concept? An experience of the source and conceptual analysis. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2. pp. 420–442. (In Russian)
14. Kirakos Gandzaketsi. The History of Armenia. M.: Nauka. 1976. 357 p. (In Russian)
15. The Book of Jubilees or Little Genesis. Old Testament apocrypha. Translated by E.V. Vitkovsky. Moscow: Folio, 2001, pp. 15–38. (In Russian)
16. Laushkin A.V. Rus and the neighbors: the history of ethnoconfessional ideas in Ancient Russian literature of the 11th–13th centuries. Moscow, 2019. 297 p.
17. Lyapin D.A. Descendants of Japhet: Sacral Borderland and the motive of Vengeance in "Zadonshchina". *Paleorussia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. Scientific journal*. 2019, no. 1(11), pp. 74–84. DOI: 10.24441/2618-9674-2019-10005 (In Russian)
18. Master Rogery. A sorrowful song about the ruin of the Hungarian Kingdom by the Tatars. St. Petersburg: Dmitry Bulavin, 2012. 304 p. (In Russian)
19. Matuzova V.I. English medieval sources. Moscow: Nauka, 1979. 269 p.
20. Nikolov A. The image of the Tatar-Mongols of the Golden Horde and Ilkhan Horde in the writings of the Crusades propagandists (from the end of the 13th to the beginning of the 14th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 14–28. (In Russian)
21. Plano Carpini John de. The History of the Mongols: Text, translation, comments. Edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; Latin translation. text by P.V. Lukin, translated from Latin by A.A. Vovin, P.V. Lukin, commentary by A.A. Gorsky, P.V. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepavlov. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p.
22. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)
23. The teaching of St. Serapion [electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (date accessed 14.02.2025). (In Russian)
24. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Lavrentievskaya chronicle. Leningrad, 1926–1928. 392 p. (In Russian)
25. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908. 938 col. (In Russian)
26. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 3. The Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov. Moscow, 1950. 316 p. (In Russian)
27. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the 13th–15th centuries. Moscow: Quadriga, 2014. 272 p. (In Russian)
28. Rudakov V.N. Two views on the Horde invasion in the public consciousness of Russia in the second half of the 13th – early 14th centuries. Archives and History of Russian statehood. Iss. 3. Editor-in-chief A.R. Sokolov, A.Yu. Dvornichenko. St. Petersburg, 2012, pp. 6–16.

29. Seleznev Yu.V. Polemical notes on the image of Tatars in Russian medieval literature. *Studia Slavica, et Balcanica Metropolitana*. 2011, no. 1 (9), pp. 215–232. (In Russian)
30. Seleznev Yu.V. Rus – Zalesky Horde? Where do the Tatar roots of Russian statehood grow from. *Rodina*. 2012, no. 9, pp. 124–126. (In Russian)
31. The formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of the Jochi Ulus (1266–1359). Kazan. Tatar Publishing house. 2011. 438 p.
32. Chekin L. S. The Godless sons of Ishmael. Polovtsians and other peoples in the Old Russian book culture. From the History of Russian Culture. Ancient Rus. Vol. 1. Moscow, 2000, pp. 691–716. (In Russian)
33. Hautala R. From David the "King of the Indies" to the "godless plebs of Satan." Kazan, 2015. 496 p. (In Russian)
34. The Christian World and the Great Mongol Empire. Materials of the Franciscan mission of 1245 (Critical text, Latin translation of the "History of Tartarus" by Brother Ts. de Bridia). Preparation of the Latin text and translation by S.V. Aksenov and A.G. Yurchenko; Exposition and research by A.G. Yurchenko. St. Petersburg: Eurasia, 2002. 478 p.
35. Golden P. Nomads in the Sedentary Word: The Case of Pre-Cinggisid Rus and Georgia. Nomads in the Sedentary Word. Khazanov A.M., Wink A. (eds.). Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 93 p. (In United States of America)
36. Ostrowski D. G. Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the Step Frontier 1304–1589. Cambridge, New York. 1998. 329 p. (In United States of America)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Вячеславович Воротынцеv – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Researcher Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 22.05.2025

Принята к публикации / Accepted 02.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399>
EDN: SDYTTP

УДК 94

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ТАТАРЫ» В ДОКУМЕНТАХ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА ПО ЗАУРАЛЬЮ КОНЦА XVI – XVIII ВЕКА

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Резюме. Цель статьи: тезисно рассмотреть эволюцию использования понятия «татары» в документах Московского царства / Российской империи применительно к населению Зауралья и Западной Сибири XVI–XVIII вв.

Материалы исследования. В работе проанализированы материалы источников и реконструировано смысловое содержание понятия «татары» и его изменения в течение рассматриваемого периода. В исследовании использован источниковедческий метод. Источниками являются как давно опубликованные документы, так и выявленные архивные материалы

Результаты и научная новизна. На раннем этапе включения этих территорий в состав Московского царства слово «татары» зачастую вообще не несло какой-либо конкретной языковой либо культурной нагрузки. Оно использовалось, наряду с понятиями «вогулы» и «остяки», для номинации любого ясачного населения лесных и лесостепных зауральских уездов. Более того, эти три понятия были взаимозаменяемы – одни и те же группы населения могли быть названы в документах, как татарами, так и вогулами, либо остяками. На рубеже XVI–XVII вв. произошло распределение обозначений ясачного и служилого населения по уездам. Ясачное и служилое автохтонное население Тарского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов стало называться однозначно татарами.

Но был и ещё один аспект – понятие «татары» в документах, касающихся Зауралья XVII в., употреблялось и как общее обозначение тюркоязычных, либо «степных» народов. Татарами могли называть и ясачных татар Тюменского, Тобольского и т.д. уездов, и башкир, и выходцев из Поволжья, и калмыков, и казахов. Следовательно, наименование татары в источниках конца XVI–XVII в. выступает либо как ситуативное обозначение для ясачного и служилого сословия определённых уездов, либо как обобщающее понятие, включающее в себя различные по идентичности (башкиры и казахи) или языку (казахи и калмыки) группы.

Ключевые слова: Сибирь, уезд, ясачные, служилые, сословия, номинации, XVI век, идентичность, тюрки, границы

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Значение понятия «татары» в документах Московского царства по Зауралью конца XVI – XVIII века // Золотоордынское обозрение.

© Самигулов Г.Х., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

2025. Т. 13, № 2. С. 392–399. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399>
EDN: SDYTPP

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

THE MEANING OF THE CONCEPT "TATARS" IN THE MOSCOW KINGDOM DOCUMENTS ON THE TRANS-URALS DURING THE LATE 16th – 18th CENTURIES

G.Kh. Samigulov

*South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract. We habitually perceive the designations "Tatars", "Bashkirs", "Voguls", etc. used in Russian documents of the late 16th – 18th centuries as ethnonyms. Usually, reconstruction of the establishment of certain linguistic/"ethnic" groups is based on the use of these notions in the sources. However, the case with the name "Tatars" is more complicated, as this word often acted as a unifying designation for different groups of communities with similar languages or a similar type of economy. However, this publication focuses on another, somewhat unexpected aspect. The analysis of sources relating to the local population of the Trans-Ural *uezds* during the late 16th – early 17th centuries showed that, at the early stage of the incorporation of these territories into the Moscow kingdom, the word "Tatars" often did not carry any specific linguistic or cultural load at all. It was used, along with the terms "Voguls" and "Ostyaks", to denominate any *yasak* population of the forest and forest-steppe Trans-Ural *uezds*. Moreover, these three concepts were interchangeable – the same population groups could, in documents, be called Tatars, Voguls, or Ostyaks. At the turn of the 16th and 17th centuries there was a distribution of designations of the *yasak* and servant population by districts. The autochthonous population of the Tara, Tobolsk, Turinsk and Tyumen *uezds* began to be unambiguously called "Tatars". This situation undoubtedly influenced the formation of the Siberian-Tatar identity since the use of the name "Tatars" in relation to the local population for three centuries could not pass without a trace. But there was another aspect; the concept of "Tatars" in the documents concerning the Trans-Urals in the 17th century was also used as a general designation of Turkic-speaking or "steppe" peoples. Tatars could also be referred to as Tartars of the Tumen, Tobolsk, etc. districts, and Bashkirs, natives of the Volga region, Kalmyks, and Kazakhs. Consequently, the name "Tatar" in the sources of the late 16th – 17th centuries appears either as a situational designation for the *yasak* and servant class of certain *uezds*, or as a generalised concept that includes groups different in identity (Bashkirs and Kazakhs) or language (Kazakhs and Kalmyks). Thus, it is necessary to rely on the use of the word "Tatars" in this group of sources to reconstruct the history of the current Tatar population in the Trans-Urals and Western Siberia only with great caution.

Keywords: Siberia, uezd, *yasak* people, servants, estates, nominations, 16th century, identity, Turks, borders

For citation: Samigulov G.Kh. The meaning of the concept "Tatars" in the Moscow Kingdom documents on the Trans-Urals during the late 16th – 18th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 392–399. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Обозначение «татары» не раз становилось предметом исследований [1, с. 559–561; 7; 8, с. 8–27 и др.], при этом остаётся достаточно много локальных и общих сюжетов, связанных с этим словом, которые ещё ожидают своего исследователя. В предлагаемой статье будет тезисно рассмотрена эволюция использования понятия «татары» в документах Московского царства / Российской империи применительно к населению Зауралья и Западной Сибири XVI–XVIII вв. Задача работы – проанализировать материалы опубликованных и ранее не публиковавшихся источников и реконструировать смысловое содержание понятия «татары» и его изменения в течение рассматриваемого периода. Методы, используемые в исследовании традиционны – источниковедческий метод и максимальное абстрагирование от имеющихся исследований по этнической истории Зауралья и Западной Сибири с наработанными подходами, интерпретациями и стереотипами. Публикация не претендует на охват заявленной темы, скорее является предложением к дальнейшему обсуждению вопроса о содержании терминов, которые традиционно воспринимаются как этнонимы. Источниками являются как давно опубликованные документы, так и выявленные архивные материалы¹.

Использование в русских документах слова «татары» по отношению к жителям Зауралья в период до похода Ермака встречается весьма нечасто, причём как минимум в одном случае определение достаточно чётко локализует ту группу, к которой это название применяется – «татар тюменских» [4, с. 115]. С конца XVI в. положение меняется – название «татары» встречается в документах с 1590-х гг. довольно часто, наряду с «вагуличами» (вогулами) и «остяками». И вот здесь мы сталкиваемся с весьма своеобразной ситуацией. Она знакома всем, кто работал с документами по Западной Сибири конца XVI – середины XVII в., но чаще всего странность этой ситуации ускользает от внимания исследователей. Что я имею в виду? В документах, созданных вскоре после образования первых сибирских уездов обозначение «татары» зачастую используется вместе с названиями «вогулы» и «остяки», причём дифференциации между этими понятиями нет. Иначе говоря, зачастую эти обозначения применяются одновременно, причём не как перечисление разных групп населения, а как обозначения одних и тех же сообществ или отдельных персонажей. Либо же эти обозначения использованы в разных источниках, но применительно к одному и тому же населению. И это касается практически всех западносибирских уездов.

Так, в грамоте Бориса Фёдоровича в Тюмень о постройке острога в Епанчином юрте говорится «А в кою пору плотники, и казаки, и стрельцы, и пашенные люди, и ямщики, и татарове, и остяки, и вогуличи учнут острог и около острогу надолбы ставить, и ты б в те поры нашим людям и к татаром, и к остяком, и к вогуличам держал ласку и бережение великое... А говорил бы еси татром, и остяком и вогуличам...» [5, с. 374–375]. Притом, что в начале документа говорится про татарина Епанчу и в завершении тоже: «А буде та-

¹ Автор приносит благодарность А.В. Белякову, предоставившему возможность воспользоваться материалами «Копийных книг» из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

тарин Епанча или которые иные татарове учнут говорить, чтоб в их юрте острогу для обид и всякого насильства не ставить...» [5, с. 374–375]. Чуть позже, в указе о приписке к Туринску нескольких юртов, ранее плативших ясак в Тюмень опять фигурируют «татарове, и остяки, и вогуличи», Епанча (Япанча в документе) оказывается «остяцким головой», «а вверх по Туре... в тех юртах пашенные остяки... выше того юрта пал в Туру Тагил, а выше Тагильского устья пашенных тотар нет» [5, с. 378–379]. В грамоте следующего, 1601 г. в Туринск то же самое население названо уже исключительно остяками, причём «И те деи остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарищей своих место 50 человек, которые жили с Епанчёю» [5, с. 384–385]. В конце 1601 г. в отписке туринского головы верхотурскому воеводе о переходе в ведение Верхотурского уезда части ясачного населения по Туре и Тагилу практически везде эти ясачные люди названы «Туринскими вагуличами». При этом весьма любопытна формулировка в конце документа: «И яз, господине, тем Туринским вагуличам от усть Тагила по Туре реке вверх, Кайманчи с товарищи, к вам на Верхотурье имяна, роспись им с ясашных книг, сколько на котором татарине по Тюменской росписи, на женатом и на холостом, в прошлом во 109-м году взял государева ясаку Федор Янов и сколько на котором вагулетине осталось взяти государева ясаку в доимки тово збору» [5, с. 397]. Если интерпретировать все эти номинации («татары», «вогулы», «остяки») как этнонимы, то получится совершенно фантастическая картина — люди меняли этническую принадлежность в течение считанных месяцев! Естественно, ничего подобного не было. Просто чиновникам было совершенно всё равно как называть ясачное население, и они использовали по случаю тот или иной вариант из имеющегося достаточно небогатого набора.

Это подтверждается и документами по другим уездам. Указ о постройке Тарского города 1593 г.: «А которые князьки и остяки учнут ослушаться, и государева ясаку не учнут платити, и в государев город не учнут приходить... А которые князьки и татарове государю служат...» [5, с. 352–356]. Те же формулировки в наказной памяти в Тару 1595 г.² Наказная память 1597 г.: «...и ясачные книги, по чему з городков и с волостей ясачных людей, с князьков и с тотар, которые городки и волости пошли от Тобольскаго города вверх по Иртышу к новому городу к Таре, и которые волости пошли выше нового города Тары, с которых городков и с волостей государев ясак збираетца... А которые князьки и остяки учнут ослушатца...»³. Понятно, что это стандартные формулы, но текст документа не даёт оснований считать, что фразы «князьки и остяки» и «князьки и татары» относятся к разным группам населения. В каждом случае речь идёт если не обо всём иноземческом населении уезда, то, по крайней мере, о тех его частях, которые «ослушаются» либо наоборот «служат». Вряд ли можно всерьёз считать, что татары обязательно «служили», а остяки были исключительно ослушниками. Скорее стоит признать, что фразы «князьки и остяки» и «князьки и татары» в этих документах являются взаимозаменяемыми.

Население Большой Конды в грамоте в Пелым 1596 г. называется «ясачные татары» [5, с. 364–365]. Так же обозначено в указе того же года ясачное население Малой Конды [5, с. 366]. В грамоте 1600 г. население Большой Кон-

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.–5.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 32–32 об.

ды обозначено как «вагуличи» («мурзы и вагуличи»), причем источником служила челобитная местных жителей [5, с. 377–378]. Из других документов мы узнаем, что на Большой Конде жили остяки [5, с. 401–402]: «...писали к нам в Тоболеск с Березова воеводы Степан Волынский, Юрий Стромилов, что в нынешнем во 117-м... да абыз же сказывал им, что послал он с усть Конды кондинского князька Четыря в верх по Конде во всю Кандинскую землю к остяком для измены, и кондинские остяки все с ними войною под Тобольск готовы» [6, с. 248–249]. Грамота в Пелым 1608 г.: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пелымского уезда и Конды Большие и Конды Меньшие со всех с ясачных людей, с татар и с вагулич...» [6, с. 241]. В отписке пелымского воеводы туринскому коллеге 1612 г. ясачные люди Пелымского уезда неоднократно обозначены как «вагуличи», «пелымский ясачный вагулятин» [6, с. 261]. В царской грамоте в Пелым, написанной на основании отписки местного воеводы, 1613 г.: «в прошлом во 120-м году была в пелымских вагуличах шатость великая, многие вагуличи в ызмене переиманы и перевешены... он побегал в Конду жить в вагуличах таем... И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про их шатость и измену писал к нам подлинно: какая их к нам шатость и измена, чтоб нам было ведомо; а тем бы ясачных татар не жесточил, в городе их без улики вперед не держал» [6, с. 266]. В цитированном документе, в той его части, которая излагает содержание воеводской отписки, ясачные люди фигурирую как «вагуличи», а в той части, которая является творчеством московских приказных, вдруг появляется обозначение «татары», явно в отношении того самого ясачного населения. Также и в царской грамоте 1609 г.: «писали есте к нам, что по нашей грамоте велено вам Пелымского уезда и Конды Большие и Меньшие с ясачных людей, с татар и с вагулич... а как Пелымского уезда и Кондинские татарови и остяки и вагуличи» [6, с. 250–251].

Можно было бы продолжить цитирование подобных источников дальше, но представляется, что необходимости в этом нет – общая картина и так ясна. Подборка выдержек из документов показывает следующую ситуацию: к началу включения территорий Западной Сибири в состав Московского царства в обиходе этого государства имелось несколько обозначений, использовавшихся для наименования местного населения ещё в Приуралье. Этими же номинациями стали обозначать население новых уездов. При этом обычно обозначения групп населения не имели никакой привязки к их языку, культуре, типу хозяйства. Более того, первоначально слова «вогулы», «остяки», «татары» использовались как взаимозаменяемые, что хорошо видно на примере процитированных выше выдержек из документов. Любопытно, что ситуации «путаницы» в наименованиях групп населения встречаются и в документах конца XVIII в. В 1791 г. Дворянский заседатель Тобольского нижнего земского суда Серебреников доложил о результатах опроса вогул: «вагульских волостей татара объявили, что они на состоящие в их владении никаких крепостей и жалованных грамот не имеют, а жительствоуют по прежнему заселению их претков, и пашенными землями, сенными покосами, рыбными и звериными промыслами довольствуютца по тем самым урочищам, где прадеды и отцы владели»⁴.

В самом конце XVI в. местные уездные власти Западной Сибири, очевидно, приходят к соглашению относительно распределения номинаций, и происходит некоторое упорядочение использования названий ясачного населения в

⁴ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 18.

уездах Западной Сибири, в Верхотурском и Пелымском уездах устанавливается обозначение ясачные вогулы, в Сургутском, Березовском, Нарымском и Кетском – остяки, в Тарском, Тобольском, Туринском и Тюменском – татары и т.д.⁵ И эта система существовала вплоть до советского времени. И устоявшиеся обозначения сыграли свою роль в формировании этнических групп, либо же представлений о них. Любопытно, что ситуации «путаницы» в наименованиях групп населения встречаются и в документах конца XVIII в. Необходимо понимать, что от того, что номинация «татары» в этом случае применялась преимущественно к тюркоязычному населению, она не переставала быть сословной, то есть обозначением сословных групп ясачных и служилых татар, которые были вовсе не однородны. В качестве примера можно привести сюжет, отражённый в статье Д.А. Васькова: «из Сибирского приказа пришло распоряжение: бывших татарских «изменников», включая калмыков, отправить из Тары в Тобольск, привести к шерти, отдать на поруки и «поверстать в службу с тоболскими татары, хто кому в версту, а иным велети быть в захребетных и в ясачных татарех, и устроить их пашнями в Тоболском уезде, где пригож, из порожжих земель. И для иноземства держати к ним ласку и привет и бережение, смотря по тамошнему делу и от [...] их от обид оберегать, чтоб им ни от кого напрасного оскорбления не было» [2, с. 43]. Для уточнения – калмыков было около 60 человек, и они были просто включены в сословные группы тобольских служилых, захребетных и ясачных татар. А один из документов, касающийся уплаты ясака одной из групп, включённых в состав ичкинских татар в 1730–1740-х гг., упоминает таких ясачных татар как Савелий Иванов, Борис и Абрезак (Абразак?) Савельевы, Мамай Иванов⁶.

Существовала и другая сторона понятия «татары» в документах XVII–XIX вв. Этим словом могли обозначить несколько разных групп населения, как в документе 1662 г.: «...а воровские де татары были башкирцы и калмыки и Тюменсково и Епанчинсково ясаку и вогуличи Верхотурские» [9, с. 687]. В 1595 г., в грамоте царя Вельямину Степанову, посланному к хану Тевеккелю: «...велел Вельямину Степанову ехать для своего государева дела в Казатцкую орду к Тевкелю-царю и к царевичам, а с ним отпущены в Казатцкую орду посол Тевеля-цаля Кулмагмет да шахов человек Дервиш-Магмет... а после посольства приказати к царю с татаринном Кулмагметом, который приходил ко государю в послех» [3, с. 6–7]. При этом в документах использовалось и верное обозначение – «казаки», «казачий народ» [3, с. 21–25]. В 1734 г. чиновники так описывали свою поездку в зауральскую часть Уфимской провинции: «и они велели ехать к старейшинам, где имеетца их татар собрание башкирское... многие татара приехали к ним и с ними из татар Казачьи орды...». Эта функция понятия «татары», как некоего «надэтнического» маркера, достаточно хорошо известна, поэтому останавливаться подробно на ней нет необходимости. Хотелось бы отметить только, что зачастую слово «татары» использовалось в таких ситуациях без поясняющих добавок про башкир или

⁵ Более подробно этот вопрос, так же, как и эволюция использования понятий «вогулы» и «остяки» рассмотрены в статье «О значении понятий «вогулы» и «остяки» в документах XVI–XVII веков», принятой к публикации в журнале «Российская история». Поэтому в рамках настоящей статьи эти моменты прописаны тезисно, чтобы не дублировать содержание другой публикации.

⁶ РГАДА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 472. Л. 13–14.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 172. 958–958 об.

Казачью орду. Поэтому далеко не всегда можно легко определить, о какой именно группе идёт речь в документе.

В заключение необходимо констатировать, что реконструировать «этнический» / языковой состав населения западно-сибирских уездов, опираясь на данные документов конца XVI – начала XVII в. чаще всего весьма проблематично, если вообще возможно. Понятие «татары», как обозначения «вогулы» и «остяки» в них могли быть использованы для обозначения практически любой группы населения. При этом, как показано выше, эти номинации были взаимозаменяемы и одни и те же группы населения оказывались то «вогулами», то «остяками», то «татарами». Позже слово «татары» выступало в качестве обозначения ясачного, служилого и захребетного населения Тарского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов (с поправкой, что в Туринском уезде не было служилых, а, следовательно, и захребетных татар). Но поскольку это было сословное обозначение, то остаётся открытым вопрос о времени формирования сибирско-татарской идентичности. Иначе говоря, с какого времени мы можем говорить не о ясачном (служилом) населении этих уездов, называемом татарами, а именно о сообществе людей, которые считали себя сибирскими татарами. Последний момент – частое использование понятия «татары» как маркера тюркоязычного или «степного» народа, или группы народов, зачастую вовсе не соотносивших себя с татарами, достаточно хорошо известно, и лишь усугубляет необходимость быть осторожными при интерпретации сообществ, обозначаемых с его помощью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Татары // Сочинения: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 559–561.
2. Васьков Д.А. «Выезжие» калмыки и калмыки-коурчаки в структуре ясачного населения Тарского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сборник статей. Вып. 2. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2024. 170 с.
3. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской АССР, 1961. 741 с.
4. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е дополненное / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
7. Мустакимов И.А. Очерк истории этнонима «татар» в Волго-Уральском регионе [электронный ресурс]. URL: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/ocherk-istorii-etnonima-tatar-v-volgo-uralskom-regione-0> (дата обращения: 06.04.2025).
8. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 8–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27>
9. Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период с 1645–1676 г. Пермь: типография Губернской земской управы, 1884. 1168 с.

REFERENCES

1. Bartold V.V. Tatars. Essays: Works on the history and philology of Turkic and Mongolian peoples. Vol. 5, Moscow: Nauka, 1968, pp. 559–561 (In Russian)
2. Vas'kov D.A. "Itinerant" Kalmyks and Kalmyks-Kourchaks in the structure of the yasak population of Tara uezd at the turn of the 17th–18th centuries. Servants and yasak people in Russia 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations: a collection of articles. Iss. 2, Chelyabinsk: Yuzhnyy Ural, 2024. 170 p. (In Russian)
3. Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries. Collection of documents and materials. Alma-Ata: Kazakh ASSR Academy of Sciences Publ., 1961. 741 p. (In Russian)
4. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2014, no. 1 (24), pp. 115–123 (In Russian)
5. Miller G.F. History of Siberia, vol. I, 3rd edition. Edited by Batyanova E.P., Vainstein S.I. et al. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 630 p. (In Russian)
6. Miller G.F. History of Siberia, vol. 2. 2nd edition, supplemented. Edited by Batyanova E.P., Vainshtein S.I. et al. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 796 p. (In Russian)
7. Mustakimov I.A. Sketch of the history of the ethnonym "Tatar" in the Volga-Ural region [electronic resource]. URL: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/ocherk-istorii-etnonima-tatar-v-volgo-uralskom-regione-0> (date accessed 06.04.2025). (In Russian)
8. Nanzatov B.Z., Tishin V.V. On the history of the Tatars in Inner Asia: the experience of identification of tribal names. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 8–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27> (In Russian)
9. Shishonko V. Perm' annals from 1263 to 1881. The third period from 1645–1676. Perm': printing house of the Provincial Zemstvo, 1884. 1168 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 16.05.2025

Принята к публикации / Accepted 04.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.400-440>
EDN: TBVKSH

УДК 930.2

**«ТЕХ, КОГО МЫ ВЕЛИЧАЕМ ТАРТАРАМИ»,
ИЛИ ТАТАРСКИЙ СЛЕД НА ЕВРОПЕЙСКИХ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРТАХ**

И.К. Фоменко

ЦНИ «Актуальная история» АИРО XXI

Москва, Российская Федерация

igorfom63@gmail.com

Резюме. Цель данной работы – изучение появления и «бытования» этнопонима «Тартары» (Татары) на знаковых картах ведущих картографических школ Европы XIII–XVII веков. В исследовании особое внимание уделяется месту этнонима «Тартары» на «картах для королей» – монарших заказах, для которых использовалась самая проверенная, а зачастую и секретная информация, ибо карта во все времена являлась важнейшим стратегическим инструментарием.

Название «Тартария» и «Тартары», которые присутствуют на европейских картах, средневековые книжники выводили от «Тартара» – древнегреческой преисподней. Хтонические и эсхатологические мотивы были очень популярны в Европе на протяжении всего средневековья, и появление из глубин Азии монгольских туменов воспринималось как знак приближения конца света. Позднее, когда монахи-миссионеры донесли до европейской политической элиты реальную информацию о «тартарах», Запад незамедлительно обратился к своей святой святых – коммерции. Торговые связи с заново открытым Востоком, несомненно, сыграли положительную роль – «Скифия» стала обретать более конкретные черты. Хорографический консерватизм картографов стал понемногу сдавать свои позиции из-за давления более достоверной информации о странах и народах, которых не знала античность. Таким образом, вплоть до эпохи Нового Времени, на карте происходит контаминация классической, традиционной информации с новыми реалиями. О более или менее реалистическом изображении территории «Тартарии» можно говорить лишь применительно к XVI веку, когда появились записки европейских путешественников, коммерсантов и посланников западных государств, которые лично побывали в этих суровых краях.

Исследование появления этнопонима «Тартары» на средневековых европейских картах и его существования в различных «ипостасях» до конца XVII в. даёт яркое представление о том, как в картографическом зеркале отражалась политическая ситуация в Евразии. По графическим источникам можно проследить и постепенное угасание интереса к «Тартарам», начиная со второй половины XVI в., когда в Европе всё громче слышался «турецкий марш». Новаторство работы состоит в том, что появление и эволюция этнопонима «Тартары» на средневековых европейских картах прослеживается на протяжении почти пяти веков.

© Фоменко И.К., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Этнотопоним «Тартары» (Татары), античные истоки этнотопонима Тартары, наследие Монгольской империи, топография Золотой Орды, европейская картография, Московия, Сарай, Тартарские правители, захоронения Чингизидов

Для цитирования: Фоменко И.К. «Тех, кого мы величаем Тартарами», или татарский след на европейских средневековых картах // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 400–440. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.400-440>
EDN: TBVKSH

«THOSE WHOM WE CALL TARTARS», OR THE TATAR TRACE ON EUROPEAN MEDIEVAL MAPS

I.K. Fomenko

*Scientific Research Center "Actual History"
Association of Researchers of Russian Society XXI
Moscow, Russian Federation
igorfom63@gmail.com*

Abstract. The purpose of this work is to study the appearance and "existence" of the ethnotoponym "Tartary" (Tatars) on the iconic maps of the leading cartographic schools of Europe from the 13th–17th centuries. The study pays special attention to the place of the ethnonym "Tartary" on the "maps for kings" – royal orders, for which the most reliable and often secret information was used because maps have always been a most important strategic tool. Medieval scribes derived the name "Tartar" and "Tartary", which are present on European maps, from "Tartarus", the ancient Greek underworld. Chthonic and eschatological motifs were very popular in Europe throughout the Middle Ages, and the appearance of Mongolian tumens from the depths of Asia was perceived as a sign of the approaching end of the world. Later, when the missionary monks brought real information about the "Tartars" to the European political elite, the West immediately turned to its holy of holies – commerce. Trade relations with the newly discovered East undoubtedly played a positive role – "Scythia" began to acquire more specific features. The cartographic conservatism of the cartographers began to gradually lose ground due to the pressure arising from more reliable information about countries and peoples that antiquity did not know. Thus, up to the Modern era, classical, traditional information was being mixed with new realities on the map. A more or less realistic depiction of the territory of "Tartary" can be spoken of only from the 16th century when there were accounts by European travelers, merchants, and envoys of Western states who personally visited these harsh lands.

The study of the appearance of the ethnotoponym "Tartary" on medieval European maps and its existence in various "guises" until the end of the 17th century provides a vivid picture of how the cartographic mirror reflected the political situation in Eurasia. According to graphic sources, one can trace the gradual fading of interest in "Tartars", starting from the second half of the 16th century, when the "Turkish march" was detected more and more loudly in Europe. The innovation of the work is that the appearance and evolution of the ethnotoponym "Tartary" on medieval European maps has been traced back for almost five centuries.

Keywords: Ethnotoponym "Tartary" (Tatars), ancient origins of the ethnotoponym Tartary, legacy of the Mongol Empire, topography of the Golden Horde, European cartography, Muscovy, Sarai, Tartar rulers, burials of the Genghisids

For citation: Fomenko I.K. “Those Whom We Call Tartars”, or the Tatar Trace on European Medieval Maps. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 400–440. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.400-440> (In Russian)

Введение. Цель данной работы – изучение появления и «бытования» этнотопонима «Тартары» (Татары) на знаковых картах ведущих картографических школ Европы XIII–XVII веков. В исследовании особое внимание уделяется месту этнонима «Тартары» на «картах для королей» – монарших заказах, для которых использовалась самая проверенная, а зачастую и секретная информация, ибо карта во все времена являлась стратегическим инструментарием. По графическим источникам можно проследить и постепенное угасание интереса к «Тартарам», начиная со второй половины XVI в., когда в Европе всё громче слышался «турецкий марш». Новаторство данной работы состоит в том, что появление и эволюция этнотопонима «Тартары» на средневековых европейских картах прослеживается на протяжении почти пяти веков.

Древняя карта – эсхатологическое зеркало Средневековья

В греческой мифологии и поэмах Гомера Земля предстает плоско-выпуклым диском, где суша омывается соленой рекой-Океаном. Над рекой-Океаном на одной поверхности с земным кругом расположен Аид, а под ним простирается Тартар. Тартар настолько отстоит от Аида, насколько земля от неба. Если бросить медную наковальню с неба на землю, то она долетела бы до земли за девять дней. Столько же потребовалось бы ей, чтобы долететь с земли до Тартара. В Тартаре залегают корни земли и моря, все концы и все начала. Он огорожен медной стеной, и ночь окружает его в три ряда. Бездны Тартара страшатся даже боги. В дальнейшем Тартар был переосмыслен как самое отдаленное место Аида, где томятся святотатцы и дерзкие герои [14, с. 668]. Именно от этой древнегреческой преисподней будут выводить средневековые книжники производные «Тартария» и «Тартары», которые присутствуют на европейских картах со времени появления в Европе монгольских туменов вплоть до XIX века. К примеру, на карте 1851 г. Джона Таллиса «Тибет, Монголия и Манжурия» Татарский пролив между материком Евразия и островом Сахлин именуется на средневековый манер «Тартарским»!

Неотъемлемой частью средневековой карты была тема Антихриста, «нечистых народов» Гог и Магог, от которых некогда оградил цивилизованный мир Александр Великий. К III в. н. э. многочисленные легенды о деяниях Александра Македонского сложились в чрезвычайно популярный «Роман об Александре». В это произведение вошло множество фантастических историй: «Переписка Александра с брахманами», «О путешествии Александра Македонского в Рай», «Александр достигает высот неба и глубин моря», «Александр и племена Гога и Магога» и многие другие.

На протяжении всего средневековья ожидалось пришествие Антихриста и светопреставление. В грядущие же времена, согласно словам пророка Иезекииля, «будет тот день, когда придет Гог и Магог в землю Израиля» (Иез. 38, 18). «Что же за народы... были заключены от ойкумены Александром в северных пределах? Гог, и магог, и аног, и агег, и ахеназ, и дефар, и потиней, и ливии, и евнии, и фарисеи, и деклемы, и сарматы, и феблеи, и самартиане, и хахонии, и амазарфы, и агримарды, и ануфаги, называемые кинокефалами, и фарбеи, и аланы, и фисолники, и аркнеи, и асалтурии. Эти двадцать два царя находятся за нерушимыми

вратами, которые возвел Александр» [10, с. 176–178] – писал христианский богослов Мефодий Патарский (260–312 гг.).

В Священном Писании есть три упоминания о народах Гог и Магог. В Книге Бытия (Быт.10. 2) говорится о сыне Яфета – Магоге; в Книге Пророка Иезекииля (гл. 38–39) содержится пророчество о Гоге «из земли Магог», «великом князе Мешеха и Фувала», и тех бедствиях, которые нахлынут с севера на погибель земли Израиля; в Апокалипсисе (гл. 20. 7) говорится: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их – как песок морской».

В Коране эти народы названы Йаджудж и Маджудж (Сура XXI, 95–96; Сура XVIII). По преданию Александр Зу-л-Карнаин (Двурогий) воздвиг огромную стену из бронзы, смолы, серы, за которой он запер дикие народы Йаджудж и Маджудж до той поры, пока они в День Страшного Суда не вырвутся на волю.

По эллинистической традиции разделять землю на «климаты» (зоны), заимствованной арабами, нечистые народы Йаджудж и Маджудж помещались за кораническим «валом Искандера» в направлении страны «вечной зимы» расположенной на северо-востоке. А на севере, на краю света, согласно ещё античным авторитетным книжникам, обитают существа, имеющие не совсем человеческое обличье.

К примеру, на круглой карте мира ал-Идриси (1154), изготовленной для норманнского короля Сицилии Рожера II, племена Йаджудж и Маджудж отделены горами от «неопасных» народов Булгаров, Аланов, Буртасов. Расположены земли «нечистых народов» в северо-восточной части Азии между непреодолимыми горами и океаном.

На протяжении всего средневековья тема Антихриста и народов Гог и Магог была очень популярна, а появление в Европе монгольских туменов из глубин Азии стало восприниматься как несомненный знак приближения конца света. Даже Роджер Бэкон (около 1214–1294), один из просвещеннейших людей своего времени, советовал уделять как можно больше внимания изучению географии, чтобы точно определить время и направление движения жутких полчищ Гога и Магога.

В своей «Великой Хронике» монах из Сент-Олбанса Матфей Парижский (около 1200–1259) тоже не мог пройти мимо такой животрепещущей темы. На так называемой «карте Палестины», графическом приложении к «Хронике» Матфея Парижского на северо-востоке изображены народы Гог и Магог, заключенные Александром Великим за Каспийскими горами. Легенда гласит: «Огражденная земля за Каспийскими горами. Здесь обитают Иудеи, которых по молитве Александра Господь Бог запер, и которые выйдут накануне Судного Дня, неся с собой погибель всем людям. Они заточены за высокими и большими горами и вырваться оттуда не могут» [24, р. 35–37].

Вволю поскитавшись по графическим и текстовым полям, народы «Gog I Magog» обрели свою «Землю Обетованную» на знаменитом каталанском атласе Абрахама Креска 1375 года¹ в районе нынешней Чукотки. Земля Гога и Магога со всех сторон окружена высокими Каспийскими горами – «Monts de Caspis». В

¹ Этот роскошный атлас, изготовленный для короля Франции Карла V, представляет собой контаминацию портолана и карты мира, насыщенную всевозможными мифами и легендами, значительная часть которых взята из «Книги чудес» Марко Поло. Атлас имеет ориентацию на север, а в северной Атлантике помещена первая, из известных, роза ветров.

центре этой страны изображено пешее войско на марше; во главе на серо-бледном коне в яблоках (Sic!) под голубым балдахинном едет правитель с раскосыми глазами (аллюзия на степняков-кочевников), облаченный в синие одежды. Знаменосцы несут стяги: на белом поле изображение скорпиона. Позднее, в эпоху кватроченто и чинквиченто на батальных полотнах итальянских мастеров над османскими войсками тоже будут реять многочисленные знамена с эмблемой скорпиона, который задрал вверх свой ядовитый хвост в боевом порыве. Рядом змеится комментарий: «Великий сеньор, правитель Гога и Магога. Он появится во времена Антихриста с многочисленным воинством».

Рис. 1. Фрагмент 7 панели Каталанского атласа 1375 г. Абрахама Креска. Воинство Антихриста выступило в поход.

В соседнем поле карты, с четырех сторон огороженном высокими горами, «Царь Александр» пытается загнать обратно в крепость с замурованными воротами (во всех остальных городах и крепостях на карте ворота присутствуют и не заложены камнем) Сатану-Антихриста. Черный, рогатый, с дополнительной звериной мордой на брюхе (классическая средневековая иконография) и распростертыми перепончатыми крылами Сатана вроде бы и повинует команду Александра, о чем говорят сложенные на его черной груди в жесте послушания руки, но обратно в заточение, в крепость он явно не торопится.

Топонимический след от копыт «всадников Апокалипсиса» в средневековой европейской картографии.

Особый интерес к южным «скифским землям» возник в первой половине XIII столетия, когда напуганная Европа увидела в монгольских, сиречь «тартарских» туменах всадников Апокалипсиса. Потрясенный Запад отреагировал миссиями, которые организовывали короли и римские понтифики для предотвращения угрозы с Востока. Позднее, когда монахи-миссионеры донесли до европейской политической элиты реальную информацию о «новых гуннах», Европа, переведя дух, незамедлительно обратилась к своей святой святых – коммерции. Торговая деятельность Запада с заново открытым Востоком сыграла положительную роль – «Скифия» стала обретать более конкретные черты. Хорографический консерватизм картографов стал понемногу сдавать свои позиции из-за давления более достоверной информации о странах и народах, которых не знала античность[8, с. 173–174].

Таким образом, с конца XIII в. и далее, вплоть до эпохи Нового Времени, на карте происходит контаминация классической, традиционной информации с новыми реалиями, что порой изумляет зрителя своими фантастическими вариантами.

О более или менее реалистическом изображении территории Скифии и Тартарии можно говорить лишь применительно к XVI веку, когда появились записки европейских путешественников и коммерсантов, посланников западных государств к московитам, которые лично побывали в этих суровых краях.

Соратник и биограф Людовика IX Святого Жан де Жуанвиль в сочинении, посвященном славным деяниям короля, повествует что «Тартары – выходцы из обширных песчаных равнин, где ничего не произрастало. Эти равнины начинались у подножья удивительных скалистых гор, что находятся на краю земли, на Востоке, и эти горы, как утверждают тартары, никогда не преодолел ни один человек; и говорили они, что там обитает народ Гог и Магог, который должен выйти в конце света, когда явится Антихрист, чтобы все разрушить» [4, § 473].

В 1239 г. в Британии, в бенедиктинском монастыре св. Эдмунда была оставлена следующая летописная запись: «Племя нечестивое, называемое тартарины, которое, недавно нахлынув с островов, наводнило (собою) поверхность земли, опустошило Венгрию с прилежащими к ней областями» [7, с. 101]. Монах Тьюксберийского монастыря в 1240 г. приводил новые подробности о небывалой численности «варваров, нахлынувших с Востока»: «Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измаиловы, вышедшие из пещер числом до тридцати миллионов и более» [7, с. 106].

Рис. 2. На средневековой миниатюре художник изобразил, как кровожадные «тартары, или таттары пожирают плоть человеческую». «Великую Хронику» (около 1200–1259), в которой зафиксированы события 1066–1259 гг., Матфей Парижский составлял по распоряжению настоятеля своего монастыря Джона Хертфордского с 1240 г. до самой своей смерти.

Знаменитый хронист и картограф Матфей Парижский говорит о происхождении «тартар» в традиционном апокалиптическом ключе: «Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от девяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами и которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями. Когда же он увидел, что дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с другом и образовалось место, неприступное и непроходимое... Однако они выйдут незадолго до конца света, чтобы принести людям великие бедствия» [7, с. 138].

В «Великой хронике» под 1240 г. брат Матфей делает неутешительные записи под заголовком «Как тартары, собравшись с силами, вырвались из гор их (и), разорвав многие восточные пределы, вселили уже страх и в христиан». Прочитаем вслед за его современниками строки о татарах, которых трепещущая Европа принимала за реальные подразделения антихристово воинства: «А называются они тартарами от (названия) одной реки, протекающей по горам их, через которые они уже прошли, именуемой Тартар... Ведь они – люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, (ибо) они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают (его), одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами. Роста они невысокого и толстые, сложения коренастого, сил безмерных. В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы. Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены. Пролитую кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток. У них большие и сильные кони, которые питаются листьями и даже (ветками и корой) деревьев. На них (тартары) взбираются по трем ступенькам, словно по трем уступам (вместо стремян), так как у них (тартар) короткие ноги. Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей. Они сообщают, по десять или двенадцать человек, владеют судами, сделанными из бычьей кожи, умеют плавать и ходить на судах. Вот почему широчайшие и самые быстрые реки они переплывают без промедления и труда. Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду. Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны, являются удивительными лучниками (и) не щадят никого, невзирая на пол, возраст или общественное положение» [7, с. 137–138].

Для того чтобы хоть в какой-то степени рассеять страх, вселяемый завоевателями, нужна была, прежде всего, правдивая информация о «народе незнаемом». Так, во многом, благодаря монголам начинается реальное познание европейцами Востока.

Папа Иннокентий IV (понтификат с 1243 по 1254 гг.) одним из первых попытался предпринять сбор достоверных сведений о диких степняках и установить с «тартарами» дипломатические отношения, а заодно и привлечь их к союзу против «мерзких сарацин». Попутно римский понтифик ставил задачу распространения в «Тартарии» христианства. Ко двору монгольского хана был отправлен ученик Франциска Ассизского шестидесятичетырехлетний минорит Джованни Пьяно (латинизированная форма имени – Плано) дель Карпини, уроженец Умбрии (род. в 1182 г.).

Рис. 3. Карта обитаемого мира из Космографии Закарии ал-Казвини; манускрипт 1537 года.

Информация о «тартарах» приводится и в арабских источниках, например, в описании «шестого и седьмого климатов и народов их населяющих» в космографическом произведении «Памятники городов и сообщения о рабах Аллаха» Ал-Казвини (ок. 1203–1283 гг.): «Страна Тартар. Огромная ветвь тюркских народностей, проживающая на востоке шестого климата. Они чем-то похожи на хищных зверей по своему жестокосердию, резкости характера, крепости тела и грубости нравов. Они любят разбои, кровопролития и мучить животных. Абу Бурда, со слов своего отца, передает высказывание Пророка об их отличительных свойствах: он сказал: “Я сидел при посланнике Аллаха (да будет мир над Ним!) и слышал, как он говорил”: “Невежественный язычник тот, кто вел их – их, с широкими лицами и узкими глазами, лицами – будто щиты, выбитые тремя ударами, которые наносили им, прежде чем они появились на Аравийском полуострове. Первые, кто наносил им удары, уцелели потому, что бежали, вторые частично погибли, а третьи были истреблены полностью”. Спросили: “А что это за народ, посланник Аллаха?” Он ответил: “Тюрки. И я призываю в свидетели того, в чьих руках моя душа, что именно они станут привязывать своих лошадей к колоннам мусульманских мечетей!”» [2, с. 37–42].

Рис. 4. Миниатюра с изображением чудовища Яджудж и Маджудж из сочинения Ал-Казвини. Османский манускрипт 1717 года.

Карты под грифом «Тартария»

XIII столетие

Рис. 5. Матфей Парижский. «Большая Хроника», 1240 год. Легенда о «Тартаринах» на карте находится в левом верхнем углу. Она окружена мощными «горами, состоящими из твердого камня», дабы «tartarins» сквозь них не «прорубились» и не «захватили обширные территории».

«Эта земля далеко, в направлении Бизы (северо-восток – автор). Здесь пребывают девять колен, которых запер Александр. Имя им Гог и Магог. Отсюда вышли те, кого народ называет тартаринами и о коих говорят, что они прорубились из-за гор, состоящих из твердого камня, и таким образом им удалось выйти оттуда, а затем они захватили обширные территории, разорили земли, называемые Индией», – сообщала европейскому читателю легенда на карте из «Большой Хроники» Матфея Парижского [23, р. 457–467; 5].

Предоставим ему слово еще раз: «Как тартары, собравшись с силами, вырвались из гор их [и], разорив многие восточные пределы, вселили уже страх и в христиан. Дабы не была вечной радость смертных, дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара (почему и названы тартарами, будто

“[выходцы] из Тартара”), словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Оконечности восточных пределов подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Вторгшись в пределы сарацин, они сровняли города с землей, вырубili леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей» [7, с. 137].

XIV столетие

Рис. 6. Последняя (восточная) панель Каталанского атласа 1375 г. Абрахама Креска, где на востоке за неприступными горами расположен Рай Земной.

В Каталанском атласе 1375 г. мы видим подробную легенду о деяниях Александра Македонского по купированию мирового зла: «В горах Caspis Александр возвел изгородь из деревьев, которые вершинами своими достигли неба; замысел заключался в том, чтобы погубить Сатану, но Сатана избежал печальной участи, употребив на это свое (сатанинское) искусство. Для исполнения своего замысла он призвал Тартаров Гога и Магога; в целях предотвращения этого нашествия Александр изготовил две преграды из металла».

XV столетие

Примечателен тот факт, что этнопоним «Тартария» чаще стал появляться на картах с середины XV столетия, когда на Западе уже не ждали нашествия «всадников Апокалипсиса», подменяя собой, такие этнопонимы как «Алания», «Кумания», «Азия» и др. Причем, на морских картах-портоланах замена областей с названиями Алания, Кумания, Рутения на Тартария, Тартаро происходит позже, чем на картах мира. Название «Тартария» вместо «Кумания» в Северном Причерноморье присутствует, к примеру, на портолане-планисфере Николауса де Кавериа 1505 г. и на портолане 1508 г. мастера из Анконы Андреа Бенинказы [30].

Возникает вопрос, почему на картах происходит замена одних топонимов, просуществовавших в картографии длительное время, другими (в нашем случае этнопоним «Тартария») в эпоху, когда угроза с Востока давно миновала; теперь Европа трепетала перед османами. Ответ на этот вопрос, скорее всего, кроется в традиционализме и консерватизме «международного цеха» картографов. В западноевропейской картографии существует огромная масса этнопонимов, обозначающих Евразию: это различные «Скифии» и «Сарматии», которые традиционно присутствуют на картах в эпоху средневековья и Нового Времени для обозначения «диких» народов и территорий, которые они населяют. Реже архаичные названия даются в декоративных целях и снабжаются красочными миниатюрами.

В одном из первых документов по истории русско-итальянских связей, подготовленного по распоряжению миланского герцога Франческо Сфорца в середине XV в., о соседях Московии говорится: «Итак, вот страны, которые окружают Русию: во-первых, с востока от нее простирается Тартария, очень великая страна. Одной ее частью владеет Король Руси, а другой частью владеет Король Польский, а остальным всем владеют сами тартары. Затем идет Литва, которая граничит с Тартарией и с Русией, и владеет ею польский король» [18, р. 12].

После выхода в свет Каталанского атласа Абрахама Креска 1375 г. определенной вехой в истории картографии стала планисфера 1459 г., составленная Фра Мауро совместно с известным картографом Андреа Бьянко [16, pl. 36, по проверенным средневековым источникам, ибо карта мира 1459 г. являлась королевским заказом. Среди этих источников, несомненно, имелись сведения восточных купцов, русские материалы, записки европейских путешественников и пр. По случаю окончания работы над этой картой Венецианская республика постанови-

ла отчеканить медаль в честь Фра Мауро с надписью «Cosmographus incomparabilis» («Несравненный Космограф») [15, с. 67].

Рис. 7. Карта мира 1459 г., составленная монахом ордена камальдулов Фра Мауро и изготовленная картографом Андреа Бьянко для португальского короля Афонсу V.

Источникам, которые послужили составлению этой замечательной космографии, Фра Мауро посвятил основательное объяснение, поместив его в излучине Танаиса. Сразу под грифом «TARTARIA» автор пишет: «Труд сей, был изготовлен для Серениссимы («Светлейшая», средневековый эпитет Венеции – автор) и не так совершенен, как хотелось бы. Ибо невозможно без Высшего Промысла человеческого разуму создать космографию или же изображение ойкумены...».

На планисфере 1459 г. диаметром 1 м 96 см нашли отражение новые сведения об обитаемом мире, позволившие автору скорректировать точку зрения Птолемея. К примеру, очень реалистично показан Индийский океан, именуемый на этой карте «Индийским морем». Достаточно беглого взгляда на легенды, помещенные в Китае и Восточной Азии, чтобы убедиться, что создатель этой замечательной карты плодотворно использовал информацию из «Книги о разнообразии мира» Марко Поло.

Западнее области Тангут расположено Белое море (возможно, озеро Байкал – автор), близ которого имеется комментарий: «Это море тартары именуют “Актенис”, что означает “Белое море”, зимой оно все покрывается льдом».

Фра Мауро очень часто использует этноним «Тартария в названии регионов в междуречье Днепра, Дона и Волги (южнорусские степи), в которых раньше картографы изображали области «Алания» и «Кумания». Имеется на этой удивительной карте и город «Тартария» – ниже устья реки Медведицы, которая впадает в Дон. Этот город пока не поддается локализации из-за слабой археологической изученности региона.

XVI столетие

Развитие европейской картографии в эпоху Возрождения непосредственно связано с активизацией культурных и экономических процессов, с великими географическими открытиями. XVI век – это время создания региональных карт. Античное наследие, как и в предыдущую эпоху, использовалось очень широко. Выходила масса карт, составляющих приложение к «Географии» Птолемея, авторитет которого в XVI столетии был по-прежнему чрезвычайно высок.

Рис. 8. Третья панель «Морской Карты...» Мартина Вальдземюллера 1516 года.

В 1516 г. немецкий картограф Мартин Вальдземюллер выпустил в свет «Морскую Навигационную Карту Португальских Мореходов...», в которой, несмотря на многочисленные архаизмы, содержатся интересные сведения о Московии и её соседях [1, с. 119–121]. Отметим, что знаменитая работа Ортелия – карта мира 1564 г., в значительной мере основана на материалах этой карты. Сведения о различных «Тартариях» Вальдземюллер почерпнул из сочинений Одорико Порденоне, Плано Карпини, Марко Поло и других путешественников эпохи Средневековья.

За Рифейскими горами, протянувшимися с севера на юг от Северного океана до региона «Красной Подолии» раскинулась безбрежная земля «TARTARIA», состоящая из множества различных царств (regio). Вдоль восточного склона Рифейских гор с севера на юг картографом размещена область «Mordvani», где присутствует легенда: «здесь в этом регионе обитает народ, прозываемый “Билеры”»,

они находятся в вассальной зависимости от Тартар»; затем «Великая Булгария»; за Танаисом еще одна, южная «Великая Булгария»; в нижнем течении Дона (левобережье) страна «Казана»; выше – земля «Нагай».

За рекой Ра, которая протекает через всю Россию по диагонали от Каспийского моря до Балтийского, пересекая озеро Ильмень, и впадает в Финский залив², над Каспием, который именуется «Море Абасис или Соленое Море», раскинулась обширная земля «Кумания». На востоке, за рекой «Яксарт» лежит земля «Сарацинская Тартария»; выше расположена «Земля Бисерменов» и «Царство Кангитов». В центре «Тартарии», среди разбросанных по полю карты миниатюр шатров, в рамке приведена традиционная легенда об образе жизни «тартаров» – они не живут в городах, а кочуют со своими стадами по степи, питаясь молоком и мясом.

Карта Дмитрия Герасимова и Паоло Джовио 1525 года. Московия и соседние государства на графических полях обретают реалистические черты. «Тартарский пояс» на карте.

Стоит отдельно поговорить о сочинении гуманиста Павла Иовия (Паоло Джовио) Новокомского, который получил информацию о Московии из первых рук от толмача при русском посольстве в Ватикане Дмитрия Герасимова, к которому прилагалась первая НЕ фантастическая карта Московии-России.

Венецианскому мастеру Баттиста Аньезе принадлежит рукописная «Карта Московии», которая в гравированном виде должна была стать приложением к книге епископа Паоло Джовио под названием «Книжица о Василии великом Князе Московском для Папы Римского Климента VII». Составлена она в основном со слов Дмитрия Герасимова (в названии карты он назван «послом»), причем спустя всего два месяца после отъезда русского дипломата. Такое стремительное издание книги говорит об огромном интересе Европы к Московии.

Совершим же путешествие по графическим просторам двух «Карт Московии» – рукописной и гравированной, датируемых 1525 г., уделяя внимание наиболее важным моментам, связанным с задачей данного исследования.

Рис. 9. «Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова), а также с привлечением материалов о Скифии из прочих источников, изготовленная в 1525 году, в Октябре месяце». Манускрипт венецианского картографа Баттиста Аньезе.

Рис. 10. «Карта Московии была составлена на основе материалов о Скифии, с привлечением прочих источников. Год 1525, месяц Октябрь». Гравюра изготовлена с рукописной карты-портлана Баттиста Аньезе.

На сравнительно небольшой рукописной карте семь раз употребляется этноним «Тартария»; в северо-восточном углу карты, далеко за Волгой присутствует изображение повелителя этих земель «Великого Западного Тартарина». Видимо, рассказы о соседях России занимали не последнее место в беседах Дмитрия Герасимова и епископа Паоло Джовио.

Великий Правитель «Западной Тартарии» восседает на троне, развернутый к зрителю в 3/4 оборота. Облачен он в длинные одеяния и высокий головной убор, в правой руке держит скипетр. Позади правителя присутствует город из шатров, раскинувшихся в «пустыне», пронизанной лишь лучами румбовых линий – дань одному из основных элементов навигационных карт, которые мастерски изготавливал Баттиста Аньезе.

² Во времена позднего средневековья Волхов отождествляли с рекой Ра, как в данном случае на карте Мартина Вальдземюллера.

Итак, какие «Тартарии» Климента VII мог увидеть на карте 1525 г.: «Тартария Перекопская» (расположена между эстуариями Днепра и Дона); просто «Tartaria» (между нижним течением Днепра и Дона); «Тартария Азиатская» (по берегам Волги, в месте наибольшей излучины реки); «Тартария» (над единственным на карте «татарским» городом – «casanum tartarum»); напротив «казани тартаров» за Волгой обитают «scrabani tartari» (тартары-шейбаниды – автор); выше по реке (по всей видимости, Каме) расположена земля «ногайских тартар». Седьмая «Тартария» расположена в Западной Сибири, где и восседает «Сибирский салтан», упомянутый выше «Великий Тартарус», взирающий на земли «великого принцепса московитов».

В сочинении Павла Иовия на полях присутствует маргиналия – «Ногайские татарь», несомненно, привлекавшая внимание читателей к этому народу. Обратим на него внимание и мы: «За Волгой... живут ногайские тартары, которые имеют ныне наивысшее значение по своему богатству и воинской славе. Орда их, несмотря на всю свою обширность, не имеет никакого императора, но наподобие Венецианской республики, управляется значительным благоразумием старцев и доблестью храбрецов» [11, с. 266].

Первая «русская» карта Московии

Рукописную карту Московии 1542 г. (гравюра – 1570 г.)³ года Антона Вида (Вайда) мы называем «русской», потому что мастер из Данцига изготовил ее по сведениям, предоставленным московским воеводой и окольничим Иваном Васильевичем Ляцким, который спасая свою жизнь вырвался за «железный занавес» [17, р. 64–68].

Боярин Иван Ляцкий – эмигрант-московит, бежавший в Великое княжество Литовское, провел первую половину своей жизни, занимая военные посты в различных частях Московского государства: он был наместником во Пскове; принимал участие в боевых действиях с польско-литовскими войсками; в 1524 г. совместно с Симеоном Курбским командовал передовым полком во время Казанского похода; а в 1527 г. Иван Ляцкий возглавлял посольство Василия III к польскому королю Сигизмунду, целью которого было продление договора 1522 года [12, стб. 270–271, 289]. В 1534 г., спустя год после смерти великого князя московского Василия III, Ляцкий вошел в партию князя Михаила Глинского, дяди царицы Елены. В ходе борьбы за власть, при малолетнем Иване IV, партия Михаила Глинского была разгромлена, а сам он арестован. И тогда Иван Ляцкий решил бежать в Литву: «Того же лета августа с службы из Серпухова побегал князь Семен Федорович Белской, да околничей Иван Васильев сын Лятцкого и с сыном» [13, стб. 79]. Сенатор Иоганн Копп из Данцига, узнав, что проживающий в Вильне бывший окольничий Иван Ляцкий обладает изрядной информацией о Московии, направился к нему вместе с художником Антоном Видом. Последнему Ляцкий и предоставил весь необходимый материал.

Несомненно, Ляцкий знал страну лучше, чем другой русский «информатор», Дмитрий Герасимов. Это сразу же заметно при сравнении карт Московии Баттиста Аньезе и Антона Вида. В легенде на карте Антон Вид не преминул упомянуть о той роли, которую сыграл бывший воевода и окольничий в создании карты Московии: «В работе по обозначению городов и рек изрядно нам помог делом благород-

³ Манускрипт, изготовленный Видом, датируется 1542 годом. Известная гравюра Франца Хогенберга (48 x 34 см) с этой карты отмечена 1570 годом. Кроме того, с манускрипта была написана картина, хранящаяся в библиотеке им. Герцога Августа в Вольфенбюттеле.

ный господин Иоанн Ляцкий, один из бывших, занимающих важные посты в Московии людей, который нынче, после кончины Великого Князя Василия из-за сильного раздора между некоторыми магнатами и пребывавшем в отрочестве сыном Василия, бежал (Иоанн Ляцкий) к Непобедимейшему Королю Польши Сигизмунду, где и был принят весьма достойно и превосходно, в силу своей мудрости и познаниям в искусстве».

Топонимика на этой карте двуязычная: латинская транслитерация русских топонимов продублирована кириллицей, что можно объяснить наличием большой говорящей на славянском языке православной аудитории в Великом княжестве Литовском. В правой части карты присутствует двойной алфавит и обращение – «Антон Вид до читателей» с кратким содержанием карты Московии по-русски. Все это дает основания говорить об этой карте, как о первой русскоязычной. Приведем обращение автора полностью: «До сих пор земля великого княжества московского малоизвестна и для ознакомления я сделал пояснения; и тут я знаки особые по-русски про землю мной описываемую сделал. Во-первых, по направлению с восхода солнца, яко показано наверху, можно видеть, како далеко отстоят воды от земли; во-вторых, внизу находится раскрытый циркуль, который может соразмерить мили от одного места до другого; в третьих же, можешь видеть, что зеленым цветом знаменуется московская земля; а желтым цветом знаменуется княжество литовское, а також что относится к польской короне, а то, что червонным цветом выделено, то суть татаров земля. Здесь же ты читатель увидишь сможешь границы со всеми странами и москвою, а особливо со швецкою землею, а також и лифляндскою и литовскою, и татарскою, и турскую, какие на всякие орды разделенные. 1542».

Рис. 11. Картуш карты «Антоний Вид до читателя» 1542 года.

Севернее «Козаки Орда», в водоразделе «Дейк» и «Волга реки» показаны кочевья «Орды Нагай» – у ногайцев самые многочисленные в «Тартарии» стада овец и лошадей. «Перекопская» орда находится на своем традиционном месте в Крыму, а стада их пасутся севернее, доходя до истоков «Сосны реки». Близ вооруженных фигур перекопских татар помещен авторский текст, но уже по латыни: «Тартары эти сильно враждуют с христианами». Возможно, появлению этой ремарки поспособствовал поход крымских татар на Москву 1541 г. и чуть более ранний набег на Волынь.

Рис. 12. «Карта Московии Благородного Барона Сигизмунда Герберштейна. С привилегией. 1549 г.». Базель. Гравер Августин Гиршфогель.

Карта с изображением Московии («Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein Neiperger et Gutenhag MDXLVI») [6, табл. XI], которая должна была проиллюстрировать «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, появилась в 1546 г. за три года до выхода в свет знаменитого сочинения. Она была создана известным гравером XVI в. Августином Гиршфогелем, который плодотворно сотрудничал с Герберштейном в течение 1546 и 1547 гг. и изготовил для «благородного барона» целый ряд гравюр [6, с. 6–8].

Помимо личных впечатлений о Московии Сигизмунд Герберштейн использовал для своего труда неизвестный нам русский путеводитель-дорожник. Герберштейн привлекал также картографические материалы упомянутого выше Ивана Васильевича Ляцкого. Благодаря содействию польского вице-канцлера и хельмского епископа Майцевского, 23 мая 1541 года Иван Ляцкий отправил Герберштейну карту, которую использовал в работе Антон Вид [26, s. 135–146].

На карте Герберштейна на востоке (Oriens) Московия опоясана «Горами называемыми “Поясом Земли”» (заметим, что у Герберштейна мы не увидим мифических Рифейских или Гиперборейских гор, протянувшихся по территории Московии) и «Рекой, которая по-гречески называется “Ра”, по-русски “Волга”, а по-татарски “Эдель”»; на юге – реками Танаисом и Десной. Из народов, наиболее интересных для европейского читателя с точки зрения автора, на эту небольшую карту попали: «Нагайские татары», «народ Черемисса», «народ Мордва», «Чиркасские народы», «чиркасы Пятигорские».

Рис. 13. «Тартария, или царство Великого Хама. Абрахам Ортелиус. Антверпен, 1570 год».

Ответ на вопрос, почему картограф так величает правителя Тартарии, дает историческая энциклопедия XIII столетия, автором которой является доминиканский монах Винцент из Бове: «Имя “хан” или “хаам” является титулом и обозначает то же самое, что “король” или “император”, т. е. “славный” или “высокородный”. Но сами Тартары относятся к нему как к своему сюзерену, не называя его имени...» [29, XXXII. 34].

Карту «Тартария, или царство Великого Хама» предваряет текст историко-этнологического характера. Приведем некоторые выдержки, которые характеризуют устойчивые представления европейцев о «тартарах»: «Тех, кого мы величаем Тартарами, включают в себя множество народов, которые проживают на огромной территории. Итак, Тартария в настоящее время простирается от Восточного Океана, или Mangico, земли ее раскинулись от Северного Океана до Южных районов Синама, части Индии, а также заходят за реки Ганг, Сакос, Окс... море Каспий и Меотидское болото; на Западе граница Тартарии соприкасается с Московией, которая вся когда-то была занята Тартарами, и в ее городах у них были ставки. В древних сочинениях Тартария именовалась Сарматия Азиатская, а также Скифия и Серикиа, которую на сегодняшний день приблизительно занимает Китай. Услышали в Европе впервые это ужасное имя в 1212 году. Слова “орды”, с их языка, означает множество. И, несмотря на то, что они обитают в различных Провинциях, на значительных расстояниях друг от друга, тем не менее, в их нравах и жизненном укладе много общего. Телосложение у них квадратное, наружность приземистая, глаза у них глубоко посажены и узкие, борода ужасная, в остальном же, тело у них мощное, а дух отважный; лошадей, а также других животных они умерщвляют, ибо лошади служат им пищей, свиней же есть у них не принято... О Тартарах о их нравах и обычаях можно получить информацию у Сигизмунда Герберштейна. Также смотрите сочинения Антония Бонфиния и его *commentaria Hungarica*; М(арко) Поло Венецианца, который среди них (тартар) постоянно жил. Об их происхождении читайте Матфея из Мехова; (сочинение) Хетума Армянского; Сарацинскую историю Целия Куриона; сочинения Иезуита Иакова Наварского. Не помешает также информация о Тартарах, которую можно почерпнуть у Никифора, в кн. 18. гл. 30».

Тексты, помещенные на карте, изобилуют сведениями, восходящими к античным и средневековым авторам – Плинию Старшему, Марко Поло, Матфею Меховскому, Сигизмунду Герберштейну и др. и содержат много легендарных и мифологических сюжетов.

На одном из декоративных картушей приводится пространный текст об омывающих Тартарию океанах и протекающих по ее обширному пространству реках. В центре «Тартарии или царства Великого Хама» наименование этого огромного региона обозначено так – «Тартария, которая в древние времена считалась Азиатской Сарматией, а также Скифией».

На карте Абрахама Ортелиа 1570 г. северо-восточнее Каракорума к востоку от пустыни «Апасташит» расположено «Царство Табор», о котором в легенде говорится: «Табор или Тибур является центром Тартарии, где когда-то в старину продавали священные книги, которые впоследствии погибли. Таким образом, название этого региона первый раз стало известно в 1540 году во время правления короля Франции Франциска (I), позднее об этой стране узнали во времена, когда по распоряжению Карла V в Мантуе были преданы наказанием огнем еретики, вследствие того, что они тайным образом попирали христианские устои и склонялись к иудаизму. Карл V был удовлетворен этим аутодафе».

Рис. 14. Фрагмент рукописной космографии Урбано Монти. Милан, 1587 год.

На самой большой карте эпохи Возрождения, созданной Урбано Монти 1587 г., на краю ойкумены читатель найдёт потомков десяти исчезнувших колен Израиля, которые после гибели Северного Израильского царства попали в ассирийский плен в 740-730-х гг. до н. э. Спустя много столетий, раввины реставрированной Иудеи продолжали спорить о судьбе потерянных колен [25, Sanhedrin 110 b], мы же перенесёмся на графические поля, где, как видим, и обретаются пропавшие израильские племена, только теперь после многих лет проживания на Дальнем Востоке они стали «Тартарами». Итак, в «регионе Арсарет» столицей которого является город Амагог (Sic!), между городами Табор и Едзуна читаем легенду: «В этих краях пребывают десять Израильских Племен». Ниже на карте «известной на сегодняшний день всей ойкумены» два «Tribu d'Israel» выделены отдельно и именуются «Тартары Нафталима» и «Тартары Дана»!

Рис. 14-а. «Новое описание Азии». Даниэль Целлер. Антверпен, 1590 год.

Завершим поиск «тартарского следа» на картах XVI столетия работой Даниэля Целлера (Целлария, Келлера) 1590 г. «Новое описание Азии» – это отчётная карта Евразии, энциклопедия конца XVI в., вобравшая в себя информацию и знания европейцев как минимум за 400 лет. Возможно, это последняя карта подобного типа, завершающая эпоху графического повествования о «Тартарии», «Азиатской Сарматии» и «Скифии». Это своего рода скифо-сарматский компе́диум, насыщенный сотнями легенд и десятками миниатюр, после которой начинается другая эпоха, хотя огромная, пугающая «Тартария» в подсознании старушки Европы так никуда и не исчезла.

В «Ледяном Море» в массивной барочной раме на века заключён текст, повествующий о свирепости и варварстве народов, память о которых держала Европу в трепете не одну тысячу лет: «Сарматия Азиатская и Скифия заселены были с незапамятных времён. Народы этих стран постоянно вели войны с персами, мидийцами и прочими своими соседями. Сарматы и скифы вели ожесточённую войну даже с самим Александром Великим. И в своё время в этой части света образовалось множество поселений народов в связи с их перемещениями, сопровождаемыми вооружённым вторжением, жестокими грабежами, насилием, убийствами, различными тяготами и разорением со стороны Скифов, Готов, грабителей, народа вандалов, Аланов и Амазонок, нечестивых женщин; и все они являются источником всеразличнейшей мерзости. Затем народ Тартары в год 1213 от Воскресения (Христово) учинил опустошения и жестокое насилие на большей территории Европы. А знаком этого бедствия явилась комета, появившаяся в 1212 году. Обо всех этих многочисленных варварствах повествует в своём сочинении в гл. 1 Матфей Меховский, о том, что это зло пребывает именно в северных землях».

Миниатюру «Императора по имени Хам» автор этой замечательной карты поместил среди изображений кочевых шатров, между реками Яик (Урал) и Обь, где в семь регистров змеится легенда, повествующая о местожительстве «великих Тартар»: «За Волгой в направлении востока напротив горы Имав, или Кавказских гор, живут великие Тартары, самые главные и древние из коих – Езахадарские, Перекопские, Козанские, Нагайские и Казаки (казахи – автор), а в совокупности они все именуются “Ордой”. Своего Правителя, он же Император, они зовут “Хам”».

XVII столетие

Рис. 15. «Тартария». Йодокус Хондиус. Амстердам, 1606 год.

Знаменитый фламандский картограф Йодокус Хондиус (1563–1612) гравировать карты начал около 1583 г. в Лондоне, где изготавливал доски для морского атласа «Зерцало Моряка» Вагенера. Переселившись в Амстердам, в 1604 г. Хондиус купил у наследников Герарда Меркатора медные доски, с которых с 1606 г. печатались карты его «Атласа», куда он добавил 37 новых карт с текстовым дополнением к графике.

Карта «Тартарии» представляет собой как бы остров, отгороженный от остального мира, как западного, так и восточного. С севера этот тартарский остров омывают «Северное море», «Море Ньярен, которое суть Спокойное», «Море Русское», «Тартарское море, покрытое льдами». С востока «Тартария» ограничена «Морем Пасифик». С юга от древних восточных цивилизаций «Тартария» отделена «Великим Китайским Муромом» и песчаными морями: «Пустыней Лоп», «Пустыней Мукс», «Черной пустыней», а также поясом различных орд – «Тартарами Калмуками», «Тартарами Нагаями», «Заволжскими тартарами», «Перекопскими тартарами». От западной цивилизации этот рукотворный евразийский остров отделен лесными массивами.

Карта «Тартарии» начала XVII в., входившая в состав «Атласа» Йодокуса Хондиуса, сопровождается текстом на французском языке (в различных изданиях использованы также латынь, немецкий, испанский, английский и пр.)⁴, написанным Петром Монтаном (Питером ван ден Бергом), географом из Амстердама, который являлся шурином Хондиуса.

Карта декорирована тремя картушами. В одном из них присутствует обращение автора к читателям: «Йодокус Хондиус приветствует читателей. Это описание Тартарии содержит составленное со всей тщательностью определение истинного положения областей, которые в недавнем времени были открыты как Англичанами, так и Бельгийцами, и другими, и хотя я их работой и не удовлетворен, ибо столь обширные и неизвестные территории невозможно истинно описать, но пока не появилось что-либо лучшее».

Приведем фрагменты из описания «Тартарии», в котором говорится о ее географическом положении, приводится краткий исторический очерк и характеризуются нравы народов ее населяющих: «Тартария по великим степям Скифии простирается в сторону Севера. Её населяют тартары, привыкшие прославляться умеренностью и древностью своего народа. Говорят, что они происходят от Авраама, и никогда и никому не служили, сколько бы на них не шли войной Александр Великий, Дарий, Кир, Ксеркс и другие могущественные государи и народы. Ранее они служили одному только Хаму, или Господину, но сейчас их царст-

⁴ Карта «Тартарии» в разноязычных изданиях печаталась с одной доски: она имеет не только одну и ту же прорисовку контуров географических объектов, но и топонимы подписаны на одном и том же языке – на латыни.

во разделено, и ими правят множество князей. Имя страны происходит от названия реки Тартар, у нас называют ее “Магог”, а местные жители именуют “Мунгул”, по имени страны, граничащей с ней с севера. Тартария граничит на востоке с Китайским царством, на юге с Индией по рекам Ганг и Окс, на западе с Каспийским морем и Польшей, а также Московией, на севере – с Ледовитым морем.

Первого царя тартар звали Канги или Хам, Павел Венет называет его Кинхин. Его сына звали Екухам, третьего царя, которого некоторые также называют Бату, Зайхам; четвертого – Темур Кутлу, или Тамерлан, который взял в плен турецкого императора Баязета, заковал его в золотые цепи и возил с собой в клетке по Азии...

Страна по большей части представляет собой пустыню, печальную и невозделанную... Тартария делится на две части, а именно на Европейскую и Азиатскую. Европейская называется Малой Тартарией, здесь расположено Царство Перекопских тартар. Она занимает ту часть Европейской Скифии, что между реками Борисфен, Псёл и Десна, впадающими в Борисфен, малой рекой Танаис, обычно называемой Донец, и самим Танаисом, а также Меотидском болотом и Понтом Евксинским... Ранее здесь господствовали Скифы... но с тех пор, как из Азии пришли и воцарились здесь тартары, земля стала именоваться “Тартарией”, а название “Малая”, она получила, чтобы отличаться от “Великой Тартарии”, которая находится в Азии...

Великая, или Азиатская Тартария делится на пять основных частей, а именно: пустынную Тартарию, Тартарию Чагатай, царство Туркестан, царство Великого Господина Кантена (Императора Китая) и Старую Тартарию.

Пустынная Тартария охватывает часть азиатской Сарматии и большую часть Скифии, что между горами Имаус. Она разделена на многочисленные Орды, среди которых важнейшие суть: Заволжская, также называемая ордой булгарских тартар, орды Казанская, Ногайская, Тюменская, Шилбанская, Казацкая, Астраханская, которую также называют царством, и Башкирская. Все они названы по имени городов. Их жители, ранее бывшие свободными, сейчас подчинены царству Московитов, кроме Тюмени, которая признает власть Великого Хама Катяна... Последняя часть Тартарии – Старая Тартария, расположенная между реками Паропамис и Серик, или Катайским царством и Северным океаном, и проливом Аниан. Старой Тартарией её называют потому, что именно отсюда пришло само имя “Тартар”... Здесь есть много провинций, или орд, названия которых нам почти неизвестны. Учёные люди считают, что страны Унг и Монгул суть Гог и Магог, о которых говорится в Священном Писании.

Тартары народ жестокий, дикий, и свирепого нрава... Тартары всегда верхом, они не пользуются повозками на войне, у них множество сильных лошадей; у них нет никаких городов, на защиту которых они использовали бы свои войска... Жен своих они всегда прячут. Следуя указанию природы, по примеру древних, о которых говорится в Библии, им разрешается иметь по многу жен. У каждого много детей и наложниц, и чем больше у них жен, тем больше те их любят, и их браки счастливы. Они не стремятся жениться на богатых, или женщинах редкостной красоты, или уважаемого рода. Очень часто знатные князья женятся на рабынях, которых они купили...».

О костюме татар в текстовом приложении к карте говорится следующее: «Они носят длинные халаты без складок, приспособленные для боя и езды верхом. Во время боя они надевают большие длинные остроконечные белые клобуки, сверкающие так сильно, что они повергают в ужас их врагов, даже несмотря на то, что они не носят шлем...».

Где же обитают «свирепые тартары»? Переместимся в графическую «Сибирь». Этот топоним на карте относится к небольшой стране, лежащей между Уралом, который обозначен как «Рифейские горы», и рекой Обь; здесь расположены населённые пункты «Великая Пермь» и «Сибирь». Как может видеть европейский читатель начала XVII в., половина Сибири входит в состав Московии.

Рис. 16. Встреча «тартарина» и «самоеда» на землях Армении. Фрагмент карты «Tartaria» Йодокуса Хондиуса.

Авторы разместили «свирепых тартар» и в «Югории», территории между рекой Обь, горами Имаус и «Полярным Кругом», который, подобно тартарскому аркану, захлестнул русский север, где живет народ «Samogeda». Одного из его представителей в тюленьей шкуре вместе с «тартарином» европейский любитель исторической географии мог наблюдать в Арагатской долине. Югория стала площадкой для идиллических бытовых сцен из кочевой жизни: шатры, пасущийся скот, низкорослая лошадь под седлом, распряжённая двухколесная повозка, фигуры «тартар», вооружённых копьями. Одним словом, перед глазами любознательного европейца представлена «тартарская Аркадия».

Рис. 17. «Тартария, или Империя Великого Хама». Виллем Блау. Мануфактура Блау. Амстердам, до 1638 года.

Карту «Тартария, или империя Великого Хама» дополняет текст историко-этнологического характера, позаимствованный из Атласа Абрахама Ортелиа. Тексты, помещенные на карте, изобилуют сведениями, восходящими к античным и средневековым авторам.

По бумажным просторам на северо-востоке Евразии, сиречь в «Царстве Тендук», взгляд европейского любителя исторической географии устремлялся к гидрониму «Тартарская река». На Востоке «Тартарии», неподалеку от «Тартарского Океана», восточнее реки с адским именем «Тартар» и одноименного города близ земли «Унг, которая по-нашему именуется “Земля Гог”», расположено «Царство Тендук, в котором во времена Марко Поло, в 1290 году, правили христианские правители».

Рис. 18. Фрагмент карты «Тартария, или Империя Великого Хама» Виллема Блау. «Река Тартар» несёт свои черные воды мимо города «Тартар» по просторам земли «Сумонгул» и впадает в «Воронье Озеро».

Завершим обзор этнонима «Тартария» графикой из «Книги Глобусов» венецианского географа и историка Винченцо Мария Коронелли[20], вышедшей в Венеции in-folio в 1693 (1701) году. Сегменты карты мира, на которых представлена территория «Великой Тартарии» (от рек Оби и Якиа до Тихого океана), размещены на 9 листах. Их очередность с востока на запад не отмечена нумерацией, и для удобства в работе я счел нужным присвоить листам порядковые номера.

1. На крайнем востоке Евразии полуостров Камчатка именуется землей «Тартар Юпи», напротив помещена «Земля Ессо» (остров Хоккайдо – автор). Берингово море именуется «Море Каймакитов», и на всем водном пространстве между Евразией и Америкой написано «Тартария». На западе полуострова в районе современной Паланы находится столица этого региона и именуется она «Синнандона, а также Матсумай или Матсмай». Выше столицы земли «Тартар Юпи» имеется легенда (самая большая на землях «Великой Тартарии»): «Матсмай является Столицей земли Тартар Юпи, там расположена резиденция Правителя, царя Юпи, который осуществляет с Японскими землями торговлю Мехаами, Пухом и Перьями (птиц) и Птицами; из (этих) товаров он каждый год некоторое количество преподносит в дар Императору (Японии). Аборигены же, которые

обитают (на островах) напротив Японских владений питаются Бобовыми плодами, различными видами Рыбы, а также жиром и салом Китов».

2–5. На четырех сегментах глобуса территория «Великой Тартарии» включает в себя земли от «Северной Тартарии», примыкающей непосредственно к океану и до Великой Китайской стены, охарактеризованной как «Стена Китайская – протяженностью 300 Лиг; высотой 30, а шириной 12 квадров». Все страны и регионы на глобусе Коронелли отмечены границами в виде пунктирной линии.

Пустыня Гоби является естественным барьером между «Великой Тартарией» и Китаем. Земли Срединного Царства показаны очень точно; вероятно, автор использовал материалы миссионеров католических орденов. «Пустыня Хана Калмыков, или Каракитаев, именуемая Европейцами – пустыней Лоп» изображена очень выразительно – огромная песчаная лента.

На глобусе Коронелли к северу от пустыни Лоп находится земля «Тангут или Тен-Дук» со стольным городом Тангут; северо-восточнее – земля Каймакитов. Западнее до самого «Mare della China» раскинулись земли Внутренней Монголии, которые именуются «Царство Ниулхана правителя тартар Кина, или золотых тартар».

Образ «тартарского» правителя из «европейского окна»

Проследим иконографию «тартарских правителей» на европейских картах в хронологическом порядке с XIV по начало XVII вв. Их образы прекрасно иллюстрируют представления европейской элиты о «свирепых тартарах» и их «императорах».

Рис. 19. Миниатюра с изображением Узбек-хана (правил с 1313 по 1341 гг.). Фрагмент портолана Анджелино де Далорто 1339 г. «Это Повелитель Узбек, Господин Император Сарая».

На морской карте-портолане каталанского мастера Анджелино де Далорто 1339 г. изображено три фигуры правителей, восседающих на тронах: в Северной Африке правит «Царь Мели», на востоке «Царица Шеба» (Савская – автор), а за Волгой, среди городов, над которыми развеваются флаги с Джучидской тамгой, присутствует внушительная фигура на троне со скипетром в правой руке – «Император Узбек». В легенде близ стольного града Сарая говорится: «Здесь резиденция императора Северной страны Узбека, империя которого простирается до провинции Болгария на Западе, а на Востоке до Органциума (Ургенча – автор)» [30, map № 7].

Рис. 20. Иконография «Императора Джанибека». Фрагмент пятой панели Каталанского атласа 1375 г. Абрахама Креска.

На Каталанском атласе 1375 г. имеется множество миниатюр с изображением различных легендарных и полулегендарных царей и цариц, а реальный «Император» Джанибек (правил в 1341–1357) изображен на левобережье Волги, между городами «Сарай» и «Адитархан» (Астрахань – автор). Он держит в правой руке скипетр, а в левой – державу, рядом присутствует комментарий, протографом которого является легенда с портолана Далорто 1339 г., в которой указаны границы Золотой Орды (подкрепленные на карте вексиллографией с Батыевой тамгой): «Вот император северной области. Империя этого правителя начинается в провинции Бургария (Болгария – автор) и простирается до города Органцио (Ургенч – автор). Правитель именуется Джанибек, и он является властителем Сарая».

«Император Джанибек» по размеру превосходит все фигуры на этой карте. К примеру, фигура султана Рума (на голове красный головной убор) в три раза меньше фигуры Джанибека, а увенчанный короной «Царь Тавриза» – ильхан Пятого улуса в два раза больше Сельджукидского правителя, но все равно усту-

пает в размерах «императору». Налицо вассальная зависимость малоазийского правителя от Хулагуидов.

В отличие от «Царя Тавриза», не имеющего в руках никаких инсигний власти, «Император Джанибек», восседающий на роскошном ковре с золотыми кистями в зеленом с золотом халате, увенчан высоким белым тюбаном. Он босой, в правой руке держит скипетр, а в левой – державу. Разница между «Императором Джанибеком» и «Царем Тавриза» для европейского зрителя XIV в. очевидна.

Отметим, что миниатюрами с фигурой «Imperator Magnus Tartarus» в восточных одеждах со скипетром и державой, на низком троне или ковре, иногда под сенью роскошного шатра близ столицы «Сарая Грандо», декорированы многие карты⁵.

Рис. 21. «Моденский аноним». Космография 1450 года.

На космографии, именуемой по месту хранения «Моденским анонимом», в «Великой Тартарии», к востоку от Костромы, близ зеленых холмов покоится огромный золотой царский венец, который отмечает место коронации Чингисхана. Легенда гласит: «В 1187 году здесь был коронован Первый Тартарский Король (Чингисхан)».

Рис. 22. Портолан Хайме Бертрана 1482 года.

На некоторых картах демонстрируется градация государств внутри самого «Тартарского» мира. На карте Хайме Бертрана 1482 г. на правом берегу Волги близ Сарая восседает на подушках правитель Золотой Орды с кривым мечом и круглым щитом с тамгой, рядом подпись «Царь Тартарии»⁶. Восточнее присутствует изображение правителя гораздо большего размера со скипетром и державой, именуемого «La Gran chan Amperator de Tartaria», который недвусмысленно поглядывает на Запад [28, pl. 19], в частности на правителя Руси, который, в свою очередь, смотрит на своего восточного оппонента.

Рис. 23. «Могущественнейший Повелитель, именуемый Великий Tartarus». Фрагмент морской карты Андреа Бенинказа 1508 года.

Иногда картографы помещали над миниатюрой шатра, в котором восседает правитель, конкретный геральдический символ. На портолане-планисфере 1505 г. генуэзского мастера Николо де Каверио [30, map. 26] в центре Золотой Орды, именуемой на карте «Tartaria», в красно-синем роскошном шатре на низком троне изображен правитель, устремивший взгляд на земли своего западного соседа «Россию». На этой огромной карте присутствует только одно антропоморфное изображение, и это золотоордынский «Тартаро». Над шатром развевается красный двухконечный стяг с золотой джучидской тамгой. За спиной тартарского правителя находится «Царство, изобилующее золотом», место, куда средневековые книжники помещали страну, славившуюся драгоценными металлами и охраняемую чудовищными грифами.

⁵ См. морские карты: 1413 г. Мессии де Вилладестиса (изображение «Короля Узбека»), 1439 г. Габриэла де Валсеки, 1508 г. Андреа Бенинказа и др. [5, 19, 27].

⁶ Воинственный образ «Tartaro», вооруженного мечом, в северном Причерноморье мы видим также на навигационной карте из морского атласа Весконтес Маджоло 1512 г. и на портолане другого представителя знаменитого генуэзского клана картографов второй половины XVI века – Джакомо Маджоло. [27, p. 88–89, 21].

Рис. 24. Миниатюра «хана Большой Орды Ахмата» с космографии Мартина Вальдземюллера 1516 года.

Обратимся вновь к «Морской карте» Мартина Вальдземюллера 1516 года. Ханский шатер в обрамлении кочевий, отмеченных шатрами поменьше, находится между реками Ра и Танаис, в окружении кочевого ономастикона – «Тартария», «Кумания» (половецкие степи), «Нагаи». Правитель же «тартарский» (отождествим его условно с ханом Большой Орды Ахматом, ибо карта частично отражает реалии последней трети XV в.), облаченный в богатые одежды, внимательно смотрит на европейского зрителя и своей левой ногой указывает «неверным» на текст, который они должны внимательно прочесть: «Вот перед вами кочевой правитель из рода первого хана Великого Бату, властелин Казаны, у которого есть армия в шестьдесят тысяч вооруженных воинов. Подданные хана суть Сарацины и они ведут кочевой образ жизни. Кочуют они по берегам рек, а когда наступают холода, то спускаются с гор к морю».

Рис. 25. Миниатюра крымского хана на карте Вальдземюллера 1516 года.

Как и на всех миниатюрах «тартарских» правителей на карте Вальдземюллера 1516 г. крымский хан изображен под сенью шатра. Среди инсигний власти художник выбрал для него меч. Данная миниатюра, несомненно, должна была продемонстрировать европейскому зрителю воинственность крымских татар.

Ханский шатер миниатюрист воздвиг близ юго-восточных склонов Рифейских гор в Диком поле у излучины реки Танаис. На карте эта местность именуется «Земля Крымцев, Тартар живущих на этих равнинах». Между областями «Великая Булгария» и землей «Казана» автор поместил комментарий: «От вод реки Днепра и до Танаиса распространяется власть правителя крымских тартар, проживающих на этих равнинах. Он также является властелином Газарии (Крыма – автор), где проживают 600 000 христиан».

Очень показательно, как европейская интеллектуальная элита в лице картографов и художников реагировала на исчезновение угрозы с Востока. С ослаблением Монгольской империи и государства Золотая Орда миниатюра Сарайского правителя таяла в размерах, а по мере удаления драматических событий XIII столетия, изменялась и его титулатура – слово «Император» в наименовании «Imperator Magnus Tartarus» постепенно редуцируется.

У Европы новый враг – османы. По мере развертывания «турецкого марша» увеличивалось изображение «Великого Турки» – от маленькой фигурки с луком и стрелами в центре Анатолии до колоссального «Императора Турок», к примеру, на карте 1606 г. Винченцо Деметрио Волчо.

Столицы тартар, или самые известные в мире Сарай

Рис. 26. Планисфера Андреаса Валшпергера 1448 года.

Рис. 27. Миниатюра столицы «Тартарской империи» Сарая. Фрагмент планисферы Андреаса Валшпергера 1448 года.

Автор этой небольшой карты мира (диаметр 57,5 см) Андреас Валшпергер родился около 1415 г. в городе Радкерсбург. Сын простого плотника, он принял монашеский постриг в бенедиктинском монастыре святого Петра в Зальцбурге в 1434 году. Карта мира была изготовлена им в 1448 г. в Констанце.

На планисфере мы встречаем одно из наиболее ранних упоминаний на картах народа под именем «тартары». На правом берегу Дона (брат Андрей немного путает русские реки Волгу и Дон) расположен город, а рядом текст: «Сарай – столица тартар, где император умер».

В среднем Поволжье в половецких землях, именуемых «Кумания», на левом берегу Волги присутствует крупная миниатюра города, обнесенного высокой крепостной стеной, рядом комментарий: «Это город (Сарай) джедит тартарского Батайя, где великий хан и помер». Надо заметить, что имя правителя Золотой Орды Бату-хана, упомянутое на этой карте, возможно, впервые встречается на графических полях.

Рис. 28-а, 28-б. Фрагмент планисферы Фра Мауро и Андреа Бьянко 1459 года.

Изображение первой столицы Золотой Орды на карте Фра Мауро 1459 г. значительно уступает обнесенному мощной крепостной стеной Сараю, которому Андреа Бьянко не зря дал определение «Грандо». Близ «Сарая Великого» (Saray Grando) присутствует миниатюра роскошной усыпальницы с сопроводительным текстом-эпитафией, который восходит к событиям 1395 года: «Тартарская Гробница: в которой находится 18 погребений, сделанных по воле Тамерлана, учинившего здесь им (татарам) величайший разгром. И распорядился похоронить он тут только самых знатных, и этот погребальный мавзолей подобен тому, что изображен (на карте)».

Речь здесь идет, возможно, о погребальном комплексе, в котором были захоронены «знатные тартары» из армии Токтамыша, потерпевшего поражение от Тамерлана в битве при Кондурче.

Где погребали «Тартарских королей»

Рис. 29. Фрагмент карты «Тартария, или царство Великого Хама» Абрахама Ортелиа 1570 г.

На карте Абрахама Ортелиа 1570 г. правее ставки «Великого Хана», к Востоку от первой столицы Монгольской империи города «Карокаран» (Каракорум) расположена «гора Алтай». В «Алтайских горах» помещена легенда: «Алтайские горы, где они (тартары) погребают Императоров Тартарии, и это видел и описал – Гайтон Армянский, он же Бельгиец». Вспомним, что Хетум (Гайтон) Патмич (середина 1240-х–1310-е гг.), брат правителя Киликийской Армении Хетума I, государственный деятель и историк, инкогнито совершил путешествие от берегов Средиземного моря в глубины Центральной Азии. Он являлся автором сочинения «Цветник историй земель Востока», записанного по-старофранцузски и на латыни.

Книга Марко Поло подтверждает легенду на карте: «Всех великих государей, потомков Чингисхана, знают, хоронят в большой горе Алтай; и где бы ни помер великий государь тартар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят хоронить именно в это место» [3, с. 235].

О способе захоронения «Императоров Тартарии» рассказывается также в известном средневековом сочинении «Описание Чудес», созданном в 1329 г. доминиканским монахом Журденом де Севераком по поручению папы римского Иоанна XXII. В главе, посвященной Великой Тартарии, автор пишет: «Когда умирает император, тело его, а также бесценные сокровища, назначенные на то, люди уносят в некое место, оставляют его там и затем убегают во всю прыть, как будто за ними гонится сам дьявол. Потом туда приходят другие люди, и они тотчас же хватают тело и переносят его в другое место таким же образом; затем являются новые люди, и все начинается сызнова, и так ведется до тех пор, пока не доставят тело в то место, где его должно похоронить. А делается все это потому, что место, где похоронен император, и все достояние его сокровенны, и никто не должен знать про них. О кончине императора не сообщают до тех пор, пока не утвердится на престоле новый властитель...» [9, с. 155].

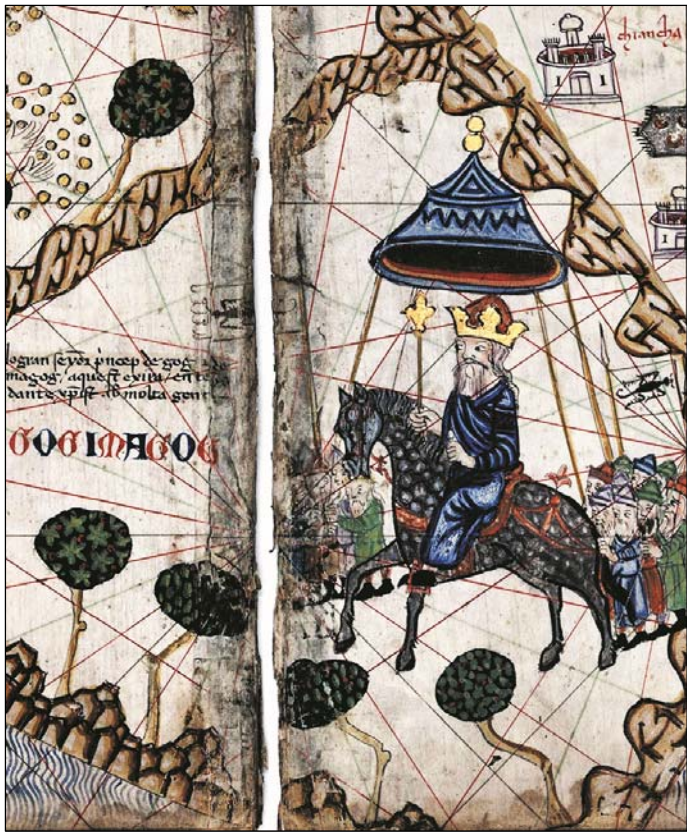

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

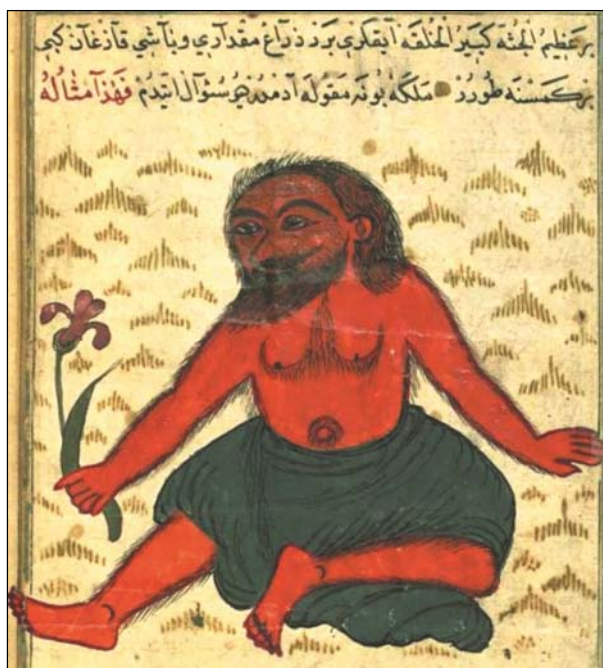

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Fra_Mauro.jpg

Рис. 8. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/panel3.jpg

Рис. 9. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Gerasimov_map.jpg

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Herberstein_map.jpg

Рис. 13. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Ortelius.jpg

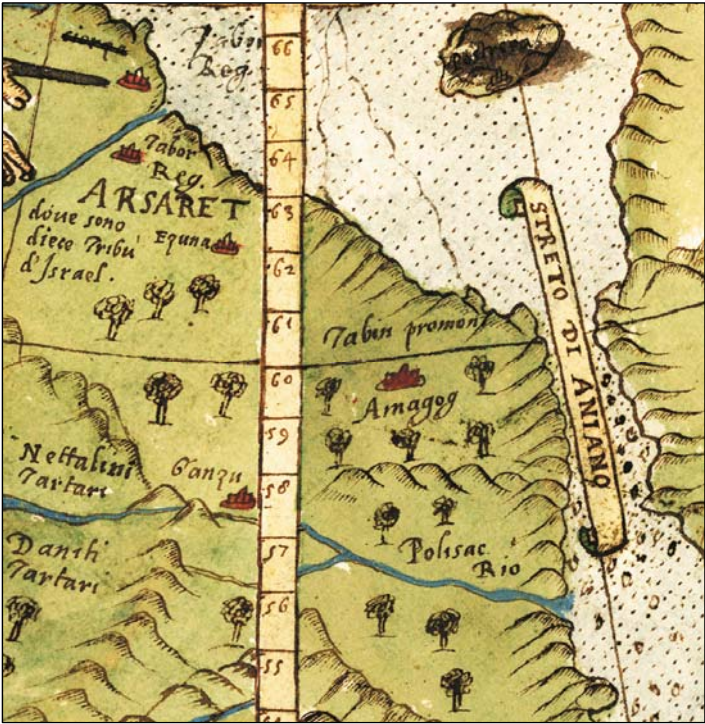

Рис. 14

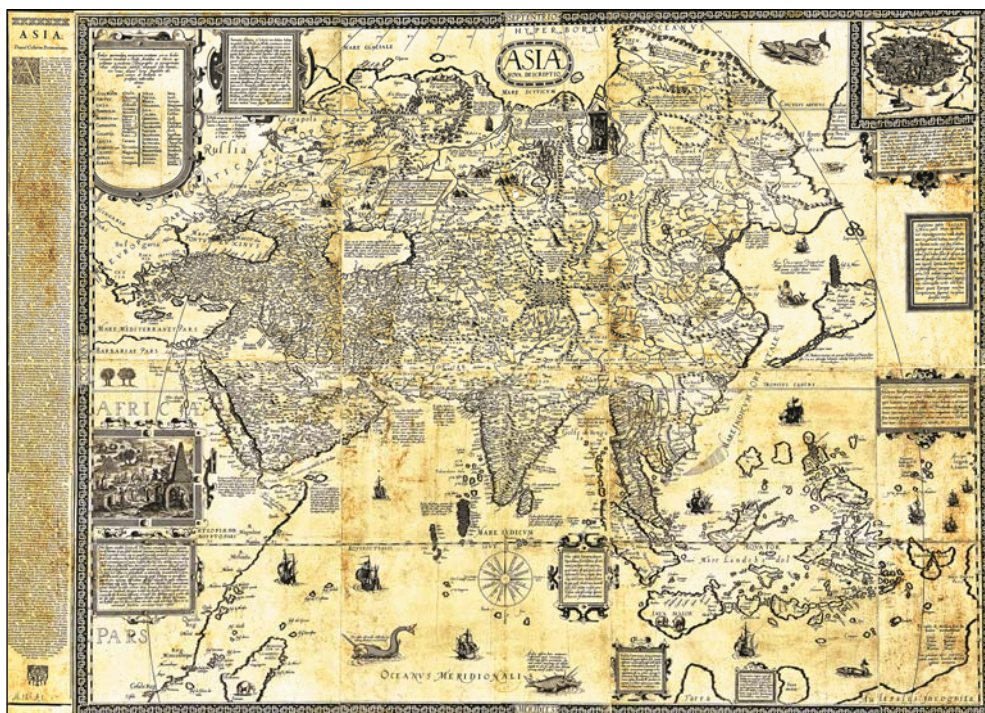

Рис. 14-а. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Cellarius.jpg

Рис. 15. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Hondius.jpg

Рис. 16

Рис. 17. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Blaeu.jpg

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 22. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/Bertran.jpg

Рис. 21. См.: http://www.tataroved.ru/publicat/medieval_maps/M_anonim.jpg

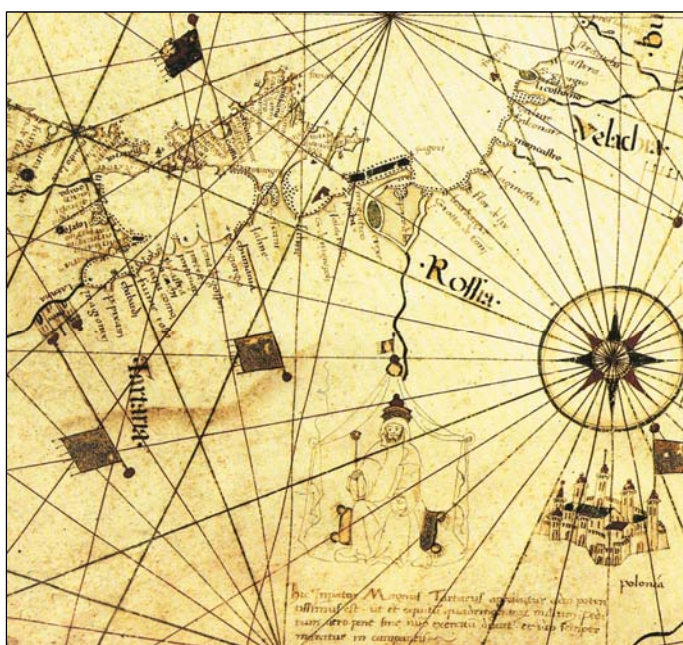

Рис. 23

Рис. 28-а, б

Рис. 29

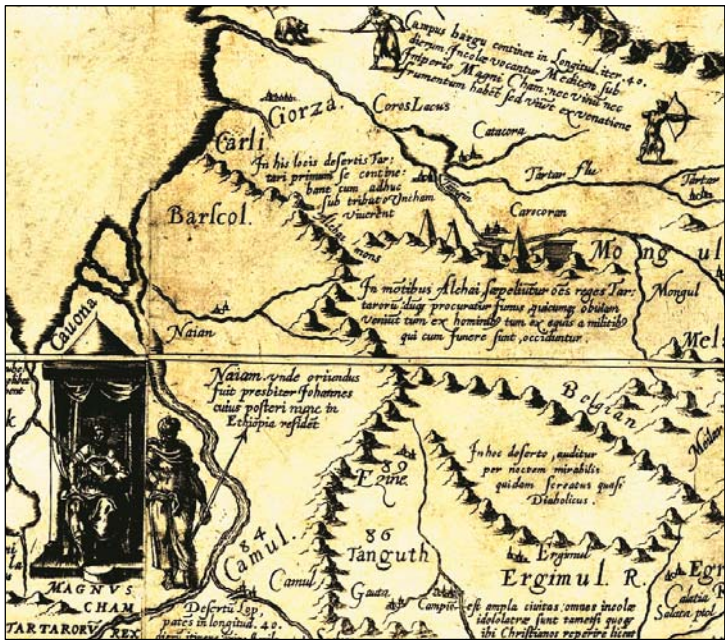

Рис. 30

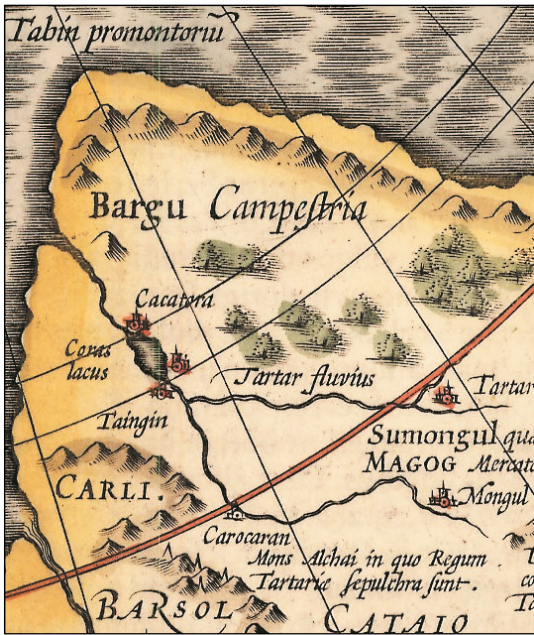

Рис. 31

Рис. 30. «Могилы Тартарских королей» на карте Даниэля Целлера 1590 года.

На карте Даниэля Целлера 1590 г. недалеко от городка с устрашающим названием «Тартар» южнее жуткой «Тартарской реки» в Алтайских горах возвышаются погребальные мавзолеи в виде пирамид и алтарей. С обычаями погребения «Тартарских королей» читателя знакомит следующая легенда: «В Алтайских горах погребаются все Тартарские короли. И после погребения участники похорон, будь то обычный человек, или всадник, все умерщвляются».

Рис. 31. Некрополь «Татарских царей» на карте Хондиуса «Тартария» 1606 года.

Заглянем в некрополь «Татарских царей» на карте Хондиуса 1606 года. Севернее «Пустыни Белгиан» находится «Гора Алтай, где суть могилы Татарских царей». Легенды о погребении Чингизидов в «Mons Althau» на европейских картах восходят, в первую очередь, к сочинению Марко Поло конца XIII в.

Вместо заключения

Исследование появления этнопонима «Тартары» на средневековых европейских картах от 1240 г. и его существования в различных «ипостасях» до конца XVII в. даёт яркое представление о том, как в картографическом зеркале отражалась политическая ситуация в Евразии. Кроме того, мы получаем сконцентрированный в визуальных образах выразительный срез ментальных особенностей представителей европейской интеллектуальной элиты в лице авторов-составителей карт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багров Л. История картографии. М.: Центрполиграф, 2004. 319 с.
2. Демидчик В. Описание шестого и седьмого Климатов в «Асър ал-билād ва ахбър ал-ибād» Закарийā ал-Казвīнī // Восточная филология. Выпуск III. Душанбе. 1974. С. 26–68.
3. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Пер. А.И. Малеина // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. Вступ. статья, комментарии М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.
4. Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. Изд. подгот. Г.Ф. Цыбулько, Ю.П. Малинин, А.Ю. Карачинский. СПб.: Евразия, 2007. 400 с.
5. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. 664 с.
6. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII века. Киев: Киевская комиссия для разбора древних актов, 1899. Вып. I. 100 с.
7. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.
8. Мельникова Е.А. Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М.: Янус-К, 1998. 254 с.
9. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. Пер. с латинского и староитальянских языков, введение и прим. Света Я. М. М.: Наука, 1968. 237 с.
10. Откровение Мефодия Патарского (латинская версия 700 года). О заключении десяти колен и смерти Александра // Повесть о рождении и победах Александра Великого. Пер. с лат. и ст.-фр., сост., вступ. ст. и ком. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 175–179.
11. Павел Иовий. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. Пер. А.И. Малеина и О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. М.: ИИА Русский мир, 1997. С. 217–306.
12. Продолжение Летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. СПб.: Археографическая комиссия, 1859. 301 с.

13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. Ч. I. СПб.: Археографическая комиссия, 1904. 302 с.
14. Тахо-Годи А.А. Тартар // Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб.: Ленинградская галерея, 1996. 668 с.
15. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье конец XIII–XVII в. М.: Индрик, 2011. 423 с.
16. Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII, esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana // Monumenta cartografica Vaticana. T. 1. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1944. XII, 302 p.
17. Bagrow L. A history of cartography of Russia up to 1600. Ed. by Henry W. Castner. Ontario: The Walker Press, 1975. Vol. 1. 168 p.
18. Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari: Adriatiche, 1957. 95 p.
19. Cartografia Mallorquina. Barcelona: Diputació de Barcelona, 2000. 202 p.
20. Coronelli Vincenzo. Libro dei Globi. Venice 1693 (1701). Introd. by dr. Wallis hel. Amsterdam: Theatrum Orbis Terrarum LTD, MCMLXIX. xxi, 296 p.
21. Frabetti P. Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia. Firenze: L.S. Olschki, 1978. 187 p.
22. Harvey P. D. A. Mappa Mundi: The Hereford world map. Toronto: University of Toronto Press, 1996. 58 p.
23. Lewis S. The Art of Matthew Paris in the Chronica Majora. Los Angeles-London: University of California Press, 1987. 576 p.
24. Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani. Chronica Majora. L.: H.R. Luard, Longman & Co., 1876. Vol. 3. 678 p.
25. Mishnah // Sanhedrin 110 b.
26. Moritsch A. Geographisches in Herbersteins Moscovia // Siegmund von Herberstein. Graz: Akademische Druck, 1989. S. 135–146.
27. Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dale collezioni Museo Correr–Venezia, Museo del Topkapi-Istanbul. Istanbul: Güzel Sanatlar Matbaası A.Ş. 1994. 170 p.
28. Roncière De La C. La decouverte de l' Afrique au Moyen âge. Cartographes et explorateurs. Le Caire: Société Royale de Géographie d'Égypte. T. 1–2. 1925. VIII, 174 (1), 19 planches; 144 (2) p.
29. Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. Publ. par Richard J. Paris: P. Geuthner. 1965. 132 p.
30. Wigal D. Historic Maritime Maps used for historic exploration 1290–1699. N.-Y.: Parkstone Press. 2000. 264 p.

REFERENCES

1. Bagrov L. The History of Cartography. Moscow, 2004. 319 p. (In Russian)
2. Demidchik V. Description of the sixth and seventh Climates in “Āsār al-bilād wa akhbar al-ibād” Zakariyā al-Kazvuny. *Eastern Philology*. Iss. 3. Dushanbe. 1974. P. 26–68. (In Russian)
3. Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongols. Translated by A.I. Maleina. Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongols. Guillaume de Rubruck. Travel to eastern countries. Book of Marco Polo. Entry article, comments by M.B. Gornung. Moscow, 1997. P. 30–85. (In Russian)
4. Joinville Jean de. The book of pious sayings and good deeds of our holy king Louis. Edition prepared by G.F. Tsybulko, Yu.P. Malinin, A.Yu. Karachinsky. St. Peterburg, 2007. 400 p. (In Russian)
5. Kalmykova E.V. Images of war in the historical representations of the British in the late Middle Ages. Moscow, 2010. 664 p. (In Russian)

6. Kordt V.A. Materials on the History of the Russian Cartography. Maps of All of Russia and Its Southern Regions until the Middle of the 17th Century. Iss. 1. Kiev, 1899. 100 p. (In Russian)
7. Matuzova V.I. English medieval sources of the 9th–13th centuries. Texts, translation, commentary. Moscow, 1979. 268 p. (In Russian)
8. Melnikova E.A. Image of the world: Geographical representations in Western and Northern Europe. 5th–14th centuries. Moscow, 1998. 254 p. (In Russian)
9. After Marco Polo. Travels of Western strangers to the countries of the three Indies. Tr. from Latin and Old Italian languages, introduction and approx. Y.M. Svet. Moscow, 1968. 237 p. (In Russian)
10. Revelation of Methodius of Patara (Latin version of 700). About the imprisonment of the ten tribes and the death of Alexander. *The Tale of the Birth and Victories of Alexander the Great*. Translation from Latin and Old French, compilation, introductory article and commentary by N. Gorelov. St. Petersburg, 2004. P. 175–179. (In Russian)
11. Pavel Iovy. A book about the embassy of Vasily, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII. Translated by A.I. Malein and O.F. Kudryavtsev. *Russia in the first half of the 16th century: a view from Europe*. Moscow, 1997. P. 217–306. (In Russian)
12. Continuation of the Chronicle according to the Resurrection List. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 8. St. Petersburg, 1859. 301 p. (In Russian)
13. Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 13, part 1. St. Petersburg, 1904. 302 p. (In Russian)
14. Taho-Godi A.A. Tartar. *Mythology. Illustrated encyclopedic dictionary*. St. Petersburg, 1996. 668 p. (In Russian)
15. Fomenko I.K. The Image of the World in the Ancient Portolan Charts. Black Sea Region. End of the 13th – 17th Centuries. Moscow, 2011. 423 p. (In Russian)
16. Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII, esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana. *Monumenta cartografica Vaticana*. Vol. 1. Città del Vaticano, 1944. XII, 302 p. (In Italian)
17. Bagrow L. A history of cartography of Russia up to 1600. Ed. by Henry W. Castner. Ontario: The Walker Press, 1975. Vol. 1. 168 p.
18. Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari: Adriatiche, 1957. 95 p. (In Italian)
19. Cartografia Mallorquina. Barcelona: Diputació de Barcelona, 2000. 202 p. (In Spanish)
20. Coronelli Vincenzo. Libro dei Globi. Venice 1693 (1701). Introd. by dr. Wallis hel. Amsterdam: Theatrum Orbis Terrarum LTD, MCMLXIX. xxi, 296 p. (In Italian)
21. Frabetti P. Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia. Firenze: L.S. Olschki, 1978. 187 p. (In Italian)
22. Harvey P.D.A. Mappa Mundi: The Hereford world map. Toronto: University of Toronto Press, 1996. 58 p.
23. Lewis S. The Art of Matthew Paris in the Chronica Majora. Los Angeles-London: University of California Press, 1987. 576 p.
24. Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani. Chronica Majora. L.: H.R. Luard, Longman & Co., 1876. Vol. 3. 678 p.
25. Mishnah. *Sanhedrin* 110 b.
26. Moritsch A. Geographisches in Herbersteins Moscovia. *Siegmund von Herberstein*. Graz: Akademische Druck, 1989. S. 135–146. (In German)
27. Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dale collezioni Museo Correr–Venezia, Museo del Topkapi-Istanbul. Istanbul: Güzel Sanatlar Matbaası A.Ş. 1994. 170 p. (In Italian)
28. Roncière De La C. La decouverte de l' Afrique au Moyen âge. Cartographes et explorateurs. Le Caire: Société Royale de Géographie d'Égypte. T. 1–2. 1925. VIII, 174 (1), 19 planches; 144 (2) p. (In French)

29. Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. Publ. par Richard J. Paris: P. Geuthner. 1965. 132 p. (In French)

30. Wigal D. Historic Maritime Maps used for historic exploration 1290–1699. N.-Y.: Parkstone Press. 2000. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Константинович Фоменко – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ЦНИ «Актуальная история» АИРО XXI (107207, ул. Чусовская, 11, к. 7, оф.37, Москва, Российская Федерация). E-mail: igorfom63@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor K. Fomenko – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow, Scientific Research Center “Actual History”, Association of Researchers of Russian Society XXI (11, corps 7, office 37, Chusovskaya Str., Moscow 107207, Russian Federation). E-mail: igorfom63@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 10.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.04.2025

Принята к публикации / Accepted 04.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.441-459>
EDN: WETWHQ

УДК 94

«ТАТАР» В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕДЖУЧИДСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Х. Нагаминэ

Национальный институт технологии, Ояма колледж

Ояма, Япония

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp

Резюме. Данная статья посвящена «Татар-хану» (брату Могол-хана), помещенному в генеалогию тюрко-монгольской традиции (истории тюрко-монгольских племен) в «Зафар-наме» («Мукаддима») Йазди. Данная статья является скромной попыткой предоставить новый материал по вопросу о том, как генеалогия Татар-хана описывалась в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских источников – вопросу, который до настоящего времени не привлекал особого внимания.

Материалы исследования: «Зафар-нама» («Мукаддима») Йазди и исторические источники, написанные в позднеджучидских государствах: «Огуз, Алан-Коа (Алан-Гоа) и Шейбани-наме», аноним «Шейбани-наме», «Зубдат ал-Асар», «Шараф-нама-йи Шахи», «Бахр ал-Асар», «Шаджара-йи Турк», «Семь планет в известиях о царях татарских», и «Умдет ал-Ахбар».

Результаты и научная новизна: В целом наблюдается тенденция к постепенному ослаблению и упрощению истории Татар-хана и его потомков. Это может быть связано с важностью генеалогии потомков Могол-хана, связанных с Чингизидами / Джучидами. Среди них характерен «Шаджара-йи Турк», в котором история Татар-хана и его потомков адаптирована в более «промонгольскую» сторону. С другой стороны, историография в Крымском ханстве, которое идентифицировало себя и как «монголы», и как «татары», представляла собой разительный контраст. Там история разветвленных и конфликтующих линий потомков братьев Татар-хана и Могол-хана не рассказывается («Семь планет в известиях о царях татарских»), или описывается их отождествление («Умдет ал-Ахбар»). Такие разные способы изложения генеалогии Татар-хана могли отражать политическую и этническую ситуацию, в которой оказались позднеджучидские государства.

Ключевые слова: «Татар-хан», «Могол-хан», тюрко-монгольская традиция, «Зафар-нама» («Мукаддима») Йазди, позднеджучидские исторические источники

Для цитирования: Нагаминэ Х. «Татар» в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских исторических источников // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 441–459. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.441-459> EDN: WETWHQ

Финансирование: Данная работа выполнена при поддержке гранта JSPS KAKENHI (JP24K04296).

© Нагаминэ Х., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

“TATAR” IN THE TURCO-MONGOL TRADITION OF THE LATER JOCHID HISTORICAL SOURCES

H. Nagamine

National Institute of Technology, Oyama College
Oyama, Japan

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp

Abstract. Objectives: This paper focuses on “Tatar Khan” (brother of Moghol Khan) inserted into the genealogy of Turco-Mongol tradition (history of the Turco-Mongol tribes) in Yazdī’s *Ẓafar-nāma* (*Muqaddima*). This paper is a modest attempt to provide new material on the question of how the genealogy of Tatar Khan was narrated in the Turco-Mongol tradition of the later Jochid sources, a question that has not received much attention so far. Research materials: Yazdī’s *Ẓafar-nāma* (*Muqaddima*) and historical sources written in the Later Jochid states: Oghuz (va) Alan Qoa va Shaybānī-nāma, Anonymous Shaybānī-nāma, Zubdat al-Āthār, Sharaf-nāma-yi Shāhī, Baḥr al-Asrār, Shajara-yi Turk, Es-seb‘ū’s-seyyār, and ‘Umdet ül-Ahbār.

Results and novelty of the research: In general, there is a tendency to gradually weaken and simplify the history of Tatar Khan and his descendants in the Later Jochid sources. This may be due to the importance of the genealogy of Moghol Khan’s descendants related to the Chinggisids/Jochids. Among these sources, the Shajara-yi Turk is characteristic; in it, the history of Tatar Khan and his descendants is adapted into a more ‘pro-Mongol’ one. On the other hand, the historiography of the Crimean Khanate, which identified itself as both ‘Mongols’ and ‘Tatars’, presented a stark contrast. There, the story of the branching and conflicting descendants of the brothers Tatar Khan and Moghol Khan is either not told (Es-seb‘ū’s-seyyār) or it describes and emphasizes their unification (‘Umdet ül-Ahbār). Such different ways of narrating the genealogy of Tatar Khan could reflect the political and ethnic situation in which the Later Jochid states found themselves.

Keywords: “Tatar Khan”, “Moghol Khan”, Turco-Mongol Tradition, Yazdī’s *Ẓafar-nāma* (*Muqaddima*), Later Jochid Historical Sources

For citation: Nagamine H. “Tatar” in the Turco-Mongol Tradition of the Later Jochid Historical Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 441–459. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.441-459> (In Russian)

Financial Support: This work was supported by JSPS KAKENHI grant (JP24K04296).

Как известно, исторически этноним «татары» в разные периоды и в разных регионах имел разные значения [21; 20, p. 528–530; 37, p. 249–251], чему посвящено значительное количество исследований [см. 15; 45]¹. Однако, в данной статье исследуется «Татар» в тюрко-монгольской традиции (истории тюрко-монгольских племен), а не историческая группа под названием «татары». В частности, данная статья посвящена «Татар-хану», помещенному в генеалогию тюрко-монгольской традиции в «Зафар-нама» («Мукаддима / Тарих-и Джахангир») тимуридского историка Шараф ад-Дина Али Йазди. Генеалогия Татар-хана была унаследована позднеджучидскими историческими источниками. Данная статья является скромной попыткой предоставить новый материал по вопросу о том, как генеалогия Татар-хана описывалась в тюрко-монгольской традиции позднеджу-

¹ В частности, о «татарах (室韋, 韃靼)» домонгольского периода см. [35; 22].

чидских источников — вопросу, который до настоящего времени не привлекал особого внимания.

1. Тюрко-монгольская традиция позднеджучидских исторических источников

В прошлом Тору Сагучи отмечал, что историография позднеджучидских государств характеризуется изложением рассказа об Огузе, в частности включением в нее рассказа об Алан-Гоа [47, р. 14–17]; Михал Добрович проанализировал тюрко-монгольскую традицию, разделив ее на пять версий: это оригинальная версия Пулада-чинсана, «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, «Тарих-и Гузида» Хамдаллаха Мустауфи Казвини, «Зафар-нама» Йазди и «позднезолотоордынская (позднеджучидская)» версия [26]. Затем Нобухиро Уно отметил, что «Джами ат-Таварих» соединил «монгольскую историю» со «всеобщей историей (исламской всемирной историей)»², введя рассказ об Огузе, и этот образ всемирной истории оказал большое влияние на последующую историографию [51. См. рис. 1].

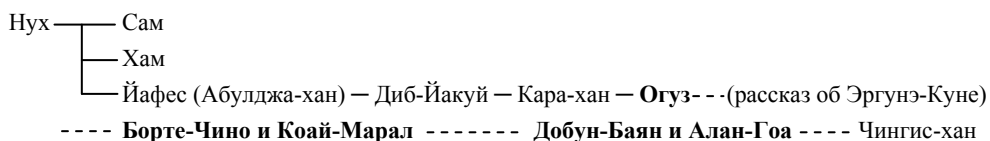

Рис. 1. Генеалогия «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина

Fig. 1. Genealogy of “Jami al-Tawarikh” by Rashid ad-Din

Именно тимуридский историк Йазди в своей «Зафар-нама» вставил Татар-хана в эту генеалогию тюрко-монгольской традиции [23, р. 4; 24, р. 209–210], продолжив при этом образ всемирной истории в «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина и «Тарих-и Гузида» Мустауфи. Йазди считал, что прародителем тюркских племен был Йафес (и его сын Турк), а сыновьями-близнецами Алынджа-хана, потомка Йафеса в пятом поколении, были «Татар-хан (*Tātār-xān*)» и «Могол-хан (*Muǧūl-xān*)»; потомками первого были татарские племена, а второго — монгольские (Огуз считался потомком Могол-хана) [31, р. 193–196. См. рис. 2].

Нух — Йафес — Турк — Алынджа — Диб-Йакуй (*Диб̄а-К̄уй*) — Гүз — Алынджа —

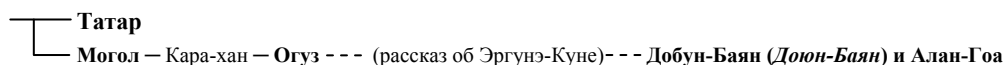

Рис. 2. Генеалогия «Зафар-нама» («Мукаддима») Шараф ад-Дина Али Йазди

Fig. 2. Genealogy of the “Zafar-nama” (“Muqaddima”) by Sharaf ad-Din Ali Yazdi

Тюрко-монгольская традиция позднеджучидских источников была недавно рассмотрена Джу-Юп Ли³ и более подробно проанализирована в моей статье. Согласно ей, в то время как сочинение «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина оставалось авторитетом в позднеджучидской историографии и продолжало оказывать

² О «всеобщей истории» в досовременной исламской историографии см. работы Осама Оцука [43; 44].

³ Как считает Джу-Юп Ли, важно сравнить тюрко-монгольские традиции, восходящие к Яфесу, с казахской традицией Араш-хана как предка [33, р. 140–162; см. также 34, р. 125–126].

на нее значительное влияние, тимуридские источники, такие как «Зафар-нама» Йазди (и иногда «Тарих-и Гузида» Мустауфи), также влияли на нее. В целом, в историографии позднеджучидских государств (Средней Азии и Крыма) в генеалогиях до рассказа об Эргунэ-Куне прослеживается тенденция ссылаться на «Зафар-нама» (в некоторых источниках упоминаются и «Джами ат-Таварих», и «Зафар-нама»), а генеалогии после рассказа об Эргунэ-Куне опираются на «Джами ат-Таварих» (иногда смешанный с «Зафар-нама»), включая Борте-Чино и Коай-Марала (они не фигурируют в «Зафар-нама»)⁴.

Однако основное внимание в предыдущих исследованиях уделялось генеалогии Могол-хана, которая была связана с Огузом и Чингизом. Рассмотрим вопрос о том, как генеалогия Татар-хана описывалась в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских источников.

2. «Татар» в тюрко-монгольской традиции «Зафар-нама» Йазди

Начнем с описания в «Зафар-нама» Йазди ветви Татар-хана, сына Алынджи, потомка Яфеса, который считался братом-близнецом Могол-хана.

«Рассказ сословия татар (*зикр-и табака-йи тātār*). Ветвь татар (*шу'ба-йи тātār*) состояла из восьми человек. Первым был Татар-хан, он был первым из татарских государей (*мулūk*). Вторым был Бука-хан (*Бӯкā-хān*), сын Татар-хана, который сел на место отца и положил начало правлению татарских племен и овладел народом и *улусами* своих отцов. Третьим был Илнѣджар-хан (*Илнѣджар-хān*), который стал администратором области после своего отца. Когда он умер, его сын Исалы-хан (*Йсалй-хān*) – четвертый из татарских государей – унаследовал область. Пятым был Атсар-хан (*Атсар-хān*), который стал их руководителем после него. Шестым был Орду-хан (*Урдӯ-хān*), которому после отца было доверено владение татарским *улусом*. Седьмым был Байду-хан (*Бāйдӯ-хān*). Когда он стал государем этого племени, он привел свое войско на границу могольского *улуса*, потому что [племя] увеличилось в численности и силе от [поколений] своих отцов, и конфликт между ними стал очевиден. Восьмым был Севинч-хан (*Сивиндж-хān*), последний из татарских государей. Когда до него дошел государевский черед отца, огонь раздора и вражды разгорелся настолько, что примирение стало невозможным» [50, р. 45].

Кроме того, в «Зафар-нама» говорится:

«В его [=Иль-хана, потомка Могол-хана (и Огуза)] время царем (*nādišāh*) Туркестана и Мавераннахра был Тур (*Тур*), сын Фаридуна (*Фарйдӯн*) [царя древней Персии]. Между ним и моголами возник конфликт. Он [=Тур] переманил на свою сторону Севинч-хана, который был татарским государем, и заставил его

⁴ В них есть неравномерные сведения о Борте-Чино и Коай-Марал, но эти родословные продолжают пересказываться. Это указывает на то, что позднеджучидские государства могли придавать большое значение предкам монгольских племен (Борте-Чино и Коай-Марал). Мотив «волка», который был маргинализирован после «Джами ат-Таварих», время от времени появляется в некоторых источниках в Средней Азии и Волго-Уральском регионе. Это, по-видимому, не может не быть связано с существованием уйгурских историографий («Тарих-и Хани»), на которые ссылаются «Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме» и «Зубдат ал-Асар», а также с общими для них уникальными генеалогиями. Подобные данные также указывают на то, что, возможно, существовала история (была ли это письменная история или устная традиция, неизвестно), передававшая некоторые традиции предков монгольских племен [40, р. 39–40]. Английская версия этой статьи будет доступна в виде материалов 66-й ежегодной встречи ПИАК (Геттинген, Германия, 30 июня – 05 июля 2024 г.). Об особенностях состава позднеджучидских источников см. также [10].

сражаться с Иль-ханом». В этой битве с помощью хитрости победили Тур и татары, а армия Иль-хана была уничтожена. Отсюда вытекает рассказ об Эргунэ-Куне, согласно которому выжившие в битве бегут в Эргунэ-Кун и увеличивают число своих потомков. Затем они вернулись из Эргунэ-Кун в могольскую землю (*дийār-и муғұл*), которая была родиной их отцов, и сражались с татарами и другими племенами, чтобы отвоевать ее, а немонгольские группы стали называться монголами [50, р. 55–57]⁵. Иными словами, тюрко-монгольская традиция излагается здесь в форме, наследующей образ всемирной истории «Джами ат-Таварих» и «Тарих-и Гузида», но еще более сливающейся с «ветхозаветной всеобщей историей» (см. ниже) и «древнеперсидской историей» [43, р. 309–316].

Не всегда понятно, почему Йазди ввел Татар-хана в генеалогию в качестве брата-близнеца Могол-хана⁶. Как известно, считается, что «татары» первоначально были названием могущественного племени, предшествовавшего монгольским племенам, или общим термином для кочевников в степях [21; 20, р. 528–530; 37, р. 249–251]. Рашид ад-Дин также заявил:

[После рассказа об Эргунэ-Куне] «Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят [теперь] на другие народы, которые похожи на монголов... вследствие же их могущества другие [племена] в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков [теперь] называют монголами. Подобно тому, как перед этим татары стали победителями, то и всех [других] стали называть татарами» [11, с. 77].

«Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время... все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» [11, с. 102].

Несмотря на то, что этот вопрос требует дальнейшего анализа, Йазди, возможно, попытался объяснить приведенную выше историю татарского племени в тюрко-монгольской традиции, вставив Татар-хана в качестве брата-близнеца Могол-хана.

3. «Татар» в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских исторических источников

Каким же образом генеалогия Татар-хана описывалась в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских источников? Как уже говорилось выше, в историографии позднеджучидских государств (Средней Азии и Крыма) в генеалогиях до рассказа об Эргунэ-Куне прослеживается тенденция ссылаться на «Зафар-нама» (в

⁵ Эти рассказы о Татар-хане и его потомках переданы в «Шаджарат ал-Атрак» [19, f. 16b–17a, 25b–26a; 23, р. 4], «Хабиб ас-Сийар» Хондамира [32, р. 6, 10–11], «Раузат ас-Сафа» Мирхонда [38, р. 3738–3841, 3854–3855]. С другой стороны, история тюрко-монгольских племен, включенная в «Маджма ат-таварих» Хафиз-и Аbru, том 3, в основном основана на «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина [31, р. 218–221; 43, р. 338–339].

⁶ По словам Эврим Бинбаша, «татаро-мугульский дуализм, несомненно, отражает различные дуализмы XV века, такие как кочевой против оседлого и степной против земледельческого, но намерение Йазди могло также заключаться в том, чтобы отделить тимуридско-чингисидский континуум от других конкурирующих генеалогических претензий, наиболее заметных чингисидских претензий Джучидов» [24, р. 209–210].

некоторых источниках упоминаются и «Джами ат-Таварих», и «Зафар-нама»). Здесь мы рассмотрим позднеджучидские исторические источники, которые упоминают «Зафар-нама» в тюрко-монгольской традиции⁷.

3.1. Шейбанидские и Аштарханидские/Джанидские исторические источники

3.1.1. «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» Аллах Мурада Анабай-оглы (1815/6) и аноним «Шейбани-наме» (1819/20)

Тюрко-монгольская традиция «Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме» (около 1504), которое известно как самый ранний из позднеджучидских источников, в целом следует «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина⁸, и братья Татар-хана и Мо-гол-хана в ней не фигурируют.

Обратимся к «Огуз, Алан-Коа (Алан-Гоа) и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме», которые считаются «сокращенными версиями» «Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме», хотя и относятся к более поздней эпохе. Первой отличительной чертой этих тюрко-монгольских традиций является появление Кана'ана (Канана), четвертого сына Нуха, который не стал мусульманином и описан как утонувший во время потопа [13, л. 16–2а; 17, с. XVII, 2]⁹. Кана'ан – фигура, которой нет в «Джами ат-Таварих», но которая появляется в «Тарих-и Гузида» Мустауфи и «Зафар-нама» Йазди [28, р. 24; 50, р. 40]¹⁰. Затем здесь объясняют генеалогию (Йафес – Кара-хан, отец Огуза), основанную на «Джами ат-Таварих», заявив, что «автор “истории Рашидовой” говорит», и также объясняют генеалогию, которая явно опирается на информацию из «Зафар-нама», заявив, что «в некоторых же историях говорится» [13, л. 4а–19а; 17, с. XIX–XXVIII, 4–18]¹¹. Считается, что «некоторые истории» – это «Зафар-нама» (или тимуридские исторические источники, ссылающиеся на нее). Генеалогия после рассказа об Эргунэ-Куне в целом соответствует «Джами ат-Таварих»¹². Иными словами, «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме» опирались на генеалогии «Джами ат-Таварих» и

⁷ В данной статье не рассматриваются позднеджучидские исторические источники, которые в основном ссылаются только на «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина в тюрко-монгольской традиции («Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме», История Кадыр Али-бека и, возможно, «Чингиз-наме / Кара Таварих» и т.д. См. [9, с. 122; 10, с. 351–354; 40, р. 9–15, 39, п. 143]).

⁸ Однако рассказы о предках Чингиза в «Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме», «Зубдат ал-Асар» (см. ниже) и «Дафтар-и Чингиз-наме», Волго-Уральском историческом источнике конца XVII века, содержат несколько интересных отличий от «Джами ат-Таварих» (например, «синий волк» в рассказе о зачатии Алан-Гоа и уникальная генеалогия предков Чингиза). См. прим. 4.

⁹ В «Ветхом Завете» Канан – сын Хама. Ной (Нух) проклял Канана, в ответ на то, что Хам увидел Ноя пьяным и обнаженным. О том, как восприняли эту традицию мусульманские интеллектуалы, см. [44, р. 170].

¹⁰ Интересно, однако, что Кана'ан редко упоминается в позднеджучидских источниках, ссылающихся на «Зафар-нама», которые рассматриваются ниже в этой статье.

¹¹ Например, изображение Йафеса как «отца тюрков (*абӯ ал-турк*)», Сама как «отца Аджам (*абӯ ал-аджам*)» и Хама как «отца Индии (*абӯ ал-хинд*)» схоже с «Зафар-нама» [50, р. 41–42; 43, р. 311–312].

¹² Борте-Чино и Коай-Марал (*Буртэ Чино* и *Гкути Марал*) появляются после рассказа об Эргунэ-Куне. Интересно что Йулдуз и Менгли-ходжа, которые упоминаются как предки Борте-Чино, на самом деле те же люди, которые упоминаются как предки Алан-Гоа в «Зафар-нама» [50, р. 58].

«Зафар-нама» до рассказа об Эргунэ-Куне, а после рассказа об Эргунэ-Куне – в основном на «Джами ат-Таварих» [40, р. 15–18].

Это позволяет предположить, что «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме», которые считаются «сокращенными версиями» «Таварих-и гузида(-йи) Нусрат-наме, не просто «сокращенные версии», а в определенной степени подверглись влиянию тимуридских источников («Зафар-нама»). Также отмечается, что было несколько этапов составления, прежде чем «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме» приняли тот вид, который они имеют сегодня [10, с. 354, прим. 12; 40, р. 18–19].

В этих тюрко-монгольских традициях «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме» рассказывается о Татар-хане и его потомках близко к «Зафар-нама», в том числе о битвах Иль-хана с Туром и Севинч-ханом [13, л. 6а–7а, 15а–16б; 17, с. XX, XXV–XXVI, 6–7, 15–16].

3.1.2. «Зубдат ал-Асар» Абдаллаха б. Мухаммад б. Али Насраллахи (1525–33)¹³

История Монгольской империи в «Зубдат ал-Асар» (вторая половина главы 10 [27, р. 163–220]) почти полностью основана на «Зафар-нама» Йазди, и очевидно, что что на изложение истории Монгольской империи и других стран в «Зубдат ал-Асар» оказала значительное влияние тимуридская история «Зафар-нама»¹⁴. Однако, при более внимательном рассмотрении генеалогий тюрко-монгольской традиции «Зубдат ал-Асар» выясняется, что братья Татар-хан и Могол-хан (генеалогия «Зафар-нама») появляются только в Ташкентской рукописи «Зубдат ал-Асар», но не в Санкт-Петербургской, и что прародитель тюрков и монголов – не Тюрк, сын Йафеса (генеалогия «Зафар-нама»), а Мишенг (*Мйшах/Мансик* в «Тарих-и Гузида»), другой сын Йафеса [27, р. 127–134], что согласуется с генеалогией в «Тарих-и Гузида» Мустауфи [28, р. 26, 562–563]¹⁵.

¹³ Долгое время доступ к этому материалу был затруднен, но в 2019 году Севим Эрдем составил текст транскрипции на основе Санкт-Петербургской рукописи (включающей главы 9–11), противопоставляя ее ташкентской рукописи [27]. Девин Дэвис упоминает о существовании очень интересной Лондонской рукописи, более полной и старой (977 [1569]) и переписанной Салуром Баба, который сделал тюркский перевод «Джами ат-Таварих», но ее местонахождение не установлено [25; см. также 27, р. 2–5; 40, р. 19–20]. Дэвис также передает информацию о неопубликованном текстовом издании, подготовленном Денисоном Россом, которое, по-видимому, связано с этой Лондонской рукописью. Интересно, что количество листов рукописи, упомянутых в этом тексте, и в текстовом издании, опубликованном в Каире [18; использованном в исследовании Рона Селы. См. прим. 14], точно соответствуют друг другу. По-видимому, между ними есть какая-то связь, но подробности неизвестны. Это вопрос для дальнейшего изучения.

¹⁴ Автор первоначально служил Тимуридам в Балхе, но переехал в Герат до прихода Шейбани, а затем служил Шейбанидам. Стоит отметить, что, как представляет Села, «Зубдат ал-Асар» обосновывает легитимность правителей династии Шебайнидов связью с родом Тимура (по материнской линии) наряду с родом Чингиса [30, р. 203–205].

¹⁵ И.В. Зайцев относит генеалогию «Зубдат ал-Асар» к «Зафар-нама» [6, с. 116]. В Санкт-Петербургской рукописи Мишенг описывается как «сын Абулджа-хана (другое имя Йафеса)», в дальнейшем братья Татар-хан и Могол-хан опускаются, а Кара-хан (отец Огуза) напрямую описывается как сын Мишенга. Эта генеалогия похожа на генеалогию «Тарих-и Гузида». Эрдем принимает утверждение Ташкентской рукописи после Мишенга, что «Абулджа-хан – его сын (*Абулджа хан анынг*

Однако можно найти и другую информацию, похожую на «Зафар-нама»¹⁶. Иными словами, генеалогия «Зубдат ал-Асар» вплоть до рассказа об Эргунэ-Куне сочетает в себе как «Тарих-и Гузида», так и «Зафар-нама» [40, р. 21–22].

В тюрко-монгольской традиции «Зубдат ал-Асар» Татар-хан (и Могол-хан) фигурируют только в Ташкентской рукописи. Кроме того, хотя здесь указано, что «восемь потомков Татара стали царями» без упоминания их имен, конкретное описание потомков было опущено¹⁷.

3.1.3. «Шараф-нама-йи Шахи» Хафиз-и Таныша б. Мир Мухаммад Бухари (конец XVI века)

В отношении трех сыновей Нуха объясняется, что Туран был отдан Йафесу, который стал прародителем тюрков, Иран – Саму, который стал прародителем арабов и персов, а Хинд – Хаму, который стал прародителем жителей Индии [16, с. 47, 10a], и это объяснение сходно с объяснением в «Зафар-нама» Йазди [см. прим. 11]. После этого сочинение «Шараф-нама-йи Шахи» объясняет генеалогию Йафеса – Кара-хана, ссылаясь на «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, а затем генеалогию Диб-Йакуй (*Диббаукуй*) – Кара-хана, ссылаясь на «Раузат ас-Сафа» Мирхонда (опирающийся на «Зафар-нама») [16, с. 48, 10b]. Несмотря на незначительные различия, здесь записаны обе генеалогии «Джами ат-Таварих» и «Зафар-нама» до отца Огуза, Кара-хана, что аналогично вышеупомянутому «Огуз, Алан-Коа и Шейбани-наме» и «Шейбани-наме» [33, р. 159; 40, р. 24]. После рассказа об Эргунэ-Куне «Шараф-нама-йи Шахи» снова ссылается на «Джами ат-Таварих» (здесь он называется «*Тарих-и Рашиди*») как источник (хотя Борте-Чино и Коай-Марал не фигурируют) [16, с. 65–72, 20a–24a].

В тюрко-монгольской традиции «Шараф-нама-йи Шахи» Татар-хан, брат Могол-хана, появляется в генеалогии, где упоминается «Раузат ас-Сафа» («Зафар-нама»), но рассказ о его потомках также опущен¹⁸.

3.1.4. «Бахр ал-Асрар фи Манакиб ал-Ахйар» Махмуда б. Амир Вали (1640-е)¹⁹

«Бахр ал-Асрар» – исторический труд, посвященный периоду смены династии от династии Шейбанидов до династии Аштарханидов/Джанидов. Генеалогия тюрко-монгольской традиции, описанная в начале главы 6 [8, л. 136–206], четко подтверждает ссылку на «Зафар-нама» Йазди [33, р. 159–160; 40, р. 27].

В тюрко-монгольских преданиях «Бахр ал-Асрар» упоминается Татар-хан, брат Могол-хана, и, хотя не так подробно, как в «Зафар-нама», приводятся имена

оглыдур)), но в этом случае лучше использовать Санкт-Петербургскую рукопись «сын Абулджа-хана (*Абулджа ханнынг оглыдур*)» [1, л. 106a].

¹⁶ В «Зафар-нама» представлена генеалогия «четырех сыновей» Тюрка помимо Алынджи [50, р. 43; 24, р. 208–209], из которых трое упоминаются здесь как сыновья Тюрка, за исключением старшего – Тутека [27, р. 129].

¹⁷ Описывается битва между потомками Огуза и Туром, сыном Фаридуна, но татарский государь Севинч-хан как союзник Тура в ней не фигурирует [27, р. 131]. Эта часть также схожа с «Тарих-и Гузида». Об уникальной генеалогии предков Чингиса в «Зубдат ал-Асар» см. прим. 4, 8.

¹⁸ Упоминается битва между Иль-ханом и Туром [16, с. 64, 19b], но Севинч-хан, татарский государь, не фигурирует, как и в «Зубдат ал-Асар».

¹⁹ Известно семь рукописей, все они частичные: одна рукопись является частью тома 1, а остальные рукописи – частью тома 6 [5, с. 15–24]. В данной статье использована рукопись, включающая том 6, части 1–3 [8].

семи его потомков, а также описывается битва Иль-хана с Туром, сыном Фаридуна, и Севинч-ханом, государем татарским [8, л. 14б, 16а]²⁰.

3.2. Исторические источники Хивинского ханства

3.2.1. Абу-л-Гази «Шаджара-йи Тюрк (ва Могол)» (1665)

В главах 1–2 в качестве источника приводится «Введение (*мукаддима*)» «Зафар-нама» Йазди, и генеалогия Нуха – Огуза объясняется в целом в соответствии с ним [29, р. 8–31; 4, с. 27–52]²¹. Однако если в «Зафар-нама» сын Йафеса Тюрк, «первый тюркский государь (*аввал-и мулук-и турк*), считается современником Каюмарса, «первого персидского государя (*аввал-и мулук-и 'аджам*)», то в «Шаджара-йи Тюрк» упоминается Тутук/Тутак, старший из четырех сыновей Тюрка, который является современником Каюмарса; а сын Тутука описывается как Алынджа (*Ильча*) [29, р. 9–10; 4, с. 27–28]. На самом деле, четыре сына Тюрка, включая Тутука, – это генеалогия, о которой в «Зафар-нама» говорится как о «четыре сыновьях» помимо Алынджи [50, р. 43; 24, р. 208–209]. Возможно, что «Шаджара-йи Тюрк» попытался успешно соединить два типа генеалогии в «Зафар-нама»²².

Затем, после рассказа об Эргунэ-Куне, «Шаджара-йи Тюрк» объясняет генеалогию в целом на основе «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина²³ (однако в ней информация «Зафар-нама» также смешанна)²⁴, заявляя, что ее «описал Ходжа-Рашид Казвини» и упоминая существование «Джами ат-Таварих» и других «семнадцати исторических сочинений о Чингизе (*Чингиз-наме*)» [29, р. 34–37, 59–68; 4, с. 54–56, 71–75]. Вышесказанное подтверждает, что «Шаджара-йи Тюрк» также ссылаясь на генеалогии «Джами ат-Таварих» и «Зафар-нама» при описании тюрко-монгольской традиции. При этом он, похоже, опирался в основном на «Зафар-нама» до рассказа об Эргунэ-Куне и на «Джами ат-Таварих» после рас-

²⁰ Интересно, что Татар-хан и его потомки не фигурируют в генеалогиях тюрко-монгольских традиций в последующих Аштарханидских источниках, таких как «Газ-кира-йи Муким Хани» и «История Абулфеиз-хана» (Могол-хан фигурирует в «История Абулфеиз-хана») [39, р. 59–61; 3, с. 13; 33, р. 160]. Аштарханидская историография должна стать предметом будущих исследований.

²¹ Однако интересно, что в другой работе Абу-л-Гази, «Шаджара-йи Таракима», указывается, что он мог ссылаться на другую «Историю Огуза (*Тарих-и Угуз*)», включенную Рашид ад-Дином во второй том «Джами ат-Таварих» (мировая история), относительно потомков Кюнь-хана, сына Огуза [7, с. пер. 55–61, текст 38–50; 46, р. 63–76; 41, р. 32–37, 220–221, п. 35, п. 46].

²² Подобная генеалогия описана в «Шаджара-йи Таракима» [7, с. пер. 38–40, текст 10–12]. Примеры соединения двух типов генеалогии в «Зафар-нама» также можно найти в «Хабиб ас-Сийар» и в «Шаджарат ал-Атрак» [32, р. 5; 19, f. 14b; 24, р. 210–212].

²³ Однако считается, что Коай-Марал (*Коймеруль*) – сын Борте-Чино (*Бюрте-Чино*).

²⁴ Перед Добун-Баяном и Алан-Гоа вставлены четыре предка, которые упоминаются как предки Алан-Гоа в «Зафар-нама» [см. прим. 12], а генеалогия, «созданная» при династии Тимуридов, в которой роды Чингизидов и Тимуридов разделились от шестого поколения потомков Алан-Гоа [36, р. 321–329; 53, р. 88–95], также были приняты «Шаджара-йи Тюрк». Кроме того, Добун-Баян и Алан-Гоа считаются двоюродными братьями в «Шаджара-йи Тюрк», и фактически они также считаются двоюродными братьями в «Хабиб ас-Сийар» и в «Шаджарат ал-Атрак» [32, р. 12; 19, f. 28a]. Параллели между этими источниками представляют большой интерес.

сказа об Эргунэ-Куне, пытаясь объединить информацию из них в более связное объяснение [40, р. 29–30].

Тюрко-монгольская традиция «Шаджара-йи Тюрк» рассказывает историю Татар-хана и его потомков, опираясь на «Зафар-нама», но на самом деле в ней есть несколько интересных дополнений и адаптаций.

«Татар-хан и семь преемников, царствовавших после него. Татар-хан, царствовав много лет, умер. Его сын, Бука-хан, заступив место отца, царствовал много лет и умер. После него Илиндча-хан занял место отца, и, несколько лет правил народом, скончался. Его сын Атли-хан, сделавшись после отца государем, несколько лет прожив в удовольствии и утехах, ушел вслед за отцом своим. Потом сын его Атсиз-хан, заместив отца, несколько лет провел в войнах с врагами и на охоте за зверями и ушел вслед за своим отцом. Потом сын его Орда-хан, сделавшись государем, в продолжение нескольких лет вино и кумыс пил, из китайской комки себе одежду кроил, и через глубокие воды смерти отправился вслед за отцом своим. После него воцарился его сын Байду-хан, и несколько лет самодержавствовал.

С того времени, как Монгол и Татар были государями, до времени Байду, не было вражды между сими народами. Потомки Монгол-хана царствовали в своем народе; потомки же Татар-хана царствовали в своем народе. Байду был нерассудительный, легкомысленный юноша: он вступил во вражду с преемниками Монгол-хановыми и начал делать набеги на их владения; но тогда пришла смерть, схватила его за ворот и увлекла вслед за отцом его.

После того заступил место отца Сююнуч-хан; при Сююнуч-хане между монгольским и татарским народами возгорелся огонь вражды столь сильной, что, если бы вылили на него воду реки Аму, он не погас бы. Монголы всегда оставались победителями. Если Бог благоволит, мы, после истории Монголов, перескажем о делах Сююнуч-хана» [29, р. 11–12; 4, с. 28–29].

После этого, как и в «Зафар-нама», Севинч-хан (*Сююнуч-хан*), потомок Татар-хана, появляется в истории Иль-хана, потомка Могол-хана (и Огуза). Однако Тур, сын Фаридуна, не появляется, и рассказывается следующая история: Иль-хан и Севинч-хан воевали, и «Иль-хан оставался победителем, потому Сююнуч-хан, отправив посла с большими подарками к киргизскому хану... склонил его к союзу с собой». «Сююнуч-хан напал на них и, в продолжение десяти дней, вступал в битвы с ними, но каждый день Монголы одолевали». Однако в конце концов Севинч-хан с помощью своих хитростей уничтожил монголов [29, р. 30–31; 4, с. 52].

«Из тюркских поколений, живущих на сих местах, не было ни одного многочисленнее и многолюднее татар; монголы, возвратившись из Эркене-кона, поразили татар и, заняв отцовские земли, стали господствовать во всех татарских областях. Татары некоторых областей, отдавшись под защиту монголов, хотя не омонголились, но, соединившись с монголами, сами себя называли также монголами» [29, р. 34–35; 4, с. 54].

По сравнению с рассказом в «Зафар-нама», элементы древнеперсидской истории (Тур, сын Фаридуна) были ослаблены, а сюжет адаптирован в сторону более «промонгольской» истории, в которой монголы одержали верх, но были уничтожены хитростью татарского войска, союзного с киргизами; однако в конце концов татары отдались под защиту монголов. Неясно, является ли эта адаптация произведением Абу-л-Гази, и если да, то каков был ее замысел. Но за этими адаптациями (или их принятием), похоже, стояло то, что сам автор, владеющий тюркским и персидским языками, намеревался написать историю, поскольку

предыдущие истории были написаны персиянами и таджиками, не знавшими ни монгольского, ни тюркского языков [29, р. 1–3, 36–37; 4, с. 19–20, 55–56; 48, р. 219–220], и что автор, потомок Чингизидов, «нашел большое значение в составлении исторического сочинения, в основе которого лежит генеалогия Чингизидов вплоть до него самого» [52, р. 187].

3.3. Исторические источники Крымского ханства

3.3.1. «Семь планет в известиях о царях татарских» Сейид Мухаммед Ризы (1737 или 1744)²⁵

При внимательном рассмотрении тюрко-монгольской традиции в сочинении «Семь планет» обнаруживается появление Тюрка (*Турка*, также называемого *Абулджай*), сына Йафеса, который не фигурирует в «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, а генеалогия от Тюрка до Огуза похожа на генеалогию «Зафар-нама» Йазди [49, р. 20–27; 12, с. 33–39]²⁶. Однако, что характерно, сыновья Алынджи, Татар-хан и Могол-хан, здесь не фигурируют. Генеалогия после рассказа об Эргунэ-Куне в целом похожа на «Джами ат-Таварих» [49, р. 34; 12, с. 47]²⁷. Подтверждается, что в этой части сочинение «Семь планет» ссылалось на обе генеалогии – «Джами ат-Таварих» и «Зафар-нама» [40, р. 34]²⁸.

Характерно, что не только Татар-хан, но и оба брата (Татар-хан и Могол-хан) не фигурируют в тюрко-монгольской традиции сочинения «Семь планет»²⁹. Как известно, Крымское ханство называли «татарами», а само оно идентифицировало себя как «монголы» и «татары» [34, р. 124–125]³⁰. Само название сочине-

²⁵ Долгое время использовалось издание М. Казембека 1832 года, но в 2020 году был опубликован текст транскрипции Явуза Сойлемеза, ссылающегося на шесть рукописей [49], а в 2023 году вышел русский перевод И.Р. Гибадуллина, основанный на данном тексте [12].

²⁶ Генеалогия от *Манджана*, сына Тюрка, до Огуза объяснена, но, помимо *Манджана*, упоминаются еще четыре сына Тюрка, включая Тутука/Тутака, чьи имена похожи на «четырех сыновей» в «Зафар-нама» (см. выше).

²⁷ После рассказа об Эргунэ-Куне фигурирует Борте-Чино (*Буртечине*, но нет Коай-Марала), а последующие генеалогии (особенно те, что перечислены в начале [49, р. 6–7; 12, с. 15]) в целом похожа на «Джами ат-Таварих». Интересно, однако, что здесь же представлена генеалогия предков Алан-Гоа, аналогичная той, что содержится в «Зафар-нама», а также генеалогия, в которой у Чингизидов и Тимуридов есть общий предок [49, р. 41; 12, с. 55–56; см. прим. 24].

²⁸ Зайцев И.В. также предполагает, что источником тюрко-монгольской традиции сочинения «Семь планет» является «Джами ат-Таварих» или «История Вассафа», и что первая могла быть переведена на тюркский язык в Крымском ханстве [6, с. 115]. С другой стороны, эта информация похожа на «Тарих-и Гузида» в том, что утверждается, что *Йаджудж* и *Маджудж* (Гог и Магог) являются ветвями от *Мин-сака* (*Мйшак/Мансик*) [49, р. 30; 12, с. 43; 28, р. 26].

²⁹ Упоминается битва между Иль-ханом и Туром [49, р. 26–27, 33; 12, с. 39–40, 46], но, конечно, Севинч-хан, государь татарский, не появляется. Между тем, в другом месте перечисляются племена, происходившие от сыновей Тюрка б. Йафеса, среди которых упоминаются татары и моголы [49, р. 29–30; 12, с. 43].

³⁰ Lee, Joo-Yup. The Nature of the Mongol and Turkic Identity of the Jochid and Chagataid *Uluses* (Peoples) / «Этнополитическая история Улусов Джучи, Чагатай, Хайду и Могулистана» (20–21 августа 2024 г., г. Астана). Благодарю доктора Джуюп Ли за разрешение ссылаться на данную статью до ее публикации. В османских исторических источниках для обозначения монголов использовались различные выражения, включая «монголы», «татары» и даже «потомки Чингиза (*Чингизийән*)», «ильханы (*Ильхән*)» [41, р. 103; 42, р. 2–3].

ния «Семь планет» дополнено словами «цари татарские», и также заслуживает внимания свидетельство о том, что «отцы и деды Чингиза и других царей тюрков и татар восходили к Йафесу ибн Нуху» [49, р. 7; 12, с. 15–16]. Это свидетельство резко контрастирует с «Зафар-нама», в которой Йафес назван просто «отцом тюрков» [см. прим. 11]. Автор также утверждает, что «между семейством Татар и домом Могол была взаимопомощь и согласие в путешествиях и оседлой жизни, большинство тюрков стали называть монголами и татарами» [49, р. 33; 12, с. 46]. Автору, писавшему «Семь планет» в Крымском ханстве, которое идентифицировало себя как «монголы» и «татары», возможно, было трудно принять традицию, согласно которой линии потомков братьев Татар-хана и Могол-хана разветвлялись и противостояли друг другу.

3.3.2. «Умдет ал-Ахбар» Абдулгаффара Кырыми (1748)

Генеалогия тюрко-монгольской традиции «Умдет ал-Ахбар», хотя и отличается в деталях, похожа на «Зафар-нама», включая генеалогию рода Алан-Гоа (Алан Куван Бийим Хатун) [2, кн. 1, с. 21–25, кн. 2, с. 12–14; 40, р. 37–38; см. прим. 12]³¹. В отличие от сочинения «Семь планет», Могол и Татар предстают как сыновья Алынджи (Аланджи) в «Умдет ал-Ахбар», интересен и способ их описания.

«Затем двое его сыновей Могол и Татар правили всем государством. Из татарского племени восемь ханов были султанами в Татарии. Например, Татар, Аланджа хан, Букай хан, Буланджа хан, Исли хан, Атсыз хан, Байду хан и Севинч хан – это девять человек из могольского племени. Именно по этой причине среди татар сохранилось уважение к числу девять» [2, кн. 1, с. 22, кн. 2, с. 12–13].

Кроме того, примечательно, что Йафеса называют «отцом тюрков и татар», и что «детей Йафеса называют Могол, Татар и Тюрк» [2, кн. 1, с. 22, кн. 2, с. 12–13]. Несмотря на то что это отличается от нарратива сочинения «Семь планет в известиях о царях татарских», в «Умдет ал-Ахбар», написанном в Крымском ханстве, которое же являлось и «монголами», и «татарами», традиция протиположения потомков братьев Татар и Могола исчезает³²; скорее, описывается их отождествление.

В данной статье рассматривается вопрос о том, как генеалогия Татар-хана описывалась в тюрко-монгольской традиции позднеджучидских источников³³. Как отмечалось в начале, в историографии позднеджучидских государств (Средней Азии и Крыма) в генеалогиях до рассказа об Эргунэ-Куне прослеживается тенденция ссылаться на «Зафар-нама» («Мукаддима») (в некоторых источниках упоминаются и «Джами ат-Таварих», и «Зафар-нама»), а генеалогии после рассказа об Эргунэ-Куне опираются на «Джами ат-Таварих» (иногда смешанный с «Зафар-нама»). В этом контексте позднеджучидские источники продолжали пересказывать генеалогию Татар-хана (братьев Татар-хана и Могол-хана), которая начиналась с «Зафар-нама» Йазди, хотя способы изложения были неодинаковыми.

³¹ См. также Lee. The Nature of the Mongol and Turkic Identity of the Jochid and Chagataid *Uluses* (Peoples).

³² Упоминается битва между Иль-ханом и Туром [2, кн. 1, с. 23, кн. 2, с. 13], но Севинч-хан, государь татарский, снова не появляется.

³³ Несмотря на то что в данной статье основное внимание уделяется позднеджучидским источникам, подтверждается, что «Тарих-и Кашгар» (конец XVII века) также опирается на генеалогию «Зафар-нама» Йазди. В ней упоминаются имена потомков Татар-хана и битва Иль-хана с Туром и татарским государем Севинч-ханом [14, л. 16–76; 40, р. 17, п. 49]. Кроме того, «Тарих-и Шарухи» (1871–72), Кокандский источник, принял и изменил генеалогию «Зафар-нама» [33, р. 160–161].

В целом наблюдается тенденция к постепенному ослаблению и упрощению истории Татар-хана и его потомков. Это может быть связано с важностью генеалогии потомков Могол-хана, связанных с Чингизидами / Джучидами, хотя это также зависит от силы характера каждого исторического источника как «всеобщей истории», а не просто «династической истории». Среди них характерен «Шаджара-йи Тюрк» Абу-л-Гази (Хивинское ханство), в котором история Татар-хана и его потомков адаптирована в более «промонгольскую» сторону. С другой стороны, историография, написанная в Крымском ханстве, которое идентифицировало себя и как «монголы», и как «татары», представляла собой разительный контраст. Там история разветвленных и конфликтующих линий потомков братьев Татар-хана и Могол-хана не рассказывается («Семь планет в известиях о царях татарских»), а если и рассказывается, то описывается их отождествление («Умдет ал-Ахбар»). Такие разные способы изложения генеалогии Татар-хана могли отражать политическую и этническую ситуацию, в которой оказались позднеджучидские государства, а также восприятие истории автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насраллахи. Зубдат ал-асар. Рук. СПбФ ИВ РАН, D 104.
2. Абдургаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскрипция, факсимиле / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.; Кн. 2: Перевод / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. 2018. 200 с.
3. Абдурахман-и Тали*. История Абулфейз-хана / Пер. с таджикского, предисловие, примечания и указатель профессора А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. 176 с.
4. Абул-Гази Багадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблуков; пред., прим., библи. А.А. Глашева. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2018. 264 с.
5. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асар. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 229 с.
6. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2009. 304 с.
7. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 + 94 с.
8. Махмуд б. Амир Вали. Бахр ал-асар фи манакиб ал-ахйар. Рук. Институт востоковедения АН Р. Уз, № 7418.
9. Нагаминэ Х. Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130
10. Нагаминэ Х. Тукай-Тимуриды, Шибаниды и Крымское ханство в сочинении Кадыр Али-бека: как позднеджучидские источники представляли реорганизацию Джучиева Улуса? // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 349–370. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.349-370 EDN: KIPGZQ
11. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с персидского А.А. Хетагурова; редакция и примечания проф. А.А. Семенова. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. 221 с.

12. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Кн. 2: Перевод / Пер. с османского И. Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
13. Таварих-и гузида-Нусрат-наме / Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филол. наук А.М. Акрамова. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР. 1967. 128 + 475 с.
14. Тārīх-и Kāshgar. Анонимная тюркская хроника владельцев Восточного Туркестана по конец XVII века. Факсимиле рукописи Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Академии наук России / Издание текста, введение и указатели О.Ф. Акимушкина. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 296 с.
15. Хакимов Р. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 288–311.
16. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи Шахи (Книга шахской славы). Факсимиле рукописи D 88 / Перевод с персидского, введение, примечания и указатели М.А. Салахетдиновой. Ч. 1. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 298 + 245 с.
17. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте / С переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. Казань: Унив. тип., 1849. LXXIX + 80 + 63 + 97 с.
18. ‘Abd Allāh b. Muḥammad b. ‘Alī Naṣr Allāhī. Ta’rīkh al-dawlat al-shaybānīya min kitāb zubdat al-āthār. Cairo: Maṭba‘a Hindiyah, 1934. 62 p.
19. Anonym. Shajarat al-Atrāk. Ms. British Library, Add. 26190.
20. Atwood Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts On File, 2004. x + 678 p.
21. Barthold W. TATAR // E.J. Brill’s First Encyclopaedia of Islām / Eds. by M. Th. Houtsma et al. Vol. 8. Leiden: Brill, 1987 (rep. 1st ed. 1927). P. 700–702.
22. Bai Yu Dong 白玉冬. 8世紀の室韋の移住から見た九姓タタルと三十姓タタルの関係 [On the Relationship between the Nine Tatars and the Thirty Tatars from the Perspective of the Migration of the Shiwei Tribes in the 8th Century] // 内陸アジア史研究 [Inner Asian Studies]. No. 26, 2011. P. 85–107.
23. Binbaş İlker Evrim. Ogūz Khan Narratives // Encyclopaedia Iranica, Online Edition, 2010. P. 1–10. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/oguz-khan-narratives> (date accessed 10.01.2025)
24. Binbaş İlker Evrim. Intellectual Networks in Timurid Iran: Sharaf al-Dīn ‘Alī Yazdī and the Islamic Republic of Letters. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. xxi + 340 p.
25. DeWeese Devin. A note on manuscripts of the Zubdat al-āthār, a Chaghatay Turkic History from sixteenth-century Mawarannahr // Manuscripts of the Middle East. Vol. 6, 1992. P. 96–100.
26. Dobrovits Mihály. The Turco-Mongolian Tradition of Common Origin and the Historiography in Fifteenth Century Central Asia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Vol. 47, Iss. 3, 1994. P. 269–277.
27. Erdem Sevim. Abudullah ibn Ali-yi Nasrullahī. Zūbdetü’l-Âsâr (Metin-İnceleme-Sözlük). Doktora Tezi. Yıldız Teknik Üniversitesi, İstanbul, 2019. xi + 1475 s.
28. Ḥamd Allāh Mustawfī. Tārīkh-i Guzīda / Ed. by ‘A. Nawā’ī. Tehran: Mo’asses-e Enteshārāt-e Amīr-e Kabīr, 1381kh.
29. Histoire des Mongols et des Tatares par Abu l-Ġazī Bahādour Ḥān / Ed. by Le Baron Desmaisons. T. 1. Frankfurt am Main: Institute for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, 1994 (rep. 1874).
30. Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources / Eds. by Scott C. Levi & Ron Sela. Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2010. xvi + 318 p.

31. Kawaguchi Takushi 川口琢司. ティムール帝国支配層の研究 [The Study of the Timurid Empire's Ruling Stratum]. Sapporo: Hokkaido University Press, 2007. v + 399 p.
32. Khwānd-amīr. Tārīkh-i Ḥabīb al-Siyar / Ed. by M. Dabīr-siyāqī. Vol. 3. Tehran: Chāpkhāne-ye Haydarī, 1362kh.
33. Lee Joo-Yup. Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden-Boston: Brill, 2016. xv + 238 p.
34. Lee Joo-Yup. The Historical Meaning of the Term Turk and the Nature of the Turkic Identity of the Chinggisid and Timurid Elites in Post-Mongol Central Asia // Central Asiatic Journal. Vol. 59(1/2), 2016. P. 101–132.
35. Maeda Naonori 前田直典. 10世紀時代の九族韃靼：蒙古人の蒙古地方の成立 [The Toquz Tatar or the Nine Tatar Tribes during the 10th Century] // 元朝史の研究 [Historical Studies in the Yüan Dynasty and East Asia]. Tokyo: University of Tokyo Press, 1973 (first publ. 1948). P. 233–263.
36. Mano Eiji 間野英二. アミール・ティムール・キュレゲン：ティムール家の系譜とティムールの立場 [Amir Timūr Kürägan: The Timurid Genealogy and Timur's Position] // バーブルとその時代 [Bābur and His Times]. Kyoto: Shōkadō, 2001 (first publ. 1976). P. 317–336.
37. May Timothy. The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia / Ed. by Timothy May. Vol. 1. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2017. xxvii + 332 p.
38. Muḥammad Khāwandshāh b. Maḥmūd Mīr-khwānd. Tārīkh-i Rawḍat al-Ṣafā / Ed. by J. Kiyānfār. Vol. 8. Tehran: Asāṭīr, 1385kh.
39. Muḥammad Yūsuf Munshī. Tadhkira-yi Muqīm Khānī / Ed. by F. Ṣarrāfān. Tehran: Mīrāth-e Maktūb, 2001. 354 p.
40. Nagamine Hiroyuki 長峰博之. ジョチ・ウルス後裔政権史料は何を参照し、ジョチ・ウルス再編をいかに認識したのか？ [What Did the Later Jochid Sources Refer to and How Did They Recognize the Reorganization of the Jochid Ulus?] // 近代中央ユーラシアにおける歴史叙述と過去の参照 [Historical Narratives and the Utilization of the Past in Modern Central Asia] / Ed. by Jin Noda 野田仁. Tokyo: Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2023. P. 5–52.
41. Ogasawara Hiroyuki 小笠原弘幸. イスラーム世界における王朝起源論の生成と変容：古典期オスマン帝国の系譜伝承をめぐって [The Transformation of the Genealogical Discourse in the Early Ottoman Empire]. Tokyo: Tōsui-shobō, 2014. ix + 261 p.
42. Ogasawara Hiroyuki. Enter the Mongols: A Study of the Ottoman Historiography in the 15th and 16th Centuries // The Journal of Ottoman Studies. Iss. 51, 2018. P. 1–28.
43. Otsuka Osamu 大塚修. 普遍史の変貌：ペルシア語文化圏における形成と展開 [The Transformation of the General Histories in Persianate Societies]. Nagoya: University of Nagoya Press, 2017. x + 444 p.
44. Otsuka Osamu 大塚修. 人類の起源を求めて：前近代ムスリム知識人による諸民族の系譜の創造 [Searching of the origins of humanity: the creation of genealogies of various peoples by pre-modern Muslim intellectuals] // 西洋史研究 [The Study of Occidental History]. No. 44, 2019. P. 166–183.
45. Pow S. "Nationes que se Tartaros appellant": An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources. Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567
46. Rashīd al-Dīn Faḍl Allāh Hamadānī. Jāmi' al-Tawārīkh (Tārīkh-i Ughūz) / Ed. by M. Rawshan. Tehran: Mīrāth-i Maktūb, 2005.

47. Saguchi Toru 佐口透. Монгол帝国の継承国家について [On the Successor States of the Mongol Empire] // 月刊シルクロード [Silk Road]. Vol. 5, No. 8, 1979. P. 14–19.
48. Sela Ron. Rashīd al-Dīn's Historiographical Legacy in the Muslim World // Rashīd al-Dīn: Agent and Mediator of Cultural Exchanges in Ilkhanid Iran / Eds. by A. Akasoy et al. London-Turin: The Warburg Institute-Nino Aragno Editore, 2013. P. 213–222.
49. Seyyid Muhmed Rizâ. Es-seb'û's-seyyâr fî-ahbâr-ı mülûki't-Tatar: inceleme, tenkitli metin / Ed. by Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020. LI + 470 p.
50. Sharaf al-Dīn 'Alī Yazdī. Zafar-nāma / Eds. by S. Mīr Muḥammad Šādiq & 'A. Nawā'ī. Vol. 1. Tehran: Kitābkhāne, Mūze va Markaz-e Asnād-e Majles-e Shūrā-ye Eslāmī, 1387kh.
51. Uno Nobuhiro 宇野伸浩. 『集史』の構成における「オグズ・カン説話」の意味 [The Significance of “The Tale of Oghuz Khan” in the Structure of the Jāmi‘ al-Tawārīkh] // 東洋史研究 [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 61, No. 1, 2002. P. 34–61.
52. Uno Nobuhiro 宇野伸浩. 中央ユーラシア遊牧民の世界像の形成 [Formation of the World Image of Central Eurasian Nomads] // 「世界史」の世界史 [World History of “World History”] / Eds. by Shigeru Akita 秋田茂 et al. Tokyo: Minerva-shobō, 2016. P. 177–191.
53. Woods John E. Timur's Genealogy // Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickson / Eds. by Michel M. Mazzaoui & Vera B. Moreen. Salt Lake City: University of Utah Press, 1990. P. 85–125.

REFERENCES

1. Abdallakh ibn Mukhammad b. Ali Nasrallakhi. Zubdat al-asar. MS. St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences, D 104. (In Turkic)
2. Abdurgaffar Kyrymī. Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, facsimile. Transcription by Der'ya Derin Pashaoglu. Editor-in-chief I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p.; Book 2: Translation. Translated from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific editing, preface and comments by I.M. Mirgaleev. 2018. 200 p. (In Russian, Ottoman)
3. Abudurrakhman-i Tali'. History of Abulfeiz-khana. Translation from Tajik, preface, notes and index by Professor A.A. Semenov. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1959. 176 p. (In Persian)
4. Abul-Gazi Bagadur-khan. Family tree of the Turks. Translated by G. Sablukov. Preface, notes, bibliographies by A.A. Glasheva. Nalchik: Izdatelstvo M. and V. Kotlyarovykh, 2018. 264 p. (In Russian)
5. Alekseev A.K. Political History of the Tuqay-Timurids: Based on the Materials of the Persian Historical Work Bahr al-asrar. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. 229 p. (In Russian)
6. Zaitsev I.V. Crimean Historiographic Tradition of the 15th–19th Centuries. Ways of the Development: Manuscripts, Texts and Sources. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. 304 p. (In Russian)
7. Kononov A.N. Genealogy of Turkmens. Composition by Abū'l-Ghāzī Khan of Khiva. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 192+94 p. (In Russian, Turkic)

8. Makhmud ibn Amir Vali. Bakhr al-asrar fi manakib al-akhyar. MS. Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. No. 7418. (In Persian)
9. Nagamine H. Rethinking Qādir ‘Alī Beg’s Historiography (Jāmi‘ al-Tavārīkh). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130 (In Russian)
10. Nagamine H. Tuqay-Timurids, Shibanids, and the Crimean Khanate in Qādir ‘Alī Beg’s historiography: How did the Later Jochid Sources Understand the Reorganization of the Jochid Ulus? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 349–370. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.349-370 (In Russian)
11. Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Translated from Persian by A.A. Khetagurov; editing and notes by Prof. A.A. Semenov. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 221 p. (In Russian)
12. Seyid Mukhammed Riza. Seven Planets in the Reports of the Tatar Kings. Book 2: Translation. Translated from Ottoman by I.R. Gibadullin; scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 528 p. (In Russian)
13. Tavarikh-i guzida – Nusrat-name. Research, critical text, annotated table of contents and table of summary tables of contents of the candidate philological Sciences A.M. Akramov. Tashkent: Fan, 1967. 128+475 p. (In Russian, Turkic)
14. Tārīkh-i Kāshghar. Anonymous Turkic Chronicle of the Rulers of Eastern Turkestan to the End of the 17th Century. Facsimile of the manuscript of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Edition of the text, introduction and indexes by O.F. Akimushkin. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. 296 p. (In Russian, Turkic)
15. Khakimov R. The Ethnonym ‘Tatar’ at Different Stages of Eurasian History. The Golden Horde in World History. Collective Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 288–311. (In Russian)
16. Khafiz-i Tanysh ibn Mir Mukhammad Bukhari. Sharaf-nama-yi shakhi (Book of Shah’s Glory). Facsimile of manuscript D 88. Translation from Persian, introduction, notes and indexes by M.A. Salakhedinova. Part 1. Moscow: Nauka, 1983. 298+245 p. (In Russian, Persian)
17. Sheibaniada. History of the Mongolo-Turks in the Chaghatay Dialect. With translation, notes and appendices, published by I. Berezin. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1849. 79+80+63+97 p. (In Russian, Turkic)
18. ‘Abd Allāh b. Muḥammad b. ‘Alī Naṣr Allāhī. Ta’rīkh al-dawlat al-shaybāniya min kitab zubdat al-āthār. Cairo: Maṭba‘a Hindiyah, 1934. 62 p. (In Turkic)
19. Anonym. Shajarat al-Atrāk. MS. British Library, Add. 26190. (In Persian)
20. Atwood Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts On File, 2004. 10+678 p.
21. Barthold W. Tatar. E.J. Brill’s First Encyclopaedia of Islām. Edited by M.Th. Houtsma et al. Vol. 8. Leiden: Brill, 1987 (reprinted 1st edition 1927), pp. 700–702.
22. Bai Yu Dong. On the Relationship between the Nine Tatars and the Thirty Tatars from the Perspective of the Migration of the Shiwei Tribes in the 8th Century. *Inner Asian Studies*. 2011, no. 26, pp. 85–107. (In Japanese)
23. Binbaş İlker Evrim. Oguz Khan Narratives. Encyclopaedia Iranica, Online Edition, 2010, pp. 1–10. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/oguz-khan-narratives> (date accessed 10.01.2025)
24. Binbaş İlker Evrim. Intellectual Networks in Timurid Iran: Sharaf al-Dīn ‘Alī Yazdī and the Islamic Republic of Letters. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 21+340 p.

25. DeWeese Devin. A note on manuscripts of the Zubdat al-āthār, a Chaghatay Turkic History from sixteenth-century Mawarannahr. *Manuscripts of the Middle East*. 1992, vol. 6, pp. 96–100.
26. Dobrovits Mihály. The Turco-Mongolian Tradition of Common Origin and the Historiography in Fifteenth Century Central Asia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 1994, vol. 47, Iss. 3, pp. 269–277.
27. Erdem Sevim. Abudullah ibn Ali-yi Nasrullahi. Zübdetü'l-Âsâr (Metin-İnceleme-Sözlük). Doktora Tezi. Yıldız Teknik Üniversitesi, İstanbul, 2019. 11+1475 p. (In Turkish, Turkic)
28. Ḥamd Allāh Mustawfī. Tārīkh-i Guzīda. Edited by 'A. Nawā'ī. Tehran: Mo'asses-e Enteshārāt-e Amīr-e Kabīr, 1381/2002-2003. (In Persian)
29. Histoire des Mongols et des Tatares par Abu l-Gāzī Bahādur Hān. Edited by Le Baron Desmaisons. Vol. 1. Frankfurt am Main: Institute for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, 1994 (reprinted in 1874). (In French, Turkic)
30. Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources. Edited by Scott C. Levi & Ron Sela. Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2010. 16+318 p.
31. Kawaguchi Takushi. The Study of the Timurid Empire's Ruling Stratum. Sapporo: Hokkaido University Press, 2007. 5+399 p. (In Japanese)
32. Khwānd-amīr. Tārīkh-i Ḥabīb al-Siyar. Edited by M. Dabīr-siyāqī. Vol. 3. Tehran: Chāpkhāne-ye Ḥaydarī, 1362/1983-1984. (In Persian)
33. Lee Joo-Yup. Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden-Boston: Brill, 2016. 15+238 p.
34. Lee Joo-Yup. The Historical Meaning of the Term and the Nature of the Turkic Identity of the Chinggisid and Timurid Elites in Post-Mongol Central Asia. *Central Asiatic Journal*. 2016, vol. 59 (1–2), pp. 101–132.
35. Maeda Naonori. The Toquz Tatar or the Nine Tatar Tribes during the 10th Century. Historical Studies in the Yüan Dynasty and East Asia. Tokyo: University of Tokyo Press, 1973 (first published in 1948), pp. 233–263. (In Japanese)
36. Mano Eiji. Amir Timūr Kūrāgān: The Timurid Genealogy and Timur's Position. Bābur and His Times. Kyoto: Shōkadō, 2001 (first published in 1976), pp. 317–336. (In Japanese)
37. May Timothy. The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia. Edited by Timothy May. Vol. 1. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2017. 27+332 p.
38. Muḥammad Khāwandschāh b. Maḥmūd Mīr-khwānd. Tārīkh-i Rawḍat al-Ṣafā. Edited by J. Kiyānfār. Vol. 8. Tehran: Asāṭīr, 1385/2006-2007. (In Persian)
39. Muḥammad Yūsuf Munshī. Tadhkira-yi Muqīm Khānī. Edited by F. Ṣarrāfān. Tehran: Mīrāth-e Maktūb, 2001. 354 p. (In Persian)
40. Nagamine Hiroyuki. What Did the Later Jochid Sources Refer to and How Did They Recognize the Reorganization of the Jochid Ulus? Historical Narratives and the Utilization of the Past in Modern Central Asia. Edited by Jin Noda. Tokyo: Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2023, pp. 5–52. (In Japanese)
41. Ogasawara Hiroyuki. The Transformation of the Genealogical Discourse in the Early Ottoman Empire. Tokyo: Tōsui-shobō, 2014. 9+261 p. (In Japanese)
42. Ogasawara Hiroyuki. Enter the Mongols: A Study of the Ottoman Historiography in the 15th and 16th Centuries. *The Journal of Ottoman Studies*. 2018, Iss. 51, pp. 1–28.
43. Otsuka Osamu. The Transformation of the General Histories in Persianate Societies. Nagoya: University of Nagoya Press, 2017. 10+444 p. (In Japanese)
44. Otsuka Osamu. Searching of the origins of humanity: the creation of genealogies of various peoples by pre-modern Muslim intellectuals. *The Study of Occidental History*. 2019, no. 44, pp. 166–183. (In Japanese)

45. Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567
46. Rashīd al-Dīn Faḡl Allāh Hamadānī. Jāmi’ al-Tawārīkh (Tārīkh-i Ughūz). Edited by M. Rawshan. Tehran: Mīrāth-i Maktūb, 2005. (In Persian)
47. Saguchi Toru. On the Successor States of the Mongol Empire. *Silk Road*. 1979, vol. 5, no. 8, pp. 14–19. (In Japanese)
48. Sela Ron. Rashīd al-Dīn’s Historiographical Legacy in the Muslim World. Rashīd al-Dīn: Agent and Mediator of Cultural Exchanges in Ilkhanid Iran. Edited by A. Akasoy et al. London-Turin: The Warburg Institute-Nino Aragno Editore, 2013, pp. 213–222.
49. Seyyid Muhmed Rizā. Es-seb‘ū’s-seyyār fī-ahbār-ı mülūki’t-Tatar: inceleme, tenkitli metin. Edited by Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020. 51+470 p. (In Turkish, Ottoman)
50. Sharaf al-Dīn ‘Alī Yazdī. Ṣafar-nāma. Edited by S. Mīr Muḥammad Ṣādiq & ‘A. Nawā’ī. Vol. 1. Tehran: Kitābkhāne, Mūze va Markaz-e Asnād-e Majles-e Shūrā-ye Eslāmī, 1387/2008-2009. (In Persian)
51. Uno Nobuhiro. The Significance of “The Tale of Oghuz Khan” in the Structure of the Jāmi’ al-Tawārīkh. *The Journal of Oriental Researches*. 2002, vol. 61, no. 1, pp. 34–61. (In Japanese)
52. Uno Nobuhiro. Formation of the World Image of Central Eurasian Nomads. World History of “World History”. Edited by Shigeru Akita et al. Tokyo: Minerva-shobō, 2016, pp. 177–191. (In Japanese)
53. Woods John E. Timur’s Genealogy. Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickson. Edited by Michel M. Mazzaoui & Vera B. Moreen. Salt Lake City: University of Utah Press, 1990, pp. 85–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хироюки Нагаминэ – магистр литературы, доцент отдела общего образования, Национальный институт технологии, Ояма колледж (771, Накакуки, Ояма, Tochigi, 3230806, Япония); ORCID: 0000-0003-4869-5780. E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp ; gamaja.yokaton.13@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hiroyuki Nagamine – Master of Arts, Associate Professor, Department of General Education, National Institute of Technology, Oyama College (771, Nakakuki, Oyama, Tochigi 3230806, Japan); ORCID: 0000-0003-4869-5780. E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp ; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 13.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.04.2025

Принята к публикации / Accepted 05.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.460-474>

УДК 930.23

EDN: YBNQYY

ЭТНОНИМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ТАТАР В ЕВРЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIII–XIX ВВ., И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Голда Ахиезер

Ариэльский Университет

Ариэль, Израиль

agolda@ariel.ac.il

Резюме. Цель статьи: анализ этнонимов, используемых в еврейских текстах в отношении татар и некоторых других групп мусульманского населения. В статье будет показано различие в употреблении этих терминов, и факторы их возникновения и их изменение. Эти этнонимы будут рассмотрены как в лингвистическом, так и в культурно-историческом контексте, который в ряде случаев добавляет к тому или иному термину специфическую коннотацию.

Материалы исследования: Данное исследование использует конкретные примеры употребления терминов в еврейских источниках на иврите, написанных начиная со средневековья и до начала XIX в. Речь идет о сочинениях, относящихся к различным жанрам и регионам, среди них тексты по каббале, законоведению, записки о путешествиях, а также исторические хроники из Крыма XVII–XIX вв. В отличие от остальных указанных жанров хронографические тексты отражают повседневные контакты и отношения между евреями и татарами, поэтому содержат более богатый материал для исследования этнонимов.

Результаты и научная новизна: Кроме отдельных разъяснений некоторых понятий, этнонимы, используемые в еврейских текстах в отношении татар, никогда не изучались. В данной статье речь пойдет не просто о подборке слов и их этимологии. Исследование этнонимов в отношении татар и некоторых других групп мусульманского населения в еврейских источниках раскрывает перед нами более широкую картину, отражающую некоторые культурные и религиозные концепции и стереотипы, а также межэтнические отношения в восприятии как авторов этих текстов, так и их ближайшего окружения.

Ключевые слова: Этнонимы, евреи, татары, еврейские письменные источники, Крымское ханство

Для цитирования: Ахиезер Г. Этнонимы, обозначающие татар в еврейских источниках XIII–XIX вв., и их значения в культурно-историческом контексте // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 460–474. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.460-474> EDN: YBNQYY

© Ахиезер Г., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарности: Автор статьи выражает свою искреннюю благодарность за важные комментарии проф. Питеру Голдену (Rutgers University), д-ру Искандеру Измайлову (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) и д-ру Роману Хаутале (Университет Оулу, Финляндия).

ETHNONYMS DESIGNATING TATARS IN JEWISH SOURCES OF THE 13th–19th CENTURIES AND THEIR MEANINGS IN THE CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

Golda Akhiezer

Ariel University

Ariel, Israel

agolda@ariel.ac.il

Abstract. Research Objectives: The aim of this article is to analyze the ethnonyms used in Jewish texts in relation to Tartars and some other groups of the Muslim population. The article intends to present the differences in the use of these terms, as well as the factors behind their emergence and their evolution. These ethnonyms will be considered both in their linguistic and cultural-historical contexts, as these dimensions add frequently specific connotations to some of these terms.

Research Materials: This study is based on specific examples of the use of terms in Jewish sources, written in Hebrew, from the Middle Ages to the beginning of the 19th century. These include texts on Jewish religious law and Kabbalah, as well as travelogues and historical chronicles written in the Crimean Khanate between the 17th and 19th centuries. Chronographic texts reflect everyday contacts and relations between Jews and Tatars, and therefore contain rich material for the study of ethnonyms.

Results and Novelty of the Research: The ethnonyms used in Jewish texts in relation to the Tartars have never been studied, except regarding an explanation of the meaning of individual terms. The present research is not only about a selection of words and their etymology. The ethnonyms found in Jewish sources, related to Tartars and some other groups of the Crimean Muslim population, reveal a broader picture. They reflect some cultural and religious concepts and stereotypes towards the Tartars, as well as a view on the interethnic relations as perceived by the authors of these texts and their immediate environment.

Keywords: Ethnonyms, Jews, Tatars, Jewish written sources, the Crimean Khanate

For citation: Akhiezer G. Ethnonyms designating Tatars in Jewish sources of the 13th–19th centuries and their meanings in the cultural and historical context. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 460–474. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.460-474> (In Russian)

Acknowledgments: The author expresses her sincere gratitude for the important comments to Prof. Peter Golden (Rutgers University), Dr. Iskander L. Izmailov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences), and Dr. Roman Hautala (University of Oulu, Finland).

Виды этнонимов, обозначающих татар в еврейских источниках, написанных на иврите до сих пор систематически не исследовались. При непосредственном анализе терминов в отношении татар в текстах различных эпох необходимо учитывать целый ряд аспектов, связанных с употреблением этих этнонимов. Данная

тема требует междисциплинарного подхода, включающего различные области гуманитарных наук.

Лингвистический подход предполагает анализ подборки слов в качестве этнонимов, их происхождения и этимологии, а также частотности их употребления в диахронической перспективе. В этом подходе важную роль играет семантический аспект – рассмотрение значений терминов при употреблении их в разных контекстах как одним и тем же, так и различными авторами текстов. Здесь необходимо проследить также различие (или смешение) этнонимов в отношении татар, турок и мусульман в целом.

Употребление специфических слов и терминов, как правило, содержит определенную коннотацию, отражающую отношение еврейских авторов (и, в значительной степени – членов их общин) к татарам. Эта коннотация может быть нейтральной, отрицательной или положительной, а также содержать религиозный подтекст (например мессианский, как будет показано ниже). Таким образом, слово, служащее этнонимом, может отражать определенный тип межэтнических и межрелигиозных отношений, а также некоторые стереотипы, возникшие в результате этих отношений. Поэтому для понимания значений и смыслов данных коннотаций необходимо рассматривать еврейско-татарские контакты в исторической перспективе, учитывая их культурный и социальный контекст. В некоторых случаях этноним может возникать и приобретать специфический смысл или нейтральную коннотацию и при отсутствии непосредственных контактов, как в случаях усвоения библейских этнонимов, или под влиянием христианских авторов.

Целью данного исследования является анализ употребляемых в еврейских источниках этнонимов в отношении татар, и значений этих терминов в их языковом, и культурно-историческом контексте. Работа рассматривает факторы, повлиявшие на возникновение соответствующей терминологии и ее различных коннотаций, и как важнейший из них – еврейско-татарские контакты и отношения.

Характер еврейских источников

Основными источниками для данного исследования служат тексты, представляющие различные жанры еврейской литературы – поэзия, каббала, *галаха* (законоведение), а также исторические хроники. Первые два жанра относятся в основном к Испании, а также к Северной Африке XIII в. и являются реакцией мессианского характера на монгольские завоевания, длившиеся с первого десятилетия XIII в. по 1260 г.¹ Эти, и возможно другие тексты данного периода повлияли на некоторые представления христиан о мессианском процессе. Еврейские авторы, в свою очередь, заимствовали некоторые христианские нарративы и кое-что из их терминологии.

С XIII в. до Нового времени татары почти не упоминаются в еврейских источниках. Несмотря на то, что евреи появляются в Крыму в период Золотой Орды [28; 33] – в Солхате (ок. середины XIII в.), [16] а также в генуэзской Каффе, а затем проживают в Крымском ханстве [17, с. 155–165], упоминание татар в немногочисленных сохранившихся источниках зафиксированы в Крыму не ранее

¹ 1240 год по еврейской хронологии соответствует началу пятого тысячелетия от сотворения мира. По одной из версий апокалиптических представлений в еврейских текстах он считался годом предполагаемого пришествия мессии.

XVII в. Эти тексты являются в основном историческими хрониками, написанными евреями Крыма, как раввинистами, так и караимами².

Хроники, появившиеся в Крымском ханстве, отражают реалии различных аспектов его жизни, свидетельствуя о непосредственных контактах между евреями и татарами. Поэтому в отличие от средневековых еврейских (и многих христианских) текстов эти источники свободны от эсхатологических коннотаций и символов.

Речь идет о текстах, написанных на иврите, относящихся к хронографическому жанру [17, с. 165–208], появившемуся в Крыму в XVI в. под влиянием новой еврейской исторической литературы этого периода, в особенности той, которая была написана или издана в Османской империи в период после изгнания евреев из Испании (1492). Эта литература впервые описывает события современной, как еврейской, так и мировой истории, и она циркулировала также в Крыму. В неменьшей степени на возникновение этого жанра повлияло появление татарских хроник, написанных придворными летописцами крымских ханов [26, с. 35–36]. Они описывали события, происходившие в ханстве, прославляя его правителей и их военные победы. Самая ранняя из таких летописей относится к XVI в. [23, с. 3]. Поскольку некоторые образованные еврейские (в особенности караимские) авторы занимали придворные должности или находились в тесной связи с татарскими правителями и чиновниками, такого рода литература могла быть им хорошо знакома.

Темы в крымских еврейских хрониках очень разнообразны: войны, природные катаклизмы, перемены и важнейшие события в жизни еврейского, мусульманского и христианского населения, налоговые вопросы, межэтнические отношения и конфликты, и в той или иной степени, комментарии авторов в отношении описываемых событий и явлений. Поскольку значительная часть этих текстов посвящена историческим событиям, и отчасти – повседневной жизни татар в Крымском ханстве (включая некоторые малоизвестные сведения о судьбе татар после присоединения Крыма к Российской империи в 1873 г.), эти хроники являются одним из важнейших источников татарской истории, а также еврейско-татарских отношений, включая употребление этнонимов в отношении татар.

Основными сохранившимися текстами, используемыми нами в рамках данного исследования, являются хронографические отчеты конца XVII – начала XIX вв.³ Среди них сохранились две краткие анонимные хроники конца XVII – начала XVIII в., описывающие войны между Османской империей и европейскими армиями, а также дворцовые перевороты и смену ханов в Крыму. Другая хроника принадлежит перу раввинистического авторитета и руководителя карасубазарской общины, Давиду бен Элизеру Лехно. Его развернутое сочинение под

² Караимское течение возникло как независимая конфессия в иудаизме на территории современных Ирана, Ирака в IX–X вв. Оно характеризуется отрицанием авторитета Мишны и Талмуда и более поздних раввинских толкований и постановлений. Караимские общины распространились в IX–XIV вв. Персии, Ираке, Египте, Сирии, Иерусалиме, Византии, Крыму и Польше. Караимизм отличается от раввинистического иудаизма несколькими иными религиозными практиками. В частности, караимы соблюдают отличные от раввинистов диетические и погребальные законы и обычаи, а также имеют другой календарь. О возникновении караимского течения в иудаизме, его истории, литературе и религиозных практиках см., например [30].

³ Самые ранние две еврейские хроники из Крыма относятся к XIV в., но они носят фрагментарный характер и не содержат этнонимов в отношении татар.

названием *Двар Сфатаим* (Речение уст) описывает события в Крымском ханстве и за его пределами, происходившие в 1680–1730 [21].

Более поздний автор, Азария бен Элия, один из руководителей караимской общины Чуфут Кале, в своей хронике, не имеющей названия⁴ [1] описывает период царствования последнего крымского хана, реформатора Шагин Гирея (1777–1783), восстания татар против него и процесс присоединения Крыма к Российской империи [25], будучи свидетелем этих событий.

Самая поздняя из сохранившихся крымских хроник была написана Йосефом Агой,⁵ возглавлявшим караимскую общину Гёзлева (Евпатории), получившим в 1778 ярлык от Шагин Гирея [8, сс. 57–58], уполномочившего Йосефа возглавить ханский монетный двор. Текст этой хроники в оригинале был написан на татарском этнолекте крымско-караимского языка, но сохранился лишь его перевод на иврит. В хронике описываются события и процессы 1790–1821 гг., последовавшие за присоединением полуострова к Российской империи в различных городах Крыма, в особенности в Евпатории.

Следует отметить, что почти все сохранившиеся хроники, за исключением *Двар Сфатаим* Давида Лехно, написаны караимскими авторами. Возможно, подобных сочинений существовало гораздо больше и в общинах раввинистов-крымчаков. Однако, в результате немецкой оккупации Крыма (1941–1944) и последовавшего за ней массового геноцида крымчаков в период Второй мировой войны большая часть их архивов с рукописями также была уничтожена или бесследно пропала[6].

На основе имеющихся сочинений мы рассмотрим возникновения каждого этнонима, прежде всего в отношении татар, а также в отношении турок и мусульман в целом в его историческом контексте, с сопутствующими возможными коннотациями, включая смысловые различия между ними и практику их употребления.

Этнонимы, обозначающие татар в еврейских источниках в исторической перспективе.

Этноним «татары» появляется в еврейских и христианских источниках после вторжения монголов в Центральную Азию, на Кавказ и в Восточную Европу в 20-е годы XIII в.⁶ Масштабы их военных успехов, включая вторжение на Ближ-

⁴ См. первое научное издание на языке оригинала [18].

⁵ Йосеф Ага, *Хроника*, Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, Собрание А. Гаркави 484, оп. 1, № 1479.

⁶ Исследование этого периода и его источников затруднено непоследовательностью в использовании терминов «монголы» и «татары» несмотря на то, что это два разных народа. Данный вопрос, не имеющий простого решения, все же требует некоторых пояснений, особенно в статье об этнонимах. Российская историография решила эту проблему, создав термин «монголо-татары». Проф. Питер Голден, которому я приношу свою искреннюю благодарность за его разъяснение, утверждает, что монголы были ассимилированы татарами. Чингиз-хан разгромил племя татар (некоторые считают, что они были, по крайней мере частично, тюркского происхождения) и привел их оставшуюся часть в свою племенную конфедерацию. Этноним «татары» стал общим для большинства племен под властью Чингиз-хана и распространился за пределы Восточной Внутренней Азии. Голден подчеркивает, что монголы называли себя «монголами», что следует из мусульманских источников, таких как различные мамлюкские словари, использующие этот этноним. Голден также предполагает, что татарские племена были обычно размещены во главе наступающих монгольских войск (согласно кочевой традиции, недавно завоеванные народы размещались в пер-

ний Восток, особенно в Иерусалим [19; 20], вызвали огромное потрясение как среди христиан, так и среди евреев. Первые письменные сообщения о монголах и их завоеваниях [10] начинают распространяться в латинском мире в начале 20-х годов XIII в. Они основываются, в значительной степени, на свидетельствах восточных христиан, в основном несториан, и некоторых документах из Восточной Европы [10, с. 6–8]. Часть свидетельств и слухов о невероятной и разрушительной силе монголов достигла Западной Европы также через крестоносцев Пятого крестового похода (сент. 1217 – авг. 1221). Таким образом, завоевания монголов обрастают многочисленными мифами, в основном апокалиптического характера. Среди ранних христианских авторов бытовал мотив сильного христианского государства на Востоке, «Царя Индий». Он должен был освободить христианский мир от мусульман, и в этом процессе важная роль принадлежала монголам, которых считали христианами [10, с. 14–16; № 3, с. 62–105]. Более поздние христианские нарративы связывали монголов с сатанинским племенем, произошедшим от Десяти Потерянных колен Израиля, запертых Александром Македонским в Каспийских горах и вырвавшихся на свободу, чтобы уничтожить христианский мир. Так, например, пишет о них Матвей Парижский: «...в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижимых камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара (почему и названы тартарами, будто «[выходцы] из Тартара») ... Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от десяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами [и] которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями...» [7, с. 138–139].

Рассмотрение всех существовавших на данную тему эсхатологических нарративов не является целью настоящего исследования, однако нам важно проследить историю возникновения термина «тартары», ставшего доминантным в Европейской литературе. Хотя речь пойдет о еврейских источниках, ссылки на христианских авторов важны для нашего исследования, т. к. их источники повлияли на употребление формы «тартары» и еврейскими авторами.

На взаимовлияние и обмен мессианскими нарративами между евреями и христианами указал исследователь каббалы Моше Идель [27, с. 147, 154]. Мы предполагаем, что христианские письменные источники (а возможно и прямые контакты с христианами) послужили фактором употребления формы «тартары» в более поздних еврейских текстах. В ранних же текстах (XIII в.) на иврите мы находим лишь форму «татары».

Такое употребление мы находим, например у рабби Йехуды бен Нисима ибн Малка, каббалиста и астролога, который писал свои сочинения, по-видимому, в 60-х гг. XIII в. в Северной Африке. Он выразил свое мнение о монголах, рассматривая их как часть эсхатологического сценария, в котором связывал их военные успехи с мессианским избавлением евреев (*геула*). Автор упомянул «...слух о народе, обитающем за морем, который называется татарами» [27, с. 150–151].

Один из видных мыслителей испанской каббалы того же периода, Авраам Абулафия (1240– ок. 1291), провозгласивший себя одновременно пророком и мессией, также высказывает свое мнение о мессианской роли монголов, считая их потомками Десяти Потерянных Колен. Заинтригованный этим вопросом, он

вых рядах, и были готовы пожертвовать своей жизнью в знак своей лояльности вож-
дью). См. также [31].

даже отправился из Туделы на поиски реки Самбатсион [14]⁷. Он также совершил поездку в Землю Израиля в 1260 г., однако не добрался до Иерусалима, а лишь до Акры из-за вторжения монголов, и вернулся в Европу. Как и Йехуда бен Нисим, Абулафия использует этноним «татары», в том числе в контексте упоминания различных языков [13, с. 184].

Итак, подобно христианским источникам 20-х годов XIII в., еврейские тексты второй половины этого столетия все еще изображают татар как участников мессианского сценария. У христиан же с 40-х гг. XIII в. происходят изменения в использовании этнонимов вследствие путешествий в Монгольскую империю⁸. В этот период мы находим в их источниках также этноним «монгол», хотя и наряду с употреблением понятия «татары». В еврейских же текстах мы не находим этого этнонима.

Источники о татарах на иврите снова появляются лишь в XVII–XVIII вв. в Крыму⁹. Возможно, они существовали уже в период Золотой Орды, и в Крымском ханстве в XV–XVI вв., но поскольку сохранившиеся еврейские тексты этого периода довольно малочисленны, мы не имеем возможности отследить употребление этнонима «татары» в его непрерывности. Позднее, в хронике XVII в., *Двар Сфатаим* [21] посвященной в большой степени истории Крымского ханства, написанной главой карасубазарской раввинистической общины, Давидом бен Элизером Лехно (ум. 1735), повсеместно употребляется форма «тартары».

Он упоминает также «Великую Тартарию в земле Казанской» [21, с. 119]. Эти слова, приписываемые в его хронике некоему пленному козаку, имеют важнейшее значение, поскольку они отражают осознание связи в еврейской хронике между крымскими и казанскими татарами.

Вышеупомянутый же караимский хронист Азария бен Элия, предпочитает форму «татары», лишь изредка употребляя форму «тартары».

У Азарии мы находим также термин «кара татар» (черные татары – простой люд, массы) принятый в татарском обществе¹⁰ [5]. Интересно отметить, что этот

⁷ В еврейской традиции Самбатсион – река, за которую Десять Потерянных Колен Израиля были изгнаны из Самарии ассирийским царем Салманасаром V в. 721 г. до н. э. Они не могут вернуться оттуда в Землю Израиля, потому что река имеет сильное течение все дни недели, и останавливается лишь в Шаббат (когда купание в водоеме запрещено религиозным законом). Поэтому, в соответствии с данной традицией, они смогут вернуться обратно лишь во времена Мессии. О Десяти Потерянных Коленах Израиля см. [20].

⁸ Я благодарю д-ра Романа Хауталу, обратившего мое внимание на этот факт. См., например, книгу итальянского францисканца ПIANO Карпини, (Giovanni da Pian del Carpine), который посетил Монгольскую империю, проехав через Восточную Европу, *Ystoria Mongalorum quos nos Tartaros appellamus* (История монголов, которых мы называет татарами). Книга описывает его дипломатическую миссию 1245/7 г. Фламандский францисканец Гильом де Рубрук, посетивший монгольскую империю в 1254/5 также пользуется этнонимом «монголы» в своей книге *Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratiae 1253 ad partes Orientales* [11].

⁹ Существует также несколько еврейских источников XIII–XIV вв., где употребляется термин «татары», не всегда в мессианском контексте, однако все они содержат лишь краткое упоминание татар, не представляя сколько ни будь развернутого описания их истории или общества и не выражают напрямую отношения к ним, см. [29, pp. 1261–1272].

¹⁰ Этот термин существовал как в монгольском, так и в тюркских языках в одном и том же значении – «простые черноколовые люди», или «люди низшего класса»

термин повсюду употребляется автором лишь с отрицательной коннотацией. В своей хронике, описывающей годы царствования последнего хана, реформатора Шагин Гирея, его достижения, а также восстание против него, переросшее в кровопролитную гражданскую войну, Азария создает почти идеальный образ хана, однозначно осуждая его противников, и особенно повстанцев. Ответственность за восстание автор, в большой степени, возлагает на кара татар, расценивая их как иррациональную силу, подвергавшую опасности всех жителей Крыма. Так, например, он пишет: «А кара татары, также, объединившись, начали грабить и убивать друг друга» (1 гес., 92–93), [1, с. 136]. Далее автор приводит описание их бесчинств и жестокостей.

В традиционной еврейской литературе современные авторам народы (в основном, неизвестных в настоящее время) идентифицировались в различные эпохи посредством библейских этнонимов. Так, в еврейских текстах татары часто назывались словом «кедар» (мн. ч. «кедарим»). Этот этноним заимствован из книги Бытия 25:13, где он относится ко второму сыну Измаила: «и вот имена сынов Измаиловых, имена их по родословию их: первенец Измаилов Наваиоф, [за ним] Кедар, Адбеел, Мивсам». В книгах пророков Исаяи, Иеремии и Иезекииля кедарами называются племена, кочевавшие по пустыне и жившие в шатрах. Кроме того, Кедар был древним арабским племенем, обитавшем на севере Аравийского полуострова и в Сирийской пустыне, однако у нас нет никаких свидетельств того, что этот факт каким-то образом повлиял на еврейскую практику использования данного этнонима.

Вероятно, наиболее ранним источником, упоминающим «землю Кедар» (эрец Кедар) в отношении Крыма и причерноморских степей, являются записки еврейского путешественника, рабби Петахия из Регенсбурга, откуда он отправился в путь ок. 1173 г., посетив множество земель, включая указанный регион. Петахия упоминает обычаи местного населения, а также неких евреев-еретиков:

Настоящих евреев нет в земле кедаров, а живут там только *миним* (еретики). Когда р. Петахия спросил их, почему они не веруют словам и преданиям мудрецов, они отвечали: “Потому что этому предки нас не учили”. Накануне субботы они нарезают весь хлеб, который едят в субботу, едят его впотьмах и сидят весь день на одном месте. Молитва их в этот день состоит только из чтения псалмов, и когда раби Петахия прочел им наши молитвы и молитву после еды, установленные Талмудом, то это им очень понравилось; причем они сказали, что отроду не слышали и не знают, что такое Талмуд [4, с. 266–267].

Вероятно, под кедарами Петахия подразумевает тюркоязычные народы, жившие в причерноморских степях – куманов-кипчаков. Относительно же упомянутых им евреев-еретиков – некоторые исследователи пытались отождествить их с караимами или хазарами, однако караимы поселились в этом регионе не ранее середины XIII в., к тому же их религиозные практики не соответствуют данному описанию. О месте же проживания хазар, следовавших иудейским практикам, у нас нет достаточных документальных свидетельств [12].

Мы дважды находим термин «кедар» у грекоязычного автора, одного из центральных фигур духовной жизни караимов, переехавшего из Адрианополя в Истамбул, Калеба Афендополо (1464–1523). В его законоведческом сочинении *Патшеген Ктав ха-дат* (Список с указа), написанном в 1496 г., он упоминает посещение своим братом караимской общины Каффы, по-видимому в 1491 г.

(также называемые *қағаси*) [33, р. 256]. Я приношу свою благодарность д-ру Искандеру Измаилову за разъяснение этого термина в его историческом контексте в татарском обществе [5].

Афендополо пишет, что некий обычай, касающийся праздника Симхат Тора (знаменующего начало годовичного цикла чтения Торы): «...существует там [в Каффе] до сего дня ... и придерживаются его также общины Руси, Литовской земли, и все общины Газарии (Причерномория) вокруг Каффы, и все это – земли Кедара...» [15, с. 38–39]. Интересно, что автор рассматривает и славянские земли и Крым как земли Кедар. Хотя, не совсем понятно, подразумевает ли он под этим территории проживания татар, или же, автор имеет в виду территорию проживания тюркоязычных караимских общин, т. е. говорящих на языке кедар, что представляется нам более вероятным. В другом месте в этой же книге Афендополо упоминает язык кедар (*лешон кедар*), то есть этнолект караимского языка. *Лешон кедар* в еврейских источниках обычно обозначает как кыпчакский, так и любой другой татарский диалект в Крыму¹¹. Афендополо пишет, как в Истамбульской грекоязычной караимской общине некий старец, сидящий за столом со своим сыном, обратился к сыну на языке кедар [15, с. 113]. По-видимому, здесь речь идет о двух крымских, или восточноевропейских караимах.

В хронике Лехно термин «кедар» встречается лишь один раз, в контексте нападения «кедаров» на христиан. В своем новом английском издании этой хроники редакторы перевели слово «кедарим» как «ногайцы». Хотя такая идентификация теоретически возможна, в оригинальном еврейском тексте нет конкретных указаний, подтверждающих, что речь идет именно о ногайцах. Лехно пишет об этом следующими словами: «Они [христиане] подверглись нападению грабителей кедаров (*rag'u ba-hem shollelim Qedariim*)» [21, с. 97]. Азария, бывший в контакте с татарами, однако, не использует в своем сочинении этноним «кедар».

Самый поздний из упомянутых авторов, Йосеф Ага, хроника которого¹² дошла до нас в переводе с татарского этнолекта караимского языка на иврит, повсеместно использует этноним «татары», в том числе и в отношении языка – «лешон татар», а не кедар. Термин «кедар» он использует лишь один раз, говоря о высокопоставленных представителях татарского общества¹³.

Слово «кедар» встречается также в текстах восточноевропейских караимов. Они писали или переводили различные сочинения с иврита на язык, который они называли, как указано выше, «языком кедар» (*лешон кедар*), [32]. Этот этноним продолжал использоваться в текстах еще в XIX в. Например, в переписке между двумя лидерами караимских общин, Авраамом Фирковичем и Мордехаем Султанским (оба из Луцка). В своем письме Султанский сравнивает свою жизнь среди славянских народов с жизнью среди татар Крыма: «Тяжело мне, ибо я странствовал в Мешехе, и жил в шатрах Кедара [Псалом 10:5], и до старости моей не научился их языку и не привык писать как они». Хотя Султанский использует здесь цитату из псалма, он подразумевает при этом реальных славян и татар¹⁴.

Чаше всего крымские еврейские авторы проводили четкое различие между татарами, турками-османами и мусульманами в целом, употребляя разные тер-

¹¹ Евреи Золотой Орды в Крыму говорили на кумано-кыпчакском языке, и караимские эмигранты из Солхата (как и армянские, говорившие на том же языке) принесли его Восточную Европу (Литву, Волынь, Галицию), где он стал литературным языком, сохранившись до современной эпохи, но подвергшийся влиянию славянских языков. В Крыму же этот язык претерпел изменения, развившись в различные татарские диалекты, см. [16, с. 341–342]. О кыпчакском языке см. [24].

¹² См. прим. 5.

¹³ См. 1г.

¹⁴ Мордехай Султанский, переписка с Авраамом Фирковичем (1817–1841), РНБ ф. 946, оп. 1, № 737, 4v.

мины. В большинстве еврейских текстов, написанных после появления ислама, обычно используется термин «Йишмаэль» (мн. ч. йишмаэлим), происходящий от имени библейского Измаила, сына Авраама от Агари (Быт. 21).

Азария, как правило, использует этот термин, имея в виду мусульман, например: «...амалекитяне [=армяне] и ромеи [здесь – греки], присоединившись к московскому войску, грабили, разоряли и убивали измаильтян, и к тому же издевались в те дни над их религией» (4 вер., 7–9), [1, с. 181]. Здесь автор подчеркивает конфликт между христианами и мусульманами в Крыму.

Термин «тугар»/ «Тугарма», также распространенный в еврейских текстах, взят из книги Бытия 10:3, из так называемой библейской таблицы народов, потомков Ноя. Обычно он применяется к кавказским и особенно тюркским народам, в османский период – к туркам и Османской империи. Так, например, еврейский автор XVI в. Йосеф бен Йехошуа ха-Коен, происходивший из Испании и проживавший в Италии, написал историческое сочинение о противостоянии Османской империи и Франции под названием *История королей Франции и династии Османов Тугаров* (Диврей ха-йамим ле-малкей Цорфат вэ-Отман ха-Тугар). Из структуры названия можно сделать вывод, что автор имеет в виду турок из династии османов.

В крымских хрониках этноним «тугар» обычно используется в аналогичном значении. Так например, во фрагменте анонимной хроники, описывающей события в Крыму и за его пределами в XVII в. мы находим следующее употребление этих терминов: «В 5442 [= 1683], 1093 г. по эре измаильтян началась война между [sic!], и ромеи [=католики] победили армию Тугара с помощью армии Польши, называемых лехли»¹⁵. Как можно видеть из текста, автор проводит различие между мусульманами в целом (измаильтянами) и турками-османами (тугар). Как указано выше, и Абулафия упоминал татарский язык (*лешон татар*), отличая его от турецкого (*лешон Тугарма*), [15, с. 184]. Далее эта хроника упоминает «крымское войско», подразумевая при этом татарскую армию.

Азария пользуется термином «тугар» один раз, в отношении Османской империи, говоря о слухах о подкреплении крымских повстанцев: «Одни говорили: Султан Тугармы из Константинополя прислал в помощь железное войско морем и сушей...» (2v, 35–36), [1, с. 144].

Йосеф Ага также использует в своей хронике термин «тугар» в аналогичном смысле: он говорит об Османской империи, сообщая, что «Великая царица Екатерина ... дважды вела войну с царем Тугара и оба раза победила...»¹⁶. Термин «Йишмаэль» он употребляет в двух значениях: в большинстве случаев – в отношении мусульман в целом, иногда даже подчеркивая религиозный аспект этого этнонима. Например, рассказывая о засухе в Крыму, он сообщает, что для того чтобы вызвать дожди, евреи постились, а «христиане и йишмаэлим молились каждый по своему обычаю»¹⁷. Вместе с тем, в некоторых случаях он использует

¹⁵ Список различных событий (Крым), РНБ II А, № 1681. Речь идет, судя по всему, о венской битве 12.10. 1683, между османами и Священной лигой (поэтому хронист называет их «ромеи», как чаще всего называются католики в традиционных еврейских текстах), включавшей венский гарнизон, а также подразделения немецкого и польско-литовского подкрепления, под командованием польского короля Яна III Собеского (1674–1696).

¹⁶ См. прим. 5, 1v.

¹⁷ Там же, 4v.

его и в отношении Османской империи, например: «...налог будет взиматься в Константинополе и прочих городах Йишмаэля с русских торговцев...»¹⁸.

Крымские хронисты иногда упоминают конкретные татарские кланы. Азария несколько раз указывает на кланы Ширин и Мансур, как наиболее лояльные Шагин-Гирею группы в Крымском ханстве (однако, со временем также отвернувшиеся от него вследствие его реформ, ослабивших экономически и политически эти кланы). У Лехно мы находим, также, этноним «ногай/лы»: «... он [Менгли-Гирей-хан] расположился лагерем во всех городах и селах в районах кочевий ногайлы, и «*наполнилась ими земля*» (Исх 1:7)» [21, с. 218].

Йосеф Ага упоминает «народ ногаев», в контексте налогообложения новой российской администрацией всех групп населения, а также в других контекстах, отдельно от татар. Для всех этих крымских еврейских авторов характерно, что они отличают ногаев от татар, как некую отдельную этническую общность.

Анализ еврейских текстов показывает, что несмотря на наличие распространенных паттернов использования рассмотренных терминов в отношении групп мусульманского населения, включая татар и турок, в некоторых случаях их употребление может быть непоследовательным.

Важно подчеркнуть, что этнонимы представляют собой не только языковые явления, но могут отражать также определенные культурные представления тех, кто их создает и использует, как например отрицательная коннотация в термине «тартары», созданным христианами. Однако, укоренившись позднее в текстах на иврите, этот же самый этноним не несет в себе аналогичной коннотации. Также, употребление библейских этнонимов в отношении современных авторам народов не содержит в себе определенной коннотации, но отражает специфическое традиционное еврейское видение мира, в котором все определяется через библейские понятия и концепции.

В других случаях, используемый этноним наделяется автором специфической коннотацией под влиянием каких-либо исторических событий и процессов и отражает особый взгляд автора на происходящее. Это явление мы наблюдаем, например, в случае употребления Азарией термина «кара татары», где данное словосочетание, обозначающее в татарском языке социальную группу, принимает у автора уничижительный смысл в контексте конкретных политических событий.

Таким образом, исследование этнонимов в отношении татар и некоторых других групп мусульманского населения в еврейских источниках раскрывает перед нами более широкую картину, чем просто фиксирование подборки слов. Во многих случаях оно демонстрирует некоторые культурные и религиозные концепции, понимание географии, исторических событий и межэтнических отношений в восприятии авторов рассмотренных текстов, и в определенной степени – в картине мира их ближайшего окружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. М.-Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2015. 243 с.
2. Веселов Ф.Н. Апокалипсис XIII в.: первое столкновение русских с монголами сквозь призму средневекового миропонимания // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 256–283. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.256-283
3. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература РАН, 2009. 304 с.

¹⁸ Там же, 10г.

4. Зеленина Г. (ред.). Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры 2004. 332 с.
5. Измайлов И.Л. Социальная структура Улуса Джучи и тюрко-татарских ханств по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 317–334. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334 EDN: GWPNSO.
6. Кизилов М. Крымчаки: обзор истории общины // Евреи Кавказа, Грузии и Центральной Азии: исследования по истории, социологии и культуре. Под ред. Г. Ахиезер, Р. Эноха и С. Вайнштейна. Ариэль: Ариэльский Университет. Институт по изучению еврейских общин Кавказа и Центральной Азии, 2014. С. 218–237.
7. Матузова В.И. (пер. и ред.) Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. 268 с.
8. Смирнов В. Д. Ханский ярлык // Караимская жизнь, 1912. № 10–11. С. 57–58.
9. Фиркович З. А. Сборник старинных грамот и узаконений касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890. 223 с.
10. Хаутала Р. От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
11. Шастина Н.П. (ред.). Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
12. Штаммфер Ш. История обращения хазар а иудаизм: новый взгляд на старую проблему // Евреи Кавказа, Грузии и Центральной Азии: исследования по истории, социологии и культуре. Под ред. Г. Ахиезер, Р. Эноха и С. Вайнштейна. Ариэль: Ариэльский Университет. Институт по изучению еврейских общин Кавказа и Центральной Азии, 2014. С. 173–211.
13. Abulafia A. *Otzar 'Eden Ganuz*, Amnon Gross (ed.), Jerusalem, 2000. 378 p.
14. Aescoly A.Z. Even-Shmuel Y. (eds.), Idel M. (intr.). *Jewish Messianic Movements*, 2nd ed. Jerusalem: Mosad Bialik, 1987. Pp. 212–214 (In Hebrew)
15. Afendopolo C. *Patshegen ktav ha-dat*. Ramle, 1977. 149 p. (In Hebrew)
16. Akhiezer G. “Hebrew Manuscripts and Scribes in the Crimean Golden Horde (Solkhath)”. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 72, No. 3 (2019). Pp. 333–354.
17. Akhiezer G. *Historical Consciousness, Haskalah, and Nationalism among the Karaites of Eastern Europe*. Leiden – Boston: Brill, 2018, pp. 165–179.
18. Akhiezer G. The Events Which Occurred during the Reign of Şahin Giray Khan: The Historical Chronicle of the 18th Century by Rabbi Azariah ben Eliya the Karaite from the Crimea. *Qoveş 'al-Yad* 20.30 (2011), pp. 281–385 (In Hebrew)
19. Amitai R. “Mongol Raids into Palestine (AD 1260 and 1300).” *Journal of the Royal Asiatic Society* 119.2 (1987), pp. 236–255.
20. Ben-Dor Z., *The Ten Lost Tribes: A World history*, Oxford: Oxford University Press, 2009. ix + 302 p.
21. Ben-Naeh Y., Shapira D., and Tutian A. *Debar Şepatayim: An Ottoman Hebrew Chronicle from the Crimea (1683–1730). Written by Krymchak Rabbi David Lekhno*, Boston: Academic Studies Press, 2021. 262 p.
22. Boyle J.A. *The Mongol World Enterprise, 1206–1370*. London: Variorum, 1977.
23. Gökbilgin Ö. *Tarih-i Sahib Giray Han*. Ankara: Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1973. 313 p.
24. Golden P. Qıpçaq. Ed. by Demir N., Karakoç B., Menz A. *Turkology and Linguistics: Éva Á. Csató Festschrift*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014, p. 183–203.
25. Fisher A., *The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783*, Cambridge: University Press 1970. xvi+180 p.
26. Fisher A. *The Crimean Tatars*, Stanford 1978. 264 p.

27. Idel M. “Mongol Invasions and Astrology: Two Sources of Apocalyptic Elements in 13th Century Kabbalah,” *Hispania Judaica Bulletin* 10,1 (Jerusalem 2014), 145–168, esp. 147.
28. Jackson P. *Mongols and the West 1221–1410*. London: Routledge, 2018. 426 p.
29. Ohanna-Arom N. “Hebrew sources”, in Michal Biran and Hodong Kim (eds.). *The Cambridge History of the Mongol Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. Vol. 2, pp. 1261–1272.
30. Polliack M. (ed.) *Karaite Judaism: A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden – Boston: Brill, 2003. 981 p.
31. Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources // *Золотоордынское обозрение*. 2019. Т. 7, №3. С. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567
32. Pritsak O. “Das Karaimische”, *Philologiae Turcicae Fundamentae*, ediderunt Jean Deny et al., vol. I, Aquis Mattiacis apud Franciscum Steiner, Wiesbaden 1959, pp. 318–340.
33. Rachewiltz Igor, *The Secret History of the Mongols*, Leiden – Boston: Brill, vol. 1, 2006; 2 vols. 1346 p.
34. Spuler B. *Die goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Leipzig: O. Harrassowitz 1943. xvi + 556 p.

REFERENCES

1. Akhiezer G. The Conquest of the Crimea by the Russian Empire through the Eyes of Karaite Chroniclers. Moscow-Jerusalem: Gesharim, 2015 (In Russian)
2. Veselov F.N. Apocalypse of the Thirteenth Century: the First Russian Encounter with the Mongols through the Prism of the Medieval Mind. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 256–283. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.256-283 (In Russian)
3. Zaitsev I.V. Crimean Historiographical Tradition of the 15th – 19th Centuries: Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. 304 p. (In Russian)
4. Zelenina G. (ed.). Three Jewish travellers. Moscow: Mosty kultury 2004. 332 p. (In Russian)
5. Izmailov I.L. The social structure of Ulus of Jochi and Turkic-Tatar khanates according to materials of “Jami al-tawarikh” by Kadyr Ali-bek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 317–334. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334 (In Russian)
6. Kizilov M. “The Krymchaks: Survey of the History of the Community.” In: G. Akhiezer, R. Enoch and S. Weinstein (eds.), *Studies in Caucasian, Georgian, and Bukharan Jewry: Historical, Sociological, and Cultural Aspects*. Ariel University: The Institute for Research of Jewish Communities of the Caucasus and Central Asia, Ariel: Ariel University 2014, pp. 218–237 (In Russian)
7. Matuzova V.I. (transl. and ed.). *English medieval sources 9th–13th centuries*. Moscow: Nauka 1979. 268 p. (In Russian)
8. Smirnov V. Khan’s yarliq, *Karaimskaya zhizn’*. 1912, nos. 10–11, pp. 57–58 (In Russian)
9. Firkovich Z.A. Collection of Ancient Documents and Laws of the Russian Empire Regarding the Legal Status of the Russian Karaite Citizens. St. Petersburg, 1890, pp. 62–66. 223 p. (In Russian)
10. Hautala R., From ‘David, the King of Indies’ to ‘Detestable Plebs of Satan’: Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols. Iss. 2, Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)

11. Shastina N.P. (ed.). Travels to the Eastern Lands of Plano Carpini and Rubruc. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoi literatury 1957. 272 p. (In Russian)
12. Stampfer Sh. "A Reexamination of the Story of the Khazar Conversion." In: G. Akhiezer, R. Enoch and S. Weinstein (eds.), Studies in Caucasian, Georgian, and Bukharan Jewry: Historical, Sociological, and Cultural Aspects. Ariel University: The Institute for Research of Jewish Communities of the Caucasus and Central Asia, Ariel: Ariel University 2014 (in Russian), pp. 173–211. 362 p.
13. Abulafia A. Otzar 'Eden Ganuz, Amnon Gross (ed.), Jerusalem 2000, p. 184. 378 p. (In Hebrew)
14. Aescoly A.Z. Even-Shmuel Y. (eds.), Idel M. (intr.). Jewish Messianic Movements, 2nd ed., Jerusalem: Mosad Bialik, 1987, pp. 212–214. 439 p. (In Hebrew)
15. Afendopolo C. Patshegen ktav ha-dat. Ramle 1977. 149 p. (In Hebrew)
16. Akhiezer G. "Hebrew Manuscripts and Scribes in the Crimean Golden Horde (Solkhat)," *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2019, vol. 72, no. 3, pp. 333–354.
17. Akhiezer G. Historical Consciousness, Haskalah, and Nationalism among the Karaites of Eastern Europe. Leiden – Boston: Brill, 2018, pp. 165–179. 369 p.
18. Akhiezer G. "The Events Which Occurred during the Reign of Şahin Giray Khan: The Historical Chronicle of the 18th Century by Rabbi Azariah ben Eliya the Karaite from the Crimea." *Qoveş 'al-Yad*. 2011, vol 20, Iss. 30, pp. 281–385. (In Hebrew)
19. Amitai R. Mongol Raids into Palestine (AD 1260 and 1300). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1987, vol. 119, Iss. 2, pp. 236–255.
20. Ben-Dor Z. The Ten Lost Tribes: A World history, Oxford: Oxford University Press, 2009. 9+302 p.
21. Ben-Naeh Y., Shapira D., and Tutian A. Debar Šepatayim: An Ottoman Hebrew Chronicle from the Crimea (1683–1730). Written by Krymchak Rabbi David Lekhno. Boston: Academic Studies Press, 2021. 262 p.
22. Boyle J.A. The Mongol World Enterprise, 1206–1370. London: Variorum, 1977.
23. Gökbilgin Ö. Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara: Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1973.
24. Golden P. "Qıpçaq". In: Demir N., Karakoç B., Menz A. Turkology and Linguistics: Éva Á. Csató Festschrift. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014, pp. 183–203.
25. Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783. Cambridge: University Press 1970. 16+180 p.
26. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford 1978. 264 p.
27. Idel M. "Mongol Invasions and Astrology: Two Sources of Apocalyptic Elements in 13th Century Kabbalah," *Hispania Judaica Bulletin*. 2014, vol. 10, Iss. 1, pp. 145–168, esp. 147.
28. Jackson P. Mongols and the West 1221–1410. London: Routledge, 2018. 426 p.
29. Ohanna-Arom N. "Hebrew sources", in Michal Biran and Hodong Kim (eds.). The Cambridge History of the Mongol Empire. Vol. 2, Cambridge: Cambridge University Press, 2023, pp. 1261–1272.
30. Polliack M. (ed.). Karaite Judaism: A Guide to Its History and Literary Sources, Leiden – Boston: Brill, 2003. 981 p.
31. Pow S. "Nationes que se Tartaros appellant": An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567
32. Pritsak O. Das Karaimische. Philologiae Turcicae Fundamentae. Vol. 1 Edited by Jean Deny et al., Aquis Mattiacis apud Franciscum Steiner, Wiesbaden, 1959, pp. 318–340.
33. Rachewiltz Igor, The Secret History of the Mongols. In 2 volumes. Vol. 1, Leiden – Boston: Brill, 2006. 1346 p.

34. Spuler B. Die goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502. Leipzig: O. Harrassowitz 1943. 16+556 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голда Ахиезер – Ph.D. (история), профессор отделения еврейской истории, Ариэльский университет (ул. Кирьят-Хамада 3, IL-40700 Ариэль, Израиль); ORCID: 0000-0002-9789-1043. E-mail: agolda@ariel.ac.il

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golda Akhiezer – Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of Jewish History, Ariel University (Kiryat Hamada 3 Str., IL-40700 Ariel, Israel); ORCID: 0000-0002-9789-1043. E-mail agolda@ariel.ac.il

Поступила в редакцию / Received 13.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.03.2025

Принята к публикации / Accepted 29.05.2025

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.475-479>
EDN: YLACGX

УДК 93

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ, БОЛГАР–КАЗАНЬ, 9–11 ИЮНЯ 2025 г.

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiiia@mail.ru*

Резюме. VIII Международный Золотоордынский Форум «Рах Татарига: средневековые источники и исторический контекст» стал ключевым научным событием 2025 года, объединив 151 исследователя из 16 стран. В рамках Форума обсуждались актуальные вопросы изучения истории Золотой Орды, её роли в Евразийском пространстве, военное дело Золотой Орды, проблемы социально-политической истории, а также новые подходы к изучению письменных, археологических и нумизматических источников.

Значимым дополнением к Форуму стала I Международная летняя школа по истории Золотой Орды, которая стала важной коммуникационной и образовательной площадкой. Этот проект успешно объединил опытных исследователей и начинающих специалистов в области тюркологии, медиевистики и источниковедения, создав благоприятные условия для профессионального диалога и обмена знаниями.

Важным политико-научным событием стало заседание совместной рабочей группы историков России и Казахстана. В данном мероприятии приняли участие эксперты из вузов и научных центров, представители исполнительной и законодательной власти, дипломатических служб.

Представленные на Форуме новые научные материалы открывают перспективы для комплексного изучения различных аспектов истории Золотой Орды и татарских ханств – от политических и социальных процессов до культурных и религиозных традиций.

Форум продемонстрировал, что золотоордынское наследие продолжает оставаться темой для новых исследований и открытий, актуальным полем для научных дискуссий и практик как в Российской Федерации, так и в странах ближнего зарубежья.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, средневековые источники, нумизматика, эпиграфика, междисциплинарные исследования, Болгар, Казань

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. VIII Международный Золотоордынский Форум, Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 475–479. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.475-479> EDN: YLACGX

© Гиниятуллина Л.С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

VIII INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM,
BOLGHAR-KAZAN, JUNE 9–11, 2025

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusia@mail.ru*

Abstract. The VIII International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context" emerged as a landmark academic event in 2025, bringing together 151 researchers from 16 countries. The Forum served as a platform for in-depth discussions on current issues in the study of the Golden Horde, its role within the Eurasian historical landscape, military affairs, socio-political problems, and new approaches to analyzing written, archaeological, and numismatic sources.

A notable extension of the Forum was the I International Summer School on the Golden Horde History, which provided a dynamic space for communication and education. This project successfully connected experienced scholars and early-career researchers in Turkic studies, medieval history, and source criticism, fostering a productive environment for scholarly exchange and collaboration.

A significant politico-academic event held in parallel was the session of the Joint Working Group of Historians of Russia and Kazakhstan, which included participants from universities and research institutions, as well as representatives of executive and legislative authorities and diplomatic services.

The newly presented research materials at the Forum offer promising prospects for a comprehensive study of various facets of the Golden Horde and Tatar khanates – from political and social developments to cultural and religious traditions.

The Forum reaffirmed that the Golden Horde legacy remains a fertile ground for new discoveries, interdisciplinary research, and academic dialogue, both in the Russian Federation and near abroad.

Keywords: Golden Horde, Ulus of Jochi, medieval sources, numismatics, epigraphy, interdisciplinary research, Bolghar, Kazan

For citation: Giniyatullina L.S. VIII International Golden Horde Forum, Bolghar–Kazan, June 9–11, 2025. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 475–479. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.475-479> (In Russian)

VIII Международный Золотоордынский Форум «Pax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», организованный Академией наук Республики Татарстан, Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Болгарской исламской академией, прошел с 9 по 11 июня 2025 г. в Болгаре и Казани. Форум собрал учёных из России, Канады, Китая, Турции, Казахстана, Японии, Марокко, Египта и других стран – всего 151 исследователя из 16 стран¹.

На пленарном заседании 9 июня 2025 г. в историческом комплексе Болгарской исламской академии с приветственными словами выступили: президент Академии наук Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов, директор Института всеобщей истории РАН М.А. Липкин, ректор Болгарской исламской академии Ф.Г. Хус-

¹ См. Программу VIII Международного Золотоордынского Форума: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/program_MZF2025.pdf

нутдинов, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан профессор Е.А. Абиль.

На научной сессии пленарного заседания были представлены доклады, существенно расширившие современные представления о золотоордынской истории. Значительный научный интерес вызвали выступления И.Л. Измайлова (Казань), обосновавшего статус города Болгара, как первой столицы Золотой Орды (Улуса Джучи) на основе комплексного изучения историко-археологических материалов, И.М. Миргалеева (Казань, РФ), рассказавшего о новых исследованиях османских исторических хроник, как важного источника по истории Золотой Орды, Ж.М. Сабитова (Астана, Казахстан), предложившего системный подход к анализу генеалогических источников, касающихся Чингизидов, что открывает новые перспективы для изучения династической истории, Р.Ю. Почекаева (Санкт-Петербург, РФ), представившего новые аспекты компаративистских исследований, позволяющих уточнить правовой статус и функциональные обязанности института баскачества, Г.А. Маргаряна (Ереван, Армения), исследовавшего эволюцию термина «татары» в армянских средневековых источниках; И. Кемалоглу (Стамбул, Турция), осветившего практику династических браков между византийскими императорскими фамилиями и представителями рода Чингизидов.

Все эти исследования продемонстрировали важность междисциплинарного подхода и необходимость учета разнообразных исторических традиций при изучении золотоордынского наследия [1].

В тот же день началась работа конференции «Золотая Орда: исторические источники и современные исследовательские подходы», которая была организована по тематическим секциям и продолжилась в Казани 10 июня. Особое внимание участников привлекли источниковедческие исследования, поскольку анализ новых документальных и археологических материалов позволяет по-новому осветить ключевые аспекты развития золотоордынской цивилизации – от политического устройства и социальных отношений до культурных традиций и религиозной жизни государства и его наследников.

Доклады участников из России, Казахстана, Турции, Китая, Марокко, Египта, Ирана, Болгарии, Канады, Франции, Японии представили новые источники и возможности анализа китайских, арабских и западноевропейских источников, в той или иной степени раскрывающих историю Золотой Орды. Особо следует выделить исследования: Ихао Цю (Шанхай, Китай) о социальной эволюции кочевых обществ в представлениях китайских хроник, Хамида Лахмара (Фес, Марокко) о представлениях мусульманских путешественников о географии Золотой Орде, Самии Хассан Осман Хассан (Каир, Египет) о моделях развития искусства в Золотой Орде и Мамлюкском Египте, Хайруннисы Алан (Стамбул, Турция) о Джучидах в генеалогиях, подготовленных в дворцовых канцеляриях Тимуридов и Великих Моголов, Атика Кубилая (Турция) о Золотой Орде как субъекте международных отношений, Радмана Расули Мехрабани (Тегеран, Иран) о влиянии суфийской литературы на поэзию Кул Гали, Р.Т. Ганиева (Екатеринбург, РФ) о татарах в китайских исторических хрониках V–XIV вв. и др.

Все доклады были встречены с большим интересом, вызвав много вопросов и обсуждений. Широкий круг новых материалов и интерпретация уже известных источников показывает, что круг источников о Золотой Орде далеко еще не исчерпан, а анализ их находится еще только в начальной стадии. Новые комплексные исследования способны расширить наши представления о политической, хозяйственной и культурной жизни Улуса Джучи, его военно-политических и культурных связях с другими странами [1].

11 июня состоялось заседание нескольких научных секций, которые были посвящены отдельным аспектам большой темы всестороннего изучения Золотой Орды. На продолжающейся сессии «Золотая Орда: исторические источники и новые подходы к их изучению» выступили с анализом новых источников: А.А. Горский (ИРИ, Москва) о титулатуре правителей Золотой Орды в русских источниках, Е.В. Литовских (ИВИ, Москва) о «государстве татар» в исландских рыцарских сагах, Ю.И. Дробышев (ИБ, Москва) об эволюции в историографии представлений о причинах возникновения Монгольской империи, А.А. Майоров (Орел) о золотоордынских истоках образования Елецкого княжества, С.В. Полехов (РАНХиГС, Москва) о восточной политике великого Литовского князя Витовта, Уланбек Калмурза уулу (Бишкек) об особенностях фикха в Улусе Джучи, А.И. Филюшкин (СПбГУ, Санкт-Петербург) о понятиях и терминах посольской документации стран Восточной Европы после распада Золотой Орды, Б.А. Алимджанов об особенностях исторической политики в Узбекистане и другие исследователи.

На секции «Нумизматика и эпиграфика Золотой Орды и татарских ханств: новые данные» были заслушаны выступления П.Н. Петрова (Казахстан) о проблемах изучения золотоордынской нумизматики Присырдарьинского региона, Л.Б. Добромислова (Тамбов) о необычной монете хана Токтамыша с символом веры, И.В. Евстратов (Волгоград) о происхождении и устройстве денежной системы Улуса Джучи; А.М. Маммадовой о монетах Джучидов как факте средневековых торговых связей Азербайджана и других специалистов.

С 5 по 12 июня 2025 года в Болгаре и Казани успешно прошла I Международная летняя школа по истории Золотой Орды. В образовательной программе приняли участие 34 молодых исследователя из различных регионов России (Казань, Саратов, Самара, Уфа, Чебоксары, Воронеж, Санкт-Петербург) и зарубежных стран (Турция, Казахстан). Целью этой школы было познакомить молодых ученых с новыми открытиями, достижениями и проблемами изучения Улуса Джучи, показать успехи и новые подходы к решению старых проблем, сформировать новое видение истории Золотой Орды и всей Северной Евразии.

Образовательная программа включала 15 специализированных лекций. Среди 12 приглашенных лекторов были ведущие специалисты из России, Казахстана и Кыргызстана: И.М. Миргалеев, Л.Ф. Байбулатова, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Гибадуллин, И.Л. Измайлов, Д.Г. Мухаметшин, Р.Ю. Почекаев, Ж.М. Сабитов, Уланбек Калмурза уулу, М.С. Гатин, М.М. Акчурун. Слушатели Летней школы стали полноценными участниками Золотоордынского Форума благодаря участию в Круглом столе «Источники о Золотой Орде: многообразие и единство», где они представили свои исследования.

В рамках VIII Международного Золотоордынского Форума 9 июня в музейно-выставочном комплексе «Памятный знак в честь принятия Ислама волжскими булгарами в 922 году» (г. Болгар) состоялось заседание совместной рабочей группы историков Российской Федерации и Республики Казахстан (СРГ) по теме «Историко-культурное наследие золотоордынской цивилизации в контексте научных исследований российских и казахстанских историков». В ходе заседания М.А. Липкин (ИВИ РАН, Москва) осветил основные направления деятельности совместной рабочей группы, подчеркнув важность российско-казахстанского сотрудничества в изучении золотоордынского наследия. Продолжая эту тему, Е.А. Абиль (депутат Мажилиса Парламента РК, Астана) проанализировал место Золотой Орды в коммеморативной политике современного Казахстана, отметив плодотворность контактов между историками двух стран.

Заседания СРГ продолжились 10 июня в Казани в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, во время которых продолжился обмен мнениями и достижениями историков России и Казахстана. Завершением этих обсуждений стала рабочая встреча участников в Академии наук Республики Татарстан, где прошла содержательная дискуссия между представителями научного сообщества России и Казахстана, на которой присутствовал президент АН РТ Р.Н. Минниханов, который во вступительном слове подчеркнул значимость работы совместной группы историков для сохранения общего историко-культурного наследия, отметил важность развития двустороннего научного сотрудничества и укрепления академических связей между странами.

VIII Международный Золотоордынский Форум «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст» стал важным этапом в развитии научного сотрудничества между историками разных стран, способствуя сохранению и изучению общего историко-культурного наследия, он подтвердил важность изучения Золотой Орды как ключевого звена средневековой Евразии. Форум способствовал консолидации научного сообщества в понимании важности научного диалога ради укрепления научного сотрудничества, открыл новые перспективы для успешного изучения золотоордынского наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025. 476 с., ил. <https://doi.org/10.22378/978-5-94981-405-5.2025>

REFERENCES

1. Golden Horde Legacy: Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”, Bolghar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 476 p., with illustrations. <https://doi.org/10.22378/978-5-94981-405-5.2025> (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.06.2025

Принята к публикации / Accepted 16.06.2025

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: фрагмент карты М.Вальдземюллера 1516 г. с миниатюрой крымского
хана (подробнее см. статью И.К.Фоменко в настоящем номере журнала)

On the cover: fragment of the Martin Waldseemüller map of 1516 with a miniature of the
Crimean Khan (for more details, see the article by I.K.Fomenko in this issue of the journal)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2025. Т. 13, №2

GOLDEN HORDE REVIEW. 2025, vol. 13, no. 2

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 27.06.2025 г. Дата выхода в свет 02.07.2025 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,5 Тираж 200 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>